4
Р-17
16/81

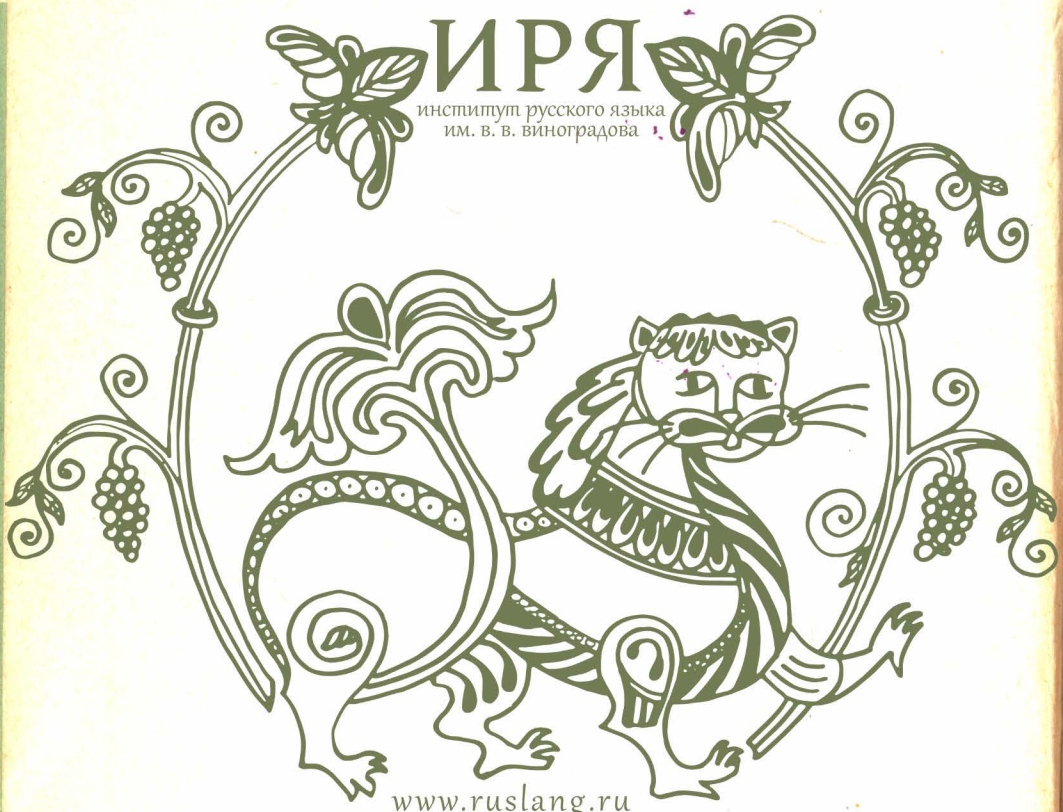
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РАЗВИТИЕ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Ря- сокр.—обиц ?

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

59787

4
Р-17
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
59787

Под редакцией

И. П. МУЧНИКА и М. В. ПАНОВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РАЗВИТИЕ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

ОТ РЕДАКЦИИ

В связи с разработкой проблемы «Русский язык и советское общество» Институт русского языка Академии наук СССР издает сборники статей, посвященных проблемам развития современного русского языка.

Задачи и принципы, которым подчинены эти публикации, вкратце изложены в редакционной статье к предыдущему сборнику, вышедшему в свет в 1963 г.[1], с которым настоящая книга сохраняет преемственную связь.

Центральной задачей издаваемых сборников является описание и истолкование разнообразных сдвигов в системе русского языка с целью выяснения сложного механизма взаимодействия внешних и внутренних факторов эволюции языка в советском обществе.

Статьи этого сборника объединяются общим стремлением всех авторов осветить некоторые внутренние закономерности в лексическом и грамматическом развитии современного русского языка, проследить воздействие на эти закономерности новой социальной действительности, описать наиболее продуктивные языковые модели.

Редакция благодарит Е. А. Земскую и С. И. Ожегова, сделавших ряд полезных замечаний.

---

[1] «Развитие современного русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 3—4; см. также: «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962.

Д. Н. Шмелев

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Хорошо известно, что именно в лексико-семантической сфере языка наиболее заметно отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества. Появление новых понятий, предметов, учреждений и т. д. обусловливает возникновение новых слов или новых значений у ряда слов, многие из которых становятся достоянием общелитературного языка.

Вместе с тем в языке отмечаются внутренние процессы, которыми определяется исчезновение некоторых отдельных слов (или их значений) и замена их другими обозначениями, а также приобретение словами новых значений. Поэтому существенным для определения тенденций развития лексико-семантической системы языка является рассмотрение и тех фактов, которые, не свидетельствуя об образовании новых значений (или окончательном вытеснении каких-то значений), отражают, однако, определенные сдвиги в употреблении и сочетаемости слов, которые в известных условиях могли бы привести к изменению значений этих слов. В нормированном (литературном) языке подобные изменения часто становятся невозможными. Однако рассмотрение самих этих фактов речи интересно как с точки зрения исследования нормирующего воздействия общества на речевую практику, так и с точки зрения выявления внутренних процессов языка в целом.

Разграничение внутренних (*языковых*) и *внеязыковых* причин семантических изменений чрезвычайно важно для уяснения характера этих изменений. Вместе с тем следует подчеркнуть, что понятие причинности не является здесь однородным. В самом языке как системе *нет необходимости* инноваций; но для разных его элементов *неодинакова возможность* замен и изменений. Относительно меньшая закрепленность определенных элементов языка, обусловленная внутриязыковыми отношениями, и рассматривается как «языковая причина» изменения, в то время как социальные условия упо-

требления языка, определяющие конкретный характер этого изменения, выступают как его «внеязыковые причины».

Так, самый тип значения слова, определяемый по характеру образующих данное значение семантических признаков, в какой-то мере обусловливает возможность переноса наименования и его общую направленность, в то время как конкретный характер этого переноса зависит от потребности общества в тех или иных обозначениях.

Например, имена существительные, лишенные прямой предметной соотнесенности, по-видимому, легче поддаются переносу, свободному от эмоциональных моментов. Ср. развитие новых значений у ряда математических и других терминов, таких, как *единица*, *точка*, *линия*, *круг*, *сфера*, *треугольник*, *плоскость*, *площадь*, *мощность* и т. п., значение которых может быть охарактеризовано без ссылок на конкретные предметы; самое же появление у них новых значений обусловлено, например, в ряде случаев необходимостью использования обобщенно-родовых обозначений: «ввод новых мощностей», «единицы оборудования», «штатные единицы», «строительные точки», «линия передачи» и т. д.

Сложное соотношение между языковыми и внеязыковыми факторами семантических изменений обнаруживается в случаях, которые рассматриваются как перенесения наименований по сходству признаков, по сходству функций и по смежности. В самом деле, сходство или смежность являются здесь, конечно, сходством или смежностью самих предметов и явлений действительности, обозначаемых словами. Однако далеко не всякое такое сходство делает возможным перенесение названия на другой предмет (или явление). Для этого, по-видимому, должны существовать и многие собственно языковые условия, включая употребительность слова, особенности его семантической структуры, соотношение с другими словами, стилистическую окраску и т. д. Например, издавна закрепленное в языке уподобление движения по воздуху движению по воде («месяц плывет», «потонул в вышине» и т. п.) обусловило легкость перенесения названий кораблей и т. д. на воздушные средства передвижения: *космический корабль*, *лайнер*, ср. *штурман*, *военно-воздушный флот* и под.; ср. также специальное обозначение *воздухоплавание* (и *воздухоплаватель*).

Соотношение между различными значениями многозначного слова в известной степени определяется внешними по отношению к языку моментами. Следует отметить тот факт, что целый ряд слов выдвинул на первый план (по крайней мере в ведущих жанрах общелитературного языка) свои переносные значения, в то время как их употребление в прямых, или первоначальных, значениях иногда сузилось. Это произошло в результате уменьшения в жизни общества роли самих тех предметов или явле-

ний, которые обозначались прямыми значениями этих слов, или в связи с приобретением этими словами таких переносных значений, которые, будучи отвлеченными и широкими, стали сочетаться со словами из различных областей жизни.

Ср. употребление в современной речи таких слов, как *очаг, звено, сфера, шаг, узел, сеть* и т. д. в такого рода словосочетаниях: *очаг агрессии, во всех звеньях плановых органов, сфера влияния, детали и узлы машин, свести к минимуму практические шаги* и т. п.

Некоторые из слов с подобными отвлеченными значениями все активнее употребляются для выражения разного рода отношений между предметами и явлениями, обозначенными другими словами. В связи с этим их функция в предложении становится близкой к функции предлогов, союзов. Ср. такое употребление слов *сфера, лицо, дух, мера* и т. п.: *перед лицом военной угрозы, в сфере распределения материальных благ, со стороны общества, в расчете на массового потребителя, в духе взаимопонимания, по мере того как, в связи с тем, что* и т. п.

Естественно, что активное развитие у слова переносных — отвлеченных и широких — значений, изменяет его семантическую структуру. Переносные значения слов *очаг, сфера, узел, звено* и т. д. могут быть охарактеризованы как таковые только с исторической точки зрения. Для современных носителей языка, особенно для принадлежащих к тому поколению, к тем слоям общества, которые, например, никогда не встречались с очагом (в его первичном значении) в своей практической жизни, но которые слышат об очаге беспокойства, об очаге инфекции и т. п., которым редко приходится говорить о звеньях реальной цепи, но гораздо чаще о лётном звене, о звене в бригаде (ср. *звеньевой, звеньевая*), о звеньях управления, о техническом звене, о важных звеньях и т. п.— переносные и вторичные (с исторической точки зрения) значения этих слов становятся (или приближаются к тому, чтобы стать) основными.

Когда вторичное, переносное значение слова становится доминирующим в речевой практике, уже его первоначальное значение нуждается в каком-то специальном определении (в широком смысле).

Например: Товарищ Неклепаев по профессии был *лакировщиком*. Нет, он не занимался литературой: он наводил блеск на стулья, шкафы, кровати и прочие мебельные изделия (Б. Привалов, Трава трын).

Среди внеязыковых факторов семантических изменений, происходящих в русском литературном языке послеоктябрьской эпохи, могут быть выделены следующие.

1. Изменения в явлениях внеязыковой действительности. Сюда относятся изменения: а) в области производства, техники, науки и т. д.; б) в сфере производствен-

ных отношений, общественно-административных институтов; в) в сфере идеологии.

Новые формы общественно-политической жизни после Октябрьской революции, обусловившие появление новых понятий, отразились на применении целого ряда слов, приобретших неизвестные им прежде значения или оттенки значений. Вовлечение трудящихся в дела, связанные с управлением государством, организацией производства, общественным контролем, сопровождалось изменением семантики таких слов, как *сознательный, идейный, подкованный, сигнал, маяк, передовик, новатор, вахта, соревнование, перекличка* и т. д.

Например, в повести П. Нилина «Жестокость», в которой изображены события начала 20-х годов, находим такое пояснение к слову *сознательный*: Это слово «сознательный» было в те годы в большом ходу. Им как бы награждали человека. Сознательный — значит, понимающий, осознающий, с какими трудностями связано построение нового мира, и готовый пойти на любые жертвы в преодолении трудностей.

Ср. современное употребление слова *сознательность*, иллюстрируемое такого рода примерами:— Да никто тебя не гонит. Тебя просят, братец.— А откажусь — небось против воли пошлете? — Пошлю, голубчик, пошлю, но бью на *сознательность*. Хочу, чтоб прочувствовал (В. Тендряков, Ухабы);— Начитались газет и показывают *сознательность* (А. Адамов, Последний «бизнес») — и применение этого слова в прошлом столетии: Слишком рано пробуждается в нас *сознательность*; слишком рано начинаем мы наблюдать за самими собою... (И. С. Тургенев, рассказ «Переписка») и т. п.

Уничтожение социальных сословий и привилегий вызвало не только выпадение из активного словаря целого ряда соответствующих наименований, но и переосмысление некоторых из них применительно к новым явлениям действительности. Так, существительное *вельможа* в современном словоупотреблении служит для обозначения высокомерного самонадеянного руководителя; *знатный* вместо значения 'принадлежащий к аристократии, к знати' употребляется в значении 'известный, выдающийся по своей деятельности' (*знатный сталевар, знатный новатор* и т. п.); *династия* ('ряд последовательно правящих монархов из одного и того же рода', как определяется это слово, например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова) все чаще применяется как обозначение представителей разных поколений из одной семьи, одного рода, выполняющих ту же работу, имеющих ту же профессию (*рабочая династия* и т. п.); *благородный, мещанин*, утратив характер сословных обозначений, закрепились в качестве морально-оценочных слов и т. д.

2. Изменения в составе носителей литературного языка. В этой связи необходимо отметить и появление

новых путей приобщения широких масс говорящих к литературной речи (роль газеты, радио, собраний и др.), а также их влияние на нее.

Одним из следствий резкого количественного увеличения носителей литературного языка явилось стирание стилистических и экспрессивных граней некоторых слов. Ср. нейтрализацию стилистической противопоставленности ряда слов, относящихся к «высокой» и разговорной лексике, в некоторых видах деловой речи и т. п.

3. Изменения в составе и функциях самого общелитературного языка. Как на существенный фактор этих изменений следует указать на резкое увеличение удельного веса специальной производственной тематики в прессе, также и в художественной литературе.

Наряду с распространением специальных терминов в течение некоторого времени после революции наблюдалось особенно интенсивное введение в литературу ряда «профессионализмов» (слов, имеющих хождение среди представителей определенных профессий в качестве синонимов к общеупотребительным словам), диалектных и просторечных элементов лексики.

Экспансия жаргонных и профессиональных (не специальных) слов встречает в настоящее время сильный отпор со стороны значительной части носителей языка. Поэтому крайне немногочисленны случаи проникновения подобных слов в общелитературный язык. За исключением фельетонов, где их употребление a priori санкционируется, они почти не проникают в «серьезные» жанры письменной речи. Даже их отражение в художественной литературе воспринимается иногда как посягательство на «чистоту языка» (ср., например, отклики на повесть В. Аксенова «Звездный билет» и т. п.). Несколько свободнее включаются в речь, ориентированную на «правильность», слова и выражения, получившие лишь некоторое семантическое видоизменение в профессионально-жаргонном употреблении, но не оторвавшиеся при этом от своего первоначального «смыслового стержня». Ср., например, употребление слов *координаты* (в значении 'местонахождение'), *вариант* (в значениях 'возможность', 'предложение', 'план'). Например:— Заехал бы хоть внука посмотреть, если жить со мной не хочешь. Вот мои координаты,— и Николай написал адрес (С. Антонов, Дедушка); ...«писатель» взял у них тридцать пять тысяч рублей на покупку автомашин, по рассеянности забыв сообщить свои московские координаты (А. Суконцев, И. Шатуновский, Чародей без паспорта); ...Пошли в пельменную, там посидим, а потом у меня есть один вариант...— Олег многообещающе ухмыльнулся и подмигнул (Н. Дубов, Жесткая проба); ...А почему обращаться непременно к соседям? Что если обратиться к Наташе? — Вот это вариант!— обрадовался Валера (В. Добровольский, Угловая комната) и т. п.

Нетрудно заметить, что вообще в ряде случаев употребление слова в переносных значениях (с сохранением яркой внутренней образности) ограничивается разговорной речью, не приобретая права «литературности» (*загорать, голосовать, дикий* и т. п.). При воспроизведении этих слов (в переносных значениях) в письменной речи их часто берут в кавычки, чем как бы отмечается оказиальность их значений.

Довольно значительное количество слов, имеющих (помимо «общелитературных») специальные значения, образовало именно на основе последних серии экспрессивных синонимов (*рубать, вкалывать, накладка, накачка, пропесочить*).

Подобные образования обычно ограничены сферой фамильярной речи. Некоторые из них, однако, возникли и в недрах деловой речи: *профиль* (ср. *специалист широкого профиля*), *сигнал, номенклатура, оснастить* и др. Следует заметить, что в составе последней в наше время закрепился в расширенно-метафорическом значении и ряд слов, пришедших непосредственно из бытовой лексики: *увязывать* (ср. *неувязка*), *семейственность, подкованный, волокита, зажим, дутый, перегиб* (ср. *перегибщик*) и т. п. Может быть, стремление к преодолению «канцеляризмов» официального языка, стремление к его большей непринужденности, естественности и в то же время выразительности явилось причиной введения в него подобной лексики. Ср. употребление слова *подсказать* (в значении 'посоветовать') или слова *разговор* (в значении 'обсуждение, дискуссия'), например: *Разговор* огромной важности о путях и судьбах нашего изобразительного искусства был начат во время посещения выставки 30-летия МОСХа руководителями партии и правительства. *Разговор* этот уже продолжен и будет продолжен в нашей художественной среде, на страницах газет и журналов. Что мне кажется особенно важным в этом *разговоре*?... («Лит. газета», 5 дек. 1962 г.); Обсуждение рассказов Ю. Яковлева вылилось в серьезный творческий *разговор* о работе литератора. Подобные обсуждения следует всячески приветствовать («Веч. Москва», 15 дек. 1962 г.) и т. п.

Любопытно отметить происшедшее в данном случае экспрессивно-семантическое размежевание форм ед. и мн. числа существительного: форма мн. числа *разговоры* закрепляется в речи с отпечатком отрицательной оценки, в то время как форма ед. числа, как можно видеть из приведенных и многих других примеров, подобной оценки никак не заключает в себе. Показательно сопоставление этих форм в одном тексте. Так, в корреспонденции о литературном обсуждении, опубликованной в «Литературной газете», приводятся слова из выступления С. Михалкова: «Мы тратим больше времени на *разговоры* о сатире, чем на создание самих произведений». Следующий абзац начинается так: «*Разговор* о комедии продолжил Г. Мдивани, обеспокоен-

ный тем, что наша кинодраматургия идет по зыбкому пути бессюжетности».

Для современной деловой и газетной речи, как кажется, характерна своеобразная стилистическая нейтрализация ряда слов, относимых к «разговорной» и «высокой» лексике, основанная на их непротивопоставленном (стилистически) сочетании.

Ср. сочетания типа *пойти по пути сокрытия и замазывания недостатков, возгордиться и зазнаться* и под. Однако, «нейтрализуясь» в составе деловой речи, некоторые из этих слов приобретают в общем языке явный стилистический отпечаток именно «официальных» терминов и как таковые таят в себе опасность выступить в качестве неких маскирующих (существо дела) канцеляризмов. Тогда они воспринимаются как семантически опустошенные штампы, ср.: Ермаков по себе знал, как тяжела была ларионовская опека. Но кой-кто открыл в ней удобные стороны и быстро научился по всякому поводу «ставить в известность», «спрашивать совета», «увязывать вопрос», или, говоря русским языком, перекладывать ответственность со своих на чужие плечи (Г. Бакланов, В Снегирях).

В семасиологических исследованиях отмечался тот факт, что во многих случаях «перенесение наименований» охватывает в первую очередь те слои лексики, которые в данный исторический момент соотнесены с наиболее актуальными для общества реальными явлениями. Борьба на фронтах гражданской войны сменилась в начале 20-х годов не менее актуальной борьбой за разрешение экономических и культурных трудностей. Многие первоначально «военные» термины прочно закрепились в общелитературном языке в «расширенном» переносном значении [1]. Ср.: *армия учителей, занять позицию, фронт строительства, командир производства, сержанты индустрии, технически перевооружить, идейно разоружиться, взять на вооружение, мобилизовать резервы, торпедировать переговоры, эвакуировать технику* (из котлована перед затоплением) и т. п. Ср. также: В литейном цехе немало представителей старой рабочей *гвардии*, людей, которые трудятся здесь более двадцати-тридцати лет... Большие трудовые юбилеи заводских *ветеранов* — это не только личное торжество («Веч. Москва», 4 июня 1962 г.); *Рейды* наших писательских бригад были весьма плодотворны... Поэтический *десант* возвратился с большими «трофеями»: в областной газете «Ленинское знамя» появилась литературная страница о людях села («Лит-ра и жизнь», 7 дек. 1962 г.); Возможно, именно такое, несколько необычное положение цеха привело к тому, что руководители предприятия не смогли своевременно *подтянуть тылы* и обеспечить новый цех водой для технических нужд («Изв.», 18 янв. 1963 г.); Настало ли время для совместного *штурма*? До-

[1] См.: А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928.

стигла ли современная наука такой степени зрелости, чтобы разобраться в процессе художественного творчества? («Лит. газета», 7 марта 1963 г.); Женсовет завода превратился в такой *штаб*, с которым невозможно не считаться («Правда», 8 марта 1963 г.); Сделано немало, но, увы, нередко теория педагогики давала *осечки*, оказывалась *небоеспособной* («Комс. правда», 14 марта 1963 г.) и под.

Развитие спорта, его роль в жизни широких масс привели к экспансии спортивной номенклатуры: *тяжеловес*, *прийти к финишу*, *передать эстафету*, *второе дыхание*, *нокаутировать*; ср.: Боюсь, что *счет* будет *не в пользу* училищ, а часто даже «*ничейным*»: сколько выпустили — примерно столько же ушло, либо переквалифицировалось («Комс. правда», 4 апр. 1963 г.).

Активизация тех пластов лексики, которые связаны с общественно важными явлениями, демонстрируется также рядом фактов, относящихся к совсем недавнему времени. Освоение целины, выведение на орбиту спутников явилось стимулом переносного употребления соответствующих обозначений, ср.: Мурманск — крупнейший рыбный порт Советского Союза, оплот освоения *океанской целины* на Севере... Северная Атлантика, которую называют «кухней погоды», стала постоянным местом нашего промысла, ареной трудового соревнования покорителей *голубой целины* («Правда», 13 июня 1962 г.); Проблемой разоружения Организация Объединенных Наций занимается уже более 16 лет. Можно сказать, что эта проблема стала проблемой-*спутником* ООН. На *орбиту* этой проблемы выводилось уже немало всякого рода комиссий, комитетов и подкомитетов. К сожалению, им пришлось тоже познать состояние своего рода *невесомости*: принимавшиеся там решения в переводе на реальный язык в сущности ничего не весят («Правда», 23 сент. 1962 г.).

Характерно, что окказионально-переносное употребление слова *спутник* в наши дни отталкивается уже от нового его значения: Огромный плакат на глухой стене старого дома: «Лучшие *спутники* чая». В космическом пространстве вокруг чашки чая вращаются его лучшие *спутники*: печенье, варенье, торт (В. Аксенов, Звездный билет).

В то же время наблюдается и в известном смысле обратный процесс — притяжение в сферу соответствующих тематических рядов обозначений из других групп лексики; эти обозначения выступают в таком случае как своеобразные иносказания или перифразы. В качестве примера можно привести использование ряда слов из разных сфер лексики для обозначения спортивных реалий: ...Саша обретает *боевую форму* и готов идти на *штурм* льда («Комс. правда», 30 марта 1963 г.); В Ростове-на-Дону местные армейцы и динамовцы Москвы за девяносто минут матча так и не «*взяли*» ворот — 0 : 0 («Правда», 1 апр. 1963 г.); *шахматная корона* и т. п.

К внутриязыковым факторам таких семантических переносов следует отнести, по-видимому, наблюдения над семантической структурой соответствующих слов, а также над их, так сказать, заражающей силой внутри той группы слов, в которую они входят (в своих первичных значениях).

Все слова этой группы как бы становятся способными к аналогичным метафорическим сдвигам, т. е. создается возможность своеобразной «цепной реакции». Показательны в этом отношении индивидуальные применения слов, в частности такого рода «развертывания образа»: ...формалисты и абстракционисты... снимают *боеголовки* с идеологических *снарядов*, которые должны сыграть решающую роль в битвах за души человеческие! («Правда», 29 марта 1963 г.); Зима, уже отступавшая под напором «превосходящих сил противника», еще огрызалась *арьергардами* — злыми, обжигающими ветрами (А. Кривицкий) и т. п.

При определении характера семантических изменений и установлении их типов могут быть использованы различные критерии.

Представляется наиболее целесообразным исходить из выяснения собственно языковых условий, в которых осуществляются эти изменения (отвлекаясь в данном случае от того, чем эти изменения вызваны). Это тем более необходимо в социологической работе о языке, призванной выяснить то, как изменения в жизни общества влияют на изменения в языке, так как только при таком подходе можно избежать искаженно прямолинейного представления об отражении в языке социальных процессов.

Изменения в значении слов происходят в речи, которая основывается на отборе и сочетании языковых единиц. Отбор и сочетание слов представляют как бы две оси речевого общения («вертикальную» и «горизонтальную»), обусловленные парадигматикой и синтагматикой языка.

Расположение лексических единиц по «вертикальной» оси определяется их семантической противопоставленностью, а также степенью их семантической взаимозаменимости (в крайних случаях противопоставленность и взаимозаменимость предстают как антонимия и синонимия). Целый ряд изменений в значении слова, как известно, вызывается влиянием на него так или иначе сопоставленных с ним (семантически) групп слов. На той же линии отбора могут соприкасаться и сталкиваться слова, сопоставляемые говорящими не по значению, а по форме. Сюда относятся такие явления, как переосмысление «внутренней формы» слова (например, по принципу «народной этимологии»), контаминация слов в результате их звукового сходства и т. д. Отбор остается за пределами самого сообщения, представленного определенным текстом.

Другой процесс, связанный с речевым общением,— сочетание слов — находит выражение именно в тексте. Изменения в соче-

таемости слов поэтому наиболее полно поддаются собственно лингвистическому изучению.

Постоянное или частое употребление слова в определенных сочетаниях, в определенных речевых контекстах может отразиться на его значении. Ср. такое употребление слова *закруглять*: —...Так что ты не дрейфь, не тяни, пора это *закруглять* (В. Добровольский, Угловая комната).

В устойчивых словосочетаниях иногда формируется новое значение слова, которое затем как бы вычленяется из словосочетания и закрепляется за словом как таковым. Ср. процессы такого расширения связей у слова *узкий*: *узкий круг, узкие места, узкий вопрос* и т. д.; у слова *большой*: *большая химия, большой алюминий*; *большой хлопок* завоевывается упорным трудом («Правда», 19 февр. 1963 г.); о *большом мясе* и молоке («Правда», 25 апр. 1963 г.); На ударной стройке *большого Урала*... («Изв.», 1 апр. 1963 г.); Кинопублицистике — *большой экран* («Изв.», 6 апр. 1963 г.); Пришла пора *большого футбола*. Вчера поднят флаг XXV чемпионата СССР («Правда», 1 апр. 1963 г.) и т. п.

Употребление слова в устойчивых словосочетаниях может не только вызывать расширение его лексической сочетаемости, как в приведенном примере, но и вести к утрате им тех определений (в широком смысле), которые обычны для него в данном контексте или в данной речевой ситуации, причем именно ввиду обычности определений они как бы семантически сливаются с определяемым, передавая ему свое значение. Ср. наблюдения Яна Розвадовского («сгущение»), Г. Шпербера («консоциации»), А. В. Исаченко, Н. А. Янко-Триницкой и др. Например: мирное *урегулирование* (отношений); *нарушители* (порядка, закона); *освободить* (от работы), ср. *уволить, сократить*; *переживать, осознать* и т. п. Ср.: Теперь ясно, что лодки этого типа не были *доведены*, ибо не всякая теоретическая новинка практически себя оправдывает (Из газет).

Ср. использование ряда подобных обозначений как штампов и их «разоблачение» в фельетонах: Его инструкция красуется в клубах и красных уголках, подведомственных дорпрофсожу. На тот предмет, чтобы беспечные веселящиеся пары *усвоили, осознали* и *прониклись* (А. Вихрев, Учитель танцев);—...И я призываю вас, товарищи, *проникнуться*, понять и *осознать* (Я. Дымской, Крупный специалист); Весь день для них безнадежно разбит. Они уже не смогут энергично *охватывать, увязывать, проталкивать* или просто работать (Ю. Алексеев, Бронебойная клюка); Обошли вниманием. В общем не *охватили* (Б. Егоров, Нарушитель спокойствия); На колхозном собрании состоялся неприятный разговор. Афанасий Минаевич *признал и заверил*, но все же его *сняли* (В. Комов, Трудяга) и мн. др.

Следует отметить, что подобные случаи семантико-синтаксического стяжения отличны по своей природе от тех случаев, которые могут быть квалифицированы как «перенос наименования по смежности» (метонимия). Здесь одно из слов вбирает в себя значение всего словосочетания, при метонимии же слово, обозначающее какое-то смежное явление, становится заместителем другого. Иногда при метонимии — видимость такого же сокращения: *весь зал аплодировал* — все *присутствующие в зале аплодировали.* Но, как легко заметить, здесь не только синтаксическое «отсечение» одного из членов, но и преобразование формы другого. Ср.: Наш *рентген* ушел в *декрет* («Крокодил», 1962, № 33). Кроме того, при метонимических заменах необязательно непосредственное сокращение конкретного словосочетания, там возможно как бы следование определенной модели (например, такого типа, как *читал Чехова, съел две тарелки* и т. п.).

Легко заметить, что каждое из семантических «стяжений» связано с какой-то определенной сферой речевого общения. От ее общественной значимости зависит судьба подобных новообразований, их способность войти в общелитературное употребление.

В случаях, подобных указанным, употреблением слова в устойчивых (в данной речевой ситуации) словосочетаниях обусловлено изменение объема его значения, возникновение у него нового значения; в других случаях можно видеть, как изменения в значении слова сказываются на изменении и его синтаксической сочетаемости. Например, при «переносном» употреблении глагол *зевать* (непереходный в «основном» значении) может быть «распространен» при помощи прямого дополнения: Ромка безбожно «зевал» фигуры и пешки... (В. Добровольский, Угловая комната) и т. п.

Приобретая новые значения, слова вступают в несвойственные им прежде семантические соотношения с новыми лексическими группами. Это также может отразиться на их синтаксической сочетаемости. Ср., например, форму словосочетаний со словом «инструмент», взятых из одной и той же газетной статьи: Там развивали энергию лишь для того, чтобы помешать Лиге наций стать *инструментом по защите* мира; ....помешать ООН стать действенным *инструментом в защиту* мира...; От государственной мудрости и зрелости правительств, которым дорога судьба ООН, во многом зависит сегодня, будет ли она жить и станет ли действенным *инструментом сохранения* и укрепления мира («Изв.», 26 сент. 1962 г.).

Понятно, что нарушение привычной сочетаемости слова, закрепленной за ним при его употреблении в «основном» значении, обычно воспринимается частью носителей языка как «неправильность», как отступление от литературной нормы и проявление языковой безграмотности. Например, в фельетоне В. Карбовской «Принципиальный товарищ» описан такой эпизод:

«Однажды начальник сказал:— Мне некогда, а экономист Близиров увольняется с завода, напиши-ка *на него характеристику*. Как обычно. Я потом отнесу на подпись.

«Во-первых,— хотела сказать Валя...— во-первых, надо стараться говорить правильно. А разве это правильно: «Характеристика на кого-то»? Ведь не говорят же: «Описание на Эльбруса». И разве вы когда-нибудь слышали: «Статистика на нашего города»? Наша Анна Петровна за это поставила бы двойку» («Крокодил», 1962, № 14). Героиня фельетона рассуждает, конечно, правильно. Но вместе с тем следует заметить, что для ее начальника-бюрократа это слово ассоциируется, по-видимому, с иным лексико-семантическим рядом («завести дело на кого-нибудь», «жалоба на кого-нибудь» и т. п., ср.:— А разве не работа, что я разоблачаю шайку воров и преступников и бесплатно уже третий год пишу на них заявления.— «Правда», 19 дек. 1962 г.); этой «профессиональной» ассоциацией и объясняются приобретаемые словом синтаксические связи. Ср. употребление той же конструкции без установки на «речевую характеристику»: В характеристике он, конечно, и «идейно выдержан» и «инициативен», и всякое такое прочее, сугубо положительное. Но, во-первых, характеристика выдана была до того, как Емельянов начал свои «художества». Во-вторых, адвокат будет теперь знать, как штампуются подобные *характеристики на* аспирантов, и будет оперировать ими осмотрительней. Так штампуются порой даже кандидаты наук («Лит. газета», 5 февр. 1963 г.). Несмотря на редакторский пуризм, новое управление слов, вызванное изменениями в их семантике (и ассоциациями с иными группами слов), активно проникает в современную речь. Ср.: Боевой опыт советских воинов убедительно опровергает лживые утверждения битых гитлеровских генералов и многих американских и английских военных историков, фальсифицирующих *факты о* «сезонности» успехов Красной Армии («Правда», 5 окт. 1962 г.); Их программа разоружения... не дает никаких *перспектив к* ликвидации угрозы ядерной войны («Правда», 16 ноября 1962 г.) и т. п.

Таким образом, семантические сдвиги в слове могут отражаться и на особенностях его не только лексической, но и синтаксической сочетаемости. При стилистической оценке подобных речевых фактов необходимо учитывать и сферу их распространения, и языковые вкусы и навыки различных слоев общества. Норма словоупотребления не остается неподвижной, но, разумеется, далеко не всем «новым» отклонениям от нее принадлежит будущее.

Отбор и сочетание слов, о которых говорилось выше, определяются, конечно, не только особенностями лексико-семантической системы языка, но и предметно-логическими ассоциациями, которые в известном смысле лежат в основе самой этой систе-

мы. Семантические изменения, связанные с «переносным» употреблением слова (метафорическим и метонимическим), с изменениями в лексической (а в конечном счете и синтаксической) сочетаемости слова, всегда в какой-то степени вытекают из фактов внеязыковой действительности. Следует заметить, что и те изменения в значении слов, которые могут рассматриваться как результат развития самого языка (например, когда семантические изменения регулярны в языке или когда они явно зависят от устойчивого и преобладающего применения слова в определенных речевых контекстах), связаны, естественно, с общественной потребностью, с речевыми вкусами носителей языка и т. д. Стилистическая окраска слова при его употреблении в новом значении, его стилистические возможности, его жизненность зависят от общественной значимости того явления, которое обозначается словом в его новом значении, от социальной среды, в которой возникло данное словоупотребление.

Тенденции семантических изменений должны быть объяснены через общие тенденции развития языка. Можно предположить, что языковое развитие в значительной мере определяется противостоящими друг другу тенденциями — к регулярности (т. е. к большему автоматизму), с одной стороны, и к экспрессивности (т. е. разрушению автоматизма), с другой. Обе указанные тенденции действуют, по-видимому, на всех уровнях и во всех сферах языка, однако проявляются они там неодинаково и поэтому приводят часто к различным результатам и неоднородно влияют на судьбу слова как представителя разных уровней языка.

Тенденция к регулярности до известной степени соответствует тому, что обозначается как закон «экономии усилий», который некоторыми лингвистами признается основным законом языкового развития [2].

В области лексики проявление «экономии усилий» видят, в частности, в устранении наименований с расчлененной формой. Так, Исаченко считает «одним из основных законов развития лексики вообще» уничтожение «внутреннего противоречия между расчлененностью формы наименования и единством его значения». Однако данное наблюдение, представленное ли как один из общих законов развития лексики или же как проявление общего закона «экономии усилий», должно быть сопоставлено с рассмотрением противоположных фактов. Регулярность в семантическом плане означает стремление к однозначным отно-

[2] Ср. более парадоксальную формулировку Е. Д. Поливанова: «Как это ни странно, но тот коллективно-психологический фактор, который всюду при анализе механизма языковых изменений будет проглядывать как основная пружина этого механизма, действительно есть то, что, говоря грубо, можно назвать словами: «лень человеческая» или — что то же — стремление к экономии трудовой энергии» («За марксистское языкознание». М., 1931, стр. 43).

шениям, например, между однокоренным глаголом и именем. Поскольку в языке нет такого соответствия, возникают (неоднократно привлекавшие к себе внимание исследователей современного языка) двучленные сочетания из глагола и имени типа *оказать влияние* и т. п. Ср.: *нанести удар, предпринять усилия, давать гудки, сделать предупреждение, оказать помощь, задать вопрос, произвести расследование* и мн. под. Таким образом, «регулярность» номинации (лексическая регулярность) в данном случае оказывается непараллельной семантико-словообразовательной регулярности.

Можно также отметить резкое возрастание (возможно, в плане общего стремления к аналитизму) «мотивированных» составных образований, стоящих на грани слова и словосочетания. Ср.: *лесонасаждения, снегоочиститель, молокомер, фондодержатель, макроэлемент, ультратонкий, энергоемкий* и мн. под.

Однако «расчленение формы» наименования вызывается в определенных случаях и противоположной тенденцией — тенденцией к экспрессивности. Ср. в современной прессе такие обозначения, как *труженики полей, работники прилавка, черное золото, зеленое золото, мягкое золото, голубая целина, королева полей, люди в белых халатах, мастера кожаного мяча* (*водной дорожки*), *сержанты индустрии* и мн. под.

Нужно заметить, что иногда стремление к экспрессии, выражающееся в создании метафорически иносказательного обозначения вместо существующих однословных наименований, поддерживается стремлением не только к эмоциональной, но и к некоторой семантической дифференциации. Ср.: Доильный аппарат установлен, Николай Кислов теперь *не просто дояр, а* работник более высокой квалификации — *мастер механической дойки* («Правда», 19 сент. 1962 г.).

Таковы некоторые общие результаты наблюдений над семантическими изменениями в русском языке послеоктябрьской эпохи и общие соображения, касающиеся задач их изучения. Разумеется, все сказанное нуждается в дальнейших уточнениях и, несомненно, в более или менее значительных поправках.

2 Заказ № 5134

59787
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

www.ruslang.ru

Н. А. Янко-Триницкая

ПРОЦЕССЫ ВКЛЮЧЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ И СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Среди семантических процессов, сближающих лексику и словообразование, наиболее активным и наиболее разнообразно и в то же время систематически проявляющимся является процесс включения, возникающий из потребности упрощать описательные выражения (словосочетания) цельного значения и частого употребления [1].

Включение — это такое расширение значения слова, которое осуществляется за счет семантики другого слова, не получающей в данном слове отдельного морфемного выражения. Устанавливается включение путем сопоставления значения слова с синонимическим словосочетанием, в которое кроме данного слова (или его основы) входит еще и другое слово. Включаемым может быть как значение определяющего слова словосочетания, так и значение определяемого слова. Кроме того, возможны и некоторые более сложные случаи.

Процессы включения наблюдаются и в лексике, и в словообразовании, проходят зачастую параллельно, находятся в связи между собой, но имеют в каждой из этих областей свои особенности.

* * *

Включение может быть чисто лексическим процессом развития значения слова, если оно не сопровождается никакими

[1] Этот процесс является частным случаем процессов универбации и семантической конденсации, отмеченных А. В. Исаченко в его работе «К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков» («Slavia», 1958, г. XXIV, s. 3), а также в его докладе на IV съезде славистов. Еще раньше об этом процессе «синтетического сжатия» писал В. В. Виноградов в книге «Современный русский язык. Морфология» (МГУ, 1952, стр. 55). Ср. также: А. Ф. Ефремов. Многозначность слова. «Русский язык в школе», 1957, № 3, стр. 10.

изменениями в морфологической структуре слова. Группы слов, проявляющих склонность к включению, очень трудно поддаются семантической характеристике, настолько они пестры и по значению, и по синтаксическим связям. Преобладающим в лексике является включение определяющего.

А. Включение определяющего. В целом ряде существительных, значение которых не содержит оценки обозначаемого ими понятия, может развиваться значение оценки, преимущественно положительного характера, т. е. оценки, указывающей на значительные размеры, значительное количество или высокое качество. При этом в слове обычно сохраняется и первичное, безоценочное значение. Это наблюдается в таких словах, как *температура, вкус, воздух, слух* и др.

Температура 'повышенная, высокая температура': Общее состояние [девочки] оставалось хорошим, боль в горле и *температура* держались всего два дня («Здоровье», 1960, № 9).

Вкус 'хороший, изысканный вкус' (в переносном значении): [Елена] Как хорошо! Кто выбирал? [Андрей] Сам. У Фульда-с. [Елена] У вас и *вкус* есть. [Андрей] Уж по невесте можно судить, что у меня *вкус* есть-с (А. Н. Островский, Женитьба Белугина).

Воздух 'чистый, свежий воздух': Мужчина знал, что как раз в этот час рабочие дневной смены, уже отдохнув, выходят обычно из домов, чтобы подышать *воздухом* (С. Гансовский, Бродяга, «Надежда», рассказы и повести).

А поскольку словосочетание *свежий воздух* употребляется (преимущественно в винительном и предложном падеже) и для обозначения пространства вне помещения, постольку и слово *воздух* (в тех же падежных формах) может усваивать это переносное значение: После завтрака все отправляются *на воздух*, на каток, в лес, в лыжные походы («Здоровье», 1961, № 1); Одна из хороших мер закаливания детей первых месяцев жизни — воздушные ванны, которые зимой проводятся в комнате, летом — *на воздухе* при температуре не ниже 18 градусов тепла (там же).

Слух 'музыкальный слух': У кого *слуху* нет, тот поет и играет неверно. И самое тонкое ухо нередко бывает без *слуху* (Словарь Даля).

Ср. также *создать условия*, т. е. 'хорошие, необходимые условия'.

В слове *качество* оценочные значения появлялись уже в XIX в., но не получили широкого распространения и всеобщего признания. Так, элемент положительной оценки в слове *качество* можно предположить в таком употреблении: Белинский был именно тем, что мы бы решились назвать центральной натурой; то есть он всеми своими *качествами* и недостатками стоял

близко к центру, к самой сути своего народа (И. С. Тургенев, Встреча моя с Белинским) [2].

В просторечии же XIX в. слово *качество* употреблялось с отрицательным оценочным значением, обозначая недостаток или порок, например: [Серафима Карповна] Я хочу замуж идти... [Карп Карпыч] А чьих он? [Серафима Карповна] Прежнев. Он благородный, хорошей фамилии, может место хорошее получить... [Карп Карпыч] Может, *качества* какие есть? [Серафима Карповна] *Качеств* за ним никаких не слыхать (А. Н. Островский, Не сошлись характерами). Ср. также в загливии пьесы Л. Н. Толстого «От ней все *качества*».

В наше время слово *качество* в значениях 'достоинство' или 'недостаток' не употребляется, однако слово *качество* широко используется с оценочным оттенком в значении 'высокое качество', например: «Правда» поставила вопрос об авторских гонорарах не в форме протеста против высокого заработка писателя, а в форме требования *качества* (А. С. Макаренко, Право автора).

Существительные с рассмотренным оттенком значения немногочисленны; многие слова, по семантике близкие к рассмотренным, не приобретают оценочного значения, например: *разряд, размер, рост, сорт, проба* и др. Даже слово *вкус* в прямом значении не может обозначать 'приятный, хороший вкус'.

Оттенки оценочного значения, не получая морфологического выражения, не всегда стойки и постоянны. Однако, когда слова с такими оттенками значения получают широкое распространение, от них возможны производные, в которых эти оттенки не только не исчезают, а, напротив, закрепляются, например, *температура — температурить, бестемпературный:* Федор Максимович Кириллов заболел гриппом. И грипп-то был какой-то ненастоящий — *бестемпературный* (С. Нариньяни, Шоколадный набор). Ср. также *вкус — безвкусица.*

Включение можно отметить и в ряде существительных другого семантического круга; однако употребление таких слов (в определенной синтаксической конструкции) с оттенком оценочного значения, в данном случае отрицательного, свойственно почти исключительно непринужденной разговорной речи. Так, только в разговорной речи можно, например, встретить употребление слов *сердце, почки, печень, нервы, желудок, давление* и под. в значении 'больное сердце', 'больная печень', 'больные почки', 'больные нервы', 'больной желудок', 'повышенное давление' и под., например: [Миловзоров] У вас, мой друг, *нервы*... [Коринкина] Ну да, *нервы*; будут тут

[2] В. Долопчев в своем «Опыте словаря неправильностей в русской разговорной речи» (изд. 2, Варшава, 1909, стр. 101) отмечал такое употребление слова *качество* как неправильное и рекомендовал для данного значения только *достоинство.*

нервы (А. Н. Островский, Без вины виноватые);— Да вы выслушайте же черт возьми! Я кефир просил, у меня желудок, а вы мне сметану подсунули!.. — Так вы говорите *желудок?* Тогда вот вам свеженький кефирчик. Кушайте на здоровье, поправляйтесь (А. Ветров, Случай в магазине);— Мне не позволяют родить, Павлик, У меня *почки* (Л. Обухова, Заноза).

Включение имеет место также в различных, семантически разрозненных существительных, часто употребляющихся с постоянными согласованными и несогласованными определениями, приближающихся к членам несвободных сочетаний, например, *партия* (Коммунистическая партия Советского Союза; ср. *партийный, партиец, беспартийный), органы* (Органы государственной безопасности), *урегулирование* (урегулирование спорных вопросов), *песок* (сахарный песок), *расстройство* (расстройство желудка) и т. п.: Во Пскове сотрудник железнодорожного ЧК во время обыска присвоил вещь, так о нем выпустили особый циркуляр и, конечно, выгнали из *органов* (Г. Алехин, Мертвый хватает живого); Индонезия стоит за конференцию круглого стола по Корее с участием не только воевавших, но и не воевавших стран, заинтересованных в *урегулировании* на Дальнем Востоке («Правда», 20 сент. 1953 г.).

Довольно часто встречается включение в предложно-падежных конструкциях наречного типа, свободного или связанного значения, используемых в различных синтаксических функциях, преимущественно в функции сказуемого. Это наблюдается чаще всего в формах предложного падежа с предлогом *в,* но возможны и другие конструкции. Включение чаще носит характер положительной оценки, например, *в форме, в настроении, в темпе, в положении* (ср. *в интересном положении*), *на высоте, на уровне, с чувством, с выражением и т. п.:*

— Друг мой, это ужасно,— проговорила она, ломая руки и по обыкновению пристально всматриваясь мне в лицо.— Это ужасно! Ваша сестра *в положении*... она беременна! Уведите ее, прошу вас (А. П. Чехов, Моя жизнь); И все один — и те, и те — выносят приговор, что гармонист *на высоте, на уровне* танцор (А. Твардовский, На свадьбе); Вот, например, недавно в одной пьесе ей пришлось исполнять роль важной дамы. Из ансамбля она не выходила, играла, как говорится, *«на уровне»,* но без взлетов («Работница», 1959, № 9); После приезда из Москвы Муравейский, как говорят спортсмены, находился не *в форме.* Такой упадок духа он испытал, когда узнал, что его музыкальный приятель Старков, товаровед «Гастронома № 1», был вызван к следователю городской прокуратуры (Г. Бабат и А. Гарф, Магнетрон).

В глаголах возможно такое употребление переходных глаголов в непереходном значении, при котором в семантику глагола включается значение объекта переходного глагола в более

конкретном или в более обобщенном виде: *пить, курить, танцевать, говорить* и др. Так, глагол *пить* в непереходном употреблении включает в свое значение довольно конкретный объект, один из возможных при переходном значении: *пить* (неперех.) обозначает 'пить (перех.) не чай, не молоко, не какао и не газированную воду, а только спиртные напитки, водку, горькую'. То же самое видим и в непереходном значении глагола *курить* — 'курить табак, папиросы, но не опиум и не фимиам' [3].

Как пример особого случая можно привести включение в семантику глагола значения не объекта (глагол непереходный), а качественной характеристики, которая в синонимическом словосочетании могла бы быть выражена наречием: Поскольку в таком призыве нет еще ничего предосудительного, т. А. Бойм делает нарочно страшное лицо и усиливает обвинение фразеологически: «Призывы к упрощенчеству и к обеднению детской литературы». Это уже *звучит*, это низвергает меня, так сказать, в пучину преступления (А. С. Макаренко, Ответ товарищу А. Бойму) [4].

Таким образом, определенные слова (существительные, глаголы), обогащаясь значением, не претерпевают никакого формального изменения, оставаясь словами тех же грамматических классов и сохраняя все морфологические свойства данных классов.

Включение — это живой, активный процесс в современном языке, но захватываемые им новые слова или новые типы слов часто являются окказиональными, обычно просторечными, разговорными, а иногда и прямо нарушающими нормы современного русского литературного языка. Ср. в разговорном употреблении глагол *переживать* без дополнения: Мне хотелось, чтобы родилась девочка. Я *переживал* и довольно-таки часто звонил из гарнизона в родильный дом (Юрий Гагарин, Дорога в космос, «Правда», 28 мая 1961 г.); — А Киев! Приезжайте, а то словами не расскажешь. Познакомитесь с нашей жизнью, потом в Париже могли бы лекции читать — допустим на тему «Что было и что есть». У вас тут, наверное, есть *общество по распространению?* Я сам по этим вопросам доклады делаю (М. Эдель, Последняя встреча) [5].

Б. Включение определяемого. Процессы включения определяемого не могут иметь широкого распространения в лексике, поскольку для сохранения значения словосочетания определяю-

---

[3] Подробнее о включении значения объекта в семантику глагола см.: Н. А. Янко-Триницкая. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962, стр. 72—74.

[4] Некоторые случаи включения значения объекта *(отставить! дать взаймы* и др.) приводятся в указанной выше статье А. Ф. Ефремова.

[5] Ср. также отмеченное Л. Успенским: Граждане, *не нарушайте*! («Лит. газета», 21 июля 1959 г.).

щее слово должно перейти в разряд определяемого, а это обычно связано с изменением в морфемном составе слова. Так, если сопоставить *в интересном положении* и *в декретном отпуске*, то можно заметить, что в первом случае при включении — *в положении — включается определяющее* (*интересном*), а определяемое сохраняет свою морфологическую структуру и грамматические особенности, что и позволяет полностью сохраниться значению словосочетания. Во втором же случае — *в декрете* — включено значение определяемого (*отпуске*), а определяющее для сохранения общего значения словосочетания переходит в существительное, тем самым изменяя свой морфологический строй.

Следовательно, включение определяемого в лексике возможно только в тех случаях, когда и определяемое и определяющее принадлежат к одному грамматическому классу слов, либо в тех случаях, когда возможен переход из одного грамматического разряда в другой без нарушения морфемного состава.

Первому условию отвечает употребление имени собственного или наименования вместо словосочетания имени собственного с нарицательным существительным. Здесь прежде всего следует отметить употребление имен собственных личных (преимущественно фамилий) вместо словосочетаний с нарицательными словами, которые характеризуются этими собственными именами со стороны источника возникновения, например: Читал охотно *Апулея*, а *Цицерона* не читал (А. С. Пушкин, Евгений Онегин); У меня есть *Бальзак;* Юбиляру подарили *Сарьяна*; Увлекаюсь *Маяковским* и т. п. Во всех подобных случаях включаются значения слов, указывающих более общо или более детально на произведения различных видов искусства или творчества: *произведения, стихи, романы, картины, скульптуры, оперы, сонаты* и т. п. Такое употребление имен собственных близко к метонимии, однако отличается от нее тем, что в метонимии перенос названия происходит на основании смежности во времени или в пространстве самых предметов[6], причем включения при этом может и не быть, например: *блюдо* 'посуда' и *блюдо* 'кушанье', *аудитория* 'помещение' и *аудитория* 'слушающие'. Включение же предполагает непременную смежность слов (словосочетание), которая далеко не всегда совпадает со смежностью предметов.

Сходную картину представляют и географические названия, которые употребляются без нарицательных, как только становятся достаточно освоенными; однако употребление в таких случаях одних имен собственных настолько привычно, что словосочетания иногда уже просто невозможны или необычны в нейт-

---

[6] См.: А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 57.

ральной речи, например, не говорят «Я живу *в городе Ленинграде*» или «Я еду *в город Киев*». Но ср.: А под *городом Белая Церковь* жаркий бой на заре кипит. А под *городом Белая Церковь* был ее любимый убит (Олег Шестинский, Памятник советским воинам в Софии); Ко дню шахтера в горняцком *городе Красный Луч* вышел сборник «Голоса молодых» («Изв.», 29 авг. 1960 г.). То же самое можно сказать и о наименованиях, которые при достаточной освоенности могут употребляться без определяемого нарицательного слова, например: В *«Эрмитаже»* идет *«Баллада о солдате»*.

Второму условию на первый взгляд соответствуют некоторые случаи субстантивации прилагательных, т. е. такие случаи, когда субстантивация возникает на основе словосочетания типа *участковый* (участковый уполномоченный милиции), *посевная* (посевная кампания), *ремесленное* (ремесленное училище), *позывные* (позывные сигналы) и т. п., где действительно имеет место включение, а морфемный состав слова как будто бы не претерпевает изменения. Однако грамматические, в частности морфологические, свойства таких слов при этом не остаются неизменными: изменяется значение форм рода и числа таких слов, функция падежа, синтаксическая сочетаемость данных слов (последнее возможно, правда, и в других случаях семантического включения, поскольку синтаксическая сочетаемость слов во многом зависит не только от грамматического класса слов, но и от их лексического значения) и самое главное — сокращается ансамбль форм данного слова, замыкаясь в пределах форм одного рода и одного числа. Поэтому все случаи субстантивации с включением можно квалифицировать как конверсию особого типа и рассматривать их в разделе словообразования.

Процессы включения в лексике отличаются нестойкостью, эллиптичностью, поэтому при них в полном стиле речи в большинстве случаев возможно, а иногда и прямо необходимо включаемое слово. В полном стиле речи обычно избегают неустановившихся включений и говорят: *высокая температура, в хорошей спортивной форме, больной желудок, произведения Толстого* и т. п.

* * *

Включение как поглощение одним словом значения другого слова без отдельного морфемного выражения этого значения в структуре слова может иметь место и при словообразовании, когда аффиксами выражается только какое-то весьма общее словообразовательное значение, а конкретное, частное значение, приобретенное словом в результате включения значения другого слова, остается не выраженным структурно.

Это возможно, во-первых, тогда, когда производное слово возникает на базе привычного словосочетания с той или иной

степенью несвободности компонентов, во-вторых, когда производящей основой является основа такого слова, которое потенциально может или могло бы в современном языке иметь включенное значение, но реально не имеет его. Аффиксы, присоединяясь к такой основе, сами по себе не могут создавать данного значения, но самым актом соединения подобных основ с аффиксами освобождается их семантический потенциал и производные слова получают значения, не вытекающие непосредственно ни из слагаемых частей, ни даже из образца, или модели. Акт словообразования позволяет проявиться потенциальным возможностям лексических изменений производящей основы.

А. Включение определяющего. Значительная часть переходных глаголов с присоединением частицы *-ся* сохраняет полностью ту сторону лексического значения глагола, которая связана с прямой переходностью последнего. При этом значение возвратного глагола по сравнению со значением производящего глагола расширяется за счет включения в его семантику, кроме значения самого производящего глагола, еще и значения объекта этого производящего глагола в более конкретном или более обобщенном виде. Значение возможных включаемых объектов может быть самым разнообразным, что частично зависит от лексического значения и характера управления производящего глагола, но отнюдь не определяется ими полностью.

Включаться может значение неодушевленного объекта: (курица) *несется* 'несет яйца', *насупиться* 'насупить брови', *оскалиться* 'оскалить зубы'; значение возвратного объекта: *беречься* 'беречь себя', *унизиться* 'унизить себя'; значение взаимного объекта: *видеться* 'видеть друг друга', *обниматься* 'обнимать друг друга'; значение обобщенного объекта: *бодаться* 'бодать любого, всякого', например: Если же при схватке с более сильным врагом не случалось под рукой оружия, то он [Карась] употреблял в дело зубы, когти и ноги, то есть *кусался, царапался и лягался* (Н. Г. Помяловский, Очерки бурсы).

Таким образом, включение значения объекта в значение глагола возможно и в чисто лексическом плане, и при словообразовании. В последнем случае оно более определенно и представлено более разнообразными случаями: так, включение значения одушевленного объекта возможно только в возвратном глаголе и невозможно в невозвратном[7].

Также гораздо шире и определеннее проявляется при словообразовании взаимодействие значений нейтрального, неоцененного признака с признаком оцененным. При производстве прилагательных от существительных, преимущественно отвлеченных, не указывающих на оценку обозначаемого свойства, в зна-

[7] Подробнее о включении объекта в значение возвратных глаголов см. в указанной книге «Возвратные глаголы в современном русском языке», стр. 172—202.

чение этих прилагательных, кроме значения производящей основы и общего значения отношения, выражаемого аффиксальной частью, может быть включено еще и значение оценки данного свойства, явления.

В к у с пищи может быть различен, но в к у с н а я пища — это пища с хорошим, приятным вкусом; с о р т зерна может быть разным, но с о р т н о е зерно — это зерно отборного, высокого сорта; п о г о д а может быть разная, но п о г о ж и й день — это такой день, когда погода отменная.

Ср. также: *длинный* 'значительной длины', *глубинный* 'большой глубины, на большой глубине', *ценный* 'высокий, дорогой цены', *скоростной* 'большой скорости, с большой скоростью', *высотный* 'значительной высоты', *сильный* 'большой силы', *веский* 'значительного веса' и т. п.

Сами по себе суффиксы *-н-* и *-ск-* не вносят в прилагательные оценочного значения, следовательно, дело здесь не в компонентах структуры слова, а, быть может, только в грамматическом разряде слов, о чем свидетельствует обратное явление при образовании существительных от прилагательных: существительное обычно утрачивает оттенок положительной оценки свойства, который был в прилагательном, например: *способный* (положительная оценка) — *способности* (отсутствие оценки), *здоровый — здоровье, частый — частота, крепкий — крепость, употребительный — употребительность, толстый — толщина*; ср. также: *скорый — скорость — скоростной, цена — ценный — ценность, частый — частота — частотный — частотность* и т. п.

Даже в существительном *доброкачественность*, образованном от прилагательного *доброкачественный*, в котором значение положительной оценки выражено морфематически первым корнем, может и сохраняться эта положительность оценки, и утрачиваться, например: Кушаньям не было числа, но обед был из рук вон безвкусен и плох. Вино также не отличалось *доброкачественностью*, но уж зато лилось через край (И. И. Панаев, Литературные воспоминания); Навсегда запомнил Альфред этот урок. В дальнейшем, как бы ни мучила его жажда, он всегда проверял *доброкачественность* воды, которую собирался пить (Ф. Фабиан, В стране Марабу, перевод И. М. Лившина). В первом из примеров слово *доброкачественность* сохраняет значение 'доброе качество', а во втором утратило значение положительной оценки и вполне могло бы быть заменено словом *качество* в его общем значении.

Заметим попутно, что существительные, производимые от прилагательных с отрицательным или указывающим на малость оттенком значения, не приобретают как правило нейтрального оценочного значения, а сохраняют оттенок отрицательности и малости: *слабый — слабость, худой — худоба, узкий — узость, вредный — вредность, тонкий — тонкость, отсталый—отсталость,*

хилый — хилость, медленный — медленность, редкий — редкость, ветхий — ветхость и т. п.

Единичны случаи образования от подобных прилагательных существительных без оценочного значения. Ср., например: Сам он [Балабилка] пряжу пошел выбирать нужной *тонины* и доброты (М. Кочнев, Камчатая скатерть); *Тонина* пуха от 8 μ до 28 μ, в среднем 16 μ. Годовой начес пуха в среднем ок. 220 г. (БСЭ, т. 31, статья «Оренбургская коза»). Ср. также в детской народной игре «Каравай»: «Вот такой *вышины*, вот такой *низины*, вот такой *ширины*, вот такой *узины*», где все существительные сохраняют оценочное значение прилагательных.

Кроме этих основных разрядов словообразования с включением оценочного значения, можно указать отдельные случаи образования слов, не составляющих разрядов, например: *успеваемость* (без оценки) — *успевает*, *успевающий* (с оценкой), *неравнодушен* (влюблен) и некоторые другие.

Б. Включение определяемого. При включении определяемого происходит изменение грамматического разряда слов, что выражается изменением основы слова (суффиксация) и системы флексий. Обычно это образование существительных от основы прилагательных на фоне сочетания данных прилагательных с существительными.

Наиболее типичным представителем данного явления можно считать существительные жен. рода, возникающие на базе привычных сочетаний прилагательных с существительными. В основу производного слова кладется основа прилагательного, обычно освобожденная частично или полностью от суффиксов, и присоединяется суффикс *-к-* в сопровождении системы флексий первого склонения, например: *одиночка* 'одиночная камера', *ротационка* 'ротационная машина', *шоссейка* 'шоссейная дорога', *вечерка* '«Вечерняя Москва» или вообще вечерняя газета', *зачетка* 'зачетная книжка', *Публичка* 'Публичная библиотека', *Таганка* 'Таганская площадь' и т. п.

Существительное, значение которого включается в производное слово, может принадлежать не только к жен. роду, но и к мужскому, и к среднему, а иногда даже к мн. числу, например: *литейка* 'литейный цех', *земледелка* 'земледельный цех', *электричка* 'электрический поезд', *короткометражка* 'короткометражный фильм', *Александринка* 'Александринский театр', *касторка* 'касторовое масло', *караулка* 'караульное помещение', *родилка* 'родильное отделение'; *валерианка* 'валериановые капли' и др.

Большинство слов этого образца возникает в непринужденной разговорной речи и как всякое стилистически окрашенное новое слово не всегда и не сразу становится общим достоянием, например: *безымянка* 'безымянный палец', *бертолетка* 'бертолетова соль', *психиатричка* 'психиатрическая больница',

Можайка 'Можайское шоссе', *фугаска* 'фугасная бомба', *пятидневка* 'пятидневная неделя', *водородка* 'водородная бомба', *обручалка* 'обручальное кольцо', и т. п.

Значительная часть таких образований имеет обращение в более или менее узком кругу, где хорошо известно соответствующее словосочетание, например: *Тургеневка* 'Тургеневская библиотека', *Горьковка* 'Горьковская библиотека', *зарубежка* 'зарубежная литература' (учебный курс), *мореходка* 'мореходное училище', *дивизионка* 'дивизионная газета' и т. п. Ср.: Но в группе туристов не случайно не очень весело шутили, что у нас на *«Воробьевке»* такой инструктор, как Экберт, за один сезон может сделать больше, чем целая команда московских тренеров, которые учат по старинке («Комс. правда», 21 марта 1961 г.).

Это настолько живой и продуктивный способ, что его не удерживает даже возникновение омонимов как со словами других образцов, так и со словами, образованными по этому же образцу, но включающими значение другого существительного, например: *комсомолка* (девушка и «Комсомольская правда»), *пионерка* (девочка и «Пионерская правда»), *санитарка* (женщина-специалист и санитарная машина), *вегетарианка* (лицо женского пола и вегетарианская столовая), *испанка* (лицо женского пола и испанская инфлуэнца, свирепствовавшая в 1918 г.), *ленинка* (последовательница Ленина и Ленинская библиотека), *кандидатка* (женщина-кандидат и кандидатская работа); *самоходка* (самоходная пушка и самоходный комбайн), *стационарка* (стационарная школа, стационарная больница, стационарная киноустановка), *районка* (районная поликлиника, районная больница) и т. п.

Интересно, что по этому образцу с включением иногда образуются названия лиц женского пола, например: *техничка* 'техническая служащая'; После «Генриады» славимой *«Орлеанку»* сочинил Волтер, повесть шуточную, вредную, но остроумную (М. М. Херасков, Бахарина, или Неизвестный). *Орлеанка* 'Орлеанская дева'.

Ср. появившееся в наши дни *Сикстинка* 'Сикстинская мадонна': Как бы нам количество переделать в качество? Это сделать очень просто, в плане творческого роста: в год хотя бы по картинке, но на уровне *Сикстинки* («Московский художник», 25 дек. 1958 г.); [Олег] Вы королева, вы богиня, вы *сикстинка*! [Маша] (возмущенно) Что ... что такое? [Олег] Это не ругательство, честное слово, Сикстинская мадонна! (Г. Трифонов, Обязательное свидание).

Формальное ограничение данного образца идет по линии производящих прилагательных: для него не используются прилагательные односложной основы. Поэтому не может возникнуть подобное существительное на базе, например, словосоче-

тания *скорая помощь*, но легко возникает на базе словосочетания *неотложная помощь — неотложка*. В первые годы после революции было создано слово *стенка* 'стенная газета', но оно не удержалось и было заменено словом *стенновка*. Ср.: Л. Г. Бальян научно изучала воспитательную роль школьной *стенновки* («Лит. газета», 11 апр. 1961 г.).

Производящие основы прилагательных претерпевают некоторые изменения, утрачивая полностью или частично суффиксы: *моторная* лодка — *моторка*, *снайперская* винтовка — *снайперка*, *анатомический* театр — *анатомичка*, *карболовая* кислота — *карболка*, *комиссионный* магазин — *комиссионка*.

Однако суффикс, имеющий в своем составе гласный, не утрачивается, если без него основа оказывается односложной: *овсяная* крупа—*овсянка*, *ветряная* оспа — *ветрянка*, *взрывчатое* вещество — *взрывчатка*, *зубчатое* звено — *зубчатка*, *керзовые* сапоги — *керзовки*. Ср. также возникшее некогда путем включения *винтовка* (*винтовое* ружье).

Прилагательные с суффиксом *-тельн-* заменяют его на суффикс *-л-*: *зажигательная* бомба — *зажигалка*, *курительная* комната — *курилка*.

Пока слово с включением употребляется наряду со словосочетанием, оно имеет сниженную стилистическую окраску по сравнению с последним. Употребляясь все шире, оно оттесняет словосочетание, может становиться единственным, а потому и нейтральным обозначением данного предметного значения, и самое возникновение его на базе словосочетания забывается: *перчатка*, *косоворотка*, *землянка*, *открытка*, *пятилетка* и под.

Менее типичным, но все же довольно распространенным является включение в образце с суффиксом *-ик* и системой флексий муж. рода. Слова этого образца также производятся от основ прилагательных, но суффиксы *-к-* и *-ов-* при этом не устраняются, например: *ломовик* 'ломовой извозчик', *грузовик* 'грузовая машина', *маховик* 'маховое колесо', *морковник* 'морковное блюдо, суп' *уголовник* 'уголовный преступник', *глазник* 'глазной врач', *транзитник* 'транзитный пассажир', *штабник* 'штабной работник', *сезонник* 'сезонный рабочий', *беспризорник* 'беспризорный подросток', *семейник* 'семейный человек', *закадычник* 'закадычный друг', *подсобник* 'подсобный рабочий' и т. п.

Ср.: Я, как *коммунальный работник*, в течение длительного времени учился и вращался среди *коммунальников*, хорошо знаю образ *коммунального работника* («Лит. газета», 4 февр. 1960 г.).

Отличается этот образец от предыдущего тем, что здесь не используются прилагательные с суффиксом *-ск-*, почти не включаются значения существительных жен. рода, а также тем, что этот образец вообще отличается меньшей продуктив-

ностью, в частности сокращается количество подобных образований от прилагательных с суффиксом *-н-*, что в свою очередь связано с развитием производного суффикса существительных *-ник*.

— У меня никогда не было занавесок на окнах... А признаю: хорошо!.. У всех наших *семейников* есть (Н. Кудрявцев, Тяга времени); Но буйный приверженец своего «Афони» только рукой махнул и побежал догонять *закадычника* своего — Дембо, чтобы поделиться с ним животрепещущей новостью (И. Бражнин, Мое поколение); Он [Баксанов] совсем позабывал, что уже недалек день, когда ему стукнет полсотни, забывал, что он толстяк, *тучник*, который никак не может справиться с распухшим животом (В. Кочетов, Секретарь обкома); Да ведь Мрякины — *тучники*! Они сидят на диете. У них кроме сухарей да творога никакой пищи (Б. Привалов, Дефицитная специальность).

Образования же от прилагательных с суффиксом *-ов-* продуктивны и в наше время, особенно для названий людей, мужчин, для которых предыдущий образец — с суффиксом *-к(а)* — не применяется: *боевик* 'боевой фильм', *сторожевик* 'сторожевой катер', *кадровик* 'кадровый рабочий', 'кадровый офицер', *передовик* 'передовой рабочий', *строевик* 'строевой солдат', 'строевой офицер', *стендовик* 'стендовый стрелок' и т. п.

Очень редко подобное включение наблюдается при других суффиксальных образованиях существительных, например с суффиксом *-ушк(а): теплушка* 'теплое помещение', 'теплый вагон', *раскладушка* 'раскладная кровать', *боковушка* 'боковая комната, каморка', *легковушка* 'легковая машина'; с суффиксом *-ниц(а): полоскательница* 'полоскательная чашка', *плескательница* 'плескательный бассейн'; с суффиксом *-ач*: *строгач* 'строгий выговор' и 'строгий арест'.

Широко распространенным случаем включения определяемого является включение при субстантивации. Так, при субстантивации форм муж. рода включаться может конкретное значение лица мужского пола: *правофланговый* 'правофланговый солдат', *запасной* 'запасной игрок'; значение учреждения, организации: Салаватский *машиностроительный* (завод), Московский *энергетический* (институт), *литейный* (цех); значение языка: *русский, французский, немецкий* и др., а также некоторые другие, например, *третий решающий* (год пятилетки) и т. п.

Однако не все существительные муж. рода с окончаниями прилагательных возникли путем включения: некоторые из них возникают непосредственно по образцу со значением лица от основ существительных с суффиксом *-ов(ой)*, например: *ковшевой* (от *ковш*), *горновой* (от *горн*), *дорновой* (от *дорн* 'длинная штанга с головкой на конце') и др.: Багряные отблески озаряют

стоящих возле стана *кольцевого, дорнового* и девушку на тележке, застывших в минутном ожидании (Н. Образцова, Таганрожцы — великой стройке) [8].

Рассматривая существительные жен. рода с окончанием прилагательных, мы обнаруживаем среди них такие, которые возникли путем субстантивации с включением, например: *прямая* (линия), *передовая* (статья), *Первая конная* (армия), *Особая Дальневосточная* (армия) и др.

Необходимо отметить, что многочисленные новообразования существительных жен. рода с окончаниями прилагательных типа *закусочная, пельменная, котлетная, сосисочная, шашлычная, бутербродная, диспетчерская, смотрокская, прорабская* и под.,— не представляют собой включения, так как за ними не стоит никакого словосочетания с определяемым существительным жен. рода, например: *Колерная,* расположенная во временном помещении, оказалась замороженной. Шпаклевка затвердела, а краска для потолков покрылась коркой льда («Московский строитель», 22 марта 1957 г.); Для сбора каныги имеется специальное водонепроницаемое помещение (*каныжная)* с лотками для приема каныги и люками для выгрузки ее. Если каныга перерабатывается на брикеты, то *каныжная* оборудуется прессами, сушилкой и пр. В *каныжной* проводят тщательную уборку горячей водой (И. Я. Морейнис, Гигиена питания); Сеня бежит в *смотрокскую* и присоединяется к Ермолаю, проводящему сложную дипломатическую миссию.— Видишь,— говорит Ермолай смотроку,— у нас опять простой не по нашей вине (К. Федин, Похищение Европы).

Подобные существительные образуются по определенному образцу, возникшему в наше время на основе многочисленных старых слов жен. рода с окончаниями прилагательных типа *детская, столовая, кондитерская, булочная, операционная, приемная* и под., за которыми некогда стояли словосочетания со словами *комната, лавка, палата, мастерская.*

Корреляции жен. рода к словам муж. рода со значением лица, как-то: *звеньевая, дежурная, заведующая* и т. п.,— также представляют собой словообразование по определенному образцу, а не субстантивацию прилагательного с включением.

Среди существительных ср. рода тоже имеются некоторые разряды слов с включением, например: *слабительное, снотворное* (лекарство); *токайское, цимлянское* (вино); *заливное, сладкое* (блюдо); *настоящее, будущее* (время); *существительное, прилагательное* (имя); *ремесленное, суворовское, нахимовское* (училище) и др. Многие из названных разрядов уже не

---

[8] Ср.: B. O. Unbegaun. Gréation d'une catégorie grammaticale: l'adjectif substantivé russe en *-ovój*. «Recueil linguistique de Bratislava», 1, 1948.

пополняются, например, не возникает таким путем новых названий кушаний, лекарств, грамматических терминов.

Формы ср. рода прилагательных в отличие от форм муж. и жен. рода могут выступать в функции существительного и без включения, например: Но может быть, такого рода картины вас не привлекут: все это низкая природа; *изящного* не много тут (А. С. Пушкин, Евгений Онегин); Что внезапно в ней свершилось? Тоскованье ль улеглось? *Сокровенное* ль открылось? *Невозможное* ль сбылось? (А. К. Толстой, Алеша Попович); Давно уже она обещала секретарю комсомольской организации Юре Черноиванову посвятить этот день его делам, и это было радостно: хоть на день окунуться в *привычное, милое, молодежное* («Работница», 1959, № 1).

Такое употребление форм ср. рода возможно для любого прилагательного[9], поэтому это — либо характерная функция данной формы, либо окказиональная субстантивация, но никак не создание нового слова, существительного. Такие прилагательные не могут иметь при себе род. падежа существительного, как это бывает при существительных со значением отвлеченного признака: *сокровенность мыслей, изящество изложения*. Более того, они не могут свободно определяться прилагательными, как все существительные. Ср. у Е. И. Репина «*Далекое близкое*», где даже не вполне ясно, которое прилагательное выступает в функции определяемого, а которое в функции определяющего. Ср., однако, у И. С. Тургенева:— Может быть,— возразила она,— но коли уж мечтать, что за охота мечтать о *несбыточном*?— А почему нет?— подхватил я.— Чем *бедное несбыточное* виновато? («Фауст»).

Субстантивированные прилагательные мн. числа, не имеющие коррелятов ед. числа, как правило имеют значение денежных сумм, денежных средств, и хотя за многими из них еще можно предположить словосочетание со словом *деньги (отпускные, суточные, командировочные* и др.), но настолько шире их субстантивное употребление, что можно легко заметить тенденцию к возникновению словообразовательного образца со значением денежных средств. Ср., например: *Колесные* — то же, что и подъемные: их выплачивают рабочим, переезжающим со стройки на стройку («Работница», 1959, № 11).

Имена собственные, имеющие формы прилагательных, могут, субстантивируясь, включать значение слов нарицательных при достаточной их освоенности: живу на *Невском,* вдоль по *Питерской,* по *Садовой* (улице), поехала на *Сиверскую* (поселок под Ленинградом), спускались по *Чусовой* (реке) и т. п.

Более редкий случай, но представляющий интерес как еще один из возможных случаев включения определяемого, пред-

[9] «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 314.

ставляет включение значения определяемого существительного без суффиксации, с усечением всех аффиксов прилагательного: *в законном браке — в законе* (старое, дореволюционное слово), *в декретном отпуске — в декрете.* Вероятно, также *Октябрьская революция — Октябрь,* откуда стало возможным и *октябрята* 'дети Октября'. Ср. также: Мне бы сейчас верхом на такую тарелочку и чтобы мигом быть в Москве, и чтобы батя мой не надрывался в трубку, чтоб руки у него не тряслись, а прямо чтоб сесть с ним за стол и за поллитровочкой *«столицы»* разобрать текущий вопрос (В. Аксенов, Апельсины из Марокко).

В том, что здесь не простая метонимия по смежности, убеждают нас такие примеры, где усеченное прилагательное не совпадает по своему виду ни с одним наличным существительным: Шляпы, кепки, камвольные платки, выстиранные дождями плащи, *демисезоны,* новенькие, как на манекенах (Ю. Полухин, Взрыв). *Демисезон* в значении существительного отмечено еще в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова (1935), и можно было бы предположить здесь непосредственно переход неизменяемого прилагательного *демисезон,* бытовавшего в XIX в., в существительное. Но есть примеры, когда никакого другого источника для образования существительного с включением предположить нельзя, потому что усеченная часть не равняется ни одному наличному существительному: К сожалению, это не *термояд* [термоядерная реакция],— говорит Дмитрий Гусев в фильме «9 дней одного года»; в данном случае усечение захватило и часть корня прилагательного. Ср. также *Курилы* 'Курильские острова'.

Вероятно, такого же происхождения слово *стационар,* впервые зафиксированное в словаре Д. Н. Ушакова (1940). Ср.: [Лиза] в заводском *«стационаре»* десятки людей выходила, спасла (В. Кетлинская, Дни нашей жизни) [10].

* * *

Сопоставляя процессы включения в лексике и в словообразовании, можно заметить, что в лексике преимущественно происходит включение определяющего, а включение определяемого занимает незначительное место. В словообразовании же наблюдается и то и другое, причем включение определяемого представлено весьма разнообразно, так как аффиксы облегчают переход слова из одной части речи в другую. Слова с включенными значениями возникают как правило в сфере разговорной непринужденной речи, однако в словообразовании включенные

[10] А. В. Исаченко в упомянутой статье приводит два образования подобного типа от сложных прилагательных: *противогаз* 'противогазовая маска', *самоцвет* 'самоцветный камень' (стр. 342).

значения более четко выражены, более разнообразны, более стойки и легче утверждаются в литературном языке.

Включенные значения при словообразовании — это один из видов сопутствующих значений, которые возникают в производных словах, сопровождая грамматические значения самых образцов [11]. Отличаются включенные значения от других видов сопутствующих значений своей соотнесенностью с определенным конкретным словом исходного словосочетания и возникающей отсюда пестротой частных значений.

Изменения в сопутствующих значениях, особенно во включенных значениях, сближаясь с изменениями лексических значений слов, быстрее реагируют на воздействия извне, видоизменяясь и обогащаясь по мере потребностей, предъявляемых языку обществом.

Так, например, заметно расширяется ассортимент включаемых значений при словообразовании от основ прилагательных. Возникновение новых слов с суффиксом *-к(а)* интенсифицируется и разветвляется: если прежде включались в основном значения только конкретных существительных, то теперь возможно включение значений более отвлеченных, в частности отглагольных существительных и др., например: *чрезвычайка* 'чрезвычайная комиссия', *прогрессивка* 'прогрессивная оплата', *неотложка* 'неотложная помощь', *уголовка* 'уголовный розыск' *гражданка* 'гражданская война' и 'гражданская жизнь', *травополка* 'травопольная система', *пятилетка* 'пятилетний план' *подсобка* не только 'подсобное помещение', но и 'подсобная работа', *зверобойка* 'зверобойный промысел', *генералка* 'генеральная репетиция', *капиталка* 'капитальный ремонт', *самоволка* 'самовольная отлучка', *кругосветка* 'кругосветное путешествие' и т. п.

Снаряд, который у них называют «уточкой», Ирочке не по плечу... А на *подсобке* работать совсем уж не толково (Н. Погодин, Янтарное ожерелье); Было то во времена так называемой «*гражданки*», а по-правильному, во времена гражданской войны (К. Паустовский, Рассказ о народной медицине); Мы всю *гражданку* прошагали вместе (М. Алигер, Первый гром); Мой комбат утром слышал, что в Москве новое ополчение. Кто бы кем ни был на *гражданке* — все подряд рядовыми идут (К. Симонов, Живые и мертвые); А наш солдат ушел на *гражданку*. И знамя поцеловал. А наш солдат сел за баранку, на самосвал («Комс. правда», 10 марта 1962 г.); Кому нужна *травополка* (там же).

---

[11] О сопутствующих значениях образца см.: Н. А. Янко-Триницкая. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах.— Сб. «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 90 и след.

Такое расширение ассортимента включаемых значений приводит к расширению значения и самого образца, который перестает обозначать только конкретные предметы и становится образцом с самым широким предметным значением.

Обогащается данный образец и за счет использования новых типов основ, в частности основ причастий, *сгущенка* 'сгущенное молоко', *нержавейка* 'нержавеющая сталь', *газировка* 'газированная вода' и т. п.

В отдельных случаях имеются попытки образовать такие слова и от односложных основ. Ср. упомянутое выше *стенка* 'стенная газета', *тулка* 'тульское ружье' или в языке современных школьников *вечка* 'вечное перо' и др.

А однажды, не помню, в котором году, колхозу дали распоряжение: в молотильный сарай снопов не возить, ставить оденья на полях. Приедет «*сложка*», то есть, значит, сложная машина, и все обмолотит сама (В. Солоухин, Капля росы).

Можно предположить, что непосредственная субстантивация с включением в настоящее время становится менее продуктивной, уступая место определенным словообразовательным образцам с системами флексий прилагательных муж. и жен. рода; все же и в настоящее время при субстантивации прилагательных в форме жен. рода включаются значения новых рядов слов вплоть до отвлеченных, например: *Первая конная* (армия), *Особая Краснознаменная* (армия), *третий решающий* (год пятилетки), *посевная* (кампания), *уборочная* (кампания) [12] и др.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что процессы включения в лексике и словообразовании являются весьма активными в современном русском языке, а на некоторых участках даже развивающимися и интенсифицирующимися.

---

[12] О словах *посевная, уборочная* и источнике их возникновения см.: Л. Б. Перельмуттер. Переход прилагательных в существительные. «Русский язык в школе», 1948, № 1, стр. 15.

Е. А. Земская

ИНТЕРФИКСАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

1. Введение

Проблема объединения разновидностей одной морфемы (алломорфов) или, как принято говорить, идентификации, или отождествления, морфем занимает большое место в трудах современных зарубежных лингвистов[1]. Однако ее правильному разрешению мешает ряд обстоятельств, в первую очередь неразличение разных типов разновидностей морфем, играющих различную роль в словообразовании и словоизменении. Позиционное варьирование словообразовательных морфем (под которым понимаются и комбинаторные изменения морфем, и их свободное чередование) привлекало к себе внимание исследователей русского языка и описано в литературе[2]. Кроме того, в русском словообразовании распространено явление другого рода, ничего общего не имеющее ни с фонетико-позиционными изменениями, ни с регулярными чередованиями морфем. Ср. образования, сгруппированные под одним номером:

---

[1] См., например: Z. Harris. Morpheme alternants in linguistic analysis. «Language», vol. 18, 1942; Ch. Hockett. Problems of morphemic analysis. «Language», vol. 23, 1947.— Ч. Хоккет так формулирует эту задачу: «Морфемный анализ — это операция, при помощи которой анализирующий выделяет минимальные значимые элементы в высказывании и решает, какие из употреблений (occurrences) этих элементов могут рассматриваться как употребления того же самого элемента» (указ. соч., стр. 321). Критику взглядов этих ученых см.: Н. Д. Арутюнова и Е. С. Кубрякова. Морфология в трудах американских дескриптивистов. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., Изд-во АН СССР, 1961.

[2] Наиболее полное и интересное описание относящихся сюда явлений, хотя и с трактовкой не всегда убедительной, содержится в кн.: N. S. Trubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache. «Travaux du cercle linguistique de Prague», v. 2. Prague, 1934. См. также: Н. В. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883.

1) *ленинград-ск-ий*
ялт-инск-ий
орл-овск-ий
марс-ианск-ий
америк-анск-ий

2) *ленинград-ец*
ялт-инец
орл-овец
марс-ианец
америк-анец

3) *комсомоль-ск-ий*
горсовет-ск-ий
рабкор-овск-ий
завгар-овск-ий
райком-овск-ий

4) *мефистофель-ск-ий*
бетховен-ск-ий
мольер-овск-ий
кальдерон-овск-ий
глинк-инск-ий

5) *пчель-ник*
коров-ник
клоп-овник

6) *малин-ник*
осин-ник
терн-овник

7) *салат-ниц-а*
сахар-ниц-а
сухар-ниц-а
фрукт-овниц-а

8) *мебель-щик*
барабан-щик
гроб-овщик
фрукт-овщик

9) *просветитель-ств-о*
дилетант-ств-о
шут-овств-о
я-честв-о

10) *бедн-як*
здоров-як
смель-чак
весель-чак

11) *риж-анин*
ростов-чанин
горьк-овчанин

12) *цыган-енок*
арап-чонок
татар-чонок

13) *воробьев-ит*
пушкин-ит
гагарин-ит
ереван-ит
бештау-нит
куба-нит
волконск-оит

14) *кон-ин-а*
баран-ин-а
медвеж-атин-а
кобыл-ятин-а
петуш-атин-а

15) *школь-ник*
колхоз-ник
кино-шник
фэзэу-шник

16) *школь-н-ый*
колхоз-н-ый
кино-шн-ый
фэзэу-шн-ый

17) *грыз-н-я*
рез-н-я
визг-отн-я
пачк-отн-я

18) *сезанн-изм*
корбюзье-анизм

19) *бор-ец*
твор-ец
торгов-ец
страда-лец
корми-лец

20) *столяр-н-ый*
слесар-н-ый
инженер-н-ый
буржуа-зн-ый

21) *буржуа-з-н-ый*
буржуа-з-и-я
буржуа

Во всех перечисленных группах (кроме последней) имеется нечто общее: они объединяют слова, которые характеризуются общностью лексико-грамматических свойств производящих основ и частичной фонемной общностью словообразовательных суффиксов,— частичной, так как в некоторых случаях перед общими суффиксами имеются осложняющие их звуковые комплексы.

Эти звуковые комплексы очень разнообразны. Здесь перечислены далеко не все. Однако, несмотря на разнообразие их фонемного состава, их объединяет одна общая черта: эти звуковые комплексы не влияют на значение слова. Производные слова, включающие такие звуковые комплексы и не включающие их, не различаются никакими значениями или оттенками значений, которые можно было бы связывать с этими звуковыми комплексами [3]. Это заставляет рассматривать подобные элементы языка как некое единое явление. Наряду с отмеченной близостью между этими элементами имеются и существенные различия:

1) одни из них высоко частотны, повторяются с определенной регулярностью в разнокоренных словах, входящих в одни и те же словообразовательные типы;

2) другие редки, встречаются в однокоренных словах, относящихся к различным словообразовательным типам (см. № 20—21). Условия применения этих элементов и их роль в построении слова различны (об этом подробнее см. ниже).

2. О специфике корневых и аффиксальных морфем

В русской лингвистической литературе неоднократно обращалось внимание на звуковые элементы, находящиеся между основой и суффиксом [4]. При этом многие ученые, в том числе Г. О. Винокур, считают принципиально несущественным вопрос о том, к производящей основе или к аффиксу относить такой промежуточный звуковой элемент, если с этим элементом не связывается определенное значение (как, например, с элементом *з* в словах *буржуа-з-ный*, *буржуа-з-ия*), т. е., по их мнению, безразлично, видеть ли здесь вариантные суффиксы *-н-*|*-зн-*,

---

[3] Ср. следующее замечание Н. В. Крушевского: «...возможны следующие отношения между суффиксами. С одной стороны, мы встретим какой-н. суффикс, с другой — тот же суффикс плюс какой-н. звук или какие-н. звуки в его начале. Притом эти звуки сами по себе не способны придавать какой-л. особый оттенок корню, т. е. увеличенный суффикс придает тот же оттенок корню, что и неувеличенный или какой-н. другой, но в обоих случаях один какой-н. оттенок, а не два, как в слове *предводительство*» (указ. соч., стр. 81).

[4] См., например: Н. В. Крушевский. Указ. соч.; Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию.— Избр. работы по русскому языку. М., 1959.

ij-|зij- или вариантные основы *буржуа-|буржуаз-*. Г. О. Винокур пишет: «Суть дела выражается вовсе не в том, куда мы отнесем появляющийся здесь лишний звук, а только в том, что в данном случае соотношение двух основ, производящей и производной, принимает вид, который можно было бы выразить формулой: *~а|~азн, ~а|~азия*, и этого достаточно для понимания данного соотношения. Остальное — дело удобства номенклатуры»[5].

Вслед за Г. О. Винокуром такой же точки зрения придерживается и ряд других исследователей, в частности М. Докулил[6].

Мне представляются, однако, утверждения такого рода неверными. По-моему, существует принципиальное различие между вариациями аффиксов и вариациями основы (или корня), и непризнание этого положения связано с ошибочностью некоторых взглядов Г. О. Винокура (и его последователей), высказанных им в названной выше статье.

Одно из основных, принципиальных различий между аффиксальными и корневыми морфемами — обязательная повторяемость первых в аналогично построенных и обладающих общим элементом значения словах и безразличие к этому свойству вторых. Иначе говоря, существуют корни, повторяющиеся во многих словах, и корни, встречающиеся лишь в одном слове, но нет и не может быть суффиксов и приставок, встречающихся лишь в о д н о м слове[7]. Это различие объясняется спецификой значения аффиксальных морфем. Однако оно не заключается в различной с т е п е н и а б с т р а к т н о с т и значения корневых и аффиксальных морфем, как часто принято думать. Ведь есть корневые морфемы с очень широким, отвлеченным значением и аффиксальные морфемы, имеющие узкое конкретное значение (например, суффикс невзрослого существа *-онок*). Различен х а р а к т е р значения морфем. Корневые морфемы имеют в качестве обозначаемого элемент (кусочек) действительности, следовательно, их значение реально-вещественное. Аффиксальные морфемы ни с каким элементом действительности непосредственно не соотносятся. Что же является обозначаемым для них? То общее, что отвлекается из значения ряда слов, включающих эти морфемы. Следовательно, их значение категориально-

---

[5] Г. О. В и н о к у р. Указ. соч., стр. 432.

[6] См.: M. D o k u l i l. K základním otázkám tvoření slov. «O vědeckém poznání soudobých jazyků». Praha, 1958, стр. 165.

[7] Ср. также: «Суффикс *-тух* в *пастух* по соотношению с *пас-ти* все-таки не аффикс, если под последним понимать ф о р м у в ы р а ж е н и я г р а м м а т и ч е с к о г о з н а ч е н и я [разрядка автора.— *Е. З.*]. Для того, чтобы *-тух* было формой, необходимо, чтобы это *-тух* употреблялось в том же значении и при каких-либо других основах» (Н. А. К р ы л о в. Типы основ в современном русском языке. «Научные доклады в высшей школе». Филол. науки, 1963, № 2, стр. 37).

классифицирующее[8]. Вот почему любой звуковой комплекс лишь тогда становится аффиксальной морфемой, когда он входит в состав нескольких разнокорневых слов, имеющих нечто общее в значении. Именно поэтому фонему <з> в словах *буржуазия, буржуазный,* входящую в разные словообразовательные типы, но непременно в соединении с одной и той же лексически основой, нет оснований считать суффиксом или частью суффикса. Она образует вариант основы *буржуа-*|*буржуаз-*. Элементы же языка, повторяющиеся в разнокоренных словах, обладающих общностью значения, занимают иное положение. Такие повторяющиеся звуковые комплексы, несомненно, связываются с общим элементом в семантике соответствующих слов и потому являются морфемами (например, *-ик* в словах *домик, столик, кораблик* и т. п.). Являются морфемами, на наш взгляд, и звуковые комплексы, повторяющиеся в семантически близких словах со связанными основами (типа *-ин-а* в *малина, смородина* и под.). Но мне кажется неверным утверждение Г. О. Винокура о том, что есть суффиксы, встречающиеся лишь в одном слове (*пас-тух, жен-их, рис-унок, поп-адья*)[9]. Если такие слова и являются членимыми по соотношению с однокоренными словами, то остающиеся по выделении корня элементы не получают в результате этого четкого общеязыкового значения[10]. Так как характерная черта слова — семантическая фразеологичность[11], то значение таких единичных отрезков не может быть простой разностью между непроизводной основой и основой, включающей единичный отрезок[12]. Иллюзия осмысленности у таких единичных отрезков появляется лишь в редких случаях, например у *-тух* (в *пастух*)

---

[8] Ср. замечания о различии корневых и аффиксальных морфем в статье В. В. Лопатина и И. С. Улуханова «О некоторых принципах морфемного анализа слов»: «Коренная морфема в слове всегда несет предметно-логическое, знаменательное значение (наряду с логико-грамматическим), а аффиксы — только логико-грамматическое, деривационное или категориальное значение» («Известия АН СССР, ОЛЯ», 1963, вып. 3, стр. 191). Ср. также V. Straková. K významu morfému a slova. «Československá rusistika», 1963, № 2, стр. 75.

[9] Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 427.

[10] Ср. следующее замечание Н. В. Крушевского: «При существительном *дар* имеется глагол *дать*, однако звук *р* не обособляется как суффикс, потому что нет серии слов с известным определенным оттенком в значении и с суффиксом *р*. Мы даже не можем сказать, какой оттенок придается этим суффиксам: в слове *дар* мы не чувствуем двух центров, основного значения и его оттенка, как в слове *оконце*» (указ. соч., стр. 78).

[11] См.: М. В. Панов. О слове как единице языка. «Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», вып. 5. М., 1956, стр. 146—147 и след.

[12] См.: А. И. Смирницкий. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. «Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ», вып. 5, 1948, стр. 21—26.— Убедительную критику взглядов А. И. Смирницкого дает Н. А. Крылов в упоминавшейся уже статье (стр. 40—41).

и у *-адья* (в *попадья*) [13]. Это объясняется, однако, не тем, что такие отрезки имеют общеязыковое значение, а тем что соотношение «действие — действующее лицо», «лицо мужского пола — лицо женского пола» часто передается при помощи словообразовательных средств языка, оно выступает как типизированное и легко поддающееся определению. По аналогии с такими словоообразовательными аффиксами могут восприниматься и единичные отрезки.

Совсем невозможно установить значение элементов *-ос-* в *белёсый, -арус* в *стеклярус, -ож* в *чертеж,* потому что в русском языке нет выражаемого словообразовательными средствами стандартизованного соотношения, подобного соотношению слов *белый — белёсый, стекло — стеклярус, чертить — чертеж.* Вот почему является неубедительным рассуждение Г. О. Винокура [14], поддержанное рядом других ученых [15], о том, что значение «суффикса» в таких словах принципиально не отличается от значения регулярно повторяющихся суффиксов.

3. Интерфиксы, варианты основы и единичные «наращения»

Рассмотрим подробнее промежуточные звуковые комплексы, которые повторяются в разнокорневых словах, относящихся к одним и тем же словообразовательным типам. Отсутствие значения не позволяет причислить звуковые комплексы, стоящие между корнем (или основой) и суффиксом, к разряду морфем, так как основная черта морфемы — значимость — у них отсутствует. Нет оснований также считать объединения этих промежуточных звуковых комплексов и суффиксов новыми производными суффиксами и выделять такие суффиксы, как *овец, -инец, -анец, -ианец* (наряду с *-ец*), *-овск-, -инск, -анск-, -ианск-* (наряду с *-ск-*) *-шник* наряду с *-ник*), *-ш-ый* (наряду с *-н-ый*), *- овщин-а* (наряду с *-щин-а), -овств-о* (наряду со *-ств-о*), *-нит* (наряду с *-ит*) и т. д. Ведь эти суффиксы не имеют никакого нового значения по сравнению с суффиксами простыми. Правильнее — и с точки зрения более точного понимания структуры слова, и с точки зрения удобства анализа — рассматривать эти элементы как особые строевые части слова, связывающие корень (или основу) и словообразовательный суффикс. Термины, применяемые для их названия в научной литературе, разнообразны: пустые морфемы, связочные морфемы, интерфиксы, «вставки», «прокладки»

[13] Например: «Функция суффикса в слове *попадья* близка к роли суффикса в словах *ударница, поэтесса, курсантка* и др.» (Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 46).

[14] Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 427.

[15] См.: Н. Д. Арутюнова. Указ. соч., стр. 17; В. В. Лопатин и И. С. Улуханов. Указ. соч., стр. 191—192.

empty morphs, Verbindungsmorphemen [16]. В дальнейшем в работе будет использоваться термин интерфикс [17], который удобен тем, что состоит из одного слова и по своей структуре ставится в один ряд с терминами *префикс, суффикс, постфикс.*

Интерфиксы можно определить как части слова, не имеющие самостоятельного значения и выступающие как строевые средства языка, функция которых состоит в соединении морфем в слове. Интерфиксы могут соединять морфемы разного рода: 1) корня (или основы) и суффикса, 2) суффикса и окончания, 3) корневые морфемы в составе сложного слова [18]. Наиболее разнообразны в современном словообразовании и наиболее значительную роль играют интерфиксы, соединяющие морфемы корня (или основы) и суффикса. Им и будет уделено основное внимание в настоящей статье.

Интерфиксы выступают как регулярные строевые средства языка, формирующие определенные словообразовательные модели. Этим они отличаются от единичных элементов, связанных не с определенными моделями, а с определенными основами (или корнями), таких, например, как *-з-* в *буржуазный, буржуазия.* Отличаются от интерфиксов и единичные «наращения» типа *-арус* в *стеклярус, -тух* в *пастух, -унок* в *рисунок* и под., которые не формируют, подобно интерфиксам, словообразовательных типов [19].

Между такими наращениями и интерфиксами есть и другое различие: слова, включающие подобные наращения, отличаются по значению от слов, не имеющих этих наращений, тогда как слова, имеющие тождественный морфемный состав и различающиеся только наличием и отсутствием интерфикса, тождественны по значению (ср. *стекло≠стеклярус, рисовать≠рисунок* и

---

[16] Ср. определение Verbindungsmorphemen у Н. С. Трубецкого: «Под связочными морфемами мы понимаем такие части слова, которые не могут быть отнесены ни к морфемам основы, ни к морфемам окончания и морфологическая функция которых состоит исключительно в связи морфем основы с морфемами окончания» (указ. соч., стр. 14).

[17] Термин А. М. Сухотина.

[18] Показательно, что исследователи сложных слов, хотя и называют соединительную гласную морфемой, т. е. знаменательной частью слова, усиленно подчеркивают ее специфический характер: чисто соединительную роль в слове. Ср., например, такое определение значения соединительной гласной: «...семантика этой морфемы абстрактна и сводится к идее соединения» (В. В. Лопатин и И. С. Улуханов. Указ. соч., стр. 200).

[19] Ср. замечания М. В. Панова о таких отрезках, как *-унок* (в слове *рисунок*) или *-арус* (в слове *стеклярус*): «Он превращается в синтагматически закрепленный наполнитель слова или в обессмысленную «прокладку» (Verbindungsmorphem) между семантически полноценными морфемами» (М. В. Панов. Некоторые тенденции в развитии русского литературного языка XX в.— ВЯ, 1963, № 1, стр. 14). Соглашаясь с такой характеристикой отрезков типа *-унок, -арус*, я считаю, однако, что их необходимо отграничивать от интерфиксов как строевых средств языка.

горсоветский = горсоветовский, байронский = байроновский, техникумский = техникумовский, бригадмилец = бригадмиловец).

Конечно, не исключена возможность превращения единичных наращений в строевые средства языка — суффиксы или интерфиксы, используемые регулярно в словопроизводстве. Так, например, элемент *-дром* из остаточно выделяемого отрезка (ср. *аэродром, ипподром*) превратился в словообразующий суффикс: *циклодром, танкодром, ракетодром, планеродром, космодром.* О его активности свидетельствуют индивидуальные новообразования[20]. Возможно, что в интерфикс превратится элемент *-лез-*, встречающийся в таких словах, как: *конго-лез-ский, конго-лез-ец; того-лез-ский, того-лез-ец*[21].

4. Условия применения интерфиксов

Какова роль интерфиксов в процессе словообразования? Интерфиксы используются в тех случаях, когда соединение словообразовательных морфем с корнем (или с основой) по каким-либо морфонологическим причинам затруднено или невозможно.

1) Интерфикс объединяет основу, кончающуюся гласной фонемой, и суффикс, начинающийся гласной, так как соединение таких морфем противоречит законам построения русского слова. Такова роль интерфикса *-н-* в названиях минералов *бештау-н-ит, куба-н-ит,* интерфикса *-j-* — в прилагательных *верди-<j>-евский, россини-<j>-евский.*

Такую же роль играет элемент *-л-* (по происхождению связанный с формами глаголов прошедшего времени) в словах типа *пои-л-ец, корми-л-ец.* Ср. рассуждение Г. О. Винокура о словах типа *поилец, кормилец:* «Эти существительные соотнесены, разумеется, не с основой прошедшего времени на-*л-*, с которой они связаны только этимологически, а с основой глагола, взятого в отвлечении от значения времени»[22]. Десемантизированный характер этого *-л-* подтверждается тем, что в том же словообразовательном типе существуют и образования без *-л-* от основ на согласные: *бор-ец, твор-ец.*

---

[20] Н. Тихонов пишет в своих «Страницах воспоминаний»: Настоящий *рюходром*, как у Павлова в Колтушах! («Знамя», 1963, № 3). Молодой поэт Ю. Панкратов мечтает о времени, «когда в дни поэтических состязаний и выступлений будет также трудно пробиться к *«поэтодрому»*, как сейчас трудно попасть на стадион» («Лит. газета», 9 авг. 1962 г.). Биолог называет *змеедромом* место, где он проводит эксперименты со змеями: Рюмин повторяет эксперимент уже в другом углу *«змеедрома»* («Сельская жизнь», 1 окт. 1963 г.).

[21] Любопытно, что еще в недавнее время от слова *Конго* встречались образования иного типа: *конгийский.* Например: Описание афропавлина *конгийского* появилось в 1936 г. и вызывало сенсацию... (Б. Эйвельманс. По следам неизвестных животных. «Мир приключений», 1961, кн. 6, стр. 290).

[22] Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 432.

2) Интерфиксы появляются обычно после основ, кончающихся гласными, и в том случае, если суффикс начинается согласной фонемой. Так, в производных от несклоняемых существительных с основами на гласные обычно используются интерфиксы *-j-* и *-н-*. Например, *кофейник, шоссейный, пикейный, купейный, жалюзийный, безейный.* Как удачно объясняет Н. А. Еськова образование слов типа *кофейник,* «таким способом устраняется необычность основы, которая у существительных никогда не кончается гласной»[23]. Интерфикс *-j-* очень широко применяется в прилагательных, производимых от наименований мест: *Гори — горийский, Поти — потийский, Байрам-Али — байрам-алийский, Кара-Су — кара-суйский, Ашэ — ашэйский, Хуло — хулойский* и мн. под.

Тенденцией «избавиться» от основы на согласную фонему объясняется тот факт, что «при образовании слова *разливка* по морфонологическим причинам используется вариант основы *разлив-*, а не *разли-*: суффикс *-к(а)* у отглагольных существительных может следовать только за согласным. Таким образом, *-в-* здесь интерфикс, и семантические связи у слова *разливка* со словом *разливать* не более прочны, чем со словом *разлить*»[24]. Интерфикс *-в-* участвует также в образовании отглагольных прилагательных с суффиксом *-н-*, присоединяемым только к согласным основам: *сши-в-н-ой* (соотносится с *сшить* и *сшивать*), *разли-в-н-ой* (соотносится с *разлить* и *разливать*). У прилагательного отсутствует специфическая семантическая связь с глаголом только несовершенного вида, он соотносится семантически с глаголами обоих видов, поэтому нет никаких оснований с точки зрения синхронного словообразовательного анализа рассматривать производящую основу как основу несовершенного вида: это общая глагольная основа (без видовых суффиксов) с интерфиксом *-в-* перед суффиксом прилагательных.

Менее распространен интерфикс *-в-* в производстве слов по другим моделям (*эмгэу-в-ск-ий, ко́ни-в-ск-ий* — от фамилии *Ко́ни; интервью — интервью-в-щик*).

---

[23] Н. А. Еськова. Фонема <j> в современном русском литературном языке. «Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», т. XLII, 1957, стр. 71.— Вряд ли можно, однако, согласиться с предложенным автором объяснением происхождения этого *-j-* в словах типа *кофейник, шоссейный* наличием у некоторых из существительных параллелей с *-j-* (типа *кофе — кофей*). Скорее здесь можно видеть аналогическое использование одного из самых распространенных интерфиксов русского языка *-j-* в характерной для него позиции (после основ на гласные). Ср. широкое и регулярное использование интерфикса *-j-* в словоизменении, например в спряжении глаголов — для соединения морфем корня и окончания: *гуля-<j>-у, чита-<j>-у* и т. п.

[24] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 33.

При производстве прилагательных от основ наречий со значением времени используется интерфикс *-ш-*, соединяющий основы на гласные с суффиксом *-н'-*; *завтра-ш-н-ий, вчера-ш-н-ий, сегодня-ш-н-ий, тогда-ш-н-ий;* ср. без интерфикса — в образованиях от существительных с основами на согласные: *летний, зимний, весенний, осенний, вечерний.*

В просторечии функции интерфикса *-ш-* более широкие. Он входит и в образования от основ наречий иной семантики, существительных и даже конструкций с предлогами (*зря-ш-н-ый, никчему-ш-н-ый, когдато-ш-н-ий, давно-ш-н-ий, никуды-ш-н-ый, правда-ш-н-ий, взаправда-ш-н-ий, кобедне-ш-н-ый* и нек. др.) [25].

В современном просторечии интерфикс *-ш-* активизируется. Он участвует в образовании существительных и прилагательных от несклоняемых существительных с основами на гласный и от аббревиатур: *кино — кино-ш-к-а, кино-ш-ник, кино-ш-н-ый; домино — домино-ш-ник, домино-ш-н-ый; эмгеу — эмгеу-ш-ник* [26].

3) Интерфиксы, начинающиеся гласными, соединяют основы, кончающиеся согласными, и суффиксы, начинающиеся согласными, устраняя скопление согласных на морфемном шве: *сестра — сестрин-ск-ий, Ялта — ялт-ин-ск-ий, Чаква — чакв-ин-ск-ий, Бугульма — бугульм-ин-ск-ий, Можга — можг-ин-ск-ий.*

Такую же чисто соединительную роль выполняют гласные, объединяющие две или более корневых морфем в составе одного сложного слова: *пар-о-воз, гряз-е-лечебница* и т. п.

4) Наконец, применение интерфиксов может определяться тенденцией русского словообразования к устранению односложности предсуффиксальных отрезков в новых производных словах. Действием именно этой тенденции объясняется, по всей вероятности, такое давнее применение интерфиксов, как образование прилагательных от основ односложных

---

[25] Вот несколько иллюстраций: ...стародавние венгерские аристократы, бледные выродки *когдатошных* рыцарей (М. Кольцов, Что могло быть); Вот он и выпросил у широкоплечего товарища новую *«кобеднешную»* одежу... (В. Полторацкий, Лето);— Ты ведь здешний, *давношний*? (П. Прудковский, Касиловцы); ...много лет назад отец рассказывал мне *«заправдашние»* сказки... (С. Образцов, Две поездки в Лондон); ...у них плужишка *никчемушный* (М. Никулин. Полая вода). ...Как сказал когда-то Горький о положительных героях детской литературы, вся эта галерея капитанов, майоров и полковников похожа на *когдатошние* базарные фотографии... («Лит. газета», 10 ноября 1962 г.); Клев был *никудышный* («Сельская жизнь», 16 апр. 1963 г.).

[26] Например: Это был ленивый и глупый кот... Два раза мы не ходили в кино, чтобы купить ему на *киношные* деньги сливки (С. Шатров, Кое-что о Васюковых); Есть ли свой язык у кинематографа. Так сказать, чистый кинематограф, свои только *«киношные»* средства? (В. Солоухин, Драгоценные секунды); «Семерка»— во, законная *киношка*! («Комс. правда», 23 янв. 1963 г.); Приехали писатели, художники, артисты, мелкие журналисты, *«киношники»*... («Лит. газета», 23 окт. 1962 г.); Наш *фээзошный* военрук орден получил... (А. Макаров, Паутина); Немного поодаль перестреливались *доминошники* («Крокодил», 1962, № 18);— Он был *энкаведешник*. Крупный (А. Чаковский, Свет далекой звезды).

существительных с помощью суффикса *-ск-* и интерфикса *-ов-*: *отц-ов-ск-ий, поп-ов-ск-ий, бес-ов-ск-ий, вор-ов-ск-ой* и под.

В современном языке действием этой тенденции объясняется тот факт, что при производстве прилагательных с суффиксом *-ск-* и имен лиц с суффиксом *-ец-* от односложных сложносокращенных слов и аббревиатур используется, как правило, модель с интерфиксом *-ов-* (например, *гостовский; мидовец, мидовский; жэковский; мхатовский; урсовец, урсовский; жактовец, жактовский; ОСТовец, ОСТовский* и т. п.).

Таковы основные случаи структурно-обусловленного функционирования интерфиксов.

Однако такое применение интерфиксов не отражает полностью их функционирования. Едва ли не более типичны иные случаи — аналогически обусловленного применения интерфиксов: по действию закона аналогии интерфиксы присоединяются к основам, которые могли бы сочетаться с простыми суффиксами и непосредственно. Так, у имен лиц на *-овец* и прилагательных на *-овский,* производимых от различных наименований, состоящих из нескольких слов, сложносокращенных слов и аббревиатур, применение интерфиксов в одних случаях структурно необходимо (при их односложности, скоплении согласных или гласных в исходе), в других же — обусловлено действием закона аналогии. Именно поэтому в наши дни от сложносокращенных слов, склоняемых и не имеющих скопления согласных в исходе, трех- и даже четырехсложных (т. е. тех, удлинять которые нет необходимости), производные образуются как правило интерфиксальным путем[27].

По-видимому, эта закономерность словообразования сложилась не так давно. Показательно, что производные от сложносокращенного слова *комсомол* только *комсомол-ец, комсомолка, комсомоль-ск-ий,* но не «комсомол-овец», «комсомол-овка», «комсомол-овск-ий». Использование в этом случае модели без интерфикса объясняется длиной слова (3 слога) и тем, что оно кончается не на скопление согласных, а на одиночное *л,* легко сочетающееся с суффиксами *-ск-, -ец, -ка.* Играет роль, кроме того, и то обстоятельство, что слова́ *комсомол, комсомолка, комсомолец, комсомольский* произведены давно, в тот период, когда в образованиях от аббревиатур и сложносокращенных слов аналогическое применение интерфиксации не было строгой закономерностью. Ср. отмечаемые в 20—30-е годы слова *нэпманский, эсэрский, эрэсфэсэрский, шкидец, шкидский* и др.

---

[27] Например: *...гэктемасовцы,* последний призыв гордого и незнакомого мне племени «мейерхольдовцев» (А. Гладков, Воспоминания, заметки, записи о В. Э. Мейерхольде); ...они попросили *горкоммунхозовцев* перепланировать их квартиру («Изв.», 30 марта 1963 г.); *Рабочкомовцы* спешили... («Комс. правда», 23 марта 1963 г.); *райисполкомовский* катер («Лит. газета», 12 янв. 1963 г.).

5. Суффикс + интерфикс или производный суффикс

Во всех ли случаях, однако, звуковые комплексы, выступающие в качестве суффиксов в тех или иных словах, надо выделять в качестве суффиксов и в других производных, относя находящиеся перед ними элементы к интерфиксам? Ответить на этот вопрос не всегда легко. Очевидно, что в словах типа *красноватый, голубоватый, желтоватый* *-ов-* не интерфикс. Суффиксом, имеющим специфическое значение, является весь комплекс *-оват-*, так как перечисленные прилагательные не объединяются по значению с прилагательными с суффиксом *-ат-* типа *бородатый, усатый, хвостатый* и под.

Затруднения возникают в тех случаях, когда простой и осложненный суффикс в одних случаях тождественны по значению, а в других — различны. Ср. такие группы слов, как *промывательный, промывальный, промывочный, промывной* (агрегат); *поливательная, поливальная, поливочная и поливная* (машина) и *сообразительный, возмутительный* при отсутствии «сообразильный», «возмутильный», «сообразочный» и под. и различии значений слов *сообразный* и *сообразительный.* Отсутствие таких образований объясняется тем, что прилагательным на *-льный, -очный* и *-ный* тождественны по значению лишь прилагательные на *-тельный* с относительным значением ('предназначенный для какого-либо действия', 'связанный с каким-либо действием'), производимые от глаголов, обозначающих конкретные действия. Однако, кроме того, суффикс *-тельн-* может производить прилагательные с активным и пассивным значением (соотносительные с действительными и страдательными причастиями) и от глаголов с отвлеченным значением, что не свойственно суффиксам *-льн-, -очн-, -н-.* В этих случаях суффикс *-тельн-* выступает как суффикс особый, отличный от них, а не как суффикс *-н-* с интерфиксом.

Еще один пример. По-видимому, на наших глазах происходит формирование производного суффикса имен прилагательных *-истск-*, отличного по значению и экспрессивной окраске от суффикса *-ск-* и имеющего более узкие словообразовательные связи — соединяющегося только с основами отвлеченных значений. Ср. два ряда образований:

максималистский	и	*максимальный,*
буквалистский	и	*буквальный,*
нейтралистский	и	*нейтральный,*
универсалистский	и	*универсальный,*
субъективистский	и	*субъективный,*
объективистский	и	*объективный,*
рационалистский	и	*рационалистический,*
операционалистский	и	*операционалистический.*

Несомненно, что образования на *-истский* характеризуются общностью значения и экспрессивной окраски и отличаются от однокоренных прилагательных с другими суффиксами. Прилагательные с суффиксом *-истск-* нередко не выражают отношения к лицу, так что относить элемент *-ист-* к производящей основе нет оснований. К тому же в ряде случаев соответствующие имена лиц отсутствуют. В таких случаях прилагательные на *-истский* содержат дополнительный оттенок неодобрительной оценки признака и являются экспрессивными синонимами однокоренных образований. В отдельных случаях такие прилагательные могут соотноситься с существительными на *-изм*.

Для характеристики семантико-словообразовательных соотношений между прилагательными на *-истский* и однокоренными существительными показателен следующий случай. В статье одного и того же автора в качестве образований от имени *Трухильо* употреблены прилагательное *трухильистский* и существительное *трухильизм*, однако сторонники Трухильо именуются не «трухильистами», а *трухильевцами*. Вот примеры: ...военные корабли США вновь подошли к берегам Доминиканской республики, чтобы попытаться помешать народу навсегда покончить с *трухильистской* диктатурой («Веч. Москва», 18 янв. 1962 г.); ...в Сант-Доминго вновь пришли к власти отъявленные *трухильевцы* (там же); *трухильизм* без Трухильо («Веч. Москва», 10 янв. 1962 г.).

Такие же соотношения связывают слова *Гитлер — гитлеровец* (не «гитлерист») и *Гитлер — гитлеризм — гитлеристский*. Очень характерны в этом отношении прилагательные *снобистский, гегемонистский*, соотносительные с именами *гегемон — гегемонизм, сноб — снобизм* (существительные «гегемонист», «снобист» отсутствуют). Существование таких корреляций приводит к тому, что даже и при наличии имен лиц на *-ист* прилагательные на *-истский* связываются не с ними, а с соответствующими непроизводными словами и существительными на *-изм*. Так, *фрейдистский* обозначает 'относящийся к учению Фрейда, фрейдизму', но не к последователям Фрейда, фрейдистам [28].

Вот еще несколько примеров употребления прилагательных на *-истский*, произведенных не от имен собственных: Ведь и у Гумилева и у Ахматовой в конце концов был этот *интимистский* говорок... (Н. Асеев, Дневник поэта. Ср. *интимный* и отсутствие слова «интимист»); ...отдельные явные ошибки автора освещены

---

[28] Отсутствие соотношений с именами лиц на *-ист* у многих прилагательных на *-истский* объясняется отчасти общей непродуктивностью производства существительных на *-ист* от имен собственных в современном языке и продуктивностью суффикса *-ец* в образовании этого разряда слов. См.: В. П. Даниленко. Имена собственные как производящие основы современного словообразования, стр. 85, 88—89 (в настоящем сборнике).

с *нейтралистских* позиций... (ВЯ, 1963, № 2. Ср. *нейтральный*); Конечно, наивно было бы ожидать от меня бестрепетно *объективистского* рассказа о родных мне людях... (М. Галлай, Испытано в небе. Ср. *объективный*); Прагматист-бихейвиорист Харрис, исходящий из «*физикалистских*» позиций... сразу же протестует против функциональной трактовки фонемы у Трубецкого... (А. Реформатский, Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии»); *Физикалистские* термины, содержащие привкус логики и статистики, могут ввести в заблуждение лингвиста (В. А. Звегинцев, Дескриптивная лингвистика. Ср. *физический*); ... *универсалистские* тенденции дескриптивной лингвистики (там же. Ср. *универсальный*); Многословное психологизирование на модный *фрейдистский* манер («Лит-ра и жизнь», 16 ноября 1960 г. Ср. *фрейдовский*). Ср. также: *буквалистские* (ответы) и *буквальные, рационалистский* (подход) и *рационалистический; максималистские* (требования) и *максимальные.*

Таким образом, в современном языке формируется новый суффикс — *-истск-* [29], заключающий в себе сравнительно с основным суффиксом *-ск-* специфический экспрессивно-семантический оттенок. Элемент *-ист-* в таких прилагательных не является интерфиксом и не может быть отнесен к производящей основе. Формирование этого суффикса с четкой экспрессивной окраской отрицательности относится, по-видимому, к 50—60-м годам XX в. Среди образований более раннего времени встречаются и положительно, и отрицательно окрашенные, т. е. у них не было единства экспрессивной окраски. Кроме того, они соотносились как правило и с отвлеченными существительными на *-изм,* и с именами лиц на *-ист* (*марксизм — марксист — марксистский*) [30].

По-видимому, происходит также обособление производного суффикса *-атина* от суффикса *-ина.* Суффикс *-атина,* выделившийся из образований типа *телятина, медвежатина,* включающих суффикс *-ина* (простой или осложненный интерфиксом

---

[29] Характерно, что ряд прилагательных на *-истский* не отмечен даже последними толковыми словарями русского языка. Так, в многотомном Словаре современного русского литературного языка АН СССР (т. 1—13, М.— Л., 1948—1962) отсутствуют слова *авангардистский, интимистский, абстракционистский, буквалистский, операционистский, рационалистский,* а толкования других слов недостаточны и лишены иллюстраций (см. *нейтралистский, объективистский, милитаристский*).

[30] Характеристику таких прилагательных см. в кн.: В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 228.— Число прилагательных на *-истский* в прошлом было невелико, так как в качестве прилагательных к существительным на *-изм* ранее производились обычно прилагательные на *-истический* (*капитализм — капиталистический, рационализм — рационалистический, импрессионизм — импрессионистический, эгоизм — эгоистический*), прилагательные же на *-истский* обычно выражали лишь отношение к лицу. О соотношении прилагательных на *-истский* и *-истический* в XIX — нач. XX в. см.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 386—388.

-ат-), активизируется в производстве существительных с отвлеченным значением от основ прилагательных (*грубятина, пошлятина, кислятина, тухлятина, мертвятина* и под.; сюда же: *отсебятина*), тогда как суффикс *-ина* в этой функции обнаруживает непродуктивность. Ср. единичные старые образования *вышина́, глубина́, седина́* и др. Существительные типа *пошлятина*[31] отличаются по значению и от образований типа *вышина, глубина,* и от образований типа *телятина, медвежатина.*

6. Соотношение интерфиксальных и безинтерфиксных моделей словопроизводства

Применение интерфиксов по действию закона аналогии обусловливает отличие интерфиксации от позиционного варьирования словообразовательных морфем. В использовании интерфиксов нет той строгости и обязательности, как в позиционном варьировании[32].

Бывает возможен, с одной стороны, выбор одного интерфикса из нескольких, с другой стороны — использование в сочетании с одними и теми же структурно-семантическими типами основ моделей словопроизводства как с интерфиксом, так и без него. Вот почему суффикс простой и суффикс, осложненный интерфиксом, могут вступать в сочетание с одними и теми же типами основ, т. е. находиться в отношении свободного варьирования. Так, от названий разного рода изданий с основой на одиночный согласный создаются прилагательные с помощью суффикса *-ск-*, непосредственно присоединяемого к основе и присоединяемого к основе с помощью интерфикса: ср. *Крокодил — крокодильский* (хотя могло бы быть и «крокодиловский») и *Огонек — огоньковский, Гудок — гудковский*, хотя могло бы быть и «гудокский», «огонекский»[33]. От названий населенных пунктов — существительных жен. рода прилагательные обычно образуются с помощью интерфикса *-ин-*: *Зима — зиминский; Чита — читинский, Караганда — карагандинский, Алма-Ата — алма-атинский* и многие др. Однако это только тенденция словопроизводства, а не непреступаемый закон. От многих других названий городов жен. рода прилагательные образуются непосредственнно с помощью суффикса *-ск-*: *Елгава — елгавский, Джава — джавский, Вальмиера — вальмиерский, Клайпеда — клайпедский, Лида — лидский, Нестойта — нестойтский, Ела-*

[31] Такие существительные обычно не выделяют в особый словообразовательный тип. Ср., например, их характеристику как обозначений вкусовых качеств в статье: А. Д. Печатников. Суффиксы словообразования в совр. русск. языке. «Иностр. языки в школе», 1951, № 1, стр. 35.

[32] Ср. замечание Е. Куриловича о необязательном характере аналогических процессов (Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 99).

[33] Ср. в прилагательных, произведенных от названий населенных пунктов: *Глубокое — глубокский.*

буга — елабужский. От имен и фамилий (не имеющих суффиксов *-ов, -ин*) прилагательные, как правило, образуются при посредстве интерфикса *-ов-*: *гоголевский, сервантесовский, бальзаковский, шекспировский, флоберовский, стендалевский, гашековский, гриновский, жюльверновский, майн-ридовский* и т. п. Однако от некоторых имен собственных образуются безинтерфиксные прилагательные: *чаплинский, бетховенский, мефистофельский, Ланкастерский* (метод обучения), *дон-кихотский, дон-жуанский.* Любопытен случай, когда в одном контексте от имени и фамилии лица (Холден Колфилд) создается образование и с интерфиксом и без него: *холденовское одиночество,* но *колфилдские черты* («Юность», 1963, № 1).

Встречаются также случаи, когда от одной и той же основы создаются тождественные по значению производные и с помощью интерфикса, и без него. В таких случаях суффиксы простой и осложненный интерфиксом также находятся в отношениях свободного варьирования. Например: *тельман-ск-ий — тельман-овск-ий, горсовет-ск-ий — горсовет-овск-ий, техникумский — техникум-овск-ий, эсер-ск-ий — эсер-овск-ий, нэпман-ск-ий — нэпман-овск-ий, кавминвод-ск-ий — кавминвод-овск-ий; тельман-ец — тельман-овец, бубновалет-ец — бубновалет-овец; правлен-ск-ий — правлен-ческ-ий, учрежден-ск-й — учрежденческ-ий.*

Однако такое функционирование простого и осложненного суффикса нетипично. Они создают в этих случаях словообразовательные дублеты, число которых в современном русском языке невелико. Характерно, что в таких случаях обычно один из членов дублетной пары бывает менее употребителен, чем другой. Ср.: *негритянский* и (редкое) *негрский*[34], *Филевский проезд* и (редкое, воспринимаемое как неправильное)[35] *Фильский проезд.*

Наличие таких дублетов нередко свидетельствует о неустойчивости, невыработанности производного от той или иной производящей основы[35].

---

[34] Ср.: У некоторых *негрских* племен... считается, например, очень красивым иметь заостренные зубы... («Синий журнал», 1911, № 42); Сего афричонка в науку | Взяв всем россиянам носы | Утер и наставил. От внука | то *негрского* — свет на Руси! (М. Цветаева, Петр и Пушкин); Рушатся *в негрский* ритм | Стаи клешнями сцепившихся пор (Антокольский).

[35] См. фельетон «Адресная головоломка» («Веч. Москва», 17 янв. 1962 г.).

[36] Так, в современном языке бытуют три образования от слова *общежитие* (безинтерфиксные и интерфиксальные): *общежитский, общежитейский* и *общежитенский.* Например: А ребята, живущие в общежитии, не чувствуют себя вправе что-либо изменить в укладе *«общежитенской»* жизни, они здесь ничего не решают («Лит. газета», 11 окт. 1955 г.); ...*в общежитской* комнате сидит парень, уткнувшись в учебник («Комс. правда», 16 янв. 1963 г.); в *общежитской комнате* (А. Караваева, Разбег); Московский, институтский, *общежитский* Сашуня на фоне деревенского пейзажа...— это было невероятно (В. Солоухин, Характер); Однако к утру все мы зябли под своими *общежи-*

В истории языка наблюдается стремление к устранению такой вариантности и, при отсутствии строгих структурных закономерностей в применении суффиксов простых и осложненных интерфиксами, к индивидуализированному закреплению тех и других в сочетании с определенными основами. Однако сама принципиальная возможность взаимозамены подобных элементов в составе слова без изменения его значения доказывает, что суффикс, осложненный интерфиксом, не образует особой морфемы по сравнению с суффиксом простым.

Более типичны иные соотношения между интерфиксальными и безинтерфиксными моделями, а именно, когда простой и осложненный суффиксы выступают в сочетании с разными типами основ, т. е. находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. При этом их применение может регламентироваться структурно-грамматическими свойствами производящих основ (см. выше, раздел 4).

7. Продуктивность интерфиксации в современном словообразовании

Интерфиксация в современном словообразовании очень продуктивна. Во многих случаях модели словопроизводства с интерфиксами побеждают модели производства без интерфиксов. Несомненно, кроме причин морфонологических, это объясняется тем фактом, что интерфиксация способствует усилению контраста между словом производным и производящим. «В самом деле, расстояние между А и А+суффикс+добавочное изменение больше, чем расстояние между А и А+суффикс»,— пишет Е. Курилович[37]. Поэтому «морфема, состоящая из двух элементов, стремится уподобить себе изофункциональную ей морфему, включающую только один из этих двух элементов, то есть сложная морфема замещает простую»[38]. Примеры словообразовательных типов, в которых число интерфиксальных образований превосходит число образований безинтерфиксных, многочисленны. Приведу только два.

В современном языке производные от сложносокращенных слов и аббревиатур разнообразны и создаются как правило по моделям с интерфиксами (примеры см. выше). Точно так же почти исключительно при помощи интерфиксов образуются про-

тейскими одеялами (В. Солоухин, Каравай заварного хлеба); ...нас четверо жило в *общежитейской* комнате («Лит. газета», 1 июня 1963 г.).

Какое из этих слов окажется более живучим, пока неясно.

[37] Е. Курилович. О природе так называемых «аналогических» процессов.— В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 101.

[38] Там же, стр. 98. Ср. также: «Интерфиксы усиливают, подчеркивают (в русском языке) стоящие после них аффиксы; они становятся дополнительным признаком этих аффиксов» («Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата. 1962. стр. 49).

изводные от бессуффиксных фамилий. На фоне многочисленных, постоянно и легко образуемых интерфиксальных прилагательных типа *майн-ридовский, рокфеллеровский, фордовский, марктвеновский* и под. безинтерфиксные образования (например, *бетховенский, чаплинский, мефистофельский*) кажутся исключениями).

Так как интерфиксы входят в структуру слова преимущественно по требованиям закона аналогии, происходит отбор из множества интерфиксов немногих единиц, повторяющихся во многих моделях. Такими являются интерфиксы *-ов-*, *-j-*, *-ч-*,*-в-*, *-ин-*, *-ан-*,*-оч-*. Поэтому можно говорить о продуктивных интерфиксах так же, как мы говорим о продуктивных и непродуктивных суффиксах и приставках.

Самым активным в современном словообразовании является интерфикс *-ов-*. Кроме регулярного использования в целом ряде продуктивных словообразовательных типов (имен лиц на *ов-ец*, прилагательных на *-ов-ск-ий*, отвлеченных существительных на *ов-щин-а, -ов-ств-о*), он участвует в производстве отдельных образований и со многими другими суффиксами, которые обыкновенно присоединяются к производящей основе без помощи интерфикса. Ср.: *ржище, овсище и рис-ов-ище* [39]; *читалка, курилка, раздевалка, умывалка* и *забегал-ов-ка, спасал-ов-ка* [40], *ожидал-ов-ка* [41]; *испанка, бескозырка, пилотка, «робингудка»* и *буденн-ов-ка, «жангабен-ов-ка»* [42]; *сахарница, сухарница, салатница* и *фрукт-ов-ница*.

Продуктивные интерфиксы могут вытеснять менее продуктивные. Так, например, при производстве прилагательных от несклоняемых названий городов с исходом на ударные гласные суффикс *-ск-* может присоединяться к основе с помощью интерфикса *-н-: Улан-Удэ — улан-уде-н-ск-ий*. Однако образования этого рода вытесняются прилагательными с более частотным интерфиксом *-ин-*, продуктивным в производстве прилагательных от многочисленных наименований жен. рода (типа *Ялта— ялт-ин-ск-ий, Чита — чит-ин-ск-ий*). И поэтому, несмотря на то, что образования с интерфиксом *-н-* имеют более четкую соотносительность с производными (форма производящего слова входит в них целиком, а образования с интерфиксом *-ин-* со-

---

[39] Например: В итоге весь хлопок вокруг *рисовища* заболочен, пожелтел и выпадает (письмо в редакцию газеты «Сельская жизнь» читателя А. Узилевского от 31 июля 1963 г.).

[40] Например: По пляжу с сухим шорохом пересыпаются песчинки. Над *«спасаловкой»* прыгает синий флаг с якорями («Комс. правда», 2 июля 1961 г.).

[41] Например: Только что уехал Иван Сергеевич. Может еще на *«ожидаловке»* стоит, у дороги («Изв.», 15 авг. 1963 г.).

[42] Например: ...и даже на голове надета не обычная вульгарная кепка, а какая-нибудь *«жангабеновка»*, восьмиклинка с пуговкой (М. Галлай, Испытано в небе).

держат производящую основу в усеченном виде), именно с помощью интерфикса *-ин-* производится значительная часть прилагательных от топонимов на ударные гласные: *Душанбе́ — душанб-ин-ск-ий, Туапсе́ — туапс-ин-ск-ий, Баку́ — бак-ин-ск-ий, Бодайбо́ — бодайб-ин-ск-ий, Курган-Тюбе́ — курган-тюб-ин-ский* и мн. др.

Такой активный интерфикс, как соединительная гласная сложных слов, может замещать конечную гласную фонему основы. Ср. *урартоведение, пуштоведение* (от *урарту, пушту*) [43].

Есть среди интерфиксов и непродуктивные, редкие, входящие в отдельные слова. Например, непродуктивен в русском языке интерфикс *-т-*, входящий в немногочисленные слова с иноязычными основами на гласные, которые пишутся в языке-источнике с *т* на конце слова. Так, от слова *кабаре* произведено имя лица *кабаретист* («Изв.», 28 янв. 1963 г.); от фамилии французской киноактрисы Брижит *Бардо* — отвлеченное существительное *бардотизм: Бардотизм* стремится преподнести молодым девушкам в качестве примера... этакую безвольную куклу с пустыми глазами («Сов. культура», 20 окт. 1960 г.).

8. Интерфиксация и явление наложения морфем

Аналогическое употребление интерфиксов, все более распространяясь, способствует «уединообразению» структуры производных слов. Это уединообразение осуществляется двумя путями. 1) Устраняется многообразие интерфиксов, так как побеждают немногие единицы, повторяющиеся в составе различных словообразовательных моделей. Процесс образования новых слов в современном языке идет преимущественно по моделям, включающим продуктивные интерфиксы. 2) В большинстве словообразовательных типов, наиболее продуктивных и лексически емких, не происходит разрыва между образованиями, произведенными с помощью интерфиксов и без них, так как и те и другие имеют после корневой части одинаковые звуковые комплексы. Это объясняется тем, что значительная часть производящих основ содержит в качестве конечного суффикса основы элемент, при производстве других слов играющий роль интерфикса. Так, к многочисленным производным от русских фамилий на *-ов*, в которых *-ов* относится к производящей основе, подстраиваются образования на *-овец, -овство, -овщина*, в которых *-ов-* является интерфиксом: ср. *сундакяновец, шаумяновец* и *нахимовец, суворовец; тартюфовщина, пуришкевичевщина, пинкертоновщина, чемберленовщина, жюльверновщина* и *хлестаковщи-*

[43] См.: Н. Д. Андреев. Термины типа *лесоводство, лесоведение*. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 1954, VI, стр. 27.— Наблюдения, свидетельствующие об активности соединительной гласной сложных слов см. в кн.: Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, стр. 111—112.

на, ноздревщина; шутовство, плутовство и ноздревство. Таким же образом объединяются в один словообразовательный тип прилагательные с интерфиксом *-ов-* и прилагательные с суффиксом *-ск-* от фамилий на *-ов* (*шекспир-овский, мольер-овский* и *лермонтов-ский, некрасов-ский*), отвлеченные существительные от имен лиц на *-ник* (типа *клеветничество, фокусничество, художничество*) и слова типа *я-чество, мы-чество.*

Точно так же объединяются образования, имеющие перед суффиксами одинаковые звуковые элементы, в тех случаях, когда у одних производных эти звуковые элементы являются интерфиксами, а у других частично отходят к производящей основе, частично — к интерфиксу. Ср. *Спартак — спартаковец* и *Динамо — динамовец, жакт — жактовский, МХАТ — мхатовский, РАПП — рапповский* и *АМО — амовский, НАТО — натовский, райзо — райзовский, сельпо — сельповский*; *Ялта — ялтинский* и *Сочи — сочинский*; *Шаумян — шаумяновский* и *Лазо — лазовский.*

В таких случаях соотнесенность производных слов с разными производящими основами и, следовательно, различная членимость производных [44] не нарушает единообразия их строения и не препятствует их объединению в один словообразовательный тип. Мы имеем здесь — с точки зрения современных живых словообразовательных отношений и с точки зрения современного языкового сознания — один и тот же словообразовательный тип. Членение подобных слов могло бы выглядеть так: *сундакян-овец, нахимовец, лентяй-ничать, школьничать*; *загс-овский, сельповский* [45]. Вопрос о том, как возникли подобные образования — 1) с интерфиксом и дальнейшей гаплологией (утратой одного из тождественных слогов при морфемной диэреме) или 2) без использования интерфикса, с помощью неосложненного суффикса,— не существен. Важно, что в языке наблюдается тенденция к единой форме образований, произведенных по важнейшим продуктивным словообразовательным моделям. Таким образом, рост интерфиксации в русском языке, увеличивающий, казалось бы, вариативность словообразовательных морфем, не приводит к делению единых словообразовательных моделей на многие вариантные. Напротив, он способствует едино-

[44] Ср. рассуждение Г. О. Винокура о различном членении глаголов *домовничать, лентяй-ничать и плотнич-ать*; «...здесь перед нами несомненно один суффикс в трех своих вариантах: *-а-, -нича-, -овни-ча-*» (указ. соч., стр. 433).

[45] Явление «наложения» широко распространено и в образованиях, не содержащих интерфиксов: *Пушкин — пушкин-ист* и *Куинджи — куинджист; Вагнер — вагнер-изм* и *Сальери — сальеризм; футбол — фотбол-ист* и *рэгби — рэгбист, дерби — дербист, такси — таксист; черный — черн-оват-ый, розовый — розоватый, лиловый — лиловатый; сатин — сатин-овый* и *пальто — пальтовый; Эйнштейн — эйнштейн-ий* и *Беркли — берклий.*— О явлении наложения см. подробнее: Е. А. Земская. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке.— ВЯ, 1964, № 2.

образию строения производных слов и четкости структурных соотношений между производными и производящими, ибо обычно производящее включается в производное целиком, без затемняющих их связь чередований.

Явление «наложения» способствует тому, что суффиксы, осложненные продуктивными, часто повторяющимися интерфиксами, могут формировать новые суффиксы и вытеснять суффиксы простые. Нередко это происходит тогда, когда простой суффикс в звуковом отношении невыразителен, слаб. Так, например, интерфикс *-нич-* укрепляет суффикс *-а-*, производивший ранее глаголы от основ имен существительных. Суффикс *-а-* теряет продуктивность в образовании отыменных глаголов, сохраняясь лишь в положении после производящих существительных на *-ник*[46], так как в этом случае, благодаря процессу наложения, интерфиксальные глаголы типа *лентяй-ничать* объединяются с глаголами типа *школьничать, безобразничать* и образуют один словообразовательный тип.

В таких же соотношениях находятся *-анин* и *-чанин,* образующие названия жителей городов. Новообразования включают с необходимостью элемент *-чанин,* а не *-анин.* Среди них имеются и производные от основ на *-ч* и чередующиеся с ним фонемы и сочетания фонем (*Кузнецк — кузнечанин, Норильск — норильчанин, Братск — братчанин* и под.), и производные от основ на другие согласные *(тамбовчанин, харьковчанин, сумчанин, серпуховчанин)*[47].

9. Происхождение интерфиксов

Интерфиксы в русском языке очень разнообразны. Объясняется это различием их происхождения[48]. С точки зрения происхождения наблюдается две основных разновидности интерфиксов: 1) возникшие на стыке двух морфем по морфонологическим законам русского языка (в случаях типа *верди<-j->евский, ифли<-j->ец*)[49] и 2) возникшие в результате процессов переразложения из конечных (чаще всего суффиксальных) частей основы. Таких большинство.

[46] В. В. Виноградов указывает, что в таких случаях суффикс *-а-* осознается «как вариант суффикса *-нича-(ть)*» («Русский язык», стр. 434).

[47] См.: Г. Зенков. О словообразовательных процессах советской эпохи. «Уч. зап. Киргизского гос. ун-та». Славянский сборник, вып. 5. Фрунзе, 1958, стр. 81; В. П. Даниленко. Имена собственные как производящие основы современного словообразования, стр. 86—87.

[48] Ср. следующее пожелание Г. О. Винокура: «Вопрос об исторической почве, на которой возникают вариантные виды суффиксов,— это очень большой вопрос русского словообразования, подлежащий особому монографическому изучению» (указ. соч., стр. 433).

[49] Ср., например, замечания Н. А. Еськовой об устранении зияния между гласными путем «вставки *j*» в таких случаях, как *азият, марсияне, гениальный* и под. (указ. соч., стр. 79).

Н. В. Крушевский (вслед за А. И. Бодуэном де Куртенэ) установил закон сокращения предшествующей морфологической единицы в пользу последующей[50]. Действием этого закона по преимуществу и объясняется многообразие интерфиксов русского языка. Таковы интерфиксы *-ов-*, *-ин-* (формирующие модели производства прилагательных с суффиксом *-ск-* и существительных с суффиксом *-ец*), *-нич-* (формирующий модель производства глаголов с суффиксом *-а-*), *-оч-* (формирующий модель производства существительных с суффиксом *-ка,* прилагательных с суффиксом *-н-*) и др.

Более редки случаи, когда происхождение интерфикса объясняется отвлечением от производящей основы отрезка, который не является суффиксом. Таково, по-видимому, происхождение интерфикса *-н-* в названиях минералов *бештау-н-ит, куба-н-ит.* Очевидно, это *-н-* отвлечено из состава многочисленных названий минералов, кончающихся на *-нит,* но в которых *-н-* принадлежит основе *(ереванит, севанит, германит, арсенит, галенит, селенит* и под.). Такого же происхождения интерфикс *-н-* в слове *чилинизм.* Ср. следующий отрывок, в котором имеются существительные *аргентинизм* (с *-н-,* относящимся к производящей основе) и *америк-ан-изм, перу-ан-изм* (с интерфиксом *-ан-*): В Сант-Яго в свое время был издан словарь *чилинизмов,* в Буэнос-Айресе — *аргентинизмов,* в Лиме — *перуанизмов.* А сравнительно недавно мексиканское издательство «Эспаса-Кальпе» выпустило в свет трехтомный «Общий словарь *американизмов*» («Лит. газета», 9 янв. 1958 г.).

Не все интерфиксы, однако, имеют происхождение, которое можно объяснить указанными причинами. Какого происхождения, например, интерфикс *-ш-,* выступающий в тех же позициях, что и *-j-* (после основ на гласные перед согласным суффикса, ср.: *киношный, киношник, фэзэушник, эмгеушник* и *кофейник, релейный, шоссейный*)? Возможно, что это *-ш-* проникло в образования просторечного характера под воздействием свойственного обиходной речи чередования *н/ш* такого типа, как *старикан — старикашка, камень — камешек.* В современной устной речи это чередование очень распространено: *магнитофон — магнитофоша, телефон — телефоша, павильон — павильоша,*

---

[50] Н. В. Крушевский писал: «Мы не будем здесь касаться вопроса, откуда и как взялись в указанных случаях звуки, находящиеся перед суффиксом. Заметим только вкратце, что они будут остатками старых суффиксов и, в редких случаях, звуками старого корня» (указ. соч., стр. 81). Ср. замечания Г. О. Винокура: «Конечные звуки основы могут отходить к составу суффикса лишь при определенных условиях. Важнейшее из них состоит, по-видимому, в том, чтобы отходящая к суффиксу часть основы в момент этого отделения сама по себе составляла известное звуковое единство, т. е. была бы живой морфемой, а не случайным звукосочетанием. При этом условии отделение такого звукового комплекса от основы не разрушает ее, а лишь изменяет ее производный характер...» (указ. соч., стр. 433—444).

компаньон — компаньоша, филармония — филармоша, продленка (продленный день в школе) — *продлешка, спекулянт — спекуляша, Тартарен — Тартареша, Бибигон — Бибигоша* и даже: «Надо бы посмотреть у Брокгауза и *Ефроши*». Ср. в пьесе Е. Шварца «Дракон» фамильярное *дракоша*.

10. Беглые гласные или интерфиксы?

Являются ли интерфиксами гласные *о* и *е*, занимающие положение перед начальными согласными суффикса и после конечных согласных префикса в тех случаях, когда соответствующие суффиксы и приставки функционируют с тем же значением и без этих гласных? Такие гласные выступают лишь в именных суффиксах — субстантивных и адъективных — *-[о]к, -[е]ц, -[е]ств-, -[й]ск-, -[ё]н-, -[й]н'-* и в приставках: *под[о]-, из[о]-, пред[о]-, раз[о]-, в[о]-, с[о]-, от[о]-*.

Наличие или отсутствие таких гласных в структуре слова определяется закономерностями, аналогичными тем закономерностям, которые определяют наличие или отсутствие беглых гласных в корнях слов. А именно, согласно открытому Н. С. Трубецким закону, у суффикса «звуковая форма без гласного выступает тогда, когда ближайшая морфема (окончание или суффикс) начинается гласным: например, *купец~купца~купчик, лубок~лубка~лубочный* и т. д. Но основное отличие от именных корневых морфонем состоит в том, что при суффиксальной морфонеме чередования с беглыми гласными зависят не только от следующей, но и от предыдущей морфонемы. Если на конце предшествующей морфемы стоит соединение «согласный + v, r, l, m, n», то суффиксальная морфема сохраняет свою форму перед окончанием или суффиксом, начинающимся гласным. Ср., например, с одной стороны, *купец~купца~купчик*, с другой — *кузнец~кузнеца~кузнечик;* или, с одной стороны, *лубок~лубка*, с другой — *челнок~челнока*. Имеются также такие суффиксальные морфемы, у которых чередования с беглыми гласными совсем не зависят от свойств следующей морфемы и определяются только свойствами предшествующей морфемы. Так, например, суффиксальная морфема -[e]Stv- получает звуковую форму с гласным после *ž, š, ẑ, č, s̆* (которые сами могут чередоваться с g, x, Sg, Sk, k), после прочих фонем — звуковую форму без гласного, совершенно независимо от следующего окончания, или суффикса: ср., с одной стороны, *царство~~царств*, с другой — *княжество~княжеств*»[51]. «Что касается условий чередования с беглыми гласными в префиксах, то они зависят от свойств последующей морфемы. Если следующая морфема является односложным корнем, который сам обнару-

[51] Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 54—55.

живает чередования с беглым гласным, тогда нормально префикс, кончающийся согласным, получает звуковую форму с гласным, как только корень имеет звуковую форму без гласного; например, *поджечь ~ подожгу, отпереть ~ отопру, разгоню ~ разогнать*. Звуковая форма этих приставок, содержащая гласный, выступает, кроме того, еще перед некоторыми корнями, например, перед корнями *гре, двиг, пре* и т. д., хотя эти корни никаких чередований с беглыми гласными не знают»[52].

Несомненно, что по своей функции в составе слова рассматриваемые гласные близки интерфиксам. Их роль — чисто соединительная: препятствовать скоплению согласных на морфемном шве, причем в отличие от всех прочих интерфиксов, участвующих в словообразовании, такие гласные соединяют не только морфемы корня (или основы) и суффикса, но и морфемы префикса и корня. Однако, будучи близкими беглым гласным в корнях по условиям появления, беглые гласные в суффиксах и приставках отличаются от них, ибо те, хотя и выполняют эвфоническую роль, но не служат соединению морфем в слове. Беглые гласные в приставках и суффиксах отличаются от интерфиксов, участвующих в словообразовании. Беглые гласные обычно присутствуют лишь в отдельных словоформах лексемы, выступая как явление, обусловленное словоизменением, тогда как интерфиксы (как факт словообразования) наличествуют во всех словоформах лексемы[53]. Кроме того, беглые гласные отличаются от интерфиксов регулярностью появления и полной невозможностью замены другими звуковыми комплексами, что бывает свойственно интерфиксам (см. выше о взаимодействии интерфиксов *-ин-* и *-н-*). Эта особенность сближает беглые гласные с позиционным варьированием морфем[54].

Необходимо отметить, что рассматриваемые беглые гласные неоднородны. Одни из них (например, -[*о*]*к*, -[*е*]*ц*) стоят ближе к позиционному варьированию морфем; другие — к интерфиксам, так как, подобно интерфиксам, они присутствуют во всех словоформах лексемы. Условия появления таких гласных определяются не только морфонологической позицией, но и факторами аналогическими и некоторыми другими. Наиболее близка интерфиксам гласная морфонема, появляющаяся перед суффиксом прилагательных *-ск-*. В русском языке происходит постепенное разрушение морфонологических условий применения вариантов *-еск-/-ск-*. За вариантом *-еск-* была закреплена ранее позиция после шипящих и заднеязычных (с соответствующими

---

[52] Там же, стр. 55—56.

[53] На это различие между беглыми гласными и интерфиксами обратила наше внимание Л. А. Капанадзе.

[54] Ср. следующее замечание Н. С. Трубецкого: «Чередования с беглыми гласными близки тому, чтобы стать «комбинаторными вариантами» (указ. соч., стр. 48).

чередованиями): *пастушеский, вражеский, товарищеский, чиновнический.* Однако в той же позиции (преимущественно в образованиях от топонимов) встречалось и *-ск-: волжский, калужский, рижский, парижский, чешский;* без чередований (в образованиях от поздних заимствований): *петербургский* (в XIX в. отмечалось и *петербуржский), лейпцигский, нюрнбергский, хельсинский.* Широко употребляется вариант *-ск-* в образованиях от названий народностей: ср. *казахский, лакский, каракалпакский, кумыкский* и мн. др. Вариант *-ск-* (после заднеязычных и шипящих-*нк-*) проникает и в образования не от географических наименований (например, *герцогский, команчский, мужской).*

Таким образом, происходит расширение сферы действия *-ск-* за счет *-еск-*[55]. Характерно, что изредка встречается применение обоих вариантов в позиции, закрепленной ранее за одним. Ср. *мужской* и *мужеский* (старое и современное простореч.); *калужский, рижский* и просторечно-диалектные *калужеский, рижеский.* Эти явления свидетельствуют о разрушении строгой морфонологической регулярности в функционировании вариантов *-ск-|еск-* и, следовательно, о большей близости этой морфонемы к интерфиксам, чем гласных в таких суффиксах, как *-[е]ц* и *-[о]к.*

В сближении суффиксальных беглых гласных с интерфиксами играет роль и еще один фактор: частота употребления звуковой формы с гласной или без нее. Как справедливо отмечает Н. С. Трубецкой, от этого момента зависит восприятие языковым сознанием той или другой формы как основной или вариантной. Вариант *-ск-* имеет несравненно более широкие возможности употребления, чем вариант с гласной. И это также способствует восприятию гласной морфонемы как интерфикса, «добавки» к самостоятельному суффиксу.

Выводы

1. Для создания правильно отражающего языковую действительность описания системы словообразовательных средств языка, действующих в определенную эпоху, необходимо разграничение самостоятельных морфологических единиц (морфем) и их видоизменений, не обладающих самостоятельным грамматическим значением, а выступающих лишь как варианты морфем.

2. Среди элементов языка, которые принято называть «производными суффиксами» (термин, характеризующий явление с

---

[55] См. подробнее: В. Н. Зиновьев. Отступление от норм исторических чередований заднеязычных с шипящими *(г—ж, к—ч, х—ш)* в совр. русском языке. «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 43. Серия ист.-филол., 1957; «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного», стр. 298.

точки зрения происхождения), с функциональной точки зрения следует различать по крайней мере два рода единиц языка: а) производные суффиксы, отличающиеся от простых значением и, следовательно, являющиеся по отношению к ним особыми морфемами; таковы, например, суффикс *-тельн-* (с активным и пассивным значением) сравнительно с суффиксами *-н-*, *-льн-*, суффикс *-атин-а* в словах типа *пошлятина* сравнительно с суффиксом *-ин-а*; б) объединение простого суффикса и интерфикса: ср. *-н-ый* и *ш+н-ый; -ник* и *-ш+ник; -н-ый* и *-j+н-ый; -ник* и *-j+ник; -ец* и *-ов+ец, -ин+ец, -ан+ец, -иан+ец; -ск-ий* и *-ов+ +ск-ий, -ин+ск-ий, -ан+ск-ий, -иан+ск-ий; -щин-а* и *-ов+щин-а; -ств-о* и *-ов+ство-о; -ит* и *-н-ит, -ин-ит* и мн. др.

3. Почему интерфиксы столь распространены в составе современного производного слова? Чем объясняется рост интерфиксации? Увеличивается структурное разнообразие производящих основ. В словообразовательную систему русского языка в качестве производящих широко вовлекаются основы сложносокращенных слов, аббревиатуры, заимствования разнообразного строения, многочисленные сложные наименования. Непременное условие их вхождения в состав производного слова — сохранение внешней формы производящего слова неизменной, для чего широко и используются интерфиксы. Интерфикс, соединяя простой суффикс и основу, формирует словообразовательную модель, в которую производящее слово включается целиком, без изменения его звукового состава. Таковы, например, модели образования имен лиц на *-овец,* прилагательных на *-овский,* допускающие более широкий круг производящих основ, чем простые суффиксы *-ец, -ск,* и не вызывающие чередований в основе. Таким образом, рост интерфиксации облегчает механизм словообразовательного процесса и способствует унификации, уединообразованию словообразовательных типов, ибо они объединяют не отдельные, немногочисленные группы производящих основ одной структуры, а целые массивы производящих основ, характеризуемых каким-либо общим свойством, независимо от различия их структуры. Ср., например, имена лиц на *-овец* от различных наименований: *Торпедо — торпедовец, АМО — амовец, МИИТ — миитовец, ООН — ооновец, райком — райкомовец, огоньковец* («Огонек»), *электросиловец* («Электросила»), *новозаревец* («Новая заря») и мн. др.

4. Во многих случаях интерфиксальные и безинтерфиксные образования не оказываются разобщенными в пределах одного словообразовательного типа. Этому способствует то обстоятельство, что в качестве интерфиксов как правило выступают звуковые комплексы, являющиеся конечными суффиксами многих производящих основ. Вследствие этого значительная часть производных имеет перед суффиксом одни и те же звуковые комплексы и, несмотря на различную членимость, объединяется в

один словообразовательный тип. Например, *ростов-чанин, кузнечанин*; *шекспир-овский*, *лермонтовский*.

5. Интерфиксация охватывает все стилевые пласты современного языка. Среди интерфиксов, как и среди словообразовательных суффиксов и приставок, имеются стилистически нейтральные (например, *ов-, -ин-*) и стилистически окрашенные (например, просторечный *-ш-*, книжный *-j-* в образованиях типа *релейный*, *жалюзийный*), усиливающие стилистическую дифференциацию словообразовательных моделей.

В. П. Даниленко

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ (НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ) КАК ПРОИЗВОДЯЩИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Имена существительные (нарицательные) по степени участия их как производящих основ в современном словообразовании можно разделить в основном на три качественно разные группы. Первая из них объединяет те имена существительные, которые не вовлекаются в современный словообразовательный процесс в качестве производящих основ. Входящие в эту группу существительные будем называть словами «предельных» моделей образования. Вторая группа включает те имена существительные, которые, наоборот, регулярно образуют производные слова, и структурно-семантическая связь между соотносительными парами или группами образований настолько близка, что это позволило Г. О. Винокуру назвать такую связь «принудительной» [1]. Между этими крайними случаями может быть расположена группа существительных, которая объединяет остальные категории имен, активно участвующие в современном словообразовании как производящие основы и при этом находящиеся в непринудительном отношении с производными от них образованиями. Рассмотрим в том же порядке отдельно каждую из этих групп.

В качестве общего и предварительного замечания отметим, что особенностью словообразующих основ является преимущественное участие в активном словообразовании производных, в частности суффиксальных основ.

Именно эти основы и явились предметом более пристального внимания настоящей статьи. Данное явление не составляет особенности только русского языка и только современного языка. Так, Ф. де Соссюр в «Общем курсе лингвистики» отмечал, что «можно классифицировать все слова в зависимости от их способности производить новые слова, что связано с их большей или меньшей разложимостью. Простые слова по основному своему свойству непродуктивны» [2].

[1] Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. «Избранные работы по русскому языку». М., 1959, стр. 439.

[2] Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 155.

Однако при подтверждении мысли о большой продуктивности производных основ необходимо разграничить производные, суффиксальные основы форм субъективной оценки, с одной стороны, и суффиксальные основы всех других имен существительных — с другой. Если последние действительно являются постоянным источником образования новых слов, то суффиксальные основы так называемых форм субъективной оценки, как об этом будет сказано ниже, наоборот, в основной своей массе не являются производящими основами.

I. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ «ПРЕДЕЛЬНЫХ» МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ

В современный словообразовательный процесс по разным причинам не вовлекаются в качестве производящих основ довольно многочисленные группы имен существительных. Однако нельзя думать, что есть какие-то определенные разряды существительных, которые навсегда лишены возможности образования новых, производных слов. Движение в сторону вовлечения в активное словообразование все новых и новых типов основ можно проследить даже на сравнительно небольшом отрезке истории русского языка — XIX—XX вв. При этом интересно отметить, что «инициатива» привлечения новых категорий существительных в качестве производящих основ как правило принадлежит не общелитературному языку, а специальной или канцелярско-деловой речи как менее строго нормированной по сравнению с литературным языком.

К категории существительных, которые не образуют производных, т. е. являются словами «предельных» моделей образования, относятся следующие группы.

1) Существительные с суффиксами эмоциональной оценки, т. е. формы субъективной оценки: *-ка* (*головка*), *-ик* (*арбузик*), *-чик* (*апельсинчик*), *-ец* (*морозец*), *-ок* (*голосок*), *-ца* (*краснотца*), *-ашка* (*мордашка*), *-ишка*, *-ишко* (*зайчишка, домишко*), *-онька* (*березонька*), *-онка* (*душонка*), *-ичка* (*вещичка*), *-очка* (*ванночка*), *-ушка* (*вдовушка*), *-инка* (*вечеринка*), *-це*|*-ище* (*болотце, платьице*). Сюда же входят и существительные с суффиксами увеличительности: *-ина* (*домина*), *-ище, -ища* (*басище, грязища*); существительные с суффиксами усиленной экспрессивности: *-очек* (*голосочек*), *-ечко* (*словечко*), *-ышек* (*колышек*) и нек. др.

2) Существительные разных словообразовательных категорий, наделенные яркой экспрессией (презрения, сочувствия, пренебрежения с оттенками осуждения). Так же, как и первые, они не образуют производных, кроме форм субъективной оценки (*буренка, замарашка, злючка, гадючка, заморышек* и под.).

Это главным образом существительные с суффиксами лица общего рода и некоторые другие (предметного значения): *-яй*

(вихляй, кисляй), *-ыш (оборвыш, заморыш)*, *-ёныш (гадёныш, змеёныш)*, *-ака, -яка (гуляка, кривляка)*, *-ла (воротила, громила)*, *-яга (миляга, трудяга)*, *-уга, -юга (хапуга, ворюга, хитрюга)*, *-ыга (забулдыга, прощелыга)*, *-ука (-юка) (гадюка, злюка)*, *-са (плакса, хныкса)*, *-ха (замараха, растеряха)*, *-оха (обироха, опивоха)*, *-ёна (бурёна, сластёна)*, *-оня (тихоня)*, *-уха (голодуха)* и нек. др.

3) Существительные собирательного значения с суффиксами *-ат (старостат, ректорат, директорат)*, *-иада (универсиада, канцеляриада)*, *-ия (комсомолия, пионерия)*, *-ство (кулачество, учительство)*, *-ура (адвокатура, клиентура, профессура, аппаратура, инспектура* и др.).

4) Особую, довольно многочисленную группу составляют отвлеченные существительные с суффиксами старославянского происхождения *-ость*, *-ота*, *-ение*: *личность*, *верность*, *хитрость*, *высота*, *частота*, *примирение*, *отделение*, *направление* и др.

Все перечисленные группы в современном языке постепенно начинают вовлекаться в активное словообразование, а ранее устойчиво противостояли этому. Отвлеченные существительные, в частности, противостояли этому скорее всего из-за стилистических ограничений в сочетаниях словообразовательных морфем разного происхождения и разного характера [3].

Многочисленная и на протяжении ряда веков продуктивная группа отвлеченных существительных со старославянским по происхождению суффиксом *-ение* до недавнего времени не использовалась в качестве производящих основ в словообразовательной системе русского языка. Исключение составляли одиночные образования типа *крещенский, успенский, воздвиженский,* произведенные от названий церковных праздников.

Только во второй половине XIX в. в литературный язык входят зародившиеся в канцелярско-деловой речи образования от существительных на *-ение* с суффиксом *-ск* (типа *правленский*) [4]. Однако образования с суффиксом *-ск(ий)*, а затем и *-ческ(ий)*, несмотря на увеличивающуюся со временем продуктивность их, только частично изменили характер основной массы имен на *-ение* как производящих основ. Действительно, прилагательных от основ существительных на *-ение* постепенно становится все больше. Появляются образования типа *направленский, освобожденский, примиренский, учрежденский, отделенский* и др.; увеличивается и число образований типа *направленческий, примиренческий, учрежденческий, мировоззренческий, приклю-*

[3] Ю. С. Сорокин. Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX в. «Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени», М., 1960, стр. 11.

[4] См.: Е. А. Земская. Об основных процессах словообразования прилагательных в русском литературном языке XIX в.— ВЯ, 1962, № 2, стр. 52.

ченческий, разоруженческий. Ср. индивидуальное *предложенческий (предложенческие связи)* и нек. др. Кроме того, существительные на *-ение* стали производящими основами для имен лиц с суффиксом *-ец* типа *пораженец, иждивенец, выдвиженец, обновленец, непротивленец, невозраженец, отопленец, примиренец, просвещенец, назначенец, перерожденец* и др. И тем не менее нельзя говорить о безусловном «раскрепощении» существительных на *-ение* как производящих основ. В словообразование более или менее свободно вовлекаются те из них, которые опредмечиваются, конкретизируются. А так как основным значением большинства существительных на *-ение* является значение отвлеченного действия, а они-то и не вовлекаются в словообразование как производящие основы, то нет оснований выводить весь разряд существительных на *-ение* из числа «предельных» моделей образования. Можно говорить лишь о тенденции постепенного вовлечения этих существительных в число активно производящих основ.

Отвлеченные существительные с аффиксом *-ость* в литературном языке образуют незначительное число производных. Речь идет о тех немногих именах прилагательных типа *тягостный, радостный, мерзостный, редкостный, жалостный, гнилостный, поверхностный, хитростный, яростный* и некоторых других, которые объединяются ярко выраженным качественным значением.

Современное терминологическое словообразование пополнило эту группу прилагательных семантически новым разрядом слов со значением отношения к понятию, реже — к предмету. Это такие прилагательные, как *емкостный, прочностный, жидкостный, плоскостный, усталостный, точностный, вероятностный, влажностный* и др. По продуктивности этот словообразовательный тип является прогрессирующим, хотя сфера применения его ограничена специальными стилями речи.

Подобные прилагательные можно встретить и в языке художественной литературы. Но эти слова как правило остаются на правах авторских новообразований, и целесообразность появления многих из них вызывает сомнение. У Л. Леонова встречаем *юностный:* Он молчал, ему была любопытна эта, не додуманная до конца, *юностная* фантазия (Скутаревский); *дикостный*:... видные предметы соединялись совсем по-иному, образуя *дикостные* сочетания (там же); *мелкостный*: Разом, тысячами *мелкостных* впечатлений окружила его [Черпова] знакомая обстановка (там же); *тонкостный*: Персты *тонкостны* действенны... — оторопело согласился Гимолай, застигнутый врасплох (Соть).

Известны и некоторые другие отдельные образования подобного же типа. Например: *тихостный.* В этот *тихостный* час и птица морская сидит на камнях, не шевелится (Б. Шергин, Из рассказов старого помора); *личностный*: Эгоцентрическое

ощущение мира несовместимо с широтой кругозора. *Личностная* точка зрения, — это «кочка зрения», как говорил Горький. С этой «кочки» и люди кажутся болотной дрянью («Лит. газета», 5 мая 1953 г.).

В пределах терминологического словообразования появился и остается еще один словообразовательный тип прилагательных, словообразующими основами для которых явились отвлеченные существительные с суффиксом *-ота*: *мерзлотный, высотный, долготный, широтный, высотный, частотный* и нек. др. Ср. образование по аналогии *низотный* при отсутствии *низота*.

Прилагательные данного типа, как и прилагательные *вероятностный, прочностный*, являются примером образования слов одной и той же категории, но различающихся семантически. Пары *вероятный — вероятностный, прочный — прочностный, частый — частотный, широкий — широтный* противопоставляются как слова с качественным и относительным значением.

Не осталась без движения и группа имен, представляющих собой формы субъективной оценки, где в современном терминологическом словообразовании нередким является образование имен прилагательных от форм субъективной оценки: *гнойничковый, кулачковый, язычковый, уголковый, молоточковый, флажковый, мостиковый* и т. п.

Приведем несколько примеров употребления данных прилагательных. *Уголковый*:... для изготовления кондуктора размером на один блок требуется 170 килограммов *уголкового* железа и немало труда и времени («Веч. Москва, 9 марта 1956 г.); *гнойничковый* — в объявлении о защите диссертации на тему «Лечение *гнойничковых* заболеваний кожи стафилококковым анатоксином (A_2)» («Веч. Москва», 20 дек. 1955 г.); *мостиковый*: *Мостиковый* светофор — светофор, у которого сигнализирующий орган установлен на сигнальном мостике (Бюллетень технической терминологии АН СССР, Вып. XXV); *флажковый*: Перемешивание щетины или волоса всех видов на специальной машине или вручную до получения однородной смеси по цвету и пустоте во *флажковой* части (Единый перечень профессий рабочих. Производство кож. М., 1962); *молоточковый*: Так называемая *молоточковая* или пальцевая техника в настоящее время признана неправильной... («Здоровье», 1963, № 5); Наряду со скрипкой выдвинулся новый сольный инструмент — *молоточковое* фортепьяно (И. Ямпольский, Каприччи Н. Паганини).

В качестве индивидуальных можно встретить производные от форм субъективной оценки и нетерминологического характера. Таковы *ситчиковый*: Я вижу тогдашних школьников за партами — городских и деревенских мальчуганов в *ситчиковых* русских рубашонках... (К. Федин, И еще один шаг); *малышковый*: ...конечно, нельзя вульгаризировать вопрос и требовать от так называемой «*малышковой*» книжки-картинки, чтоб в ней была

популярно изложена конституция Советского Союза («Лит. газета», 8 дек. 1958 г.).

В терминологических образованиях утрачивается ощущение производящих слов как форм субъективной оценки, тогда как в индивидуально-литературных, наоборот, структурно-семантическая специфика их полностью сохраняется.

Следовательно, все эти группы существительных «предельных» моделей характеризуются определенными особенностями, которые являются препятствием к образованию производных от этих слов.

1) Наличие суффиксов, вносящих эмоциональную оценку и превращающих существительные конкретного значения в формы субъективной оценки, препятствует образованию производных. Это подтверждается фактами образования производных от первообразных существительных и отсутствием производных от соотносительных форм субъективной оценки. Ср. *автомобиль — автомобильный, автомобилист, автомобилестроение* и *автомобильчик; дом — домовый, домашний, домостроитель* и *домик; вода — водный, водяной, водолечебница* и *водица* или *водичка*; *земля — земляной, земельный, земной, земляк, землистый, землеройный, земснаряд, землечерпалка, землетрясение, земледелие* и *землица*.

То же относится и к группе существительных общего рода с суффиксами, вносящими эмоциональную окраску (оттенки презрения, пренебрежения, осуждения).

2) Отвлеченно-собирательное значение основы также затрудняет образование производных. Не случайно основные группы отвлеченных и отвлеченно-собирательных существительных традиционно являются словами «предельных» моделей образования. Это наглядно выступает при сравнении трех групп отвлеченных существительных, образующих слова со значением процесса, принадлежащих к одному и тому же пласту лексики профессионально-технической терминологии: слова на *-ние*, *-ка* и бессуффиксные. По значению это в основном синонимичные образования с аналогичными семантическими ответвлениями (со значением средства и результата действия). Эти три группы при всей их близости являются разными, если их рассматривать как производящие основы, как ресурсы для образования новых слов. Имена на *-ние* в основной своей массе не дают производных образований[5], тогда как имена на *-ка* и бессуффиксные в пределах тех же профессионально-технических терминологий дают регулярные образования прилагательных с суффиксом *-н(ый)*: *опрессовочный, опиловочный, опалубочный, выкопочный, подъемочный, гибочный, покрасочный, подкормочный, дози-*

[5] Образование имен лиц типа *пораженец, иждивенец* и прилагательных типа *правленский, учрежденский* не меняет в данном случае картины, так как последние образуются не от существительных со значением процесса.

ровочный, рубочный, доделочный, шахтовочный, пристрелочный, циклевочный, кладочный, подвязочный, разметочный, расфасовочный, разбраковочный, фильтровочный, доводочный, шкуровочный, газосварочный, зернофасовочный, перемывочный; напорный, сливной, отбросный, опрокидный, разрывной, скатный, проходной, откатный, нагревный, прижимный, разжимный, дожимный, прорезный, захватный, навальный, опускной, пропускной, задельный, пробежный, подрезный и др.

Что же конкретно ставит в современном языке два последних словообразовательных типа (на *-ка* и бессуффиксные) в более выгодное положение по сравнению с существительными на *-ние*? С одной стороны, суффикс *-ние* по-прежнему затрудняет образование производных, тогда как основы на *-ка* и бессуффиксные свободно присоединяют суффикс прилагательных *-н(ый)*. С другой стороны, существительные на *-ка* и бессуффиксные чаще, чем первые, принимают конкретное, предметное значение, и это тоже делает их более пригодными, чем слова на *-ние*, для образования производных.

II. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕСЯ РЕГУЛЯРНЫМИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ СВЯЗЯМИ ПРОИЗВОДЯЩИХ И ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

Эту группу имен можно рассматривать как один из активных и постоянных источников словообразования. Известное положение Г. О. Винокура о существовании «принудительной» связи между отдельными словообразовательными рядами [6] может быть и расширено, и конкретизировано.

В пределах одной или разных частей речи намечается несколько групп соотносительных словообразовательных рядов связанных «принудительной» связью.

1) Так, безусловно, в тесных регулярных словообразовательных отношениях находятся, как об этом и говорил Г. О. Винокур, имена лиц мужского пола и соотносительные образования имен лиц женского пола. Таковы соотносительные пары *на-(н)ик→-(н)ица: дипломник — дипломница, подсобник — подсобница, ученик — ученица, опытник — опытница, отделочник — отделочница, надомник — надомница, фабзаучник — фабзаучница, скоростник — скоростница, производственник — производственница, целинник — целинница, дружинник — дружинница* и др.; *-щик|-чик→щица|-чица: наладчик — наладчица, аппаратчик — аппаратчица, силикатчик — силикатчица, автоматчик—автоматчица, обмотчик — обмотчица, закатчик — закатчица; варщик — варщица, тоннельщик — тоннельщица, пружинщик — пружинщица, кокильщик — кокильщица, рольщик-рольщица,*

[6] См.: Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 439.

стерженщик—стерженщица, бетонщик—бетонщица, обрубщик—обрубщица, отжимщик — отжимщица, обжарщик — обжарщица; крановщик — крановщица, изолировщик — изолировщица, комплектовщик — комплектовщица, фаршировщик — фаршировщица, регулировщик—регулировщица и т. п.; *-ист→-истка: барьерист—барьеристка, рапирист — рапиристка, кролист—кролистка, гандболист — гандболистка, приборист — прибористка, хронометражист — хронометражистка, линотипист — линотипистка, комптометрист — комптометристка, спиннингист — спиннингистка, брассист — брассистка, клавесинист — клавесинистка, слаломист — слаломистка* и т. п.; *-ин→-ка: англичанин — англичанка, горожанин — горожанка, армянин—армянка; -ец→-ка: американец—американка, беженец — беженка, вузовец — вузовка, комсомолец — комсомолка*[7].

То же и в непродуктивных типах — *-ец→-ица: жнец — жница, красавец — красавица, певец — певица, упрямец — упрямица; -лец→-лица: владелец—владелица, жилец—жилица, кормилец—кормилица, постоялец — постоялица;* бессуффиксные*→-енк(а): монах — монашенка, француз — француженка, черкес — черкешенка;* бессуффиксные*→-ыня (-иня): герой—героиня, раб-рабыня, монах—монахиня.*

Это не исчерпывающий перечень словообразовательных типов, производные и производящие основы которых находятся в тесной «принудительной» связи. Необходимо различать случаи, когда подобная дифференциация имен по признаку пола необходима, а когда имени лица мужского рода достаточно для выражения определенного понятия без модификации признаком пола.

Так, несмотря на то, что для многих образований имен лиц на *-тель* и есть соответствующие формы на *-тельница*, тем не менее эти парные образования находятся в несколько иных отношениях, чем образования на *-ник, -ница, -щик, (-чик), -щица (-чица), -ист, -истка* и другие им подобные.

Имена на *-тель* в официальной и деловой речи в силу большей отвлеченности их значений приближаются к словам типа *педагог, врач, профорг, товарищ, человек* и т. п., т. е к таким, которые выступают как названия лиц вообще, безотносительно к полу и одинаково свободно применяются для обозначения лиц как мужского, так и женского пола. Ср. такие имена, как *председатель, заседатель, руководитель, заготовитель, исследователь, распространитель, стяжатель, испытатель, просветитель* и многие другие, являющиеся немаркированными членами противопоставлений[8].

---

[7] Особенностью образования имен лиц женского рода в этих двух словообразовательных типах является устранение элементов *-ин* и *-ец*.

[8] См.: «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 24.

Для многих образований имен лиц с иноязычными суффиксами и суффиксоидами *-тор (агитатор, авиатор, классификатор, оператор, экспедитор), -ант* и *-ент (диспутант, концертант, дипломант, конкурсант, оппонент, ассистент, референт*) и некоторыми другими также и по тем же причинам нет женских соответствий. Нет регулярных словообразовательных связей и в образованиях типа *бригадир — бригадирша, завхоз — завхозиха, директор — директриса*, в первых двух потому, что они не соотносительны по значению, в третьем же потому, что суффикс *-иса* (так же как и *-есса, -иня* и некоторые др.) малопродуктивен [9]. Актуальность же, общественная потребность в образовании соответствующих имен лиц женского пола в данном случае очень важна, так как этим определяется в значительной степени продуктивность всего словообразовательного типа [10].

Не решая вопроса о том, как именно происходит образование соотносительных пар имен лица мужского и женского пола (параллельно — от одной и той же основы или последовательно — женские от соответствующих мужских), что в данном случае и не является существенным, можно утверждать, что, действительно, во всех случаях, где соотносительные ряды необходимы, появление одного имени лица (вначале чаще всего мужского) с неизбежностью ведет к появлению соотносительного другого имени лица. Это особенно наглядно видно на примерах новообразований последних лет: *лётчик — лётчица, силикатчик — силикатчица, автоматчик — автоматчица; скоростник — скоростница, дипломник — дипломница, байдарочник — байдарочница; кролист — кролистка, гандболист — гандболистка, космонавт — космонавтка* и мн. др.

2) Регулярными словообразовательными отношениями связаны также имена существительные (аббревиатуры и сложносокращенные), являющиеся наименованиями предприятий, учреждений, учебных заведений, комитетов, обществ, союзов, и образованные от них прилагательные и имена лиц со значением членов коллектива данных предприятий, учреждений и т. д.

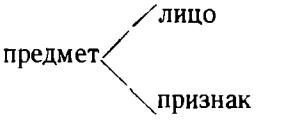
Все эти сложносокращенные наименования являются новым для современного языка типом производящих основ. Получив большое распространение в языке нашего времени, слова подобного рода становятся производящими для целого ряда производных образований. Ср. *вуз — вузовский, вузовец, вузовка; рабфак — рабфаковский, рабфаковец, рабфаковка; оруд — орудовский, орудовец* и т. п.

От основ этого типа производятся слова разного значения: прилагательные с качественно-относительным значением,

[9] См.: Г. П. Нещименко. О книге М. Докулила «Теория образования слов».— ВЯ, 1962, № 5.

[10] См.: Miloš Dokulil. Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, стр. 87.

существительные лица мужского и женского пола (*обкомозец, чекист, парторгша, рабкорка, рабфачка, завхозиха*); существительные с уменьшительно-ласкательным значением (*вузик, колхозец*) [11]. Однако не все эти образования связаны той особой связью, которую Г. О. Винокур видел в образованиях соотносительных пар имен лица. На наш взгляд, регулярными, «принудительными» являются связи, объединяющие имена существительные — наименования и образованные от них имена лиц с суффиксом *-(ов)-ец* и прилагательные с суффиксом *-(ов)-ский*, т. е. групповые образования, соотношения между которыми можно выразить так:

Это образования типа *вуз — вузовец — вузовский, комбед — комбедовец — комбедовский, оруд — орудовец — орудовский, орс — орсовец — орсовский, коммунхоз — коммунхозовец — коммунхозовский, групком — групкомовец — групкомовский, нефтестрой — нефтестроевец — нефтестроевский, жэк — жэковец — жэковский, райзо — райзовец — райзовский, обком — обкомовец — обкомовский, райком — райкомовец — райкомовский, втэк — втэковец — втэковский, гослитиздат — гослитиздатовец — гослитиздатовский, облторг — облторговец — облторговский, госфонд — госфондовец — госфондовский* и др.

Особенностью этих имен как производящих основ является то, что они сохраняют основу в неизменном виде и в производном слове. В случае неудобства присоединения суффиксов *-ец, -ский* к основе эти образования используют варианты суффиксов *-овец, -овский*, где элемент *-ов* (и в том, и в другом суффиксе) не несет никакой смысловой нагрузки, не изменяет значения производных слов (по сравнению с образованиями посредством суффиксов *-ец, -ский*) и служит «прокладкой» между словообразующими частями, облегчая их соединение [12]. Безусловными случаями, когда словообразующий суффикс осложняется интерфиксным элементом *-ов*, являются случаи образования: а) от основ, которые представляют собой сокращения инициального типа: *орс — орс-овский, орс-овец; вуз — вуз-овский, вуз-овец; жэк — жэк-овский, жэк-овец, втэк — втэк-овский, втэк-овец; эмтээс — эмтээс-овский, эмтээс-овец, эртээс — эртээс-овский, эртээс-овец* и т. д.; б) от основ, являющихся сокращениями слогового и смешанного типа и оканчивающихся на *-о: райзо — райзовский, райзовец; гороно — гороновский, гороновец; рай-*

[11] Все примеры взяты из картотеки Института русского языка АН СССР.

[12] См.: Е. А. Земская. Интерфиксация в современном русском словообразовании, стр. 36 (в настоящем сборнике).

фо — райфовский, райфовец, где звуковой элемент *-о-* принадлежит и основе, и суффиксу.

Что же касается других случаев использования «прокладки» *-ов-*, то они строгой квалификации не поддаются, так как большей частью встречаются параллельные образования с суффиксами *-ец* и *-овец*, *-ский* и *-овский* без всякой дифференциации значения и употребления: *обкомский* и *обкомовский*, *нефтестройский* и *нефтестроевский*, *гослитиздатский* и *гослитиздатовский*, *облторгский* и *облторговский* и мн. др.

3) Регулярными можно считать и словообразовательные соотносительные ряды «лицо — действие», т. е. образование глаголов от основ имен существительных со значением лица (по образцам I и IV продуктивных классов глаголов). Таковы *плотник — плотничать, сапожник — сапожничать, умник — умничать, либерал — либеральничать, столяр — столярничать, монтёр — монтёрничать* и т. п. Таковы же и *инженер — инженерить, кочегар — кочегарить, слесарь — слесарить, шофер — шоферить, секретарь — секретарить, комиссар — комиссарить, штурман — штурманить, бригадир — бригадирить, кулинар — кулинарить, пономарь — пономарить, скопидом — скопидомить, волгарь — волгарить, бузотер — бузотерить* и т. п. При этом следует различать случаи, когда образование глагола от данного типа основ, т. е. от основ имен лица по определенной модели, является единственно возможным, и случаи, когда возможно параллельное образование глагола от одной и той же основы по двум моделям (*плотник — плотничать* и *столяр — столярить — столярничать*). От этого соотносительность ряда «лицо — действие» не разрушается.

4) Отношения «лицо — признак», несмотря на ограничения, выражающиеся в невозможности образования прилагательных от целого ряда основ существительных лица, также можно отнести к числу регулярных.

От всех продуктивных типов имен лица с суффиксами *-тель, -щик, -ист* и суффиксоидами *-тор, -ант, -ер, -ионер* и некоторыми другими регулярно образуются прилагательные на *-ский, -кий*.

Регулярность отношений «лицо — признак», безусловно, подтверждается образованиями подобных прилагательных и от имен собственных [13].

Наличие значительного числа основ имен лиц, не дающих регулярных образований прилагательных (существительные с суффиксами *-ач: толкач, лихач, бородач, избач; -ец: выходец, творец, беглец, глупец; -лец: кормилец, поилец; -ун: бегун, летун; -ок: едок, седок; -ль: враль, каталь; -арь: пахарь, главарь;*

---

[13] См. об этом: В. П. Даниленко. Имена собственные как производящие основы современного словообразования, стр. 77 (в настоящем сборнике).

-тай; глашатай, ходатай и нек. др.), не может изменить общего положения о существовании отношения «лицо — признак», так как не эти имена лиц составляют активное ядро данной словообразовательной категории.

Большую группу составляют имена лиц, соотносительные структурно и семантически с именами прилагательными типа *кружковец, вузовец, низовик, массовик*. По отношению к ним можно говорить о соотношении типа «признак — лицо», так как лицо названо по характерному признаку, а не наоборот.

5) В регулярных отношениях находятся и соотносительные образования, отношения между которыми можно выразить как «предмет — признак». Это многочисленные образования прилагательных посредством суффиксов *-н-, -ов-, -ск-* и их вариантов от основ имен существительных с конкретно-предметным значением, продуктивность которых практически ничем не ограничена. В качестве производящих основ могут выступать и основы суффиксальных имен существительных русских и заимствованных (*опрессовочный, опиловочный, подъемочный, перегородочный, клетчаточный; слюдинитовый, камышитовый, победитовый, соломитовый; дневниковый, маятниковый, ночниковый, суглинковый; сатураторный, конденсаторный, селекторский, тракторный*), и основы непроизводных неизменяемых имен существительных (*сопрановый, таксийный, радийный, купейный, монпансейный, безейный, жалюзный* и *жалюзийный, либреттный, пальтовый, сапловый, деповский*), и основы непроизводных изменяемых имен существительных русских и заимствованных (*фестивальный, репертуарный, асфальтный, битумный, гуталинный, нефритный, экспрессный, коттеджный, катапультный, шурупный, карбамидный, талонный, бейсбольный, афишный, капроновый, кодовый, радоновый, ксеноновый, лифтовый, прессовый, рейдовый, фильмовый, стеновой, петлевый* и др.).

Таковы пять групп соотносительных словообразовательных рядов, связанных тесной «принудительной» связью и являющихся основным источником продуктивного словообразования.

Что касается степени близости компонентов внутри регулярных словообразовательных рядов, то можно отметить, что более близкая связь компонентов наблюдается в пределах одной части речи, в данном случае у соотносительных рядов имен лиц мужского и женского пола. Здесь эта связь, по свидетельству Г. О. Винокура, отчасти напоминает парадигматическую связь, наблюдающуюся между формами словоизменения [14].

Однако нельзя думать, что всю систему современного продуктивного словообразования можно свести к этим пяти группам соотносительных рядов. Есть немало не менее продуктивных образований, о которых нельзя говорить, что они связаны с про-

[14] См.: Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 439.

www.ruslang.ru

изводящими словами обязательной связью, но которые являются тем не менее постоянным источником новообразований.

В активном словопроизводстве участвуют в качестве производящих основ многие имена существительные с конкретно-предметным и личным значением. Это как правило суффиксальные имена существительные, как заимствованные, так и исконно русские.

1) Группы имен существительных лица значительно пополняют категорию отвлеченных существительных. Таковы: *приятельство, левачество, премьерство, стиляжество, пасквилянтство, донорство, бригадирство, депутатство, композиторство, тунеядчество* и др.

2) От основ существительных лица образуются также и существительные с предметным значением: *буржуйка, инвалидка, жокейка, боксерка, мичманка, шахтерка.*

3) Различные группы имен существительных предметного значения (суффиксальных и несуффиксальных) активно пополняют IV продуктивный класс глаголов; *баритонить, каруселить, авралить, рикошетить, бетонить, бюллетенить, тромбонить, котлованить, физкультурить, калымить, пылесосить, нафталинить* и мн. др.

4) Существительные предметного значения формируют (наряду с глагольными основами) одну из самых продуктивных и живых категорий — существительные лица, большинство из которых составляют названия профессий и рода деятельности: *алюминщик, автогенщик, баллонщик, буксирщик, консервщик, карусельщик, кокильщик, фундаментщик, электрокарщик, гранитчик, прокатчик, вертолетчик, автоматчик, ионитчик, аппаратчик, самосвальщик, районщик, музейщик, атомщик, алиментщик, анкетщик, бюллетенщик* и др., *клубник, троллейбусник, опытник, автобусник* и др., *приборист, плакатист, халвист, значкист, словарист, самбист, чекист, турбинист, брассист* и др.

В связи с этой последней группой производных основ интересно отметить явление так называемой вторичной суффиксации, которое используется в тех случаях, когда один и тот же словообразовательный тип совмещает два значения — лица и предмета — и когда появляется необходимость различать эти значения. Совмещают оба эти значения словообразовательные типы с суффиксом *-тор* (*перфоратор*[15], *нейтрализатор, препаратор, эмульсатор, концентратор, ферментатор, цементатор, гранулятор, бакелизатор, классификатор* и др.) и с суффиксом *-тель* (*рыхлитель, увлажнитель, смеситель, сгуститель, подкислитель, расщепитель, осветлитель* и др.). В профессиональной и терминологической лексике, где особенно необходима однозначность

[15] Все примеры на *-торщик* и *-тельщик* взяты из «Единого перечня профессий рабочих» (М., 1962).

слова-термина, и появляется так называемая вторичная суффиксация. Так, для разграничения значений лица и предмета в этих образованиях для имен лица используется второй суффикс *-щик* (*аккумуляторщик, газогенераторщик, сатураторщик, вулканизаторщик, перфораторщик, концентраторщик, ферментаторщик, резонаторщик, гранулятор щик, карбонизаторщик, конденсаторщик, хлораторщик, аспираторщик, кальцинаторщик, реакторщик, пластикаторщик*).

То же и в образованиях с суффиксом *-тель*: *сгустительщик, смесительщик, расщепительщик, увлажнительщик, рыхлительщик, подкислительщик, осветлительщик* и нек. др. При этом выделяются случаи, когда такая вторичная суффиксация оправданна, вернее необходима, и когда подобное явление появляется по аналогии вследствие «выветривания» значения первичных суффиксов. Таковы случаи образования в живой разговорной речи имен типа *организаторщик, агитаторщик, рационализаторщик, парфюмерщик, слесарщик* (из детской речи) и официальное *классификаторщик*. То же и с образованиями на *-тель*, где второй суффикс лица (*-щик*) не является необходимым.

Таковы в общих чертах три основных разряда имен существительных, которые составляют базу современного словообразовательного процесса.

«В каждом языке — писал Ф. де-Соссюр,— имеются слова продуктивные и бесплодные; пропорция между теми и другими бывает разной»[16]. Со временем число «бесплодных» имен сокращается путем постепенного перехода их в продуктивные разряды производящих основ.

---

[16] Ф. де-Соссюр. Указ. соч., стр. 155.

В. П. Даниленко

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК ПРОИЗВОДЯЩИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Имена собственные (фамилии, географические имена и всякого рода наименования) необычайно активно включились в современное словопроизводство и вызвали некоторые изменения в судьбе отдельных словообразовательных типов.

Образования от основ имен собственных, включаясь в общий поток новообразований, сохраняют ряд отличительных черт и нередко размежевываются с аналогичными образованиями от основ имен нарицательных.

Каковы же эти отличительные черты?

Первое, что, несомненно, противопоставляет их образованиям от основ нарицательных имен,— это нестойкость, недолговечность образований от основ имен собственных.

Легко образуясь и очень широко употребляясь в речи, слова, производные от основ имен собственных, легко и уходят из употребления. Одни из них нередко удовлетворяют потребность времени, одного произведения или устного высказывания, являясь при этом незаменимым средством выражения определенных понятий, другие задерживаются в языке дольше, но и они со временем переходят в разряд историзмов, а затем забываются.

Так, нам не известно, кто такие *ширинцы, акимовцы, чёмлевцы, восковцы, трощенковцы* и др.; многие не знают, что означают слова *воронщина, хабаловщина* или *овенизм* [1]. Исключение составляют слова, которые являются терминами. Это прежде всего отвлеченные существительные, являющиеся названиями учений, общественно-политических и научных направлений (*дарвинизм, марксизм-ленинизм* и т. п.), а также существительные с предметным значением, являющиеся обычно названиями новых минералов, химических элементов, новых искусственных химических материалов (*русаковит, карагандит, севанит, ереванит, берклий, фермий, кюрий, менделевий, эйнштейний* и др.).

[1] Хотя некоторые из слов этого типа живут с прошлого века (*аракчеевщина, обломовщина, хлестаковщина, байронизм, фурьерист* и т. п.).

Группа существительных, обозначающих лиц по месту жительства или происхождения (от географических названий), по устойчивости также примыкает к специальной, терминологической лексике (*ленинградцы, бхилайцы, комсомольчане* и т. п.).

Существительные со значением предмета типа *толстовка, шаляпинка, будённовка, керенки* (и по этому типу новое слово «*чомбенки*»), *памирка* (палатка), *ангарка* (лодка), *испанка* (шапка), *румынки* (ботинки), *хемингуэйка* (свитер) и многие другие занимают промежуточное положение между словами «однодневками» и терминами. Обозначая предметы, эти слова как правило вместе с выходом из употребления предметов уходят и сами из языка [2]. Едва ли без объяснения в настоящее время является общепонятным, что *шаляпинка* это особый фасон мужского головного убора, а *керенки* — деньги, бывшие в употреблении очень короткое время.

Естественным следствием недолговечности слов, производимых от основ имен собственных, является то, что они не фиксируются словарями (за исключением терминов и слов, близких к терминам). Они в основной своей массе не входят в постоянный лексический запас, представляя собой самый подвижный и текучий пласт лексики.

Неограниченная продуктивность большинства образований от основ имен собственных является второй отличительной чертой их.

Такие словообразовательные типы, как имена лиц с суффиксами *-ец, -овец* (от фамилий, географических имен и наименований), как существительные с предметным значением, образованные посредством суффикса *-ка (-овка)* от фамилий и географических имен, как прилагательные на *-ский, -овский* от фамилий и географических имен, наречий префиксально-суффиксального образования по модели *по-... -ски* от фамилий и географических имен, как глаголы на *-ить* от фамилий отличаются «практически неограниченной продуктивностью» [3]. Этому способствуют факторы как внутреннего, так и внешнего характера. К внутренним, т. е. языковым, факторам относится то, что в русском языке имеются словообразовательные модели, словообразующие компоненты которых соединяются необычайно легко. При этом имя собственное как правило целиком входит в производное слово без всяких изменений [4].

---

[2] Как и другие не образованные от основ собственных имен слова. Но к образованиям данного типа это положение относится в большей мере потому, что они означают такие предметы, которые чаще других появляются и исчезают (одежда, головные уборы, обувь и т. п.).

[3] Ср.: Miloš Dokulil. Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, стр. 92.

[4] Исключение составляют фамилии на *-ский, -цкий*, в которых элементы *-ский, -цкий* во всех случаях образования от них производных слов отбрасываются.

К внешним факторам, благоприятствующим неограниченной продуктивности слов, производимых от имен собственных, относится большая и постоянная общественная потребность в образовании всех указанных разрядов слов [5].

Существуют известные особенности в образовании разных частей речи от основ имен собственных. От них можно произвести все разряды существительных: со значением лица (*моисеевцы, лунинцы, мольерист, свердловчанин*), с предметным значением (*толстовка, памирка, кюрий, севанит*), с отвлеченным значением (*вейсманизм, робинзонство, деникинщина, мольеристика, маяковистика, шекспиризация, одемьянивание*), отвлеченно-собирательным значением (*чаплиниада, герцениана, шопениана, гагариниана*). Все эти образования ничем не отличаются от подобных образований от основ нарицательных: и те и другие могут быть как общеязыковыми, так и индивидуальными; и те и другие могут быть терминами со строго закрепленным конкретным или отвлеченным значением. Что же касается глаголов, то они от основ имен собственных образуются исключительно как индивидуальные и с ярким оттенком шутки или иронии. Таких глаголов мало, вернее, значительно меньше в употреблении, чем существительных или прилагательных, но когда в них появляется необходимость, глаголы образуются без всяких препятствий с помощью тех же словообразующих средств, что и глаголы от имен нарицательных.

Сам факт малочисленности образований по какому-то определенному словообразовательному типу не может служить препятствием к тому, чтобы этот словообразовательный тип был регулярным. Глаголов от основ имен собственных в употреблении столько, сколько необходимо было их образовать в той или иной ситуации.

Глаголы от фамилий (реже географических имен) образуются и суффиксальным и префиксально-суффиксальным способом. Однако неограниченно продуктивным является лишь словообразовательный тип глаголов на *-ить* (модель IV продуктивного класса), в которых очень сильны качественные оттенки значения ('делать, поступать, как лицо, обозначенное в основе'). Вот некоторые примеры: *маяковить, чемберлениться, зафорестолить, наконандойлить, образилить, зашанхаить, перегитлерить, пастерначить; бетховенизировать, петраркизировать, эдисонствовать, обурбонеть* и др.

Можно привести один показательный случай легкости образования глаголов от основ имен собственных, когда в этом есть

[5] М. Докулил в указанной книге пишет: «Основным и главным критерием степени продуктивности словообразовательного средства служит степень его участия в процессе образования новых слов; однако этот критерий охватывает не только языковую продуктивность, но и общественную потребность и актуальность понятия (разрядка моя.— *В. Д.*), обозначаемого этим средством» (стр 205—206. Ср. там же, стр. 87).

необходимость. В пародийном стихотворении Бронислава Кежуна, посвященном Л. И. Ошанину, встречаем 18 глаголов, образованных от фамилий:

Ты можешь так или совсем иначе
Свои стихотворения ковать —
Мартынить, евтушенить, пастерначить,
молчанить, рудерманить, слуцковать!
Я все, мой сын, могу тебе позволить!
Ты можешь, если кратко говорить,
Рыленить, безыменить, антоколить,
Хелемить, винокурить, инберить!
Ты можешь *маяковить* и *маршачить*,
Кирсанить поэтическую грань!
Ты можешь *сельвинячить* и *смирнячить*,
Но умоляю!— только не *ошань*.

(Б. Кежун, Мой буланый пегас)

Или: Прошло уже три года, как бразильцы в Швеции показали нашим специалистам оригинальную техническую систему ... Наши специалисты отнеслись к ней осторожно ... А затем пренебрегли этим существенным обстоятельством и попросту начали увеличивать количество защитников, полагая, что тем самым они *образилили* футбол («Изв.», 9 июня 1961 г.); ...попытка *бетховенизировать* начальное аллегро («Советская музыка», 1956, № 12).

Особенностью прилагательных от основ собственных имен является то, что, образуясь структурно как прилагательные относительные и относительно-притяжательные (с суффиксами *-ский, -овский, -инский, -ийский*), они очень активно развивают качественные значения, тем самым подтверждая общую тенденцию к усилению категории качественности в современном языке [6].

Не принимая во внимание такие терминологизированные прилагательные, как *рижский* (хлеб), *ярославский* (сыр), где значение относительности или принадлежности отпадает, так как эти слова называют сорта каких-то изделий и тем самым содержат качественную характеристику, тенденцию к окачествлению данного типа прилагательных можно проследить на множестве других прилагательных, образованных от основ имен собственных: *ленинский* (стиль работы; это не только стиль работы Ленина, но и качественная характеристика этого стиля работы); *оасовский* (оасовские молодчики — не только молодчики из ОАС, но непременно и качественная характеристика оасовцев).

[6] См.: Е. А. Земская. Об основных процессах словообразования прилагательных в русском литературном языке XIX в.— ВЯ, 1962, № 2.

Вот несколько примеров: Вот и новая книга стихотворений, в самом названии ее есть свое, *асеевское* — «Лад» («Правда», 13 февр. 1962 г.); ...*прокофьевский* распев исполняется ими [певцами] естественно и свободно («Правда», 6 янв. 1960 г.); Драматический конфликт спектакля — в противопоставлении двух отношений к жизни: *хижняковского* и *астаховского* («Советская культура», 11 авг. 1959 г.); Я всегда поражался точности, законченности и какой-то *микеланджеловской,* одержимой, безжалостной страстности, с которой Бирман, как из мрамора, высекает каждого рожденного ею человека... (С. Образцов, Прочтите эту книгу.); Повесть Бикчентаева «Большой оркестр» защищает коммунистические, *макаренковские* принципы воспитания («Лит. газета», 29 июня 1956 г.).

Имена собственные (фамилии и географические названия) поддерживают продуктивность словообразовательных типов наречий, например наречий префиксально-суффиксального способа образования: *по-...(ов)-ски: по-чкаловски, по-громовски, по-ферсмановски, по-ньютоновски, по-рембрандтовски, по-вахтанговски, по-маяковски, по-чуковски; по-вашингтонски, по-вичугски, по-вятски* и др. В значении этого типа наречий еще более сильны качественные оттенки: Это сказано *по-маяковски* просто и сильно («Лит. газета», 19 сент. 1959 г.); «Коммунист» не просто художественный фильм, как значится в афише, а фильм *по-чернышевски* публицистический («Комс. правда», 24 марта 1959 г.); «Турандот» — не просто спектакль, но спектакль, по которому можно было учиться играть «*по-вахтанговски*» в других спектаклях, очень далеких от «Турандот» по своему стилю и тональности (О. Литовский, Так и было); Он [Ферсман] особо, *по-ферсмановски* чувствовал природу («Знание — сила», 1958, № 11); ... чем резче, чем *по-рембрандтовски* напряженнее краски, к которым прибегает вслед за Шолоховым режиссер, тем жарче свет прекрасной и чистой души советского человека... («Лит. газета», 5 дек. 1959 г.).

Таким образом, прилагательным, глаголам и наречиям, производным от основ имен собственных, присущи общие черты. Все они объединяются как образования с качественными значениями, неограниченно-продуктивные и нестойкие. Существительные, образованные от имен собственных, противостоят им, так как среди них имеются и слова лексически нестойкие, и терминологические слова, существующие в языке как лексемы. Именно это дает основание выделить существительные, образуемые от имен собственных, для более подробного исследования.

Причиной разного «поведения» имен собственных в качестве производящих основ в указанных двух группах образований является скорее всего то, что по-разному проявляется специфика собственных имен в этих образованиях. Основное отличие имен собственных — «вместо того чтобы просто обозна-

чать, как все имена нарицательные, имя собственное называет»[7] предмет или лицо, не раскрывая признаков, свойств и особенностей данного предмета или лица.

Одни собственные имена обладают большей способностью переходить в разряд нарицательных, другие меньшей. К первым относятся личные имена и фамилии, ко вторым — географические имена и разного рода наименования. Именно эта способность собственных имен к переходу в нарицательные поразному сказывается на значении производных от них слов. Те слова, в которых развиваются качественные оттенки значения, т. е. прилагательные, наречия и глаголы, образуются от собственных имен, перешедших или потенциально могущих перейти в нарицательные. Это — имена или фамилии исторических героев, вождей, ученых или имена и фамилии литературных героев с типическими чертами характера, поведения, деятельности.

Существительные со значением лица (жители, члены коллективов, чьи-нибудь последователи) образуются от тех имен собственных, которые не предполагают перехода в нарицательные, а поэтому и не содержат качественной характеристики (названия населенных пунктов, наименования предприятий, учреждений; личные имена, которыми названы предприятия, учебные заведения, театры, воинские соединения и т. п.). В образованиях от имен собственных этого типа специфика производящих основ («чистое» называние) полностью сохраняется, поэтому так своеобразно употребление этих образований (с одной стороны, терминологизация их, а с другой — крайняя лексическая нестойкость).

Итак, наиболее активно и многообразно в современном языке имена собственные как производящие основы включились в словообразование существительных. Степень активности и самое «поведение» этих производящих основ при образовании отдельных разрядов существительных неодинаковы. Так, в категории существительных со значением предмета основы собственных и нарицательных имен образуют слова с одним и тем же значением. Ср. *памирка, канадка, алтайка, барнаулка* и *жокейка, шахтерка, капитанка; севанит, ереванит, карагандит* и *бетонит, камышит, победит, асфальтит* и т. п.

В словообразовательной категории отвлеченных существительных основы имен собственных используются очень широко и на равных правах с основами нарицательных существительных. В подавляющем большинстве словообразовательных типов существительных с отвлеченным значением представлены и те и другие производящие основы. Ср., например: *ремаркизм,*

[7] Е. Курилович. Положение имени собственного в языке.— Сб. «Очерки по лингвистике». М., 1962, стр. 252; см. также: Н. А. Янко-Триницкая. О некоторых особенностях имен собственных. «Уч. зап. МГПИ», т. XII, вып. 4. М., 1957.

голлизм, сальеризм, фейербахизм и *моделизм, копиизм, жанризм; робинзонство, прометейство* и *левачество, донорство; шекспиризация* и *шаблонизация* и др.

В словообразовательном типе существительных с суффиксом *-щина* (-овщина) [8], получившем в настоящее время наибольшую активность по сравнению с другими образованиями отвлеченных существительных, происходят интересные изменения.

В группе существительных с суффиксом *-щина (-овщина)*, обозначающих различные бытовые явления или идейные течения, «выравнивается» значение [9]. Все они объединяются общей экспрессивной отрицательной окраской. Ср. *юбилейщина, декаденщина, предельщина, конъюнктурщина, цеховщина; ремаркщина, боборыкинщина, туганбарановщина, деникинщина, колчаковщина, махновщина, пролеткультовщина, азефовщина* и др.

В современном языке не образуются с суффиксом *-щина (-овщина)* стилистически нейтральные слова, тогда как из прежних времен известны целые разряды слов, стилистически нейтральных *(бобыльщина, поденщина, испольщина, или: боярщина, барщина* и некоторые другие, вышедшие в настоящее время из активного употребления). Образования с суффиксом *-щина* от собственных имен также могли до недавнего времени быть стилистически нейтральными, чего нет в современном языке. Ср. значение слов *тургеневщина, чапаевщина* в следующих текстах:

...Бесконечная мелодия, которую нашел Вагнер в музыке, есть и в живописи. Эта мелодия есть в меланхолиях северных пейзажей у Грига, в песнях средневековых трубадуров и романтизме нашей родной русской *тургеневщины* (В. Е. Борисов-Мусатов, Письмо А. Н. Бенуа, 1905); Быть может, повесть Дм. Фурманова «Чапаев» следовало бы скорее назвать *«чапаевщиной»*, чем именем отдельного героя (П. С. Коган, Дмитрий Фурманов).

Особняком стоят образования от основ географических имен на *-щина (-овщина)* типа *Ставропольщина, Орловщина,*

[8] Для современного языка есть основания говорить о выделении в качестве самостоятельного суффикса *-овщина*, так как он стал по степени участия в производстве слов равноценным суффиксу *-щина*. Ср., например, образования: *жюльверновщина, колчаковщина, пинкертоновщина, махновщина, тартюфовщина, гетмановщина* и т. п.

Выделение суффикса *-овщина* стоит в одном ряду с подобными явлениями в образовании суффиксов *-овец, -овский, -овски*. Осложнение суффиксов элементом *-ов* значительно облегчает образование соответствующих рядов слов от основ иноязычных имен, а также от продуктивных в современном языке производящих основ аббревиатур (типа *пролеткультовщина, азефовщина* и т. д.).

[9] Такое «выравнивание» значения — явление не единичное. Оно характерно для большинства словообразовательных типов с экспрессивными оттенками значения. Подобный процесс происходит, например, и в глаголах на *-ничать*, где все глаголы, кроме группы типа *слесарничать, столярничать, плотничать*, имеют оттенки отрицательного отношения к обозначаемому. Именно в этих глаголах в современном языке и происходит изменение значения в сторону «экспрессивизации».

Павлодарщина. До недавнего времени в русском языке этот словообразовательный тип имел ограниченное применение. В грамматике русского языка, изданной АН СССР, например, об этом словообразовательном типе сказано: «Суффикс *-щин-а* образует также название областей УССР, БССР и, реже, других республик СССР, например: Волынщина, Киевщина, Могилевщина, Полтавщина, Черниговщина; ср. также Смоленщина»[10].

В языке нашего времени «права» этого словообразовательного типа значительно расширяются. Сначала он вышел за пределы Украинской и Белорусской ССР, где подобные образования являются исконными, а затем образования на *-щина* стали появляться и от названий городов, независимо от того, совпадают ли они с административно-территориальным понятием области. Так, появляются слова типа *Тихвинщина, Никопольщина,* хотя и нет соответствующих областей.

С нарушением этих чисто внешних ограничительных рамок возможности словообразовательного типа с суффиксом *-щина (-овщина)* становятся беспредельными, поскольку внутренних, языковых препятствий для их производства не существует. Поэтому с такой легкостью стали появляться новообразования *Омщина, Челябинщина, Вологодчина, Архангельщина, Иркутщина, Рязанщина, Павлодарщина, Кустанайщина, Тамбовщина, Костромщина, Луганщина, Курщина, Псковщина* и т. п.[11]

Сфера употребления подобных слов пока что ограничена. Думается, что инициатива активизации этих образований принадлежит журналистам. Не случайно большинство подобных слов встречается в газетах.

В словообразовательной категории существительных лица взаимоотношения основ собственных и нарицательных существительных совсем иное по сравнению с предметными и отвлеченными именами. Здесь наблюдается тенденция к четкому распределению и закреплению за определенными типами основ определенных словообразующих суффиксов.

Схематически это распределение можно представить следующим образом (имеются в виду продуктивные для современного языка словообразовательные типы):

основы имен собственных
- *-ец*
- *-овец*
- *-чанин (-анин)*
- *-ист* (с затухающей продуктивностью)

основы имен нарицательных
- *-щик(-чик)*
- *-ник*
- *-ист* (с возрастающей продуктивностью).

---

[10] «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 254.

[11] Ср. однако, старые наименования типа *Иванщина* (деревня) и т. п.

Образование имен лиц с широким значением отношения к кому-то, чему-то осуществляется по словообразовательной модели «основа имени собственного (фамилии, географического имени или наименования) + суффиксы *-ец* или *-овец*».

Рассматривая образования с суффиксами *-ец* и *-овец* как слова, произведенные от основ существительных, имен собственных в данном случае, мы исходим из того, что с точки зрения современного языка выделяются два словообразовательных типа имен лиц, в которых в зависимости от значения можно выделить разные основы — существительных (собственных) и прилагательных [12], хотя внешне они чаще всего совпадают. Ср. *орджоникидзев-цы* (студенты института им. С. Орджоникидзе), где основа — существительное собственное, и *орджоникидзев-цы* (жители Орджоникидзевского района), где основа — имя прилагательное; или *тимирязев-цы* — студенты сельхозакадемии им. Тимирязева и *тимирязев-цы* — жители Тимирязевского района гор. Москвы.

Вбирая постепенно в сферу своего влияния все больше и больше семантических типов основ имен собственных, суффиксы *-ец* и *-овец* приобретают монополию в производстве имен лиц от основ имен собственных и оттесняют образования с другими суффиксами (*-ианец, -анец, -анин, -ист*).

Сложными были взаимоотношения словообразовательных типов с суффиксами *-ец, -овец и -анин,* формирующих группу имен существительных, обозначающих лиц по месту жительства или происхождения. В языке XVIII — нач. XIX в. словообразовательный тип с суффиксом *-анин* (*-ане*) был наиболее активным средством образования слов данного семантического ряда [13]. Ср. *египтянин, римлянин, сириянин,* с одной стороны, и *киевлянин, витеблянин, курянин,* с другой.

Но уже на рубеже XVIII—XIX вв. начинается активное словообразование имен существительных с суффиксом *-ец*, обозначающих лиц по месту жительства или происхождения, причем образуются и новые слова, и дублеты к уже существующим с суффиксом *-анин* (*-ане*): *карфагеняне — карфагенцы, ионяне — ионийцы, лакедемоняне — лакедемонцы, ахеняне — ахейцы, македоняне — македонцы, сирияне — сирийцы* и др.

---

[12] См.: Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 434; см. также высказывание М. Докулила об альтернативном словообразовательном анализе в зависимости от значения слова: Miloš Dokulil. K základním otázkám tvoření slov. «O vědeckém poznání soudobých jazyků». Praha, 1958, стр. 163.

[13] Материалы и некоторые выводы по истории функционирования данных словообразовательных типов в языке прошлого века взяты частично из кн.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного

На протяжении XIX в. и особенно в языке нашего времени, когда появилась большая потребность в словах данного типа, суффикс *-ец* и его варианты окончательно утверждаются и в этой семантической группе слов, образуя имена лиц от основ заимствованных и отечественных географических имен. Ср. многие современные образования: *мельбурнцы*, *дафтонцы*, *джакартцы*, *гватемальцы*, *нигерийцы*, *ганцы*, *бхилайцы*, *йеменцы*, *штутгофцы*, *кингисеппцы*, *суданцы*, *эквадорцы*, *калимантанцы* и т. д. и: *джамбулцы*, *днепродзержинцы*, *енисейцы*, *оленегорцы* (жители нового города Оленегорска), *куйбышевцы*, *салаватцы* (жители нового города Салават) и др.

Что же происходит в таком случае с суффиксом *-анин* (*-ане*)? Язык современности обращается к этому суффиксу, приспосабливая его для словообразовательного типа имен — жителей населенных пунктов нашей страны преимущественно в тех случаях, когда омонимичные образования от тех же основ с суффиксом *-ец* служат для других целей.

В современном языке суффикс *-анин* выступает в своем варианте *-чанин,* явившемся результатом морфологического переразложения основы. Интересно, что даже там, где морфологически и сейчас выделяется суффикс *-анин,* внешне все равно это слова на *-чанин.* Имеются в виду образования типа *игарчане* (Игарка), *керчане* (Керчь), *винничане* (Винница), *криничане* (Кринича), *кадиевчане* (Кадиевка), *люберчане* (Люберцы), *кузнечане* (Кузнецк) и т. п.

Появление большого количества образований на *-чанин* дает возможность говорить о выделении самостоятельного словообразовательного типа. Трудно определить четкий структурно-морфологический тип производящих основ, с которыми бы соединялся суффикс *-чанин,* но как раз это доказывает широту возможностей суффикса *-чанин.* Большинство новообразований с этим суффиксом является вторичным к уже существующим словам с другими суффиксами, и это также доказывает его активность. Суффикс *-чанин* вытесняет синонимичные слова с другим суффиксом. Ср.: *тамбовцы — тамбовчане*, *кемеровцы — кемеровчане*, *кисловодцы — кисловодчане*, *сормовичи — сормовчане*, *тернопольцы — тернопольчане*, *тираспольцы — тираспольчане, туляки — тульчане* и др.

Однако есть обстоятельства, вызывающие сомнение в реальности существования словообразовательного типа имен лиц на *-чанин.* Не является ли это множество появившихся за последнее время на страницах газет и журналов слов на *-чанин* «самодеятельностью» журналистов и корреспондентов? Называют ли

и прилагательного». М., изд-во «Наука», 1964, стр. 67—68. См. также: М. В. Федорова. Производные существительные — названия лиц мужского пола в русском языке первой трети XVIII века. «Труды Воронежского пед. ин-та», т. XIII. Филол. сборник, 1961, стр. 37.

сами жители городов себя так?[14]. Иными словами: какова сфера употребительности подобных существительных?

С другой стороны, несомненно, есть основания говорить о причинах, вызвавших необходимость выделить имена, обозначающие жителей из ряда других наименований, производимых от тех же основ.

Усилившаяся продуктивность имен лиц на *-ец* со значением членов коллектива породила омонимичные ряды образований (*горьковцы* — рабочие завода им. А. М. Горького, воспитанники колонии им. Горького и жители города Горького; *свердловцы* — рабочие завода, слушатели Академии, жители города и т. п.).

Имена лиц с суффиксом *-ец* получили в современном языке слишком большую семантическую нагрузку. Поэтому стремление к выделению названий жителей населенных пунктов, преимущественно нашей страны, в отдельный словообразовательный тип является естественным. Этому, конечно, способствовал тот факт, что суффикс *-анин,* издавна служил для образования имен лиц по месту жительства или происхождения. Образования же типа *майкопчане, кировчане, сухумчане, костромчане, белоцерковчане, тамбовчане, тагильчане, гуковчане, колымчане, глыбынчане, елгавчане, брестчане, гурзуфчане, дмитровчане, кемеровчане, клинчане, кунцевчане, моздокчане, нарымчане, рославчане, серпуховчане, сормовчане, порховчане, никопольчане, мстерчане, кызылчане* и некоторые другие, а также образования названий жителей от новых городов *ангарчане, ковровчане*) и даже от нерусских городов (*пловдивчане, барилочане*) свидетельствуют о твердом стремлении закрепить за образованиями на *-чанин* значение 'житель города' (вернее населенного пункта), отделив их от имен лиц по названию государств и других географических названий типа *вьетнамец, лаосец, южнокореец, латиноамериканец, западноберлинец* и т. п.[15]

Взаимоотношение словообразовательных типов с суффиксами *-ец* и *-ист* в группе существительных, обозначающих лиц по принадлежности к общественному, идейному, художественному течению, названному по собственному имени основателя или руководителя, сводилось к тому, что в течение XIX в. они сосуществовали с явным преимуществом образований на *-ист.* С конца же XIX и особенно с начала XX в., когда окончательно отпочковывается суффикс *-овец,* продуктивность образований с суффиксом *-ист* от основ имен собственных заметно падает. Это обусловлено, с одной стороны, активизацией образований от тех же основ с суффиксом *-ец* и *-овец,* а с другой —

[14] Известен же случай, когда жители города Пензы называют себя *пензяками,* а в газетах их именуют *пензенцами.*

[15] Ср.: В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. Словообразование и культура речи. «Русский язык в школе», 1963, № 4, стр. 17—18.

возросшей продуктивностью образований с суффиксом *-ист* от основ существительных предметного и отвлеченного значения. Активизации же последних способствует расширяющийся круг основ, с которыми может сочетаться суффикс *-ист* (русские основы, аббревиатуры и сложные слова: *очеркист*, *значкист*, *приказист*, *борьбист*, *хвостист*, *чекист*, *велокроссист*, *генпланист*, *заготзернист* и др.).

Кроме того, и в кругу существительных лица, производимых от основ конкретных и отвлеченных существительных нарицательных, словообразовательный тип с суффиксом *-ист* специализируется. С его помощью чаще всего образуются существительные, являющиеся узкими названиями музыкальных, спортивных и некоторых производственно-технических профессий, например: *саксофонист, октавист, кантелист, квартетист, дудукист, джазист, аккордеонист*; *слаломист, самбист, парашютист, каноист, гандболист, глиссерист, барьерист*; *турбинист, скреперист, спектроскопист, микроскопист, крекингист, дизелист, бульдозерист, блюмингист, ротапринтист* и др.

Такая специализация суффикса *-ист,* безусловно, не могла не ослабить его позиций в словообразовательном типе существительных лица, образуемых от основ имен собственных. Недаром в современном языке с помощью суффикса *-ист* образуются имена лиц данного семантического ряда преимущественно от старых имен собственных, например: *бахист*, *бетховенист* [16], *шопенист*, *стендалист*, *куинджист*; интересно противопоставляются деривационно совершенно одинаковые образования *марксист* и *ленинец*. Ср. два предложения с именем лица от фамилии *Скрябин* (в одном случае композитора, в другом современного ученого — академика): Даже рьяные *скрябинисты* не могли не признать права исполнителя на такое ограничение своей задачи («Советская музыка», 1959, № 3); В архиве академика Скрябина немало посланий, сохранивших порой в шуточной форме это драгоценное людское тепло. Вот после какой-то конференции, в ходе которой *скрябинцы* одержали научную победу над представителями другой школы, на имя учителя пришла стихотворная телеграмма... («Сельская жизнь», 13 сент. 1962 г.).

Несомненный интерес представляют и случаи образования личных существительных от основ имен собственных с помощью суффикса *-овец,* тогда как соответствующее прилагательное от того же имени образовано посредством суффикса

[16] Хотя даже и от этих собственных имен сейчас можно встретить образования (со значением члена коллектива) с суффиксом *-ец*. Ср. *бетховенец*: Выступает квартет имени Бетховена... Сейчас уже трудно подсчитать, сколько раз прозвучали на эстраде или перед микрофоном эти слова. Примерные цифры, характеризующие творческий труд «четырех *бетховенцев*» за четыре десятилетия, таковы... («Веч. Москва», 1 окт. 1963 г.).

-истский. Таковы образования *трухильевцы* и *трухильистский*, встретившиеся в одном и том же тексте, что также подтверждает мысль об изменившемся соотношении основ собственных и нарицательных имен с суффиксами *-ист* и *-овец*.

Таким образом, появление производного суффикса *-овец* сыграло большую роль в процессе окончательного закрепления суффиксов *-ец* и *-овец* за словообразовательным типом существительных лица от основ имен собственных. Суффикс *-овец* удобен тем, что присоединяется к основе, не требуя ее трансформации (за исключением случаев, указанных ранее): *батистовец, готлибовец, бундовец, орджоникидзевец, колчаковец, зиловец, мосфильмовец, сундукяновец, лазовец, моснефтекиповец, салазаровец, эсэсовец, мхатовец, касавубовец, уралмашевец* и др.

Как видно из приведенных примеров, в современном языке значительно расширяется круг основ, способных соединяться с суффиксами *-ец* и *-овец*. Причем последний как правило присоединяется к основам нерусских имен и к совершенно новому типу производящих основ — к аббревиатурам.

В языке нашего времени окончательно сформировался словообразовательный тип существительных со значением членов коллектива. Это один из тех словообразовательных типов, продуктивность которых непосредственно связана с языком советского периода [17]. Производящими основами для данных существительных служат имена лиц, а также наименования предприятий, учреждений, обществ. Это — и сложные слова, и аббревиатуры и словосочетания. Начало формирования этого словообразовательного типа можно отнести скорее всего к 60—70-м годам прошлого столетия, когда стали появляться такие образования, как *народовольцы, бундовцы, искровцы, землевольцы*, и позднее — *впередовцы, новожизненцы* и т. п.

В современном языке потребность в образовании подобного рода слов значительно возросла (особенно в языке газет, радио, телевидения, в устной речи), а создавшиеся благоприятные языковые условия (утверждение в качестве самостоятельного словообразующего элемента суффикса *-овец* и легкость соединения его с широким структурно-семантическим кругом основ) [18] вполне удовлетворяют эту потребность. Таких ново-

[17] А. М. Селищев об этих существительных писал: «Образования на *-ец, -овец* сопровождают каждое явление революционного времени. В начале революции говорили о *роман-овцах*; затем появились *керен-цы*, действовали *корнил-овцы* (1917), *алексе-евцы, калед-инцы* (1917—1918); с 1918 — *дут-овцы, махн-овцы, петлюр-овцы, (Петлюр-цы), атаман-цы, деникин-цы, капел-евцы, григорь-евцы, врангел-евцы* и др.» (А. Селищев. Язык революционной эпохи. Из наблюдений за русским языком последних лет. 1917—1926. М., 1928, стр. 171).

[18] Суффиксы *-ец, -овец* легко соединяются с основами самых различных имен собственных. Структура основы (конец основы) при этом почти не имеет никакого значения. Сам факт возможности соединения какого-либо суффикса

образований действительно очень много в языке, например: *авроровцы, фрезеровцы, торпедовцы, зенитовцы, динамовцы, буревестниковцы, каучуковцы, баррикадовцы, калибровцы, уралмашевцы, автоприборовцы, электросиловцы, пластмассовцы, фотобытовцы* и др. Примеры:

Недавно мне довелось побывать в бригаде прославленного механизатора Александра Гиталова. Среди многих замечательных *гиталовцев* я встретил молодого улыбчивого тракториста, мастера своего дела («Лит. газета», 5 ноября 1960 г.); *Моснефтекиповцы* значительно перевыполнили план прошлого года и стремятся больше снимать изделий с имеющегося оборудования («Ухтомский рабочий», 26 сент. 1958 г.); Мы полностью согласны с предложением *уралмашевцев* о необходимости иметь при ведущих машиностроительных заводах мощные конструкторско-технологические институты («Правда», 11 апр. 1959 г.); ...Все больше и больше *калибровцев* [рабочих завода «Калибр»] вступает в семью туристов («Лит-ра и жизнь», 19 июля 1959 г.); Комсомольцы завода «Баррикада» попросили дирекцию поручить выполнение всех заказов стройки комсомольско-молодежным бригадам. *Баррикадовцы* кое-что уже успели сделать («Комс. правда», 13 янв. 1955 г.); о поездках *вгиковцев* в Тулу и визите металлургов в институт студенты сделали документальный фильм («Советская культура», 1 сент. 1959 г.); В будущих летописях Великой Отечественной войны не раз будет упоминаться слово «*тимуровцы*» (Л. Кассиль, О Гайдаре); Интересно прошла встреча футболистов сельхозартелей имени Тимирязева (Михневский район) и «Огородный гигант» (Ленинский район). Со счетом 4 : 2 победили *тимирязевцы* («Ленинское знамя», 20 авг. 1958 г.).

Так как эти слова обозначают названия целых коллективов (рабочих, служащих, спортсменов и т. п.), то образуются они как правило в форме множественного числа, а затем уже по

с основами сложной морфологической структуры является важным условием, обеспечивающим продуктивность словообразовательного типа.

Это же положение хорошо иллюстрируется примером образования существительных с отвлеченным значением, где суффиксы *-ота, -ина, -изна, -иг (-ье)*, -ство присоединяются только к прилагательным простой морфологической структуры, имеющим с современной точки зрения непроизводную основу или основу с суффиксами *-н-* и *-к-* *(густота, быстрота, краснота, нагота, глубина, тишина, ширина, толщина, белизна, голубизна, кривизна, крутизна, веселье, здоровье, усердие, лукавство, богатство, убожество, одиночество* и нек. др.).

Сопоставляя эту группу образований с образованиями отвлеченных же существительных посредством суффикса *-ость*, который присоединяется к основам прилагательных с суффиксами *-к-, -н-, -енн-, -тельн-, -альн-, арн-, инч-ивн-, -озн -, -ив-, -лив-, -чив-, -л-, -ав-, -ляв-, -ат-, -аст-, -ист-, -овит-, -ит-, -оват-* и др., легко заметить преимущество образований с суффиксом *-ость-* именно благодаря его возможности легко присоединяться к основам сложной и очень разной морфологической структуры.

аналогии и в форме единственного числа (если в этом появляется необходимость).

Итак, активизация в современном словообразовании имен собственных способствует более четкой дифференциации словообразовательных типов, производящими основами для которых являются существительные.

В одной из самых сложных и продуктивных словообразовательных категорий — существительных лица — происходит стройное распределение производящих основ и словообразующих суффиксов, что способствует специализации словообразовательных средств. Так, основы имен собственных прочно закрепляют за собой суффиксы *-ец, -овец, -чанин* и частично *-ист* для образования существительных со значением лица (с выделением более частных значений внутри отдельных словообразовательных типов).

Для образований же существительных со значением лица от основ нарицательных существительных прочно закрепляются словообразующие суффиксы *-щик /-чик* и *-ист* [19].

Подобное распределение можно объяснить общей тенденцией всего современного именного словообразования к специализации словообразовательных типов и словообразовательных средств [20]. Это проявляется в известном «упорядочении» соединения словообразовательных суффиксов с основами, в более твердом закреплении за словообразовательными типами определенных стандартных значений.

Понятно, что такая специализация не касается всех словообразовательных типов. Наоборот, специализация дает возможность отобрать в ряду синонимических словообразовательных типов наиболее «жизнестойкие», т. е. те, которые представляют регулярные или близкие к регулярным образования, более четко и стандартно выражают определенное значение.

Тенденция к специализации словообразовательных типов и словообразовательных средств, явившаяся результатом исторического развития языка, поддерживается и усиливается в современном языке терминологическим словопроизводством, где

---

[19] Суффикс *-ник* в данном случае не берется в расчет, так как он образует имена лиц не только от основ существительных, но главным образом от основ прилагательных.

[20] Думается, что мысль о специализации словообразовательных типов не расходится с «тенденцией к концентрации, к обобщению основных, продуктивных словообразовательных типов», отмеченной Г. Зенковым в статье «О словообразовательных процессах советской эпохи» («Уч. зап. Киргизского гос. ун-та», вып. V. Славянский сборник, I, 1958, стр. 76); И. И. Ковалик отмечает «общеславянские тенденции в процессе концентрации и специализации отдельных словообразовательных типов в пределах тех или других словообразовательных разрядов» («Вопросы словообразования имен существительных восточнославянских языков в сравнении с другими славянскими языками». Автореф. докт. дисс. Львов. 1961, стр. 28—29 и 33).

за каждым словообразовательным аффиксом закреплено определенное значение[21].

Не случайно в общелитературном словообразовании специализация охватывает в первую очередь те словообразовательные типы, с помощью которых производятся слова, близкие к терминологическим. Это прежде всего существительные лица, являющиеся названиями жителей или обозначающие принадлежность к коллективам предприятий, учреждений, спортивных обществ[22] и т. п.; существительные, являющиеся названиями профессий, занятий. Специализируется словообразовательный тип существительных с суффиксом *-лка*, за которым закрепляется значение предметов, точнее машин, механизмов, особенно в составе сложных наименований (*сенокосилка, картофелесажалка, землечерпалка* и др., или: *трамбовалка, шлифовалка* и т. п.), с целью отграничения образований этого типа от отглагольных существительных типа *шлифовка, трамбовка* со значением процесса действия.

Строгость сочетания основ со словообразующими суффиксами, стандартность значения, присущие терминологическому словообразованию, оказывают влияние на всю систему современного именного словообразования. Этому способствует тот факт, что терминологическая лексика выходит за рамки специальных работ, широко проникая и в устную речь, и в язык художественных произведений. Тем самым стираются грани между терминологической и нетерминологической лексикой, между терминологическими и нетерминологическими типами словообразования.

---

[21] Показательно, что, не зная конкретных слов типа *кренерит, кавалерит, сильванит, русаковит, карагандит* или *менделевий, кюрий* и т. п., без труда можно сказать, что это названия материалов или химических элементов, так как известно строгое закрепление определенных значений за словообразующими аффиксами в терминологии.

[22] Интересно отметить, что имена лиц типа *спартаковец, динамовец, досаафовец* и т. п. Н. Д. Андреев и В. Л. Замбржицкий квалифицируют как формирующуюся группу спортивных терминов, обозначающих принадлежность к спортивному обществу. А несколько выше есть замечание, что это «терминологизация не-терминов» (Н. Ф. Андреев и В. Л. Замбржицкий. Именное словообразование в спортивной терминологии. «Развитие современного русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 122).

В. Л. Воронцова

ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ, СТОЯЩИХ НА ГРАНИ МОРФЕМЫ И СЛОВА

Торфопродукт. Ах, Тургенев не знал,
что можно по-русски составить такое!

(А. Солженицын)

Одной из особенностей, характеризующих русский язык послереволюционного периода, является широкое распространение в нем явления аббревиации, обусловленного активизацией в языке этого периода тенденции к стяжению, сжатию, концентрации в одном слове определенного типа именных сочетаний [1]. Тенденция эта (аббревиатуры — только один из видов ее реализации) является, как известно, общеязыковой со специфичным, однако, для каждого языка проявлением ее [2]. Тот же

[1] Известно, что хотя определенное число аббревиатур (имеются в виду лексические аббревиатуры) было представлено уже в русском языке предреволюционного времени и, в частности, стало широко известно во время первой мировой войны — слова типа *начдив, командарм, военмин* и пр. (см.: В. Ф. Алтайская. Сложносокращенные слова в русском языке. «Науч. зап. Ужгородского ун-та», 1955, т. XIII), массовое их распространение и, следовательно, активное освоение членами языкового коллектива этих первоначально искусственных образований относится к периоду послереволюционному, и поэтому явление это справедливо рассматривается исследователями как качественно новое в языке послереволюционной эпохи. См., например: А. М. Сухотин. Проблема сокращенных слов в языках СССР.— Сб. «Письменность и революция», I, М.— Л., 1933.

[2] Факты различных сокращений, подобные тем, что наблюдаются в русском языке, свойственны и многим другим языкам, в частности немецкому, французскому, английскому; совпадает при этом и время их появления и наиболее широкого распространения. См., например: И. С. Самохотская. К вопросу о сложносокращенных словах в современном французском языке. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. CXXVI. Фак-т иностр. яз., вып. 2, 1958; Г. Д. Маслова. К вопросу об усечении и типах усеченных слов в современном французском языке. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та», т. CVIII. Труды кафедры иностр. яз., вып. 8, 1961; И. А. Потапова. Сокращения в современном английском языке. «Уч. зап. 1-го Ленинградского гос. пед. ин-та иностр. яз.» Новая серия. Вопросы грамматики и лексикологии, вып. 2, 1955; Я. И. Гельблу. К вопросу об аббревиатурах в немецком языке. «Уч. зап.

факт, что в русском языке эта тенденция получила особенно широкое распространение, объясняется определенными причинами и в первую очередь — особыми социальными условиями бытования языка. Интенсивная общественная жизнь, развитие экономики, промышленности, техники и науки, естественно, обусловливают необходимость активного процесса номинации. При этом с уточнением, детализацией некоторых понятий, связанных с новыми достижениями науки и техники, со специализацией многих технических и трудовых процессов и т. д., возникает необходимость выразить сложное представление, что вызывает появление многословного наименования. Вместе с тем убыстрение темпа общественной жизни вызывает необходимость названия краткого и удобного в общении. В русском языке, поскольку общественная жизнь страны в период революции и последующих послереволюционных лет социалистического строительства была особенно интенсивной, развитие экономики, промышленности, техники и науки особенно быстрыми и процесс номинации особенно активным, необходимость в таких кратких наименованиях была очень велика [3].

Стяжение словосочетаний в слово оказалось очень удобным способом, как раз отвечавшим потребности массового производства новых терминов, кратких, выразительных и гибких [4]. Наиболее продуктивной при этом моделью, по которой происходит стяжение именных сочетаний, явилась модель: несокращенное слово (имя существительное) — опорное слово сокращаемого сочетания и присоединенное к нему усеченное до корня слово (прилагательное или существительное), являющееся определением к опорному слову. Присоединение происходит либо непосредственно: *профбилет, партсобрание,* либо при помощи интерфикса *-о-* (как в сложных словах): *центросоюз, лесополосы, стекломасса, рыбопродукты* [5].

Башкирского гос. ун-та», вып. 6. Серия филол. наук, № 5. Вопросы германской филологии и методики преподавания нем. языка. Уфа, 1958. Ср. в этом плане также такую существенную особенность словообразования немецкого языка, как тенденцию к стягиванию словосочетаний и образованию сложного существительного, тенденцию ко все более монолитному оформлению группы существительного, см.: М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953; И. И. Ревзин. По поводу рецензии К. А. Левковской на книгу М. Д. Степановой.— ВЯ, 1955, № 5.

[3] Ср. общую оценку подобного положения, данную в свое время С. И. Карцевским. Оба эти условия, отмечал он, возникновение новых фактов и напряженно-эмоциональное отношение к ним — всегда налицо в моменты социально-политических потрясений, каковыми являются революции, а также войны, когда они затрагивают основы национального быта (С. И. Карцевский. Язык, война и революция, Берлин, 1923, стр. 18).

[4] См.; А. М. Сухотин. Указ. соч., стр. 156.

[5] Характерен протест некоторых исследователей-лингвистов в 20-е годы против слов этого типа — словосочетаний, только лишь приведенных к «подобию» сложного слова. Неоднократно указывалось на то, что структура их на-

Именно этот тип сложносокращенных слов, в отличие от некоторых других, получил в дальнейшем в языке особенно широкое распространение[6]. Весьма показателен при этом не только и даже не столько количественный рост слов этого типа в языке нашего времени сравнительно со временем более ранним[7], но и — главным образом — изменение сферы их бытования в языке и их роли как средства номинации.

Известно, что первоначально этот тип сокращений (как и другие типы) был употребителен только в узковедомственных сферах — официально-деловой речи, употребляясь для обозначения разного рода учреждений, организаций (т. е. преимущественно имен собственных) или должностей административного аппарата. И только незначительное количество сложносокращенных слов представляло собой общественно-политические термины: *мирдоговор*, *продразверстка*, *продналог*, *стенгазета*[8]. Теперь же этот тип слов широко используется и для названия различного рода предметов — механизмов, приборов, технических устройств: *земснаряд*, *врубмашина*, *турбобур*, *пневмомолот*, *авиамаяк*, *гидроавтомат*, *автотормоз*, *автотягач*; действий и процессов: *авиаперевозка*, *авиаразведка*, *аэросъемка*, *автосборка*, *автопоение*, *ветнадзор*, *ветпомощь*, *гидроразрыв*, *артналет*, *артобстрел*; веществ и материалов: *авиабензин*, *пластмасса*, *оргстекло*, *стройкерамика*, *стеклошифер*; лиц по их профессии, занятиям: *авиаконструктор*, *автослесарь*, *ветврач*, *диетврач*, *фототехник*, *автопутешественник*, *автотурист*, *фото-* (*кино-*, *радио-*) *любитель*, *теле-* (*кино-*) *зритель*, *радиослушатель*, бытовых предметов и т. д., т. е. для образования имен нарицательных, что является свидетельством более прочного вхождения слов этого типа в систему языка[9].

ходится в противоречии с обычным русским типом словосложения, и это свидетельствует об определенном «затемнении» в русском сознании чувства архитектуры сложного слова.

[6] Самый этот факт справедливо, по-видимому, связывается с их мотивированностью, структурной ясностью, а потому понятностью и удобством в общении, поскольку язык идет здесь по пути сокращения менее ценных в семантическом отношении словообразовательных элементов. См.: Б. М. Яцимирский. Развитие способов словосложения в языке советской эпохи. «Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. VI. Филол. науки, 1954.

[7] В современном языке — по материалам словарей и современной периодической печати (преимущественно газет последних лет и некоторых научно-популярных журналов) — употребляется около 2500 слов такого типа. Конечно, цифра эта очень приблизительная, но определенное представление о распространении этих слов она все же дает.

[8] См.: В. Ф. Алтайская. Указ. соч., стр. 148.

[9] Как видно из приведенных примеров, рост этой группы слов происходит в значительной степени за счет образований с первым компонентом, представляющим корневую часть иноязычного слова *авиа-*, *авто-*, *электро-*, *пневмо-* и т. д., что, естественно, обусловлено широким распространением соответствующих прилагательных, подвергающихся в определенных сочетаниях

Соответственно этот тип слов из преимущественного употребления его в узкой сфере официально-деловой речи становится употребительным и в других сферах: в языке научно-техническом разных отраслей [10], ср. соединения с *авиа-*, *аэро-*, *авто-*, *агро-*, *гидро-*, *био-*, *вибро-*, *зоо-*, *макро-*, *микро-*, *пневмо-* *турбо-*, *электро-*, *энерго-*, представляющие собой в основном термины, относящиеся к соответствующей области науки или промышленности — авиации и авиастроению, автомобилестроению и автомобильному транспорту, энергетике, биологической, зоологической науке; в спорте — *мотогонка*, *автопробег*, *велокросс*, *мотоспорт*; в торговле — *фототовары*, *радиотовары*, *кожгалантерея*, *кожтовары*, *культтовары*, *канцтовары*, *фотомагазин*, *грампластинки*, *рыбопродукты*, *стеклотара* и т. д.

Из этих специальных стилей речи слова данного типа проникают и в общелитературную речь — язык газет и публицистики, язык художественных произведений, а также и в обычную бытовую разговорную речь. И хотя данной сфере языка слова такого типа свойственны в значительно меньшей степени (они становятся известными чаще всего как специальные наименования каких-то реалий) [11], некоторые изменения, свидетельствующие об упрочении слов этого типа, можно наблюдать и здесь, поскольку наряду со словами усвоенными здесь появляются и свои образования, лишенные какой бы то ни было терминологичности.

В значительной своей части такие образования окказиональны и создаются для определенного случая. При этом некоторая необычность их ощущается очень ясно: они как бы не «вполне серьезны». Примеры:

усечению: *авиационный, автоматический, электрический, пневматический,* а также и возможностью образования на этой основе и самостоятельных соединений. Подробней об этом далее.

[10] Факт сам по себе очень важный, если учесть, что профессиональная речь сейчас — один из каналов регулярного, последовательного обогащения словарного состава общенародного языка. См.: С. И. Ожегов. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1951, т. X, вып. 1.

[11] В особенности это относится к обычной бытовой речи, которой усвоен ряд слов рассматриваемого типа, обозначающих широко распространенные в быту предметы и материалы, как например *пластмасса, пенопласт, электробритва, электроутюг, радиоприемник* и под., но своих образований (возникших на бытовом материале) почти нет. Можно было бы привести только единичные примеры такого рода, но и они также связаны со специальным (торгово-канцелярским) жанром: *стеклобанки, стеклопосуда* — обычно в объявлениях типа: «Магазин принимает *стеклобанки* в неограниченном количестве», «Приемный пункт *стеклопосуды*». Известно, что именно это обтоятельство — факт, что не говорят, например, *письмостол* или *письменостол* вместо *письменный стол*, служило обычно основанием считать, что этот тип слов в языке не привился. Однако подобное утверждение вряд ли можно считать основательным. Естественно, что новый тип слов реализуется прежде всего и в новом лексическом материале.

Смутно я догадывался, что это и есть та самая мифическая Неринга, и это радовало меня, говорило о том, что все-таки *авиачудо* свершилось и я перенесся в Литву, в Вильнюс, где раньше не бывал никогда (В. Аксенов, Земная, солнечная кровь...); Роскошная яхта для небесных прогулок американского богача, с салонами... ванной комнатой и прочими *авиароскошествами* (М. Кольцов, Под окнами); Собранные из разных частей моторы...— работавшие и на бензине двух сортов, и на толлуоле, и на «казанской смеси» и газолине, и даже на *«авиаконьяке»* — чистом спирту, сотни раз приспосабливаемые под эти суррогаты,— окончательно отказывались работать... (А. Кожевников, Приключения в воздухе); Сейчас я должен рассказать историю, которая в наших *авиапреданиях* фигурирует под заголовком «Николай Егорович и строгая девочка» (Александр Бек, Жизнь Бережкова); Еще один, наиболее «трудный», пожалуй, отряд владельцев — *автофанатики*. Подчиняясь мечте не о какой-либо собственности, а лишь о машине как таковой, они отказывают себе во всем и остервенело копят деньги (В. Беляев, «Мое» и «наше». «Лит. газета», 9 июля 1963 г.); Но эти *киноневесты* пока блистали только туалетами и фамильными драгоценностями (Из выступления Л. Кассиля по радио 30 сент. 1962 г.); Что это? *Фототрюк*? Нет, самая настоящая реальность — человек парит над землей («Техника — молодежи», 1962, № 8).

Как стилистически не вполне нейтральные, подобные образования особенно охотно и широко используются в фельетонной речи и в других произведениях сатирического жанра:

Ведь Вова не обычный мальчик, а *киномальчик*. Так неужели столь влиятельные родители не могли пойти на некоторые жертвы ради своего *кинодитяти* (А. Голуб, Вовины именины, «Огонек», 1963, № 4); Гремит *райгром*. За *райгрозою* уже идет *райураган*: «На ферму — Ольгу, выгнать Зою!.. («Изв.», 30 янв. 1962); Об одном *литдяде*. Его печатают без звука, но, боже мой, какая скука! (Я. Дымской. «Лит. газета», 1 мая 1963 г.); Едут автомобили, везущие на себе автомобили. Добрые *автоматки* с *автодетишками* на *автозакорках* (Л. Лиходеев, Дорога уходит вдаль. «Лит. газета», 1 мая 1962 г.); А как содержатся машины? Десятки *автокалек* перезимовали под открытым небом... («Неделя», № 23 1962 г.); Человек, охваченный *телестрастями*, переживает то, что происходит в ящике («За рубежом», 6 янв. 1962 г.); Барнабеу обзавелся сейчас и *«велоконюшней»* («Веч. Москва», 23 дек. 1961 г.); В разное время, покупая порой прекрасные гуманистические произведения западного искусства, мы приобрели «за компанию» с ними большое количество сомнительных *киноценностей*... «Любовь и слезы», «Любовное свидание», «Любовь с первого взгляда» и

прочую элегантную *кинобелиберду*. Жив коммерческий *кинокурилка*, жив — не помер! («Лит. газета», 8 сент. 1962 г.).

Наряду с таким употреблением отмеченных образований, представляющих собой соединение со словом с яркой эмоциональной окраской [12], можно отметить и большое число образований стилистически нейтральных (вполне серьезных), легко создаваемых в речи при необходимости:

...Открылся традиционный — шестнадцатый по счету — Международный *кинофестиваль*. На это время живописный средиземноморский курорт превратился в международную *киностолицу*. Пройдет немногим более полутора месяцев, и столица *киномира* переместится в Москву, где начнется очередной Московский фестиваль («Изв.», 18 мая 1963 г.); Но из Венеции еще не прибывали к нам крылатые и гривастые знаки мирового *кинотриумфа* («Лит. газета», 15 окт. 1962 г.); ...полковник-фашист не похож на прописных *кинофашистов*... (Ю. Семенов, При исполнении служебных обязанностей); Отличная, завидная наблюдательность позволила авторам внести в фильм столько точных и тонких жизненных деталей, что весь фильм стал правдой. Он как *фотообвинение* («Изв.», 17 дек. 1962 г.); Такой фальшивой открытки Приятелю не пошлешь, Но разве не так же в критике Встречается *фотоложь*? (И. Сельвинский, Не верьте моим фотографиям); Перед вами несколько *фотозаметок* об этом удивительном уголке планеты («Техника — молодежи», 1962, № 4).

Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить, но и приведенных достаточно, чтобы говорить о распространенности некоторых групп слов рассматриваемого типа уже и в общелитературном языке. Следовательно, можно говорить об определенных изменениях в этом плане в языке нашего времени сравнительно со временем более ранним.

Этот вывод становится тем более очевидным, если сопоставить наши наблюдения с наблюдениями и выводами, сделанными исследователями в 20-х годах. Известно, что в то время многие из лингвистов отрицали наличие каких бы то ни было тенденций к росту подобных образований. Очевидно, тогдашняя языковая действительность не давала повода думать иначе, и выводы эти были объективными.

Рассматриваемый тип новых слов — так называемых определительных сложений [13] — очень удобен для обозначения

---

[12] Число таких примеров можно было бы значительно увеличить за счет таких часто встречающихся соединений, как *кинобизнес, кинобизнесмен, киностряпня, кинохалтура, кинокарьера, кинофальшивки, автолихач*, а также таких, как *радиоголод, радиохалтура, электронеувязка, диэтпойло, мультккошмары* и многих других.

[13] Известно, что сам тип определительных сложений не является новым для русского языка (ср. слова типа *краснорыбица, красноперка, чернозем*, из-

сложных понятий (предметов, процессов, явлений и т. д.), когда надо указать наряду с общими родовыми признаками и частные, дифференцирующие признаки (видовые), выделяющие данный предмет, процесс, действие из массы предметов, процессов, действий, им подобных [14].

Определительный компонент сложения — своеобразная «прилагательная морфема» [15] легко и удачно выполняет роль такого классификатора. Выше уже отмечалось, что общественная потребность в подобном выделении, уточнении определенных понятий сейчас очень велика, а следовательно, возможности соединений с той или иной «классифицирующей морфемой» по сути дела безграничны и обусловлены только общественной необходимостью в подобных соединениях. С точки же зрения собственно словообразовательной никаких препятствий для таких соединений нет, и здесь «все дело сводится к агглютинативной прицепке определительной, «прилагательной» морфемы» [16].

Широкое распространение в русском языке послереволюционного периода явления аббревиации, в частности упрочение рассмотренного типа сложносокращенных слов, явилось для русского языка фактом очень важным не только потому, что появилась новая структурно-смысловая категория слов, но и потому, что это обстоятельство определило наличие некоторых изменений в русской словообразовательной системе, а также связанную с этим возможность определенных сдвигов в границах слова, функционировании части слова как заместителя целого слова, в связи с чем и встает вопрос об особого рода морфемах, как бы стоящих на грани морфемы и слова.

Накопление таких единиц с чисто агглютинативной прицепкой «прилагательной морфемы», а главное все более широкая возможность подобных соединений способствуют росту агглютинативности в словообразовательной системе русского языка. Вместе с тем это определяет и возможность определенных сдвигов в границах слова, поскольку эти элементы, «прилагательные морфемы», вступая во все более парадигматически длинные

вестные языку издавна), однако современные образования этого типа представляют по сути дела совершенно новую его разновидность как со стороны понятий, выражаемых слагаемыми компонентами, так и со стороны структуры их и сферы распространения (см.: Б. М. Яцимирский. Указ. соч.).

[14] Этот тип представлен и во многих других языках, в частности в чешском, где в качестве определительных частей сложений также широко употребительны иноязычные корневые морфемы. Распространенность слов этого типа в чешском языке, по-видимому, менее значительна, чем в русском, и в чешской лингвистической литературе очень остро стоит вопрос об их литературности. См.: Miloš Helcl. Hybridně složena slova jako elektromotor, autodoprava. «Naše řeč, ročn. XXXVI, 1—2, 1953.

[15] В. В. Виноградов. Современный русский язык. М., 1938, стр. 45.

[16] Там же.

ряды соединений, усиливают свою регулярность. Усиление же регулярности подобных элементов превращает их в абсолютно агглютинативные; предельная агглютинативность делает их особыми словами [17].

В свое время С. И. Карцевский, выступая против оценки некоторыми исследователями появления в русском языке сокращенных слов как языковой революции, писал:

«Если бы подобные сложения привились настолько, что стало бы возможным говорить *сложнослово*, вместо *сложное слово*, *письмостол* или *письменостол*, вместо *письменный стол*, это была бы целая «революция», хотя она и затрагивала бы только небольшой уголок русского языка. Однако говорить о подобной революции пока еще преждевременно». И в другом месте: «Для того же, чтобы подмен слов начальными звуками или даже слогами стал обычным приемом в русском языке, т. е. в том языке, которым говорят мужики и интеллигенция, старики и дети, в Москве равно как во Владивостоке, звуки и слоги должны были бы вдруг приобрести совершенно иную значимость, чем та, которая им присуща во всех флексирующих языках. Это была бы действительно революция, в результате которой русский язык выступил бы из семьи индоевропейских языков. Тогда, конечно, и «сокращения» как таковые просто исчезли бы, ибо границы слова стали бы определяться границами его прежнего начального слога или даже звука. Все это, само собой, только фантазия. Всякое «сокращение» предполагает сосуществование слова и только потому и возможно, что в живом языке живут слова» [18].

Дальнейшая история функционирования сложносокращенных слов, однако, в известной степени колеблет приведенное утверждение Карцевского, и современные нам факты позволяют несколько по-иному взглянуть на поставленный здесь вопрос о границах слова и возможности функционирования части слова как заместителя слова. И хотя звуки и слоги не приобрели и сейчас качественно иной значимости сравнительно с той, которая им была присуща, возможность определенных изменений в этом направлении оказалась явлением гораздо менее фантастичным, чем это предполагал Карцевский, наблюдая сокращения в начальный момент их распространения.

Сокращение предполагает сосуществование слова. Это утверждение, разумеется, справедливо и по отношению к сокращениям, функционирующим и сейчас. Однако здесь есть и существенная особенность, которую С. И. Карцевский не мог наблюдать на известном ему тогда материале. Эта особенность заключается в большей «самостоятельности» некоторых сокра-

[17] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 59.
[18] С. И. Карцевский. Указ. соч., стр. 52 и 69.

щений, обусловленной тем, что последние в процессе своего функционирования в языке оказались в определенной степени удаленными от полных слов, частью которых они являются, и вошли в состав общего языка как бы сами по себе, образовав особый класс «лексико-морфологических элементов» или «лексико-морфем» [19]. Эти «лексико-морфемы», вступая уже самостоятельно в более или менее длинные ряды соединений (что обусловлено в конечном итоге социальными факторами), образуют в результате «целые серии только по виду сложносокращенных слов, но в действительности не имеющих за собой реально сокращаемых сочетаний» [20]. Ср., например, такие соединения, как *авиаинститут, авиапромышленность, авиачасть, авиадвигатели, авиабензин* и др., которым соответствуют и полные сочетания с прилагательным *авиационный*, и — с другой стороны — такие соединения, как *авиапочта, авиаписьмо, авиапассажир, авиаспортсмен, авиамишень*, где подобных реально сокращаемых сочетаний нет и соединения эти только могли бы быть трансформированы в определенного типа сочетания, включающие слова *авиация* или *авиационный*.

Такое относительно самостоятельное функционирование некоторых «лексико-морфем» обуславливается отчасти тем, что многие сокращения укрепились в быту и вытеснили соответствующие сочетания, из которых они образовались и с которыми совпадают по значению. Главное же здесь, по-видимому, с одной стороны — удачность произведенного сокращения, позволяющего ему легко выполнять необходимую роль «квалификатора» определенного понятия, а с другой — общественная необходимость такой квалификации: указания на какие-нибудь определенные дифференцирующие признаки предмета, явления, действия, свойства наряду с указанием признаков общих.

Как ясно уже из приведенных материалов, наиболее значительную часть класса «лексико-морфем», или «прилагательных морфем», составляют корневые элементы иноязычных (интернациональных) слов: *авиа-, авто-, агро-, астро-, био-, вело-, вибро-, гелио-, гео-, гидро-, зоо-, кино-, метео-, макро-, микро-, мото-, радио-, теле-, термо-, турбо-, фото-, электро-* и некоторые другие, которые, будучи широко известны в составе разного рода заимствованных международных терминов, принадлежащих той или иной области науки или техники, легко отвлекаются от известных соединений и получают возможность соединяться с целым рядом самостоятельно употребляемых слов, в том числе, что особенно важно отметить, русских: *авиаперевозка, авиаподкормка, автосцепка, велорубашка, велошлем, микрокнига, микротрещина, агрогород*. Определенную

[19] С. И. Ожегов. Указ. соч., стр. 35.
[20] Там же.

роль играет в данном случае и функционирование в языке усеченных частей соответствующих прилагательных, равных этим корневым элементам: *авиа- — авиационный, авто- — автомобильный, авто- — автоматический, агро- — агрономический* и т. д., однако этот фактор может и отсутствовать, ср., например, функционирование *теле-*, соответствующего греческому τηλε и означающего дальность, действие на большом расстоянии; ср. заимствованные *телеграф, телефон, телеграмма, телемеханика* и многочисленные современные соединения типа *телебинокль, телеизмерение, телеуправление, телемотор, телеконтроль, телеобъектив, телерегулирование* и под.; элемента *аэро-*, выделившегося из состава слов типа *аэроплан, аэростат, аэродром, аэронавтика, аэромеханика* и также получившего возможность образовывать многочисленные «свои» соединения; то же относится к элементам *макро-, микро-, термо-, турбо-* и некоторым другим.

Особое место здесь занимают элементы *кино-* и *радио-*, которые, представляя собой усечение соответствующих заимствованных слов (*кино-* от *кинематограф*, заменившего более раннюю форму *синематограф; радио-*—от *радиотелеграф*) [21], функционируют в языке самостоятельно. Это обстоятельство определяет отчасти и их особую активность — возможность образовывать особо длинные ряды соединений.

Кроме этих элементов в роли «прилагательных морфем» выступают некоторые компоненты обычных русских сложений. Среди них наиболее часты *лесо-*, ср. такие старые и обычные для русского языка сложения с *лесо-* и второй глагольной частью, как *лесовод, лесосека, лесопуск, лесосплав* и под., и новые: *лесобиржа, лесозавод, лесокомбинат, лесоматериалы, лесопитомники, лесополосы, лесоучасток, лесопункт* и др., где *лесо-* выступает в совсем иной роли; *стекло-*: *стеклоизделия, стеклотара, стеклоблоки, стеклотрубки, стеклошифер, стекловолокно, стеклопосуда, стеклобанки*; *ветро-*: *ветроэнергетика, ветроэлектростанция, ветротехника, ветростанция; пено-*: *пеностекло, пенопласт, пенобетон*; а также: *водо-, зерно-, бензо-, газо-, нефте-, снего-, свето-, торфо-* и некоторые другие.

И, наконец, в этой роли выступают усеченные части некоторых прилагательных: *агит- — агитационный, проф- — профсоюзный, парт- — партийный, культ- — культурный* и некоторые другие, когда они являются как бы самостоятельными «определителями» соединенного с ними слова, а не употребляются только как краткие заместители полных прилагательных в со-

---

[21] Известно, что еще в 20-х годах радиотелеграф называли искровым телеграфом или просто радио, откуда возникло соединение *радиосвязь* и подобные.

ответствующих сочетаниях: *агитбригада, агитлитература, агитсамолет, агитсуд, профпросвещение, профдвижение* и под.[22]

Степень активности в языке всех этих элементов различна, что обусловлено социально — развитием именно данной отрасли науки или техники и необходимостью номинации именно в данной области, а также и тем, какое место в общественной жизни, в жизни страны занимает та или иная область науки или техники.

Оценивая рассматриваемые элементы с этой стороны (определенной, хотя, конечно, и очень приблизительной характеристикой может здесь служить отмеченное число соединений)[23], их можно было бы расположить по убывающей степени активности следующим образом: *радио-* и *кино-*—с каждым из этих элементов отмечено около 300 соединений, в большинстве своем общелитературных, нетерминологических; *фото-* — около 100, в значительной части нетерминологических; *теле-* — около 60, среди них большое число нетерминологических; *авто-*, означающее отношение к автомобилю,— около 100 соединений, в большинстве терминологических; *авиа-* — 70, в большинстве терминологических; *электро-* — около 80, также терминологических, *микро-* — около 50; *авто-* (автоматический) — около 30; *агро-* — около 30; *вело-* — около 30; *гидро-* — около 30; *аэро-* — около 30; *мото-* в значении 'относящийся к мотоциклу' — примерно 20; *лесо-* — около 20; *стекло-* — около 20 (остальные из названных элементов отмечены в меньшем числе соединений).

Как уже говорилось, общественная жизнь может внести в дальнейшем существенные изменения в такое распределение. Так, например, надо предполагать все большую активизацию элемента *авто-* в связи с широким развитием автоматизации и дальнейшими большими задачами в этой области[24]; элемента *теле-* в связи с дальнейшим развитием телевидения как средства связи и совершенствованием управления на расстоянии;

---

[22] Т. е., когда их функционирование шире, чем только замена полных наименований краткими дубликатами, как, например, в случаях *адмчасть — административная часть, адмотдел — административный отдел; ветврач — ветеринарный врач, ветпункт — ветеринарный пункт; врубмашина — врубовая машина; генплан — генеральный план* и т. д.

Разграничение такое, конечно, в известной степени условно. Необходимость номинаций именно в данной области, обусловленная социально, ведет к появлению большего числа соединений с данным элементом и в конечном счете переводит его в другую группу, условно называемую «лексико-морфемами». Как окказиональные, используемые в нарочитой, фельетонной речи, такие случаи всегда возможны, см., например, приведенные выше образования типа *райгром, райгроза, райураган, литдядя* и др.

[23] Как уже отмечалось, имеется в виду материал словарей и современной периодической печати.

[24] Этому может помешать, однако, омонимия с другим *авто-*, означающим отношение к автомобилю. Характерно, что сейчас в научно-технической литературе предпочитается употребление полного прилагательного *автоматический.*

намечается рост активности элементов *микро-*, *вибро-*, *видео-*, *само-* и некоторых других.

Можно предполагать также и рост активности элемента *космо-* в связи с успехами и дальнейшими задачами в освоении космоса. И «прогнозы» такие уже есть. Ср. ряд примеров подобных образований в научно-фантастической литературе:

Тотчас же за спутником начинается *космотрасса*; в хорошем состоянии, с крупными рекламными надписями по обеим сторонам. Пошел и я вслед за гармонически катящимися семействами; тотчас за *космопортом* находится станция гламбуса, в который сел и я; В «*Космозоологии*», известном труде профессора Тарантоги, я прочел о планете, вращающейся вокруг двойной звезды Эрнейи (примеры взяты из книги С. Лема «Звездные дневники Ийона Тихого». Перевод З. Бобырь. М., 1961). Обстановка, созданная людьми на когда-то пустынной, безжизненной, лишенной воздуха Церере, была настолько удобна, что совсем недавно сюда решили перевести *космодиспетчерскую станцию*... Блестевшие золотистым металлом, лежали три гигантских кольца... К оборудованию *космостанции* эти кольца явно не имели никакого отношения; Диспетчерами могли быть люди, обладавшие особыми знаниями... Они становились *космодиспетчерами* на всю жизнь (примеры взяты из научно-фантастического романа Г. Мартынова «Гость из бездны». Л., 1962).

Таким образом, перед нами явление, бесспорно, новое. Часть слова, как бы оторвавшись от слова, которое за ним в действительности стоит, начинает функционировать в языке самостоятельно, являясь своеобразным новым средством выражения атрибутивных отношений наряду с обычным употреблением в русском языке в этой роли прилагательных и соответствующих именных сочетаний.

Ясно, что эти элементы занимают в языке особое место, а сам процесс превращения их из элементов «вторичного кода» (слово — сокращение) в языковые факты заслуживает внимания и изучения.

По выдвинутой в лингвистической науке точке зрения, некоторые из этих элементов можно считать самостоятельными словами, поскольку они обладают основным признаком слова — возможностью вступать в свободные синтагматические сочетания [25], что обусловлено ростом регулярности подобных элементов, т. е. в конечном итоге постепенным накоплением в языке рассматриваемых соединений [26].

---

[25] См.: М. В. Панов. О слове как единице языка. «Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина», т. LI, вып. 5, 1956; «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962.

[26] Принцип анализа рассматриваемых соединений, выдвинутый в указанных работах, представляется нам плодотворным, поскольку именно он позво-

Поскольку вопрос о том, является ли данное сочетание значимых единиц словом или словосочетанием, есть до известной степени и вопрос количественных, статистических отношений [27], то естественно, что каждый из рассматриваемых элементов займет на пути «к преодолению порога словности» какое-то свое место.

Анализ некоторых наиболее активных (получивших наиболее широкое распространение в языке) элементов с этой точки зрения представляет собой задачу дальнейшей работы. И если в результате анализа конкретного и по возможности большого материала удастся установить наличие достаточно большой группы таких элементов, которые можно признать самостоятельными словами (по наличию у них и основного признака слова и признаков второстепенных), т. е. уже не «прилагательных морфем», а особого рода прилагательных (прилагательных аналитических), тогда можно будет говорить и об определенных изменениях в русской морфологической системе [28] в плане движения ее к аналитизму [29].

Выяснение этих вопросов — задача дальнейших исследований. Настоящая статья имела своей целью только отметить ряд новых явлений, связанных с распространением сокращений в русском языке.

ляет вскрыть те качественно новые изменения в характеристике изучаемых «лексико-морфем», которые обусловлены постепенным количественным накоплением в языке таких единиц. Между тем обычный подход к анализу таких соединений с позиций выдвинутого проф. А. И. Смирницким критерия цельнооформленности не помогает вскрыть специфику изучаемых соединений и выделить их из всей совокупности сложных слов.

[27] «Русский язык и советское общество. Проспект», стр. 55.

[28] В частности, это касается действующей синтаксико-морфологической структуры выражения рода. См.: И. П. Мучник. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке. «Развитие современного русского языка». М., 1963.

[29] Известно, что появление в русском языке сокращений *нэпо, ком-, проф-, сов-* в свое время давало В. И. Ленину повод заключать, что русский язык прогрессирует в сторону английского (см.: В. И. Ленин. Сочинения, т. XXVII, изд. 3, стр. 525). Мы являемся свидетелями гораздо большего распространения подобных фактов.

И. Ф. Протченко

О РОДОВОЙ СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ НАЗВАНИЙ ЛИЦ

(Из наблюдений над лексикой советской эпохи)

Именам существительным, обозначающим лиц мужского пола, обычно соответствуют личные именные обозначения в форме женского рода (*колхозник — колхозница*, *специалист — специалистка*, *энтузиаст — энтузиастка* и т. п.).

В статье рассматривается суффиксальное образование имен существительных жен. рода, активизация процесса создания слов этого типа в послеоктябрьский период. Личные имена существительные берутся преимущественно из области производственной лексики [1].

В целом имена существительные, которые обозначают лиц по признаку участия их в производственной деятельности (в промышленности, сельском хозяйстве), составляют довольно большой разряд слов. Надо иметь в виду, что бурно развивающийся технический прогресс вносит постоянные изменения в организацию, условия труда и в состав профессий. Механизация труда, внедрение новой техники, автоматизация производственных процессов, повышение производственной квалификации женщин способствовали росту участия их в производстве. Привлечение женщин к активной общественно-политической жизни органически увязывалось с важнейшим делом вовлечения их во всестороннюю производственную деятельность на всех этапах социалистического строительства. Не только науку, культуру, общественную жизнь, но и развитие нашей промышленности и сельского хозяйства невозможно представить себе без активного участия

[1] В ранее напечатанной нашей статье «Образование и употребление имен существительных женского рода — названий лиц в современном русском языке» дается в основном обзор наименований, обозначающих лиц по признаку участия их в общественно-политической, научно-культурной деятельности. См.: «Статьи и исследования по русскому языку. Уч. зап. кафедры русского языка МГПИ им. В. И. Ленина», т. 158. М., 1960.

женщин [2]. Особенно интенсивным было привлечение женщин к участию в различных сферах деятельности в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Изменения в производственной жизни в той или иной степени и форме находят отражение в словарном составе языка, в том числе и в таком явлении, как значительное пополнение словаря именными образованиями, обозначающими женщин. Наряду с обычными, часто встречавшимися и в прошлом словами вроде *ткачиха*, *прядильщица*, *катушечница*, *вязальщица*, *мотальщица* и многими другими, возникают более новые образования по установившимся в языке моделям (ср. *инструментальщик — инструментальщица* *, *моторщик* * — *моторщица* *, *фрезеровщик—фрезеровщица* и т. п.). Словари современного русского языка не всегда полно отражают состав этой лексики [3].

Новые формы труда, развитие социалистического соревнования вызвали к жизни слова, которых вовсе не было ранее (*ударник — ударница*, *стахановец — стахановка*, *двухсотник — двухсотница* и др.). Они возникали соотносительными (в формах мужского и женского рода).

Необычайно обогатилась лексика в области сельскохозяйственного производства. Колхозный строй изменил экономику деревни, сознание и производственные отношения крестьянства. Рост производства и культуры связан с появлением новых понятий, терминов, которые становятся общим достоянием колхозников. Вышли из употребления слова, обозначавшие предметы, явления, род деятельности, утратившие свое значение, связанные с отсталой техникой, старыми социальными отношениями. В колхозах и совхозах работают тракторы, комбайны, ими управляют *трактористы*, *комбайнеры*. Это — *механизаторы*. В советское время возникли названия *колхозник — колхозница*, *совхозник* * — *совхозница* *, *пятисотница* и др. С другой стороны, именные образования, связанные с прошлыми социальными отношениями, предаются забвению (*кулак*, *батрак*, *бедняк*). Можно привести примеры из разных отраслей сельскохозяйственного труда,

---

[2] По данным последней переписи населения (1959 г.), женщины составляют 47% рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве страны. В промышленности они составляют 45%, в строительстве — 30% от общего числа рабочих и служащих, занятых в этих отраслях. Особенно много женщин в здравоохранении (85%), в просвещении и науке (63%). См. краткий статистический справочник «Женщина в СССР» (М., Госстатиздат, 1960).

[3] Значком * отмечаются слова, отсутствующие в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Таких слов, как увидим ниже, много; в данной работе их приводится около 150; всего же нам удалось собрать более 260 названий лиц женского пола, не зафиксированных в упомянутом словаре (отдельные недавно возникшие слова вроде *целинница, космонавтка* по понятным причинам не отмечались).

Наличие или отсутствие слова в словаре Д. Н. Ушакова во многих случаях может дать приблизительное представление о времени появления слова и, следовательно, о ходе словообразовательного процесса.

показывающие выпадение отдельных слов или изменения в их значении.

Например, вышли из употребления слова *лешильщик — лешильщица*. Раньше на узенькой крестьянской полоске во время сева шел сеяльщик с лукошком зерна, рядом следовал подросток, который обязан был лешить, т. е. отмечать границу падения зерен, волоча за собой на веревке палку или другой предмет, ставить вешки и т. п. Это — *лешильщик;* женщина, выполнявшая эту функцию, называлась *лешильщица*. Сейчас тоже есть *сеяльщик,* но это — человек, управляющий машиной, работающий на сеялке. Ему уже не нужен лешильщик.

Наряду с *жнец — жница* появилось слово *жатчик*. *Жатчик* — работающий на жатке (его называют и водителем).

Молотильщики, молотильщицы — это уже не работники, отбивающие цепом снопы, а люди, обслуживающие молотилку.

Давним является и слово *огородник*, но раньше это — частник, владелец огорода, теперь — лицо занимающееся огородничеством, бригадир по огородным культурам. Ср.: ...бригада *огородниц* сажает лук (Из газет).

В дореволюционное время и до создания колхозов и совхозов работа в мелком единоличном хозяйстве выполнялась без строгого разграничения функций. Обозначений лиц по роду занятий было сравнительно мало; таковы, например, названия *пахарь, плугарь, косарь, стригаль, лешильщик; коровница, скотница* и т. п.[4]

В условиях передового колхозного производства, когда с каждым годом на социалистических полях работает все больше и больше совершенных сельскохозяйственных машин, с внедрением новых форм труда, достижений передовой науки состав сельскохозяйственной терминологии пополнился многими новыми названиями, которые вошли в прочное употребление.

В колхозах и совхозах, где работа строго планируется и учитывается, где происходит специализация труда (ни того, ни другого не было при индивидуальном хозяйстве, в карликовых крестьянских дворах), широкое распространение получают термины, обозначающие действующее лицо *(животновод—животноводка* *, *льновод — льноводка* *, *прицепщик* — *прицепщица* * и т. п.), новые должностные наименования (*учетчик — учетчица* *, *звеньевой — звеньевая* *, *заведующий — заведующая* *) и др.

Невиданный размах получают все отрасли сельскохозяйственного производства, механизируется труд. Сейчас приходится го-

---

[4] Ср. у писателей-классиков в описаниях подневольной жизни крестьянок: Прачка Палашка... и кривая *коровница* Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги... (А. Пушкин, Капитанская дочка);— Взял и в отместку пьяного на тебе женил... Егеря на *скотнице*... Оно, конечно, *скотнице* счастье за егеря выйтить, да ведь надо рассуждение иметь (А. Чехов, Егерь).

ворить об именах существительных *инженер*, *диспетчер*, *монтер*, *техник*, *механик* и других не только как о профессиональных названиях, относящихся к области промышленного производства. Ведь все они прочно вошли в быт и словарь колхозников, являясь следствием высокого уровня сельскохозяйственного производства, отражая процесс развития, идущий по линии уничтожения существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

То же можно сказать и о названиях, связанных с новой организацией труда (*бригадир*, *бухгалтер*, *учетчик* и т. п.— на производстве и в колхозе), с массовыми движениями трудящихся, которые являются всенародными (*ударник* производства, полей и т. д.).

Как общее положение по отношению ко всем обозначениям лиц, к названиям человека по выполняемой работе, профессии, должности и т. д. следует отметить их широкое распространение в устной речи, в печатной литературе. Особенно заметна активность в образовании названий лиц женского пола по признаку участия их в той или иной сфере деятельности. До революции деятельность женщин замыкалась узким кругом профессий и выполнением семейных обязанностей. Этому положению соответствовала и ограниченная номенклатура профессиональных и других обозначений женщин. В изменившихся условиях после революции возникло много суффиксальных имен существительных типа *связист — связистка*, *многостаночник — многостаночница* и т. п. Вместе с тем по отношению к женщинам применяются названия целого ряда профессий, должностей в форме муж. рода (*токарь*, *технолог*, *механик* и др.).

Большой интерес представляет рассмотрение следующих вопросов: какие группы слов и почему оказываются вовлеченными в процесс родовой дифференциации, какова продуктивность отдельных суффиксов и словообразовательных моделей? С другой стороны — что представляют собой разряды слов, не образующих параллельных названий в форме жен. рода?

В настоящей работе принят следующий порядок изложения: вначале дается обзор коррелятивных, затем — некоррелятивных образований; в конце делаются некоторые выводы.

I. СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ ЛИЦ

Можно привести много фактов, свидетельствующих о широком использовании соотносительных названий женщин, являющихся обозначениями по признаку участия их в области промышленного производства. Например: К решительному заявлению пролетариев-металлистов... присоединяются *текстильщицы* «Трехгорки» и «Красной Розы»... («Правда», 1929, № 45); Дружба чехословацких и ленинградских *швейниц* (там

же, 1955, № 66); *Инструментальщица* депо т. Христолюбова говорит... («Работница», 1930, № 10); *Штамповальщица* * Брунова, вступившая в партию... (там же, № 8); ...*фрезеровщица* у новой фрезерной машины (там же, № 3); *Железнодорожница* * Антонина Забабурина несла дежурство на переезде... («Советская Россия», 1958, № 87); Ольга Кириллова Ротань — лучшая *стрелочница* станции Мелитополь («Работница», 1936, № 3; здесь же, в статье, т. Ротань, рассказывая о работе, называет себя только *стрелочницей* —5 раз; ни разу по отношению к женщине не употреблено *стрелочник*).

Названия профессий (зачастую сугубо специальные) широко употребляются не только в газетах, журналах или специальной литературе; они вводятся в тексты художественных произведений. Авторы очерков, повестей, романов и т. д., описывая жизнь людей труда — рабочих, колхозников, служащих, естественно, называют род занятий, профессию своих героев, действующих лиц, смело вносят в повествование эти термины. Для краткости сошлемся лишь на один-два примера. В романе Г. Николаевой «Битва в пути» употреблено много названий лиц по профессии; среди них — немало в форме жен. рода (*крановщица**, *стерженщица* *, *учетчица*, *автокарщица* *, *сменщица* и др.). Например: Она приходила задолго до смены и стояла возле старых *стерженщиц*; Кудрявая Нина, *автокарщица*, подошла, пристукивая каблучками...; Он видел, как на ходу она махнула рукой *крановщице*...; Она не ушла с завода и после смены встала возле своей *сменщицы*...

Ср. в стихах С. Васильева: А внизу, под землей,| время обгоняя,| шла *проходчица* в бой,| тоже молодая.| *Метростроевка* * — душа,| до чего ж ты хороша,| тоже молодая! («Виновата любовь»).

Многочисленны и довольно регулярны в употреблении (преимущественно в области специальной терминологии) такие наименования с суффиксом *-иц(а)* [5] и производными:

автоматчица *	*выкатчица*	*комплектовщица* *
арматурщица *	*вязальщица*	*консервщица* *
багетчица	*гладильщица* *	*лекальщица* *
банкаброшница	*завертчица* *	*ленточница*
баночница *	*заряжальщица* *	*литейщица* *
бетонщица *	*заточница* *	*макальщица* *
вальцовщица	*истопница* *	*маркировщица* *
ватерщица	*калошница* *	*модельщица* *
вставщица *	*каменщица* *	*мотальщица* *
вулканизаторщица *	*ковровщица*	*наборщица*
выборщица *	*кокильщица* *	*наждачница* *

[5] В дальнейшем в целях упрощения конечное *-а* в написании суффиксов графически не выделяется.

наливщица *	*планщица* *	*строительница* *
намазчица *	*приемщица*	*укладчица*
намотчица *	*разборщица*	*фарфорщица* *
никелировщица *	*разливщица* *	*фасовщица*
обмотчица *	*рамщица* *	*чесальщица*
обойщица *	*регулировщица* *	*шелкомотальщица*
откатчица *	*сверловщица*	*шишельница* *
пакетчица *	*сверщица*	*шпульница*
паркетчица *	*складальщица*	*штукатурщица* *
перекладчица *	*сновальщица*	*щетинщица* *
петельщица *	*сортировщица*	*эмалировщица*

и многие другие обозначения женщин по профессии (часто соотносительные с существительными муж. рода, особенно с наименованиями на суффикс *-щик*).

В то же время среди этих и подобных им названий есть ряд таких, которые обозначают занятия, являющиеся специфическими для женщин. Ср. *прядильщица*, *ленточница*, *ровничница* *, *крутильщица* *, *тростильщица* — специальности шерстопрядильных предприятий; *мотальщица*, *вязальщица* и т. п.— специальности трикотажно-чулочных фабрик и др., т. е. предприятий, где используется преимущественно женский труд. Например: В цехе велось изучение работы нескольких *ленточниц*; ...руководители школ передового опыта учат *крутильщиц*... («Веч. Москва», 1956, № 99); От *мотальщиц* шпули идут прямо к *вязальщицам*, от *вязальщиц* чулки — к *петельщицам* и т. д. («Работница», 1927, № 26).

И не только в текстильной, обувной, пищевой промышленности, фарфоровом, фармацевтическом производствах, типографском деле широко используются наименования рассматриваемого типа. Занятость женщин и на других производствах приводит к возникновению соответствующих наименований. Например, на кирпичном заводе: *катальщик* *[6]— *катальщица* *, *съемщик* — *съемщица* (*съемщик* — рабочий, снимающий со стола отрезанные автоматом кирпичи и укладывающий их на подъемник) и др. Так, в повести А. Смирнова-Черкезова «Мои молодые друзья»: Столь же неопытные *катальщицы,* снимавшие с подъемника полки, роняли кирпичи...; — Мы так не можем!— сердито проворчала *съемщица*...

В металлообрабатывающей промышленности имеются профессии *отметчик—отметчица* *, *разметчик—разметчица*, *сварщица* * (*электросварщица*), *сверловщица*. Например, в повести А. Былинова «Металлисты»: ...молоденькая секретарша Клава, напоминавшая круглолицую цеховую *отметчицу*, приносила чай

[6] В словаре Д. Н. Ушакова имеется лишь слово *каталь* (спец., обл.).

и газеты; ...в цех вбежала молодая *разметчица* Таня Неделько; Нина продлит этот славный список, назовет знакомые имена *электросварщиц*, пожилых *сверловщиц*...; Зал заполнили работницы завода — *сварщицы, сверловщицы*...

Встречаются и такие названия, как *нефтяница* *, *формовщица* *, *наладчица* *, *торфяница*. Например: Газета советует всем *торфяницам*, работающим на уборке торфа, учиться у Марфы Багировой (Н. Толмачева, Старшая сестра); Она не раздумывала над тем, кем ей быть. Конечно, *нефтяницей*! («Комс. правда», 1958, № 58); Я внесла предложение — организовать бригаду *формовщиц*... Каждая *формовщица* знает теперь свою определенную форму («Работница», 1936, № 8); ...из них три *проходчицы*, геодезистка, *кессонщица* *, *моторщица* и бригадир (там же, № 4); Комсомолка-*наладчица*... тов. Казарина увеличила выработку больше чем в три раза («Правда», 1941, № 212); Дочь Севастополя *штамповщица* Анастасия Чаус работала у станка под разрывы бомб («Правда», 1942, № 131); Семенову сменила *обойщица*[7] Пелагея Михайловна Белькович... («Лит. газета», 1963, № 105).

Разумеется, не все из перечисленных названий отличаются одинаковой частотой употребления и устойчивостью в обозначении профессий. Помимо этого отдельные названия, встречающиеся в газетно-журнальных статьях и других текстах 20—30-х годов, претерпевали изменения в последующий период. Бурный рост нашей передовой техники постоянно вносит изменения, усовершенствования как в само производство, так, соответственно, и в названия отдельных профессий.

Для того чтобы представить себе динамичность этого процесса постоянного совершенствования труда, привлечения новейших достижений техники на службу социалистическому строительству, приведем один-два примера из великого множества усовершенствований наших дней. Взять хотя бы давнишнюю профессию грузчика. В журнале «Работница» за 1923 г. (№ 11, стр. 27) рассказывается: «С 1917 года в Саратове организовалась секция *грузчиц* и *грузчиков*...». В ту пору грузчики — это люди, переносившие на спине (иногда с помощью простейших, примитивных приспособлений) тяжелые грузы. Эти прежние формы труда ушли в прошлое. Широкое применение техники при погрузочно-разгрузочных работах позволяет использовать труд женщин, но уже в роли не *грузчиц*, а *крановщиц*, которые управляют мощными подъемными кранами.

В результате механизации и автоматизации производственных процессов расширяется сфера применения женского труда. Рождается много новых профессий; все больше появляется спе-

[7] Здесь речь идет о специальности на вагоностроительном заводе. Ср. в словаре Д. Н. Ушакова: *Обойщик*... мастер, специалист по обивке мебели.

циальностей, связанных с автоматикой, телемеханикой. На наших глазах исчезают устаревшие виды труда, а с ними уходят в прошлое и их названия. Например, в приведенном выше перечне есть слова *гладильщица*, *истопница*. На фабриках-прачечных, где вместо прежнего утюга для глажения белья вручную установлен механизм-пресс, работница, управляющая прессом, называется *прессовщица* *. В домах, обслуживаемых теплоцентралями, вместо *истопника (истопницы)* работает «*мастер* теплового узла». Появление малогабаритных машин для уборки тротуаров приводит к тому, что *дворники* становятся *механиками-водителями*; усовершенствование управления системой подъемных механизмов зданий вызвало к жизни новую специальность — «*диспетчер* лифтового хозяйства» (ср. *лифтер*, *лифтерша*). Подобных примеров много.

Остановимся на некоторых особенностях употребления названий лиц женского пола в пределах рассматриваемой категории слов. Применительно к женщинам иногда встречается использование названий в форме муж. рода наряду с преобладающим употреблением в форме жен. рода (*сверловщик* и *сверловщица*, *наладчик* и *наладчица* и др.). Однако в примерах с употреблением существительных в муж. роде имеется та особенность, что в них дается название той специальности, которой владеет женщина, и в этом случае форма муж. рода употребляется в ее общем значении [8]. Например: Молодая колхозница Л. А. Тимофеева за короткое время овладела *специальностями сверловщика*, токаря, *шлифовщика* и в настоящее время является наладчиком сложных станков... («Правда», 1944, № 57); Тов. Пируева — активная работница, недавно выдвинутая на *должность браковщика* («Работница», 1930, № 45).

И с другой стороны: Выступает *старшая браковщица* * тов. З. А. Лабутина («Правда», 1950, № 183).

Указанная особенность в использовании форм жен. рода не отличается последовательностью. В этом убеждает материал различных источников. Например: Сложную *профессию доменщика* я освоила хорошо и крепко ее полюбила... («Правда», 1941, № 198); Тов. Константинова самоотверженно трудится *старшим вальцовщиком* (там же); Бывшая колхозница А. С. Конькова освоила *квалификацию формовщицы* и *сборщицы* наиболее ответственных стержней и деталей трактора... (там же, 1944, № 57); Работница Махачкалинского порта комсомолка К. Зиняхина овладела тремя *профессиями: транспортерщицы* *, *лебедчицы* * и электровожатой («Правда», 1941, № 199).

---

[8] Известно, что названия специальностей, профессий чаще встречается в форме муж. рода, употребляемой в общем значении, безотносительно к полу (ср. послужные списки, перечни штатных должностей в деловой документации).

Можно говорить о преобладании употребления по отношению к женщинам форм жен. рода имен существительных в кругу названий профессий на *-ица*. Это группа названий, которые в большинстве случаев обозначают узкую квалификацию (а таких наименований большое количество вследствие детальной специализации производственных процессов).

Известную сдерживающую роль в образовании форм жен. рода играет наличие при существительном имен прилагательных, которые в совокупности с существительным составляют официально принятое название профессии, должности (*старший вальцовщик, нормировщик...*). Ср.: Выступавшая на съезде ВКТ *женщина — путевой обходчик* железной дороги — выразила в своем выступлении боевой дух, упорство и веру трудящихся женщин в силы рабочего класса... (помимо того, что здесь имеется цельное и взаимосвязанное сочетание *путевой обходчик,* впереди стоит еще слово «женщина», т. е. принадлежность к полу уже выражена.— «За прочный мир...» 1949, № 1); ср. другой пример, где зависимость иная (прилагательное находится в «свободном» сочетании, т. е. оно не входит в название должности, профессии, поэтому отмеченное только что «сдерживающее» обстоятельство отпадает и форма жен. рода свободно употребляется):— Хоть я и *молодая прокатчица* *, но у меня не было бракованного металла («Правда», 1941, № 198). Выше говорится: «Тов. Константинова самоотверженно трудится *старшим вальцовщиком*».

В остальном находим употребление образований жен. рода как в ед., так и во мн. числе. Например: Она — *обходчица* * прифронтовой дороги (Д. Бедный, Высокий образец); [З а й ц е в] ...Вот кашу *текстильщицы* заварили... (А. Софронов, Московский характер); [Г р и н е в а] ...Когда мы поженились с Алексеем, кем я была? Простой *прядильщицей*... (там же); Она стала *табельщицей* в механических мастерских (П. Игнатов, Записки партизана); Девушки-*копировщицы* *... отказались уйти домой до тех пор, пока работа не будет окончена («Правда», 1941, № 199); 16-летняя *шабровщица* * Тося Осина в цех пришла во время войны... («Правда», 1942, № 131); В арматурном цехе *шлифовщица* * тов. Егорова, став на стахановскую вахту, успешно работает на двух станках. По две нормы и больше выполняют в эти дни *прессовщица* Петрова, *сверловщица* Никитина, *станочницы* Генералова и Желанкова, *формовщица* Мусатова, *монтажница* * Муравьева и другие («Правда», 1944, № 58); Недавно стало известно, что *закройщица* фабрики «Скороход» Ольга Муштукова завела в своей бригаде личные счета по экономии («Комс. правда», 1948, № 300).

В советское время возникли имена существительные *многостаночник — многостаночница* (появление этих слов относится к 1939 г.), *двухсотник — двухсотница* (эти слова стали известны с 1941 г.). Их широкое употребление явилось следствием развер-

тывания инициативы рабочих в промышленности, где зародилось движение «многостаночников», «двухсотников»; эти формы социалистического соревнования получили большое развитие в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Избрана депутатом районного Совета стахановка-*многостаночница* завода фрезерных станков Валентина Андреевна Вязова («Советская женщина», 1948, № 1); «*Двухсотницы*» сидят между средними работницами... чтобы соседки переняли их методы работы. Вот в следующем ряду еще одна «*двухсотница*» — Клава Харитонова (там же).

Насколько легко образуются формы жен. рода в наименованиях указанного типа профессий, наглядно видно из следующего небольшого примера. В статье «Боевые подруги горняков» («Правда», 1941, № 217) рассказывается о развернувшемся движении женщин за овладение новыми профессиями в условиях военного времени: «Инициатором похода женщин на производство явилась жена бригадира навалоотбойщиков Наталья Фомина.— «Возьми меня в свою бригаду. Буду работать *навалоотбойщиком*». На очередной наряд Фомины пришли вместе. Профессия навалоотбойщика испокон века считалась чисто мужской. Но сейчас другое дело. Женщины показали, что они отлично овладевают мужскими профессиями... На второй день она уже выполнила задание *навалоотбойщика* на 125 процентов. Эта весть облетела все участки шахты, все дома горняцкого поселка... Жены горняков... стали *навалоотбойщицами*...» Так в чрезвычайных условиях военного времени на короткий период возникло необычное название *навалоотбойщица*, появление которого трудно было бы объяснить без учета особых обстоятельств войны, когда женщины стремились овладеть непривычным делом и заменить ушедших на фронт мужчин.

Приведем другой пример. Б. Горбатов в романе «Донбасс», описывая труд шахтеров начала 30-х годов, показывает и занятость женщин в этой отрасли промышленности. Поэтому наряду с мужчинами соответствующих профессий (*проходчик*, *забойщик*, *крепильщик*, *бурильщик*, *откатчик* и др.) автор вводит в повествование «шахтерок»: *откатчиц*, *сортировщиц*, *отгребщиц* *, *рукоятчиц* * и др. Например: Она [Даша] была истая *шахтерка* [9] и дочь шахтера, девчонка смелая, независимая, гордая... (Даша

[9] Ср. с этим же суффиксом старинное *актерка* и новое *шоферка* (*шоферки*). Последнее встречается в печатных текстах 20-х годов. Например, фотоочерк о женщинах, ставших водителями автомашин, назван «Работницы-*шоферки* сестры Ждановы» («Работница», 1924, № 1). Впрочем, далее сами «шоферки» рассказывают: «Приехали в Москву и поступили *шоферами* в гараж...».

Ср. употребление составных наименований: Майор нажал кнопку звонка, и вошла *девушка-шофер* («Веч. Москва», 1946, № 137; в статье 5 раз употреблено *девушка-шофер* и ни разу иначе).

исполняла теперь уже забытую обязанность «лампоноса»...); Здесь, в надшахтном здании, возилось несколько девчат-*откатчиц*; *Откатчицы* захохотали... одна *откатчица* рассмеялась и лукаво запела...; *Рукоятчица*, здоровая рябая баба, вытолкнула из клети вагонетку с углем; Десятник подошел к *рукоятчице;* Девчата *откатчицы, сортировщицы* и плитовые начинают метаться по комнатам; Давай, давай,— хрипло кричал он на люковых, *отгребщиц*, коногонов.

Эти примеры полезно привести как с целью подтверждения «легкости» образования некоторых профессиональных наименований в форме жен. рода, так и для иллюстрации выпадения ряда слов, связанных с прежним уровнем добычи угля. Ныне изменились кадры горняков. В шахтах работают квалифицированные рабочие, появились новые профессии *(водитель комбайна, машинист, моторист* и т. п.), отошли в прошлое профессии, связанные со старым, «дедовским» способом угледобычи (например, *коногон, лампонос, саночник* и др.).

Аналогичный процесс происходит и в других областях производства.

Можно было бы продолжить перечень имен существительных данного разряда. Есть, например, целые группы профессиональных названий лиц, занятых в швейной промышленности *(утюжильщицы, стегальщицы, вышивальщицы, кроевщицы*, бельевщицы* и др.). Ср. на других работах: ... контролер ... и *зуборезчица** А. Кухтина проверяет качество изготовленных шестерен («Правда», 1953, № 290); Стахановка комбината отделочных материалов Метростроя *полировщица** Л. Куковенко ... полирует мраморную плиту («Веч. Москва», 1952, № 290);... *аппаратчица** Чирчикского электрохимического комбината ... Анна Ивановна Маслова выступила инициатором ... («Правда», 1953 г., № 250); Авдотья, сторожиха и она же *пожарница** [завода], откладывает вязанье... («Правда», 1953, № 266) и др.

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в продуктивности беспрерывно пополняющихся образований существительных с суффиксами *-щица, -чица* и их производными. Если количество личных названий в области производственной деятельности, образованных с помощью этих суффиксов, не укладывается в сотню, то, скажем, с суффиксом *-ка* и его производными (в этой же сфере деятельности) насчитывается всего около двух десятков слов. В большинстве своем это слова на *-истка,* если не считать отдельных названий вроде *шахтерка, шоферка (редкие),* а также *лаборантка, стажерка* и под. (последние могут быть с некоторой условностью отнесены к этой группе, ибо имеют отношение к трудовой деятельности в более широком смысле слова): *мотористка* (Они готовятся стать высококвалифицированными *мотористками...* —«Правда», 1941, № 217; ...требуются швеи-*мотористки.* — Из радиопередач),

дизелистка * (У стола молодая женщина-*дизелистка* Л. Гузина.— «Правда», 1953, № 130), *термистка* * (Л. Сафонова, *термистка* центральной заводской лаборатории.— «Веч. Москва», 1959, № 22), *бульдозеристка* * и нек. др.

Иногда наблюдается образование от одной основы двух равнозначных слов с различными суффиксами. Так, имеются *моделистка** и *модельщица* (профессия в швейной промышленности). Например: Автор, художница-*моделистка* т. Лямина, подошла к своей модели; Одна за другой спускались *модельщицы* по ступеням лестницы («Работница», 1936, № 1); *мотористка и моторщица* (о человеке, обслуживающем мотор; наряду с термином *мотористка*, обозначающим швею, работающую не ручным, а машинным способом). Ср. в других разрядах названий действующего лица: *карикатурист* и *карикатурщик, проектировщик и проектант, дипломник* и *дипломант, метатель* и *метательщик* (с соотносительными образованиями в форме жен. рода), причем первые из указанных в этом ряду названий являются более употребительными.

С другими же словообразовательными элементами, кроме указанных выше, встречаются лишь единичные названия (в эти подсчеты не включается терминология сельскохозяйственного производства).

* * *

Как и в обозначениях лиц по ряду деятельности в области промышленного производства, существительные с агентивными суффиксами *-чик, -щик* и соотносительными *-чица, -щица* (в форме жен. рода) имеют наибольшее распространение в сельскохозяйственной терминологии.

Здесь, помимо специфически сельскохозяйственных терминов (о которых см. ниже), имеются и общие названия, свойственные обозначениям профессий не только сельскохозяйственного производства, которые вошли в обиход со времени организации колхозов и совхозов. Таковы должностные названия типа *кладовщик — кладовщица*,* *приемщик — приемщица, учетчик — учетчица, весовщик — весовщица* и т. п. Например: В центре поля высились картофельные горы, а над ними на ветке большой ветлы сидела *учетчица*... (Г. Николаева, Жатва); Ксенофонтовна молча сидела в углу, дожидаясь, пока учетчица вызовет для сдачи молока (там же).

Особенно многочисленны существительные с суффиксами *-чица, -щица* и их производными, обозначающие лиц по какой-нибудь производственной функции, роду деятельности: *лесозаготовщица* *[10], *сепараторщица, маслобойщица* *, *веяльщица*,

[10] В романе Г. Николаевой «Жатва» одна из девушек с лесозаготовок поет такой куплет:

молотильщица, подавальщица, трепальщица* (волокна), *теребильщица, полольщица, сажальщица*, поливщица*, бороновальщица*, сеяльщица, посевщица** [11], *сборщица* (хлопка, чая) [12], *засольщица, подвозчица*, подводчица*, копнильщица*, прицепщица, амбарщица*, накладчица*, раскладчица*, вязальщица* (например, при ручной вязке снопов) и мн. др. Например: За косарями шестнадцать девушек... Это *вязальщицы* (А. Макаренко, Педагогическая поэма); Бурун подает команду:— Косари и *вязальщицы,* по местам! (там же); Вязальщицы довязывают последние снопы и относят их в сторону (там же); *Подносчицы*... звонко перекликались между собой (П. Павленко, Счастье); *Резчицы** винограда... сновали в междурядьях (там же); А еще дальше работали возильщики, трактористы, весовщики, косари, *вязальщицы* (В. Закруткин, Плавучая станица); А ты возьми ее себе в *прицепщицы*... (А. Овечкин, День тракториста); Дали бы мне эту бригаду да вот этих девчат, которых я семь лет учила,— их тоже рассовали кого куда, ту *амбарщицей*, ту *учетчицей*... (А. Овечкин, В одном колхозе).

Показательно последовательное употребление слова *копнильщица* в произведении Т. Журавлева «Комбайнеры». Например: Мой овес не осыпается,— ответила *копнильщица*; Недалеко от комбайна сидели на соломе две *копнильщицы,* повязанные белыми платочками. (В этой повести — в авторской речи и в речи действующих лиц — 38 раз использовано название *копнильщица.* Ни в одном случае, где речь идет о женщине, не употреблена форма муж. рода.)

Ср. составные обозначения профессий женщины: ... ей хорошо были видны... далекие *женщины-вязальщицы*... Вдоль всего загона... стояли *женщины-вязальщицы* (В. Закруткин, Плавучая станица); Одним движением руки он принимал от *девчат-подавальщиц* снопы... (там же); ... его слушали Мосолов, Головнев, матросы с катера, *девушки-засольщицы*... (там же).

Приводя перечень профессиональных наименований лиц из области сельскохозяйственной терминологии, нельзя не сделать оговорки, что в результате внедрения передовой техники в колхозное производство, постоянно вносящей коррективы в организацию труда, в круг сельскохозяйственных профессий, некоторые приводимые здесь слова, относящиеся к области ручного труда, постепенно вытесняются новыми образованиями.

Все высокие сосенки, Ровненьки мачтовочки, Все мы тысячны девчонки — *Лесозаготовщицы.*

В предыдущем тексте пояснено значение слов «тысячны девчонки»: каждая девушка зарабатывает по нескольку тысяч рублей в месяц (в старых деньгах).

[11] *Посевщица* — редко. Ср. у М. Шолохова:— Какая я *посевщица,*— невесело улыбнулась Аксинья (Тихий Дон).

[12] ...*сборщица* хлопка Мамедова... («Лит. газета», 1949, № 26).

Например, к разряду, условно говоря, «вытесняемых» можно отнести такие, как *молотильщица, вязальщица* (снопов), *пололыцица* и т. п. Точно так же требление (например, льна) производится не только ручным способом (ср. *теребильщица*), но и машиной (уборочным агрегатом).

С появлением новых сельскохозяйственных машин изменяется вкладываемое в термин содержание: при ручной посадке *сажальщица* — это женщина, осуществляющая посадку (клубней, рассады) вручную; при машинной посадке (например, рассады) — это женщина, сидящая на прицепе машины и регулирующая работу механизмов.

Из образований с суффиксом *-ица (-ница)* укажем:

а) названия, обозначающие лиц по характеру труда, сфере его применения: *птичница, тепличница*, скотница, телятница, утятница*, гусятница*, свекловичница*, огородница, садовница* и др. Ср. *опытница**. Например: Валентину он помнил Валькой-*гусятницей,* пасшей гусиное стадо... (Г. Николаева, Жатва); Это была хата бывшей звеньевой, а теперь старшей *птичницы* колхоза Марии Фомичевой (А. Овечкин, В одном колхозе);— Где звеньевые рекордами гремят? Опять же у нас! Где самые боевые доярки, *телятницы?* (А. Овечкин, Упрямый хутор); А в следующий раз надумаешь *свекловичниц* премировать... (А. Овечкин, На одном собрании); Увлекшись, она не сразу заметила, как переглядывается с кем-то через окно Дуся-*телятница*... (Г. Николаева, Жатва); И вскоре они — Анна Арбузина со своими *садовницами,* а вместе с ними и Иван Евдокимович... вышли из Разлома, направившись к саду (Ф. Панферов, Волга — матушка река); — ...Можно кругом рисовые или же капустные плантации насадить,— мечтали *огородницы* ... (В. Закруткин, Плавучая станица);

б) образования сравнительно недавних лет, характеризующие лицо по степени эффективности труда, темпам, с нередко выраженным в корне количественным показателям типа *пятисотница*[13], *тысячница*[14], *одногектарница**. Ср. также *сдельщица*. Например: Я вас уверяю, что если бы вы пришли к *пятисотницам* в середине года и сказали: «Давай я тебе буду копать», они бы вас не пустили (Н. Островский, Речь на заседании

---

[13] Движение пятисотниц в сельском хозяйстве относится к началу 30-х годов. Первой пятисотницей была Мария Демченко, которая получила урожай сахарной свеклы более 500 центнеров с гектара. В 1949 г. возникло движение машинистов за 500-километровые среднесуточные пробеги поездов (до этого норма пробега одного паровоза за сутки составляла 200—250 км). Это движение называлось движением машинистов-пятисотников.

[14] Ср. *тысячники*: Но я не понимаю, как можно было сбросить со счета... наших *тысячников*, тех, кто за сезон поднимали больше тысячи гектаров и перевыполнили нормы в два, в три, в четыре раза? (Г. Николаева, Жатва); ...Самый молодой тракторист на всей МТС, а от *тысячников* не отстает (там же).

Союза советских писателей при обсуждении романа «Рожденные бурей»); Украина является родиной «движения *пятисотниц*» («Правда», 1949, № 43); Движение *одногектарниц* было не простым делом; — Ах ты, милый мой, *одногектарницу* ему надо,— жеманно пропела она (П. Павленко, Счастье); Это Евдокия Петровна... Бывшая доярка, *трехтысячница* (А. Овечкин, Упрямый хутор); На Украине ширится движение сноповязальщиц-*тысячниц* (Из радиопередач).

С 1954 г. прочно вошли в употребление названия *целинник — целинница*. Например: ... глядит на бывалых *целинниц* — загорелых, могучих девчат (Ю. Куранов, Студентка).

С суффиксом *-ка* и его производными появились слова *трактористка, комбайнерка* (редко — *комбайнерша*), *виноградарка** и нек. др. Ср. *зерновичка**: А почет в работе. Особенно вам, *зерновичкам* (С. Бабаевский, Колхозные будни).

Новым является параллельное старому имени существительному *виноградарь* слово в форме жен. рода — *виноградарка*. Например: ...Мария Никифоровна Сергиенко — *виноградарка* из совхоза имени Суворова («Правда», 1950, № 365).

Слово *трактористка* прочно утвердилось в употреблении: Припомнились... *трактористки* в огромных щегольских рукавицах — крагах... (Б. Горбатов, Донбасс); Настя ...не могла нахвалиться дисциплиной, толковостью и даже золотым нравом новой *трактористки* (Г. Николаева, Жатва). В романе Г. Николаевой «Жатва» это слово употреблено 12 раз (в том числе один раз во мн. числе), лишь в двух случаях, вполне оправданных, находим форму муж. рода. В одном случае, когда *тракторист* (женщина) выделяется как «самый молодой на всей МТС» (из общего коллектива трактористов — мужчин и женщин): И что же это,— скажут,— за девка? Самый молодой *тракторист* на всей МТС, а от тысячников не отстает.

В другом случае, когда говорится о специальностях тракториста (и комбайнера) [15]: ... она овладела двумя специальностями — *тракториста и комбайнера*...

Несколько сложнее обстоит дело со словом *комбайнерка*. Чаще всего форма жен. рода, параллельная существительному *комбайнер*, употребляется как в ед., так и во мн. числе, т. е. аналогично *трактористка — трактористки*. Например: Во главе [бригады] стоит опытная *трактористка* и *комбайнерка*... Эльмине Отсман («Правда», 1952, № 166); Группа передовых *трактористок* и *комбайнерок* обратилась через газету «Волга» к жен-

[15] Ср. аналогичный пример из «Правды»: В зимний период сотни девушек учились на *трактористов, комбайнеров, механиков* (1952, № 205); или — в «Жатве» Г. Николаевой: Ефросинья притащила домой комплект новеньких ключей, набор монтажного инструмента и... начала хвастаться: «*Комбайнер* должен быть и слесарем, и токарем, и монтажником, и агрономом. Самая что ни на есть широкая специальность».

щинам и девушкам Астраханской области с призывом... (там же, 1953, № 17);... добиваются того, чтобы... во всех МТС создать женские тракторные бригады, подготовить сотни *трактористок, комбайнерок, льнотеребильщиц* (там же, 1952, № 205); Колхозницы, *трактористки,* комбайнерки занимают почетное место в борьбе за дальнейшее укрепление колхозного строя («Изв.» 1950, № 37).

Ср. в журнале «Работница»: От шахтеров, металлургов, транспортников, колхозниц-пятисотниц, трактористов и *трактористок,* комбайнеров и *комбайнерок* стахановское движение непреодолимой лавиной двинулось дальше... (1936, № 7).

В официальном документе — «Указе Президиума Верховного Совета СССР «О награждении передовиков сельского хозяйства...» («Правда», 1942, № 132—135) во всех случаях применительно к женщинам употреблено: *трактористка* (36 раз), *комбайнерка* (23 раза).

Однако наряду с *комбайнерка* иногда встречается форма мужского рода применительно к женщине. Так, чередующееся употребление, например, находим в «Правде» за 1941 г. (№ 197): Мария Фоменко, *комбайнерка*... И здесь же: А. Григорьевская, *комбайнер* Ольховской МТС...; Анна Тузова, *комбайнер* Арзамасской МТС, Горьковской области.

Соответственно и во мн. числе — наряду с *комбайнерки — комбайнеры* (о женщинах): И в первых рядах этого всенародного похода за высокий урожай двинулись женщины и девушки — *трактористки, комбайнеры,* десятки тысяч женщин полеводческих бригад и звеньев («Советская женщина», 1948, № 1).

В художественной литературе можно встретить и форму с *-ша,* возникшую под воздействием образований с этим суффиксом. Так, в романе Г. Николаевой «Жатва» во всех четырех случаях употребления этого слова находим именно данную форму (правда, все они относятся к речи действующих лиц): С тех пор как стала *комбайнершей,* сама как шальная ходит — приспичило, вишь ты, ей с орденом покрасоваться... (колхозница Ксенофонтовна). Сама «комбайнерша» Ефросинья Бортникова говорит: Задумала я в *комбайнерши* идти...; И красиво, когда *комбайнерша* стоит на мостике, а платок вьется за спиной... Председатель колхоза Василий Бортников говорит о ней: И комбайн хорош, и *комбайнерша* хороша!

Таким образом, существует двоякая форма жен. рода от существительного *комбайнер: комбайнерка* и *комбайнерша;* первая свойственна общему языку во всех сферах употребления, образования же с суффиксом *-ша* относятся к сфере разговорно-бытовой речи.

Другие имена существительные с суффиксом *-ка* имеют меньшую употребляемость и относятся преимущественно к сфере домашнего хозяйства (таковы *кулинарка, домохозяйка*

и др.). Ср. также имена с суффиксами *-уха, -иха: стряпуха, поварихa, сторожиха, портниха, чабаниха** (от *чабан), дворничиха.* Например: Он присел на нижнюю ступеньку вагончика, принял из рук *стряпухи* горячую миску с кашей... (М. Шолохов, Они сражались за родину); Аннушка, она что — не только садовод, но и *чабаниха* (Ф. Панферов, Волга — матушка река); Недавно... каждому жителю Черных земель — чабанам, *чабанихам,* стряпкам, гуртоправам — всем были вручены расчетные листы — кто сколько трудодней выработал... (там же).

* * *

Остановимся еще на примерах употребления недавно образовавшихся слов, равно относящихся и к промышленной, и к сельскохозяйственной деятельности: *скоростник*[16] — *скоростница**[17], *ударник — ударница,* характеризующих передовые методы работы людей, обозначающих принадлежность к тому или иному начинанию, движению. Ср. возникшие во второй пятилетке (в 1935 г.) названия *стахановец — стахановка,* имевшие в свое время большое распространение и обозначавшие участников стахановского движения — нового, высшего для того времени этапа социалистического соревнования[18].

Первое из этих имен существительных — *скоростник* употребляется по отношению к женщинам как в форме женского, так и муж. рода. Например (слова женщины): *Я скоростник*... Мы, *скоростники,* обязаны еще более сократить сроки плавки и сократим их («Правда», 1941, № 273);— Девчонки! — сказала она.— Или выйдем в *скоростники,* или я не Фроська..! Будем в *скоростники* выходить..,— Василий и Валентина в полдень пошли в поле, чтобы посмотреть, как идет дело у новоявленных *скоростников* (Г. Николаева, Жатва); Вот и *скоростники* свои в колхозе появились... В нашем районе еще не было и нет таких скоростных вязальщиц! (там же). Однако несколькими строками выше в авторском тексте читаем: Минута шла за минутой,

---

[16] В передовой статье «Лит. газеты» читаем: Почетным стало слово *«скоростник»*... Так называют лучших производственников — токарей, фрезеровщиков, сталеваров, каменщиков, проходчиков (1950, № 46).

[17] Ср. *скоростница* в более узком значении: физкультурница, которая занимается лыжным, конькобежным спортом.

[18] Ср. также появившиеся в 30-е годы названия *хетагуровка*, виноградовка** (*хетагуровка* — по фамилии В. С. Хетагуровой, изъявившей желание ехать на работу на Дальний Восток; девушки, последовавшие ее примеру, стали называться *хетагуровками.* Почин ткачих Виноградовых, застрельщиц стахановского движения в текстильной промышленности, был также подхвачен женщинами — появилось слово *виноградовка*): Громадное большинство *хетагуровок* быстро и хорошо вошло в дальневосточную жизнь... В Комсомольске я беседовал с одной *хетагуровкой*... (Сб. «Женщины страны социализма», ОГИЗ, 1939); Тов. Моисееву, ткачиху-*виноградовку,* прикрепили к Юдиной... («Работница», 1936, № 2); Тут *стахановки* и *виноградовки,* отважные девушки — лучшие люди нашей страны (там же).

а Василий и Валентина все стояли и глаз не могли отвести от веселой работы *скоростниц*.

Распространенным является слово *ударница:* Одну из них, красивую пожилую вдову Елену Макееву, лучшую *ударницу* полеводческого колхоза, Груня знала хорошо (В. Закруткин, Плавучая станица); Обе они родились и выросли здесь, в колхозе имени Калинина, были комсомолками, *ударницами*... (П. Павленко, Счастье); Я расскажу сегодня об одной из миллионной армии *ударниц*... («Работница», 1930, № 5).

Ср. метафорич.: «Работница» великой стройки,|Ты выросла вместе с ней|Упорной, пламенной и стойкой|*Ударницей* кипучих дней (Приветствие журналу «Работница» от «Крокодила» в дни десятилетнего юбилея, 1933 г.).

Вместе с тем о женщине говорят и *ударник* (в общем значении, особенно при наличии слова *звание*). Например: Недавно ей присвоено высокое *звание ударника* коммунистического труда («Правда», 1960, № 56).

Довольно часто и регулярно в употреблении слово *стахановка*. Например: Вы от нее отстали! Она одна из лучших *стахановок* нашего комбината (А. Софронов, Московский характер); Отец Алены в свой колхоз |Откуда-то плакат принес,| На нем *стахановки портрет:*| «Советской женщине привет!» (А. Яшин, Алена Фомина).

II. НАЗВАНИЯ, К КОТОРЫМ НЕТ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ФОРМЕ ЖЕНСКОГО РОДА

Не менее важную группу составляют имена существительные, употребляемые в форме муж. рода. В отличие от только что рассмотренных, они в основном являются названиями квалификаций более широкого профиля[19]; особенность их и в том, что здесь мы имеем дело с преобладанием не исконно русских, а заимствованных слов. Особую группу среди некоррелятивных названий составляют возникшие на русской почве сложные слова со второй глагольной частью.

Сюда относятся следующие основные разряды слов.

а) Профессионально-должностные обозначения лиц, звания, профессии иноязычного происхождения: *химик, техник, электрик, физик, металлург, инженер, мастер, машинист, слесарь, гидролог, технолог, мелиоратор, оператор, конструктор, плановик, диспетчер, экономист* и нек. др. Ср. с русской основой—*токарь*[20].

[19] Мы говорим «в основном», потому что такие «видовые», обобщающие названия, как *текстильщики, швейчики, ткачи* и др. (см. примеры выше), образуют формы жен. рода.

[20] *Настя — токарь* за станком, Как ей ни гордиться...? Косы светлые венком Под платком из ситца... (А. Барто, Настя); Спорится работа и у молодого *токаря* Жени Кирюшиной... («Правда», 1941, № 248).

Хотя от отдельных слов этой группы и образуются параллели (например, с суффиксом *-ша,* ср. *диспетчерша, инженерша;* иногда с *-ка,* ср., например, *химичка* — о лице — слово, совпадающее со встречающимся в профессионально-разговорном обиходе названием комнаты — химической лаборатории, кабинета по химии), но употребление слов в форме жен. рода в данном случае характерно скорее лишь для разговорно-бытовой речи. Впрочем, в художественной литературе все чаще можно встретить довольно свободное употребление названий на *-ша,* причем не только при передаче речи персонажей, но и в авторском тексте[21].

Иногда форма жен. рода к упомянутым словам может получить иное значение. Например, смысловой объем названия может значительно сузиться[22]. В этом убеждают такие образования, как *техничка, мастерица* и т. п. Первое слово несоотносительно с названием в форме муж. рода (*техник*). Сравнивая же слова *мастер — мастерица,* легко заметить, что форма жен. рода употребляется не во всех значениях, присущих слову *мастер,* и является по отношению к нему лишь частично соотносительной. Ср. *инженерша* — редко встречающееся слово со значением 'женщина-инженер' или в значении 'жена инженера' и т. п. Суффикс *-ка,* казалось бы, мог быть подходящим для образования женских соответствий от существительных *технолог, гидролог, металлург* и т. п., поскольку именно этот суффикс сочетается с бессуффиксными словами муж. рода. Но в этих случаях образовались бы весьма странные названия (в первых двух словах — со второй частью *-ложка!*)[23]; по отношению же к словам *металлург, хирург, драматург, профорг, парторг, комсорг, звеноpг* и т. п. попытка произвести такой словообразовательный «эксперимент» встречает неудобство произносительного характера. Поэтому в литературной речи как правило используются формы муж. рода таких слов и по отношению к женщинам.

---

[21] В этом отношении очень характерен рассказ Н. Мельникова «Строится мост» («Новый мир», 1963, № 7), начинающийся так: «Часов в десять вечера, как только я сошел с катера на берег, меня остановила *диспетчерша* причала Женя». Далее: «...москвичи прислали специалиста по буровой установке — молоденькую *инженершу*». Всего в рассказе слово *инженерша* встретилось 11 раз, *диспетчерша* — 5 раз, *бригадирша* — 11 раз, *директорша, вахтерша, кассирша* — по одному разу. Формы муж. рода этих слов по отношению к женщинам не употреблены ни разу.

[22] См.: И. Ф. Протченко. О родовой несоотносительности некоторых типов имен существительных в русском языке. «Русский язык в национальной школе», 1959, № 3.

[23] Кстати, от слов этого типа в сфере разговорного языка порой возникают формы жен. рода с данным суффиксом. Ср., правда не со значением лица, *техноложка* — студенческое название технологического института в Ленинграде (пример, сообщенный автору статьи С. И. Ожеговым). Здесь, таким образом, возможность обозначения лица женского пола затруднена явлением омонимии.

Примеры: ...она [Уля Громова] ведь очень скоро может стать *инженером* или учителем (А. Фадеев, Молодая гвардия); в романе В. Ажаева «Далеко от Москвы» (в авторском тексте): Она долго бродила по коридорам, разыскивая другую свою приятельницу — *экономиста* Женю Козлову; *Диспетчер*, на редкость румяная рослая девушка в расстегнутой ватной куртке, приветливо пригласила инженеров погреться. В речи действующих лиц: [К о в ш о в]... Женей зовут, Козловой... неплохой *экономист*; Простите, я отвыкла рекомендоваться... Вы угадали: я — Васильченко, *инженер* связи.

Взволнованную речь произносит *технолог* М. Коротаева... («Правда», 1950, № 182); *Слесарь* тов. Бильченко овладела также токарной и фрезеровочной специальностями (там же, 1944, № 58); ...тов. Козенко стала *машинистом* электровоза... (там же, 1941, № 212); Рая Зайцева — *слесарь* по электрооборудованию, а когда вступит в строй аглофабрика, будет дежурным *электриком* («Изв.», 3 апр. 1963 г.); *Маляр* А. Тригуб за работой («Веч. Москва», 1950, № 94); ...Я стала заниматься планированием, совмещала две работы — *технолога* и *плановика* («Работница», 1950, № 2); Нина Степаньян, комсомолка, *инженер*, работающая *оператором*... (там же, 1936, № 8); Славой овеян труд *диспетчера* Клавдии Королевой (там же, 1950, № 3); Зина Пихтовникова, младший горный *техник*, приехала на курорт, как домой (там же, 1949, № 12).

Ср. во мн. числе при наличии слов в форме жен. рода *монтажницы*, *текстильщицы*, *сверловщицы* и т. п. в тех же контекстах употребляются формы муж. рода — *инженеры*, *техники*, *машинисты*, *слесари* и т. п. Пройдет еще несколько лет и, быть может, мы увидим молодых монтажниц уже передовыми советскими *инженерами* («Советская женщина», 1948, № 1); ...200 текстильщиц [на Ташкентском текстильном комбинате] стали *инженерами* (там же); Переквалификация... работниц даст новые кадры *слесарей*, *токарей*, сверловщиц, шишельниц и т. д. (там же, № 17).

В некоторой связи с предшествующими именами существительными стоят и такие профессиональные названия на *-ёр*, как *шофёр*, *монтёр*, *бракёр*, также употребляющиеся в форме муж. рода Ср. *вахтёр*[24] (реже — *вахтёрша*, разг.).

Пересели с автомашин на тракторы шоферы Бондарева и Раскатова («Правда», 1941, № 181); Краснознаменка тов. Делянцева — *монтер* МОГЭСа («Работница», 1930, № 8).

б) Имена существительные на *-ор* (*новатор*, *инициатор*, *рационализатор* и под.), которые не являются собственно профессиональными обозначениями, а дают качественную характеристику

---

[24] Она тоже работала на заводе — *вахтером* в проходной (Г. Брянцев, По ту сторону фронта).

действующего лица. В советских условиях эти понятия, заключающие глубокий смысл и отражающие передовые явления жизни, наряду с такими названиями, как *ударник, передовик, скоростник* и под., получили широкое распространение.

Примеры: Мир слышал взволнованную речь уральской работницы — *новатора* производства Подберезиной, которая вместе с другими работницами заливает фашистскую глотку потоком раскаленной стали («Правда», 1942, №131); Способный инженер-*новатор*, чуткий и отзывчивый товарищ, активная комсомолка,— вот качества, за которые Сару Велиханову любит и уважает весь коллектив («Изв.», 1950, № 50); Тов. Николаева — *инициатор* социалистического соревнования и организатор женской бригады на Челябстрое («Работница», 1930, № 33).

К упоминавшемуся выше слову *передовик* параллельная форма женского рода не возникает[25] прежде всего потому, что модель *-ик/-ичка* относится к числу малопродуктивных (ср. многие недифференцирующиеся названия на *-ик* с иностранной основой: *академик, химик, лирик, трагик, малярик, холерик, сангвиник* и др.), а с суффиксом *-ица* образуется слово *передовица* (омоним со значением 'передовая статья'). Таким образом, сдерживающим фактором словопроизводства может быть омонимия несоотносительного слова с каким-либо другим. Поэтому наличие существительного *электричка* ('электрический поезд') может рассматриваться как известное препятствие для образования с помощью суффикса *-ка* названия лица женского пола от профессионального обозначения *электрик*.

в) Названия лиц, возникшие на русской почве посредством словосложения при помощи соединительных гласных *о, е*. Первая часть таких слов имеет значение объекта действия (основа существительного)[26], вторая — производимого действия (глагольная основа). Из глагольных морфем, составляющих вторую часть сложных слов этого типа, наиболее продуктивной является *-вод*. Приведем перечень наиболее распространенных слов: *животновод, коневод, оленевод, рыбовод, пчеловод, птицевод, полевод, лесовод, садовод, овощевод, свекловод, картофелевод, коноплевод, льновод, чаевод, каучуковод, хлопковод* и др. Ср.: *счетовод, экскурсовод, групповод* и т. д. С другими глагольными морфемами во второй части: *сталевар, мыловар, пивовар*; *товаровед, почвовед; водовоз; трубоклад; винодел, маслодел, бракодел*; *водолаз, верхолаз*; *хлебороб, хлопкороб*; *землемер*; *стеклодув*; *землекоп*; *птицелов* и т. п. Ср. также *лесоруб, лесо-*

[25] Ср.: Она — *передовик* производства (Из радиопередач). То же во мн. числе: Блестящие образцы высокопроизводительной работы показали *передовики*... Анна Кузнецова и Анна Кувшинова («Советская женщина», 1948, № 1).

[26] Ср. сложные слова другого типа, когда в первой части — наречие (*тяжелодум, скороход*; в спортивной терминологии и *скороходка*), числительное (*однолюб* при наличии *однолюбка*) и т. п.

люб. Например: Пусть самодеятельность организует да *лесорубам* песни поет (Г. Николаева, Жатва); Себя он называл не лесничим, а *лесоводом* или *лесолюбом* (там же).

Многие наименования подобного типа очень распространены в художественной литературе, в газетах, журналах[27]. Обычно эти названия лиц, за небольшим исключением, сохраняют муж. род и тогда, когда речь идет о женщине. Однако нам встретилось употребление нескольких слов в форме жен. рода: *животноводка*, *птицеводка**, *льноводка*, *хлопкоробка**. В этих случаях намеренно подчеркивается, что речь идет о женщинах. Например: ...стахановское движение... охватило собой доярок, телятниц, свинарок, *птицеводок* («Работница», 1936, № 7); ...будущим летом на родные поля вернется к своим подругам-*льноводкам* Анна Скачкова («Правда», 1950, № 337); Рядом интересных черт наделены и другие герои... в частности, знатная *животноводка* Матрена Никитична... («Лит. газета», 1950, № 42).

Ср. от *деловод* (разг., канц.) — *деловодка** (в значении 'делопроизводитель'): Это все наша новая *деловодка* напутала, еще мало с народом нашим знакома... (А. Караваева, Матросская жена). Ср. в словаре под ред. Д. Н. Ушакова при *землемер — землемерка* (с пометой «разг.»).

В условиях военного времени, когда женщины в силу чрезвычайных обстоятельств овладевали мужскими профессиями, можно было встретить даже слово *сталеварка**: Высокое мастерство... знатных *сталеварок*... («Правда», 1944, № 58).

И все же в литературном языке большинство слов этой группы не имеет женских соответствий. Примеры: Она что ж — *садовод*? — продолжая разговор, намеренно спросил Аким Морев... — Доморощенный *садовод*... (Ф. Панферов, Волга — матушка река); По специальности она была *полеводом*... (Г. Николаева, Жатва); — Послушайте, — сказал он, — эта самая девочка, *рыбовод* колхозный, на тоне? (В. Закруткин, Плавучая станица); Есть тут в станице девчонка-*рыбовод* (там же; это

[27] Ср.: На поля пойдут все: и *полеводы*, и *животноводы*, и малые ребята (Г. Николаева, Жатва); ...Иван Евдокимович рассказал о своей схватке с *лесоводами*... (Ф. Панферов, Волга — матушка река); Проводили мы на войну / агронома и *счетовода*,/ Избача и его жену, / *Маслодела*, *животновода* / да учительницу одну (А. Яшин, Алена Фомина); У сибирских *маслоделов*; Радио в домах колхозников-*оленеводов*; Концерты для *хлопкоробов* («Правда», 1953, № 309, 225 и 320); *Пчеловоды* колхоза... получают от каждой семьи пчел более 80 килограммов меда (там же, 1953, № 230); Передовые *конопле́воды* Орловщины вырастили в этом году высокий урожай конопли (там же, 1953, № 309); Докладчик называет также имена многих передовых механизаторов, *животноводов, овощеводов, льноводов* («Моск. правда», 1950, № 101); Два дня продолжалось совещание *каучуководов Украины* («Лит. газета», 1950, № 46); Задачу перехода на многоотраслевое ведение хозяйства решают сегодня и *коневоды*, и *животноводы*, и все *полеводы* страны (там же); Соревнование *чаеводов*; *Хлопководы* берут повышенные обязательства; По примеру московских *картофелеводов*» («Соц. земледелие», 1950, № 127).

слово много раз употреблено здесь в форме муж. рода по отношению к женщине); Работала она *счетоводом* на мельнице (Д. Медведев, Сильные духом); *Стеклодув* Е. Н. Казакова вырабатывает за смену три нормы («Веч. Москва», 1946, № 22); ...знатный *свекловод* Киргизии Суракан Кайназарова («Изв.», 1950, № 37); Лангуева Матрена Сергеевна — знатный *лесоруб*... («Советская женщина», 1946, № 2); Отважный *верхолаз* 23-летняя электросварщица Александра Пушкова («Огонек», 1953, № 9).

Как видим, имеется значительная часть имен существительных, которые не поддаются родовой дифференциации. Нередко эта трудность «обходится» при помощи составных обозначений, что представляет собою более громоздкий и потому далеко не совершенный способ обозначения лиц. Так, в языковой практике возникли наименования типа *женщины-инженеры*, *девушки-машинисты* и т. п. Например: *Женщина-диспетчер* со второго участка отрывисто и немного нервно сообщала о пропаже автомашины... (В. Ажаев, Далеко от Москвы);— Строгости надо больше к шоферам,— серьезно сказала *девушка-диспетчер*... (там же); За разговором они не заметили, как *девушка- шофер* стала давать сигналы... («Веч. Москва», 1946, № 137); В нашей стране выдвинулась замечательная плеяда *женщин-новаторов*... («Советская женщина», 1948, № 1).

* * *

Рассмотрение имен существительных, обозначающих лиц по признаку участия их в производственной деятельности, приводит к следующим основным выводам.

Личные имена существительные в форме муж. и жен. рода образуют довольно строгую систему соотносительных обозначений. Различные случаи суффиксального образования этих названий могут быть сведены по приему (способу) словопроизводства к трем основным типам.

1. Присоединение к бессуффиксному существительному муж. рода суффикса, образующего название лица в форме жен. рода, например: *птицевод — птицеводка*, *льновод — льноводка*, *герой — героиня;* ср. образования самого последнего времени: *космонавт — космонавтка.*

2. Присоединение к суффиксальному существительному муж. рода суффикса жен. рода, например: *селекционер — селекционерка* *, *ткач — ткачиха* *, *тракторист — трактористка* *, *дизелист — дизелистка* *.

3. Замена суффикса муж. рода суффиксом жен. рода, например: *закройщик — закройщица*, *сварщик — сварщица*, *артельщик — артельщица* и т. п.

Первый тип образования слов не обнаруживает заметной продуктивности; при помощи второго и третьего способов образуется большое количество наименований, создаются продуктивные словообразовательные модели.

В группе соотносительных названий лиц отмечается многочисленность и регулярность употребления большинства слов в форме жен. рода, особенно с суффиксом *-ица* и его производными. Сюда входят названия специальностей, обозначения различных видов деятельности в области промышленного и сельскохозяйственного производства. Здесь преобладают названия профессий, обозначающих узкую специализацию, гораздо меньше среди таких слов должностных названий. В названиях должностей как раз чаще всего наблюдаются факты непоследовательности в употреблении.

Колебания, непоследовательность в употреблении форм муж. и жен. рода по отношению к лицам женского пола отмечаются в основном в двух случаях.

а) Когда дается наименование специальности (профессии, должности), которому предшествуют обороты речи вроде «овладела специальностью (навыками), профессией...», «освоила специальность, приобрела сноровку...», «назначена на должность»..., «вступила в исполнение обязанностей...», «работает в качестве...» и т. п. (далее — слово в муж. или жен. роде). Нетрудно заметить, что наличие таких словосочетаний дает возможность использовать имя существительное в его так называемом общем значении, т. е. в форме муж. рода. Тем не менее и при таком условии находим не исключительное употребление в муж. роде, а двоякое, чередующееся, в одинаковой степени допустимое, причем трудно сказать, какая из двух возможных форм чаще используется. Кроме того, наличие выбора повышает возможность стилистического варьирования. Сам характер приведенных оборотов наводит на мысль, что формы муж. рода чаще встречаются в официально-деловом, документальном стиле изложения. Большое значение контекста, а также стиля речи подтверждает следующий пример. В официальных сообщениях, деловой документации слово *герой* остается общим наименованием для мужчин и женщин в устойчивых составных названиях: *Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда.*

б) Двоякое употребление наблюдается при наличии составных названий, в которые входит имя прилагательное. Эти названия обычно являются официально принятыми, цельными обозначениями должностей, специальностей (*старший браковщик, нормировщик; путевой обходчик* и т. п.).

Заметно меньший разряд слов составляют личные профессиональные наименования, в которых отсутствуют (за небольшим исключением) параллельные образования в форме жен. рода. Здесь имеются две группы, характеризующиеся отличи-

тельными особенностями в смысловом и структурном отношениях.

Одна группа состоит из названий должностей, профессий по большей части высокой квалификации (*инженер, мелиоратор, конструктор, оператор, диспетчер, техник, экономист* и т. п.), в подавляющем большинстве с заимствованными основами. В эту группу входят главным образом слова, оканчивающиеся элементами *-ор*, *-ер*.

Другая группа — сложные слова, первая часть которых представляет собой основу существительного (преобладают русские основы, ср. *полевод, садовод* и т. п.), а вторая часть имеет глагольную основу (основы русских глаголов). Хотя в большинстве случаев и здесь наблюдается употребление слов в форме муж. рода, все же данная группа заметно отличается от предыдущей наличием некоторых образований жен. рода. Важным моментом в случаях предпочтительного употребления формы жен. рода является наличие определительных слов (*знатная, передовая, лучшая... животноводка* и под.). Стоящие впереди оценочные прилагательные играют известную роль в выборе формы жен. рода, особенно когда автор желает подчеркнуть, что речь идет о женщине.

Таким образом, наличие «исключений» само по себе свидетельствует о том, что и эта группа слов подвержена воздействию процесса дифференциации названий [28].

* * *

В заключение остановимся вкратце на следующих более общих вопросах: какова роль структурно-языковых особенностей, с одной стороны, и так называемых внешних факторов, в частности специфики трудовой деятельности, с другой, в протекании анализируемых словообразовательных процессов в кругу наименований лиц? Как эти причины взаимодействуют, в какой степени влияют на характер словообразования, чем обусловливаются те или иные изменения? При рассмотрении этих вопросов нельзя ограничиться рамками только производственной лексики; целесообразно привлечь для сопоставления хотя бы в небольшой степени и некоторые другие разряды слов, обозначающих лиц.

Не приходится сомневаться в том, что особенности трудовой деятельности имеют важное значение в процессе родовой

---

[28] Добавим к этому, что в других разрядах лексики данного типа имеется немало слов с суффиксальным элементом *-ка: пешеходка, скороходка, маловерка, лицемерка, иноверка, домоседка, старожилка* и т. п.

дифференциации наименований лиц. Конечно, первой предпосылкой возникновения соотносительного имени существительного является самый факт участия женщин в той или иной сфере деятельности. Вполне понятно, что такие названия чаще всего и с более четкой последовательностью возникают в обозначениях тех разновидностей труда, где участие женщин оказывается преобладающим. Таковы названия многих специальностей в текстильной, пищевой, обувной промышленности, фармацевтическом, фарфоровом производстве и т. п.; в почтово-телеграфном, типографском деле, в сельскохозяйственном производстве и т. д. Точно так же понятно появление названия в форме жен. рода, когда специальность относится к числу почти или исключительно «женских» (например: *маникюрша, стенографистка, телефонистка* и проч.).

Очевидна практическая надобность в разграничении названий лиц по признаку спортивно-физкультурных занятий, где существуют различные нормативы для мужчин и женщин. В этой области специальной терминологии происходит наиболее четкое и последовательное пополнение словаря параллельными обозначениями женщин (имеется около 60 соотносительных обозначений женщин типа *гимнастка *, акробатка, атлетка *, спортсменка, дискоболка *, скороходка *, конькобежка *, чемпионка, рекордсменка, мотоциклистка *, альпинистка *, слаломистка *, барьеристка *, финалистка *, брассистка *, кролистка *, спиннингистка *, планеристка, велосипедистка, туристка, волейболистка, шахматистка, баскетболистка; фехтовальщица *, физкультурница, разрядница *, гранатометчица *, метательница *, всадница, гонщица *, пловчиха* и др.).

Аналогичное положение в смысле ясной мотивированности раздельных наименований наблюдается в небольшом разряде терминов, относящихся к сфере театрально-исполнительской деятельности (наличие мужских и женских ролей, голосов): *артист — артистка, актер — актриса, певец — певица, вокалист — вокалистка, солист — солистка, танцовщик — танцовщица.*

И все же, признавая важность особенностей общественно-производственной деятельности, большое влияние этих особенностей на характер изменений словарного состава, надо отметить, что способы образования слов, соотносительность суффиксов и другие явления словообразования нельзя выводить непосредственно из условий общественно-производственной деятельности людей. При объяснении причин появления или отсутствия соотносительных названий лиц необходимо учитывать наличие выработавшихся устойчивых словообразовательных типов, тесно связанных с определенными лексико-семантическими разрядами слов, принимать во внимание особенности

отдельных слов и их форм, учитывать обобщающую функцию слов в форме муж. рода как обозначения «лица вообще»[29].

Если возьмем, например, слова *телефонистка, стенографистка, волейболистка, метательница* и т. п., то объяснение их появления должно включать не только такие причины, как преобладание женщин в определенном виде занятий (два первых слова) или разницу в физических данных мужчин и женщин (*волейболистка, метательница*), но и продуктивность словообразовательных типов *-ист-ка, тель-ница*. А поскольку, например, от основ имен существительных (особенно заимствованных) легко образуются слова муж. рода на *-ист*, то по типу *волейбол — волейболист, волейболистка, парашют — парашютист, парашютистка* и т. п. возникли и от *хоккей — хоккеист, хоккеистка,* и даже *футбол — фотболист, футболистка, штанга — штангист, штангистка,* хотя два последних вида спортивных занятий вовсе не практикуются среди женщин, а хоккей перестал практиковаться. Между тем наименования *футболистка, штангистка,* несмотря на их реальную неупотребительность, попали даже в «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

То важное обстоятельство, что условия общественно-производственной деятельности необходимо рассматривать в тесной связи с особенностями словообразовательного характера, подтверждается и следующими примерами.

В области здравоохранения, медицины подавляющее большинство работающих составляют женщины. Женщин-врачей очень много, не меньше, видимо, чем женщин-учителей. Однако возможное (и употребляемое в просторечии) слово *врачиха* не прививается в литературном языке. Несмотря на то, что имеется большое число женщин, исполняющих должности инспектора, инструктора, конструктора, техника, диспетчера, технолога, судьи, адвоката и многие другие, от этих слов параллельные названия в форме жен. рода как правило не образуются, а возникшие от некоторых названий формы на *-ша* в литературной речи не употребляются. От многих слов этого типа не появляются соотносительные названия не только потому, что здесь не существенно, мужчина или женщина находится на указанном посту. Раздельные наименования в данной группе

[29] Имена муж. рода обладают свойством обозначать лиц обоего пола. «Именем мужского рода... обозначается самый род вообще (порода, *genus*, т. е. общее логическое значение лица...)» (К. С. Аксаков. Опыт русской грамматики. Полн. собр. соч., т. III. М., 1880, Сочинения филологические, ч. II, стр. 52). Отсюда «гораздо больший интеллектуальный вес и семантический объем» слов мужского рода (см.: В. В. Виноградов. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947, стр. 67), возможность использования их применительно к женщинам. Поэтому о женщине можно сказать не только *она — трактористка, скоростница...*, но и *она — тракторист, скоростник*. По отношению же к мужчине такое двоякое употребление невозможно.

слов не появляются не только из-за их малой надобности, но главным образом ввиду отсутствия продуктивных словообразовательных аффиксов, которые могли бы присоединяться к бессуффиксным словам. Поскольку в этих наименованиях важно прежде всего указать должность, официальное звание лица, слова муж. рода, обладая свойством обозначать человека вообще (и мужчину и женщину), удовлетворяют эту потребность. Характерно, что большинство недифференцирующихся названий объединяется рядом общих черт в смысловом и структурном отношении. Это ряд официальных воинских званий, специальностей (*снайпер, штурман, боец, офицер, лейтенант, капитан* и т. п.), некоторые официально установленные высокие звания (типа *лауреат, министр, академик* и др.), некоторые должностные обозначения (*профессор, декан, доцент* и т. д.). Подавляющее число таких слов имеет интернациональные основы.

Как уже было замечено, суффиксальность слова муж. рода повышает возможность возникновения соотносительного названия в форме жен. рода. Однако здесь тоже надо иметь в виду ограничения, в частности разную степень продуктивности того или иного суффикса и словообразовательного типа в целом. Одно дело, к примеру, обладающие широкой продуктивностью суффикс *-ист* и модель *-ист-ка,* другое — малопродуктивные образования муж. рода на *-ёр* и *-ёр-ка* (например, *режиссер, монтажер, гример, башнер).* Имеются примеры, когда отсутствие параллельного слова в форме жен. рода (например, при малой продуктивности соотносительных названий от слов на -ёр, ср. *бракер*) может быть объяснено наличием слова жен. рода с тем же значением от другой основы, где обнаруживается бóльшая продуктивность, регулярность соотношения (ср. от *браковать — браковщик, браковщица).*

Роль отдельных суффиксов в словопроизводстве неодинакова; особой продуктивностью отличаются модели с суффиксами *-щица, -чица, -льщица, -ица, -чик, -льщик, -ик,* что связано, кроме других причин, и с их стилистической нейтральностью. Но нередко характер основ в соединении с экспрессивной окрашенностью суффикса придает отдельным моделям налет такого эмоционально-оценочного выражения, которое ограничивает сферу их использования и делает затруднительным образование посредством подобных суффиксов наименований с терминологически четким значением (ср., например, слова с суффиксами *-ар-ка: знахарка, дикарка* и др.; *-оха (-ёха): непрядоха, дурёха* и др.; *-тяй-ка: лентяйка* и т. д.). Однако оживление словообразования в разряде наименований, обозначающих женщин, вызывает потребность расширения круга используемых суффиксальных элементов, в том числе и тех, которые в прошлом имели эмоциональную окрашенность. В связи с этим

наблюдается попытка преодоления только что отмеченных факторов, как это видно на примере повышения продуктивности наименований с суффиксом *-ша*. Этот суффикс и в дореволюционное время употреблялся не только в обозначениях, дающих семейно-бытовую характеристику женщины (хотя ранее он использовался по преимуществу в наименованиях жен по мужу), но встречался в некоторых словах, обозначавших женщину по роду занятий (ср. *музыкантша, корректорша, аккомпаниаторша*). Последнее обстоятельство заметно облегчает вовлечение суффикса *-ша* в процесс активного словообразования. В наше время отпала необходимость в образовании новых наименований женщин по должности и профессии мужа; реже используются в этом значении и ранее возникшие слова указанного типа. Экспрессивная окрашенность суффикса *-ша* успешно преодолевается, показателем чего является расширение его применения в образовании названий женщин по роду деятельности (если в словаре В. Даля было лишь около десятка слов на *-ша,* обозначавших действующее лицо, включая сюда и имена с двояким значением, то в настоящее время их в несколько раз больше).

Следовательно, анализируя факты ограничения продуктивности одних суффиксов и расширения словообразовательных возможностей других, необходимо учитывать экспрессивную окрашенность отдельных суффиксов, наличие сложившихся словообразовательных моделей, характер основ, с которыми сочетаются те или иные суффиксы, получающие определенное значение во взаимодействии с производящей основой, принимать во внимание смысловую группировку слов в пределах того или иного словообразовательного типа.

Один и тот же суффикс в одном ряду слов обнаруживает продуктивность во взаимодействии с основами, в другом может оказаться непродуктивным. Например, к именам муж. рода на *-ец*, произведенным от основы глагола или прилагательного, имеется небольшое число давно образованных соотносительных слов с суффиксом *-ица (жнец — жница, красавец — красавица* и др.; ср. *чтец — чтица,* редко), это тип непродуктивный в современном русском языке (ср. многие слова этого типа, имеющие только форму муж. рода: *борец, храбрец, хитрец* и т. п.) [30]. Но к названиям муж. рода с тем же суффиксом, образованным от основ имен существительных, легко возникают параллельные слова с суффиксом *-ка* в форме жен. рода

[30] Из новообразований можно указать только три встретившиеся нам в печатных текстах слова, суффиксально не соотносительных с соответствующими формами муж. рода: *пловчиха,* а также (с осложненной основой) *многоборка, пятиборка.* Как видим, эти слова относятся к области спорта, где наблюдается особенно интенсивный процесс дифференциации личных названий.

(например, *метростроевец — метростроевка, комсомолец — комсомолка, стахановец — стахановка* и др.).

От слов муж. рода на *-ик* с основой относительного прилагательного активно образуются параллельные наименования с суффиксом *-ица (многостаночник — многостаночница, нефтяник — нефтяница, железнодорожник — железнодорожница* и т. п.), а при наименованиях лиц, образованных посредством суффикса *-ист* от основ имен существительных, широко представлены соотносительные названия на *-ист-ка (тракторист — трактористка, связист — связистка* и т. п.).

В названиях по роду занятий, характерному действию при образованиях на *-чик,* восходящих к основам глаголов и имен существительных, регулярны соответственные слова жен. рода на *-чица (учетчик — учетчица, вкладчик — вкладчица, аппаратчик — аппаратчица* и др.), при образованиях от глагольных основ на *-щик, -льщик* в профессиональных обозначениях — наименования женщин на *-щица, -льщица (сортировщик — сортировщица, нормировщик — нормировщица, браковщик — браковщица, шлифовщик — шлифовщица; заряжальщик — заряжальщица, копнильщик — копнильщица*) и т. д.

Одним словом, в кругу образования имен лиц наблюдается закономерная соотносительность названий. При этом необходимо иметь в виду не только то, каков суффикс и его звуковой состав (если слово муж. рода суффиксальное), но важно учитывать происхождение производящей основы, звуковой облик слова, особенности ударения. Так, суффикс *-ша* обнаруживает активность при образовании названий от слов муж. рода с заимствованными основами[31], оканчивающимися на согласный *-р*. Однако не от любого слова с конечным *-р* производятся в настоящее время посредством данного суффикса имена существительные жен. рода. Больше всего этот суффикс тяготеет к словам, имеющим конечное ударение (*кассир — кассирша, билетер — билетерша, лифтер — лифтерша, курьер — курьерша, контролер — контролерша, бригадир — бригадирша* и т. п.). В то же время к именам существительным муж. рода с ударением на предпоследнем слоге этот словообразовательный элемент присоединяется гораздо реже (ср. *кондуктор — кондукторша, парикмахер — парикмахерша, библиотекарь — библиотекарша* и некоторые другие[32]. В этой связи представляется

---

[31] Русских слов с этим суффиксом мало *(гусляр — гусляpша)*. Есть еще отдельные, давно известные названия лиц по характерному признаку (например, *великанша, опекунша, смутьянша*).

[32] Соотношение здесь примерно такое. Из 30 более или менее употребительных слов на *-ша* (не включая слов со значением 'жена') насчитывается 20 с ударением непосредственно перед суффиксом *-ша* и только около 10 (среди которых есть редкие и устаревшие вроде *авторша, факторша*) — с ударением на третьем слоге от конца.

важным отметить, что подавляющее число недифференцирующихся или трудно поддающихся дифференциации слов муж. рода с конечным *-р* имеют как раз ударение на предпоследнем слоге. Таковы более двух десятков наименований типа *инспектор, редактор, оператор, экспедитор, администратор, новатор, скульптор, мелиоратор* и т. п., к тому же являющихся по преимуществу официально-должностными терминами. Формы на *-ша* от слов этой группы (*инспекторша, экспедиторша, администраторша* и др.), обычно встречающиеся в устной речи, не свойственны строго литературному употреблению. Любопытно, что обнаруживается тенденция от отдельных слов муж. рода произвести формы слов в жен. роде по другой словообразовательной модели. Так, «Словарь современного русского литературного языка» указывает слово *культиватор* не только в значении орудия труда, но и как обозначение лица ('тот, кто выращивает, культивирует растения') [33]. Однако уже образовалось и слово *культиваторщик* [34]. Это «наращение» агентивного суффикса *-щик* вызвало возникновение встречающейся в устной речи соотносительной формы жен. рода — *культиваторщица*. Появилась более продуктивная модель, облегчающая, надо полагать, употребление формы жен. рода. Пара *культиватор — культиваторщик* не единична: ср. слова *флотатор* и *флотаторщик* (специалист по флотации); *регенераторщик* (работающий у регенератора); *рекуператорщик* (рабочий, обслуживающий рекуперационный прибор).

При попытке образовать соотносительные названия женщин на *-ша* могут быть затруднения произносительного характера, например, от слов типа *дирижер, монтажер, стажер* формы на *-ша* не образуются. В этом случае возникло бы нежелательное «соседство» двух шипящих. Поэтому, например, к сравнительно недавно возникшему стажер новообразованием в форме жен. рода стало *стажерка,* ср. просторечное *ухажерка* (но не *ухажерша*!). Напротив, от *киоскер* имеем *киоскерша,* хотя можно было бы ожидать образования слова *«киоскерка».* Присоединению суффикса *-ка* «помешали» два *к* в основе.

В пределах отмеченной соотносительности в ряде случаев могут возникать те или другие противодействующие либо осложняющие ее реализацию факторы. По этой причине имеют место «перебои» в функционировании того или иного суффикса (на первый взгляд подходящего для данного слова), своего рода «конкуренция» словообразовательных элементов. Так, в «поле деятельности» суффикса *-ша* проникает суффикс *-ка.* См.

[33] Из статьи И. В. Мичурина «Отметки из наблюдений лета 1915 года». (Словарь, т. XIII, стр. 1825). Предшествующие словари значение лица у этого слова не отмечают.

[34] Например: И одновременно уже метнула взглядом на *культиваторщиков* (О. Вишня, Весна-красна).

выше о словах *стажерка, ухажерка*. Тому же суффиксу *-ка*, как «нейтральному», оказывается предпочтение и при образовании названий, дающих общественно-политическую характеристику лица: *пионер — пионерка, революционер — революционерка* (хотя имена существительные *пионер, революционер* имеют конечное ударение перед *-р*: здесь суффикс *-ша* не подходит скорее всего по смысловому признаку). Суффикс *-ка* используется и при образовании названий от таких слов на *-ор/ер*, как *танцор* (при просторечной форме жен. рода *танцорша*), *спринтер* [35].

Итак, в образовании названий лиц происходят сложные процессы, в которых играют роль многие лексические и грамматические факторы. Развитие рассматриваемого типа лексики, отражая изменения в общественной жизни, находится в тесной связи со структурными особенностями языка. При выяснении же причин продуктивности или непродуктивности тех или иных приемов словообразования приходится сталкиваться не с какими-либо универсальными для всех разрядов слов причинами, а с наличием ряда обстоятельств морфологического, фонетического и семасиологического характера. Что касается общего характера употребления существительных жен. рода — названий лиц, то несомненно, что эти имена существительные все шире входят в современный литературный язык.

---

[35] Например: Но та тотчас передразнила ее, уткнув в бока руки и, как *танцорка*, резкой вздержкой распрямив стан (К. Федин, Костер; в авторском тексте); Одна из сильнейших *спринтерок* мира Джем Пол будет представлять Англию в беге на 100, 200 метров и в эстафете... («Комс. правда», 1956, № 241).

О. П. Ермакова

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В СИСТЕМЕ АФФИКСОВ И ПРОИЗВОДЯЩИХ ОСНОВ КАЧЕСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ

Система словообразования качественных наречий отличается чрезвычайной ограниченностью производящих аффиксов. Ни одна знаменательная часть речи в русском языке не обходится таким небольшим количеством словообразующих средств: у качественных наречий до последнего времени можно было отметить только три суффикса *-о (-е), -и, -ому,* последний всегда (а *-и* часто) — вместе с приставкой *по-*. Характерно, что эти аффиксы сохраняют устойчивость и жизнеспособность на протяжении всего существования русской письменности. Эти несколько наречных аффиксов не пополнялись новыми также на протяжении всего существования письменности ни за счет внутренних изменений (ср. процессы переразложения, обогащающие систему словообразующих суффиксов у существительных, прилагательных, глаголов), ни за счет заимствований [1].

И только со сравнительно недавнего времени в определенных группах качественных наречий стало наблюдаться формирование некоторых новых вариантов суффиксов на базе переразложения основы. Мы имеем в виду появление на базе суффикса *-и* суффиксов *-ски, -овски, -евски, -ински* и некоторых других.

С 20—30-х годов нашего столетия заметно увеличивается продуктивность префиксальных наречий на *-ски* типа *по-докторски, по-наборщицки, по-новаторски, по-футуристски* и т. д.

Активизации этих приставочных образований способствовали и независимость их от окачествления прилагательного, и отсутствие ярко выраженного отпечатка стиля (разговорный характер они утратили уже в XIX в., перестав быть только словообразовательными вариантами бесприставочных), и широта

[1] Усвоение заимствованных аффиксов не происходит прежде всего потому, что среди заимствованной лексики как правило не бывает наречий. Отдельные наречные слова неморфологического образования никак не могут оказывать влияния на словообразующие суффиксы.

их синтаксического употребления. В последнее время эти наречия встречаются не только в качестве атрибута при глаголе, прилагательном и существительном, но все чаще можно наблюдать и предикативное их употребление[2]. Ср: Вот это *по-братски!* А ты знал и молчал. Это не *по-товарищески*[3] (Из устн. речи). Характерно, что предикативное употребление этих наречий встречается и в утвердительной, и в отрицательной конструкции, что делает их полноценными предикативами[4].

Широта синтаксического употребления, несомненно, активизирует словопроизводство наречий, поскольку расширяет «запросы», «заявки» на эти наречия.

В связи с тем, что в XIX в. произошло окончательное разграничение значения приставочной и бесприставочной модели на *-и* (типа *геройски — по-геройски*), значение приставочной модели 'как кто-нибудь', 'подобно кому-нибудь' стандартизировалось, а производство наречий почти автоматизировалось. От любого прилагательного на *-ский,* имеющего в своей основе существительное — название лица, можно образовать приставочное наречие типа *по-братски* со значением 'как кто-нибудь', 'подобно кому-нибудь'. И, напротив, невозможны такие образования от прилагательных, не выделяющих в своей основе существительные — названия лица (они утратились, в других случаях никогда не существовали, или соотнесенность с ними нарушилась). Ср. отсутствие приставочных наречий от прилагательных: *издевательский, наплевательский, попустительский, ликвидаторский*[5]*, оборонческий, пораженческий, упрощенческий, исполнительский* и других, не соотносительных в настоящее время с существительными — названиями лица; *пораженческий, упрощенческий, исполнительский* сейчас более определенно соотносятся с *поражением, упрощением, исполнением*[6], чем с пораженцем, упрощенцем, исполнителем[7].

[2] В научной и учебной литературе предикативная функция приставочных наречий на *-и* обычно не отмечается.

[3] Характерно, что бесприставочные наречия в предикативной функции не употребляются.

[4] Это не значит, что ограничений в употреблении таких предикативов не наблюдается. Они ограничены только местоименными подлежащими *это, что,* встречаются чаще всего в бессвязочных конструкциях или со связкой быть.

[5] Приставочное наречие от этого прилагательного возможно было в период жизни слова *ликвидатор.*

[6] Ср. наречие *исполнительски* 'по исполнению' (Словарь совр. русск. лит. языка). Спектакль *исполнительски* очень хорош.

[7] Отдельные случаи употребления приставочных наречий, в основе которых не содержится существительного — названия лица, крайне редки и объясняются, видимо, тем, что в некоторых разговорных наречиях значение приставки *по-* поглощено общим значением качественности. Ср.: И звали его *по-важнецки:* Кузьмич (И. Сельвинский, Улялаевщина); ...Александр I вдруг превращается из императора в эдакого гастролирующего шалопая, *по-панибратски* похлопывающего по плечу полковника («Советская культура», 19 дек. 1959 г.).

Поскольку префиксальные наречия в своем значении опираются не на прилагательное [8], а на содержащееся в основе прилагательного существительное и приставку, их производящей основой естественно могут стать и в определенный период становятся сами существительные. «Потенциальные словообразовательные связи между двумя словами объективно даны, в частности, тогда, когда одно из слов как по звуковой и графической форме, так и по лексическому значению является основой для другого слова, когда форма и значение одного слова даны (мотивированы) формой и значением другого слова» [9].

Несомненно, что образования типа *по-писательски, по-читательски* и подобные в определенный период освобождаются от обязательной связи с основой прилагательного и образуются непосредственно от существительных *писатель, читатель* и т. п. Вполне возможно, что уже давно в отдельных случаях имело место так называемое чресступенное образование наречий от существительных параллельно с традиционным — от прилагательных. Но, по-видимому, только с начала XX в. можно говорить о появлении новых наречных суффиксов *-ски, -овски* и других ответвлений суффикса *-и*. В литературном языке советской эпохи употребление этих наречных суффиксов носит довольно определенный характер. Это не значит, что в XX в. образование приставочных наречий на *-и* происходит только от существительных. Для многих образований, имеющих в основе имя нарицательное, по-видимому, остаются возможными два пути — и от соответствующего прилагательного, и прямо от существительного, хотя по значению они больше соотносятся с существительными:

Читал сам хозяин, Павел Трофимович, старый цеховой агитатор, и читал он *по-агитаторски*, с выражением... («Лит. газета», 5 июня 1962 г.); Сам он предпочитал писать «варварски дико», «*по-скифски*» (К. Чуковский, Репин как писатель); Он *по-шоферски* быстро повернул голову вправо... (Федин, Костер); ...на рояле Михаил Фабианович играл «*по-композиторски*» («Советская музыка», 1963, № 5); Меркуров, поскольку работал с гипсом, был в халате, и руки его были *по-скульпторски* испачканы в белое (Ю. Олеша, Ни дня без строчки).

Несомненными образованиями от существительных — названий лица являются наречия, не имеющие соотносительных прилагательных:

Я чувствовал, что действительно превращаюсь в собаку, которая, ласково ворча ...*по-дворняжески* кладет свою кудластую

[8] Ср. бесприставочные образования типа *дьявольски, зверски, мертвецки, варварски, плутовски*, полностью отражающие качественные значения прилагательных.

[9] Miloš Dokulil. Tvoření slov v češtině. Praha, 1962, стр. 192.

лсиную душу за бедное человеческое счастье (И. Эренбург, Лето); Он решил вызвать Гайдаша к себе домой и за чайком потолковать с ним по душам, *по-политруковски* (Б. Горбатов, Алексей Гайдаш); ... писатели допрашивают своих будущих и заведомо неудачных героев совершенно *по-прокурорски*, а то и *по-сыщицки*... (Ю. Смуул, Ледовая книга); Для кого я должен *по-спасительски* облечься в позорную багряницу (А. Неверов, От неизвестных причин).

Основным очагом распространения наречных суффиксов *-ски, -овски* следует считать больше всего образования от собственных имен. Именно здесь суффиксы *-ски, -овски, -ински* определяются как полноценные словообразующие аффиксы. Продуктивность суффиксов *-ский, -овский* у прилагательных, производных от собственных имен[10], не опровергает этого положения, во-первых, потому, что, как все образования от имен собственных, прилагательные эти представляют собой нестойкую группу слов, во-вторых, они чаще употребляются со значением типической свойственности, а не личной принадлежности, приставочные же наречные образования не опираются на такое значение прилагательных (это значение или близкое к нему формирует у них приставка).

Приставочные наречия на *-и*, соотносительные с именами собственными, встречаются часто и в XIX в., особенно во второй половине. Большинство таких образований соотносительно с именами или очень известными, или даже ставшими нарицательными. Ср. *по-наполеоновски, по-шекспировски, по-карамзински, по-обломовски, по-гамлетовски, по-простаковски.*

В языке XX в. наречия от собственных имен (фамилий) — чрезвычайно продуктивная группа. Среди новообразований нашего времени подавляющее большинство наречий образовано тоже от имен широко известных писателей, композиторов, ученых, художников, политических деятелей, актеров и т. д.: *по-вагнеровски, по-маршаковски, по-бетховенски, по-моцартовски, по-блоковски, по-гоголевски, по-буденновски, по-вахтанговски, по-диккенсовски, по-швейковски, по-шаляпински, по-рембрандтовски, по-ленински, по-нахимовски, по-мичурински, по-энгельсовски, по-тютчевски, по-чеховски, по-щедрински, по-державински, по-курочкински, по-кентовски* и т. д.

Такие образования в какой-то мере сближаются с наречиями, соотносительными с именами нарицательными: опираясь на широко известное название лица, они легко в условиях минимального контекста наполняются определенным содержанием. Ср.: *по-чеховски* деликатный; работать *по-ленински*; небосклон

---

[10] См.: «Очерки по истории русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., изд-во «Наука», 1964.

по-кентовски поразителен; *по-шолоховски* влюбленный в жизнь — и т. п.

Эти образования представляют собой сравнительно устойчивое явление (многие из них отмечены как повторяющиеся по 5—6 раз), существование их, их реальность поддерживается соотносительными прилагательными, некоторыми производными существительными: ср. *по-шопеновски, шопеновский, шопениана; по-буденновски — буденновский, буденновец* и т. п. Для данных наречий, как и для аналогичных образований XIX в., производящей основой в какой-то мере можно считать и прилагательные, хотя с существительными — именами собственными они связаны крепче и определеннее. Но наряду с такими образованиями в XX в., особенно в языке советского периода, широко распространяются приставочные наречия от собственных имен, которые сплошь и рядом оказываются носителями определенного содержания только в пределах данного текста, поэтому наречия от них представляют собой окказиональные образования, к тому же семантически звучащие только в одном контексте. Такие наречия практически могут быть соотнесены только с самими собственными именами (фамилиями), а не с прилагательными от них. Ср. *по-розановски, по-лопатински, по-тестовски, по-черновски, по-ляпински* и др.

...Есть люди среди анархистов и левых эсеров... которые способны *по-карелински* рассуждать... (В. И. Ленин, О продовольственном налоге. Соч., т. 32 стр. 314); И. Р. Вилли заранее утирается — *по-лопатински* (В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14, стр. 338); Вопрос о мире... поставленный *по-петцольдтовски* (там же, стр. 69); у Ленина же: *по-гильденбурговски, по-дановски, по-черновски; ...по-разгильдеевски* мордовать... (Ф. Гладков, На женской каторге); ...действительно, *по-бенешевски* можно конференцию тянуть год... (А. В. Луначарский, Как они разоружаются); *по-извековски* («Лит. газета», 28 мая 1963 г.); ...допрос *по-ляпински* (Гиляровский, Москва и москвичи); написано *по-бондиевски*, очень легко и изящно (Из устн. речи).

И те, и другие образования в языке XX в., особенно 50—60-х годов, чрезвычайно продуктивны. Как показывает материал, одинаково активно образуются наречия от русских и иноязычных фамилий. Разграничение суффиксов *-ски* и *-овски* совершенно тождественно разграничению суффиксов прилагательных *-ский, -овский: -ски* в основном присоединяется к фамилиям русским, включающим в свой состав форманты *-ов, -ин; -овский* чаще образует наречия от иноязычных фамилий.

Начинают образовываться такие наречия и от имен на *-ский* типа *Маяковский, Чернышевский, Чуковский: по-маяковски, по-чуковски, по-чернышевски, по-заболоцки, по-коцюбински.* Несомненно, наречия от этих слов образуются не потому,

что последние имеют форму прилагательного — их никто не воспринимает как прилагательные[11],— а потому, что они — фамилии, названия лиц. Образования такого типа в связи с неизбежным отбрасыванием элементов *-ский, -цкий* вряд ли окажутся продуктивными. Наречие *по-маяковски* никто не соотносит со словом *маяк*[12] (ср. замечание В. В. Виноградова о неудачном образовании *маяковедение*)[13], но наречия типа *по-ивановски, по-кучеровски, по-петровски* и т. п. могут соотноситься не только и не столько с фамилиями *Ивановский, Петровский, Кучеровский*, но и с *Ивановым, Петровым, Кучеровым*, а также с *Иваном, Петром*[14] и *кучером*.

В отдельных случаях можно отметить попытку образования приставочных наречий на *-ински* от имен собственных жен. рода. В устной речи нами отмечены наречия *по-елизаветински, по-кабанихински*: ...двор *по-елизаветински* пышный (Из устн. речи); все Кабанихи разговаривают по-своему, *по-кабанихински* (Из устн. речи).

Таким образом, в XX в. происходит дальнейшее разграничение приставочной и бесприставочной моделей наречий на *-и*: приставочные тесно связываются с существительными как производящими основами, бесприставочные остаются производными от прилагательных.

Происходит и разделение суффиксов: беспрефиксные наречия производятся посредством суффикса *-и*, префиксальные посредством *-ски, -овски, -ински*.

Суффиксы, образовавшиеся в результате переразложения, семантически совершенно тождественны первичному *и* (этим они несколько отличаются от соответствующих суффиксов прилагательных). Кроме того, без приставки они вообще не обладают отчетливостью значения, поскольку входят в модель суффиксально-префиксального характера.

Аналогичный процесс переразложения происходит и в наречиях, соотносительных с притяжательными прилагательными с суффиксом *-ий: по-волчьи, по-лисьи, по-бродяжьи*. Эти наречия в своем значении опираются не на притяжательное значение прилагательного, не на значение типической свойственности, а на само существительное.

Не права О. К. Кочинева, утверждая связь образования наречий типа *по-заячьи* с наличием у прилагательного качественного

[11] Попытка осмысления таким образом фамилии *Маяковский* Сурковым носит чисто индивидуальный характер. Ср.: Продолжаю *«маяковское* путешествие» («Лит. газета», 11 июля 1963 г.).

[12] Элемент *-ский* отчасти присутствует в суффиксе наречия, кроме того — от существительных неназваний лица такие наречия не образуются. Возможность восприятия этого образования от фамилии *Маук* исключается контекстом.

[13] В. В. Виноградов. О культуре русской речи. «Русский язык в школе», 1961, № 3, стр. 5.

[14] Наречные образования от имен, а не от фамилий изредка встречаются.

значения (например у *заячий* значения 'робкий') [15]. Наречие *по-заячьи* имеет прежде всего значение 'как заяц' ('подобно зайцу', 'как подобает зайцу') — во всех отношениях, в том числе и 'робко'. Но ср.: запрыгал совсем *по-заячьи*.

Возможно, что параллельно образованиям от притяжательных прилагательных уже в XIX в. (или даже раньше) наречия производились иногда по аналогии прямо от существительных: *по-бараньи* — от *баран, по-шакальи* — от *шакал* и т. п. Однако только в XX в. мы отмечаем образования такого типа при отсутствии соответствующих прилагательных. Такие образования отмечены пока только в языке художественной литературы, главным образом от нарицательных названий лиц как муж., так и жен. рода.

...*по-демагожьи*, растягиваясь ртом... (И. Сельвинский, Улялаевщина); ... выскочит на бугорок [паровоз], словно заяц испуганный, и опять *по-старичьи*... тащит длинный приморожен-ный хвост (А. Неверов, Ташкент — город хлебный); ...*по-мальчишьи* сбитые коленки... (В. Бакалдин, Царевна-недотрога); ...я длительное время мучился, пока не приспособился опять-таки *по-гули-бьябоньи* употреблять в пищу свежую кровь убитых животных... (Т. Старков, Брат Гули-бьябона); ...хозяйка вышла, переваливаясь немного *по-гусыньи*... (А. Малышкин, Севастополь); ... и капли с ветки на ветку *по-пташьи* перепархивают в кустах («Сельская жизнь», 28 мая 1963 г.); растопырилась *по-наседочьи* (А. Малышкин, Севастополь); ...теперь она полновластная царица... Зажмурилась, сжала губы *по-царичьи* (А. Толстой, Петр I); — Знаю, кто ты, вижу — вижу, — *по-колдуньи* шепчет бор (В. Семакин, Лес); О, только бы *по-девчоночьи* не разреветься при этом! (Л. Леонов, Русский лес).

Выделение наречного суффикса *-ји*, по-видимому, еще не состоялось, поскольку наречия, не соотносительные с прилагательными, пока представлены только индивидуальными образованиями, однако тенденция к его выделению ясно определилась.

В образовании наречий, соотносительных с притяжательными прилагательными на *-иный*, взаимодействие с основами существительных только намечается. Наречия этой группы не очень продуктивны, и процесс переразложения здесь происходит мало интенсивно. Встречаются только отдельные наречия, образованные непосредственно от существительных — названий животных (прилагательные или отсутствуют, или образованы по-другому). Ср.: ...посвистел в дудочку *по-рябчиному*... (М. Пришвин, Лисичкин хлеб) — прилагательное *рябчиковый; по-крольчиному* — прилагательное *кроличий*; ...глухо *по-кроти-*

[15] О. К. Кочинева. Продуктивные типы словообразования качественных наречий в современном русском языке. М., 1953.

ному скребет рука землю... (К. Федин, Конец мира) — прилагательное *кротовый*. Видимо, по модели *по-...иному* наречие от названия животного может быть образовано независимо от соответствующего прилагательного.

В разговорной речи продуктивным является образование по этой модели от существительных — названий лица на *-а: по-маминому, по-тетиному* и т. п.; А все же не *по-михаил-юриче-ву*[16] вышло, а *по-бабушкиному* (И. Андроников, Я хочу рассказать вам...). Особенно же часто наблюдаются такие образования от собственных имен на *-а: по-галиному, по-лизиному, по-ириному, по-вериному*. Они являются достоянием только разговорной, непринужденной, иногда шутливой речи.

Несомненно, наметился процесс переразложения и в наречиях на *-ому*, образованных от относительных и качественно-относительных прилагательных типа *по-оперному, по-фельетонному* и т. п. Наречия эти чрезвычайно продуктивны в языке XX в. Они образуются от прилагательных отыменных, отчетливо выделяющих в своем составе существительное конкретно-предметного значения. В своем значении они, как и наречия на *-и*, опираются не на само прилагательное, а на существительное, содержащееся в основе прилагательного: пела *по-оперному* 'так, как следует в опере', ругалась *по-базарному* 'как на базаре' одета *по-бальному* 'как на бал' и т. п.

В связи с тем, что на протяжении второй половины XIX в. значение таких наречий в основном стандартизировалось, установилась соотносительность этих образований с существительными, вычленяемыми в основе наречия, модель *по-...ому* стала уже взаимодействовать с самими существительными. Наречные образования *по-басовому, по-оркестровому, по-цирковому* и т. п., отмеченные в XX в., по-видимому, произведены уже прямо от существительных *бас, оркестр, цирк*. Ср. их значение: 'как полагается басу', 'как это бывает в оркестре', 'как в цирке'; ...он заправски, *по-цирковому*, хватал себя за шею... (К. Федин, Братья); ...он слишком молод, чтобы звучать в полном смысле «*по-басовому*» («Советская музыка», 1963, № 1); Флиер искал *по-оркестровому* многообразного тембрального звучания («Советская музыка», 1963, № 3).

В наречиях *по-банкетному, по-концертному, по-газетному, по-базарному, по-горному, по-дачному, по-звездному, по-анкетному* и т. п. словообразующей моделью является уже не *по-...ому*, а *по-...ному*. Подавляющее большинство наречий на *-ому* издавна было соотносительно с прилагательными с суффиксом *-н*, в новообразованиях формант *-ному* становится особым словообразующим афиксом.

---

[16] Просторечное образование, свидетельствующее о производстве наречий даже от сочетания имени и отчества.

Ср.: он пропел *по-псалтырному* одно слово (Ф. Гладков, Повесть о детстве); Смотри сюда! *По-каменному* немы, они лежат перед тобою здесь (М. Дудин, Костер на перекрестке); Казнышкин мыслил *по-инженерному* (В. Кукушкин, Чертеж большой жизни); И вот она в руках моих, *по-звездному* легка (В. Федоров, Седьмое небо); Казалось бы, все это «*по-фестивальному*» обычно. («Веч. Москва», 13 ноября, 1959 г.); Хемингуэй был одет просто, *по-дачному* («Изв.», 14 февр. 1960 г.); ...писалась она быстро, *по-газетному* («Лит-ра и жизнь», 3 апр. 1960 г.); ...стоял стол, накрытый не *по-банкетному* (А. Крон, На ходу и на якоре); Ему ответили сдержанно *по-уставному* (К. Воробьев, Убиты под Москвой).

Тесное взаимодействие наречий на *-о* с наречиями на *-ому*, которое началось еще со второй половины XIX в., и возникшее на основе этого множество параллельных образований типа *книжно — по-книжному* привели к тому, что примерно с 20-х годов XX в. наречия на *-о* стали по аналогии с наречиями на *-ому* образовываться непосредственно от существительных. В этот процесс вовлекаются наречия со значением, близким к значению приставочных наречий: в унисон со значением 'подобно кому-нибудь', присущим наречиям на *-и* и *-ому*, наречия на *-о* начинают выражать значения 'подобно чему-нибудь', 'как что-нибудь'. Ср.: *крапивно* — 'подобно крапиве', *струнно* 'как струна' *водопадно* 'как водопад', *острожно* 'подобно острогу', *молнийно* 'как молния', *пружинно* 'как пружина', *колыбельно* 'как колыбель' и т. д. Например: И эта мысль так *крапивно* язвила... (Ф. Сологуб, Заклинательница змей); ...*струнно* вытягивались... железные жилы (Ф. Гладков, Цемент); на пяти холмах город лежит *острожно*. Пески да тес серый, все дома под цвет, частоколы и город — острог (В. Лидин, Земля); ...грузно сидел, *булыжно* (Ф. Гладков, Огненный конь); Кровь льется в жилах *водопадно* (В. Каменский, Тифлис); Что-то *молнийно* сверкнуло под лесным затором (Леонов, Соть); *Сарайно* пластались лабазы вплоть до вокзала (Ф. Гладков, Цемент); Глеб стоял на площадке вышки, *паутинно* сплетенной из стальных полос (там же).

Несмотря на то, что при большинстве этих наречий имеются соответствующие прилагательные, наречия соотносятся не с ними, а с существительными. Ср. отсутствие значения 'подобно чему-нибудь' у наречий на *-о*, несомненно произведенных от прилагательных: ...бессмысленно, *стеклянно* глядел на Родиона... (Федин, Братья); ...*шелково* отрапортовал бас (Федин, Братья); ...*деревянно* согласился Увадьев и ушел (Леонов, Соть).

Отражая качественные значения относительных по происхождению прилагательных, эти наречия не означают 'как стекло', 'как шелк', 'как дерево'.

В языке наших дней образование наречий на *-о* со значением 'как что-нибудь' от существительных, называющих конкретный предмет, продолжается. Как и в 20—30-е годы, это пока имеет место только в художественной литературе и публицистике. Ср.: ...*метеорно* сверкали имена ее отважных современников (Леонов, Русский лес); ...*гейзерно* ниспадала его седеющая грива (там же); Сергей увидел перед собой *ртутно* скользнувшие глаза... (Ю. Бондарев, Тишина); Михоэлс... повторяет *зеркально* каждое движение его (И. Андроников, Я хочу вам рассказать); ...почти *романсово* звучат слова «сожмется сердце» (В. Лакшин, Доверие); Дрожат кусты *осиново*, молчат сороки *каменно* (Н. Грибачев, Влюбленным снятся ландыши); крупно-панельные дома, *игрушечно* разноцветные... («Лит. газета», 9 апр. 1963 г.).

Процессы переразложения в приставочных наречиях, в результате которых появляются ответвления наречных суффиксов *-и* и *-ому—-овски, -ински, -ному, -иному* расширяют возможности словопроизводства наречий. В настоящее время образование приставочных наречий от собственных личных имен является почти неограниченно продуктивным. Значительно активизировалось за последние десятилетия производство наречий на *-и* и *-ому* и от нарицательных имен, особенно в языке газет и журналов. Взаимодействие наречных суффиксов с основами существительных дает возможность образования наречия и там, где прилагательное почему-то не потребовалось, или образовано по-другому, или соотносится с другим значением существительного: ср., например, окказиональное употребление наречия *по-спасительски:* для кого я должен *по-спасительски* облечься в позорную багряницу (А. Неверов, От неизвестных причин). Это образование опирается не на значение действующего лица по глаголу *спасти*, а только на значение 'Христос'. Однако наречия как правило не образуются от существительных, от которых по каким-то морфонологическим условиям (тип основы) не может быть образовано прилагательное (хотя бы другим путем). Ср., например, невозможность образования ни прилагательного, ни наречия от таких имен, как *Кювье, Кюри, Золя* и др. Возникнув на основе суффиксов прилагательных, наречные суффиксы отражают их закономерности взаимодействия с определенными типами основ.

И. П. Мучник

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ СКЛОНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Специфика и тенденции развития так называемых несклоняемых существительных типа *пальто*, *депо*, *роно*, *грэс*, *ЦК* могут быть выяснены с необходимой полнотой только на фоне общих закономерностей, определяющих функционирование и развитие всей системы склонения в современном русском языке. Именно это и придает актуальность сформулированной в заголовке теме, хотя она непосредственно относится к словарно весьма ограниченной группе существительных.

Значительную часть существительных с неизменяемым морфологическим составом представляют собой западноевропейские заимствования, встречающиеся не только в русском, но и в других славянских языках, причем процессы грамматического освоения этих слов в русском литературном языке существенно отличаются от соответственных процессов в других славянских литературных языках.

Как указывалось уже в лингвистической литературе [1], в других славянских языках отчетливо выступает тенденция к включению всех заимствованных слов в действующую систему склонения, к последовательному превращению первоначально морфологически неизменяемых слов в изменяемые. В русском же литературном языке, наоборот, проявляется настойчивая тенденция к сохранению у некоторых групп заимствованных слов неизменного морфологического состава в любых их сочетаниях с другими словами в предложении.

Различия в характере и направлении исследуемых процес-

[1] См.: B. O. Unbegaun. Les substantifs indeclinables en russe. «Revue des études slaves», t. XXIII. Paris, 1947, стр. 141—145. Ср. иную точку зрения. Léon Beaulieux. Traitement des mots étrangers en bulgare moderne. «Сборник в чест на проф. Л. Милетич». София, 1933, стр. 88.

сов в системе склонения объясняются своеобразными особенностями действующих в каждом отдельном языке внутренних и внешних факторов. Выяснение характерных форм взаимодействия обеих групп факторов в развитии русского склонения имеет, несомненно, большое значение в плане разработки проблемы «Русский язык и советское общество».

Главное в специфике изучаемых слов состоит в том, что они, с одной стороны, отличаются неизменным морфологическим составом, а с другой стороны, обнаруживают способность сочетать свою лексическую семантику со сложной гаммой реляционных значений, выражаемых в русском языке как правило парадигматически чередующимися частями морфологического состава слова — падежными окончаниями.

Налицо своеобразное, относительно недавно возникшее в русском языке единство означаемого и означающего: искони существующие типичные для языка элементы плана содержания — падежные значения — сочетаются с новыми, в значительной мере еще формирующимися в языке элементами плана выражения.

Своеобразие этих новых единств означаемого и означающего заключается прежде всего в том, что они отличаются в плане выражения весьма сложным переплетением синтетических и аналитических черт. Синтетический характер у падежных форм рассматриваемых существительных конструируется в результате субституции, а именно путем подстановки под неизменяемые по внешнему виду формы, чрезвычайно мало частотные, функционально идентичных с ними, но неизмеримо более частотных форм с падежными флексиями.

В самом деле, если учесть, с одной стороны, факты взаимной связанности и постоянной сопоставимости в системе языка конструкций типа *цвет костюма* и *цвет пальто, любуюсь костюмом* и *любуюсь пальто, обзавелись роялем* и *обзавелись пианино, аплодировали артисту* и *аплодировали конферансье* и, с другой стороны, огромное численное преобладание первых конструкций над вторыми, становится очевидным, что в выражении реляционных значений неизменяемыми существительными значительную роль играет субституция под неизменные формы соответственных падежных форм существительных с изменяемым морфологическим составом; иными словами, здесь в силу системного характера языка вместо наличествующих выступают субституируемые падежные окончания.

Из сказанного следует, что присущая отдельной морфеме-флексии система алломорфов включает в себя, наряду с наличными и нулевыми, также субституируемые десигнаторы (обозначающие).

Подобная трактовка системного характера склонения согласуется с замечанием А. И. Смирницкого о том, что в словах

типа *метро, депо, такси, бра* «имеется в сущности омонимия ряда различных форм» [2].

Признание субституции аффиксальных форм дает основание включить рассматриваемые единства в общую систему склонения существительных. Однако то обстоятельство, что здесь имеют место только субституируемые, а не реально наличествующие аффиксы, вскрывает у этих единств и значительные черты аналитичности, так как в качестве обозначающих единиц здесь приобретает большой вес так называемая эквивалентность окружений для слова, положенная А. Н. Колмогоровым в основу конструируемого им формального аналога падежа [3].

Функционирование субституируемых аффиксов в качестве своеобразных показателей падежных значений существительных с неизменным морфологическим составом поддерживается, несомненно, второй серией реальных аффиксальных показателей падежных значений, присущих определяющим имена существительные адъективам в широком смысле (прилагательным, местоимениям-прилагательным, числительным-прилагательным, причастиям), ср.: *сладкое молоко — сладкое какао, сладкого молока — сладкого какао, сладкому молоку — сладкому какао* и т. д. Это второй ряд показателей, подтверждающих идентичность позиций в составе словосочетания существительных с изменяемым и неизменяемым морфологическим составом.

Сложность взаимодействия синтетических и аналитических элементов в системе выражения падежных значений в русском языке обусловлена также тем, что не у всех существительных с изменяемым при склонении морфологическим составом число падежных флексий одинаково (ср. склонение слов *стена* и *степь*, где в первом случае пять разных флексий, во втором — только три, включая и нулевую), а ведь любое ослабление синтетических средств всегда приводит к соответственному усилению аналитических, так как повышает вес окружения слова как показателя падежного значения.

В порядке убывающей степени синтетичности (и, следовательно, возрастающей степени аналитичности) в системе склонения русских существительных должны различаться следующие группы:

а) существительные, обладающие пятью аффиксальными показателями различных падежных значений, например: *стол, стена, окно*;

б) существительные, обладающие только тремя аффиксальными показателями, например: *лошадь, имя*;

---

[2] А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. — Сб. «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 34.

[3] В. А. Успенский. К определению падежа по Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», 1957, № 5, стр. 22—26.

в) существительные, обладающие только субституируемыми аффиксальными показателями, например: *депо, метро, рояль*.

Таким образом, существительные с неизменным морфологическим составом, обладая минимумом синтетичности (одними только субституируемыми флексиями) и соответственно максимумом аналитичности, представляют собой как бы открытый фланг системы русского склонения (в целом синтетической) для проникновения в нее разнообразных аналитических элементов.

Специфические формы проявления склоняемости у существительных с неизменным морфологическим составом относятся к числу тех языковых явлений, которые в своей совокупности побудили ряд лингвистов говорить о развитии грамматического строя русского языка в целом и системы склонения в частности в сторону все большей и большей аналитичности [4]. В. В. Виноградов следующим образом обобщает исследованные им явления в этой области:

«Итак, грамматическую характеристику слова составляет система всех его грамматических форм, и эта система обусловлена не только морфологическим строем слова, но и функциями слова в речи, его употреблением в «синтагме» и предложении, а также его лексическими формами, его семантической структурой» [5]. И в другом месте: «Все это говорит о том, что в современном русском языке сама грамматическая структура слова переживает переходную стадию от синтетического строя к «смешанному», аналитико-синтетическому...» [6]

Для обстоятельного выяснения сущности, характерных особенностей и тенденций развития системы средств выражения падежных значений морфологически неизменяемыми существительными в следующих разделах статьи исследуются: а) состав и структура этой группы слов, б) основные этапы ее эволюции в русском литературном языке, в) конкретные формы проявления у изучаемых слов категории падежа, а также категорий рода и числа, тесно связанных в системе склонения с категорией падежа.

Только всестороннее освещение перечисленных вопросов даст необходимый материал для объективного суждения о том, представляют ли аналитические формы склонения неизменяемых существительных живое и продуктивное явление, поддерживаемое

---

[4] См.: И. Бодуэн де Куртенэ. Глоттогонические (лингвистические) заметки, вып. I, 1877, стр. 31; В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 3. Казань, 1910, стр. 16; Н. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 112—114; В. В. Виноградов. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове, вып. I. М., 1938, стр. 137—148.

[5] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 138.

[6] Там же, стр. 140.

внутренними закономерностями развития языка или же, наоборот, явление наносное, не связанное органически с процессом развития склонения и вследствие этого обреченное в конечном счете на исчезновение.

КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ; ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП. СОПОСТАВЛЕНИЕ В ЭТОМ ОТНОШЕНИИ РУССКОГО И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вся совокупность имеющихся в русском языке неизменяемых существительных отличается значительной разнородностью своего состава. Основную ее часть составляют слова, заимствованные из западноевропейских языков, другую часть — незаимствованные слова, большинство которых возникло в советскую эпоху; особое место занимают фамилии украинского происхождения. Среди заимствованных и незаимствованных слов, наряду с нарицательными, имеются и собственные имена.

Отличительной чертой подавляющего большинства заимствованных слов является то, что у них корневая морфема имеет в исходе гласную фонему, что противоречит морфонологической системе русского языка. Характеризуя морфонологическую структуру русских морфем, И. С. Трубецкой писал: «...именные и местоименные корни всегда оканчиваются на согласный (в сноске указывается, что это не относится к изолированным от всех других форм своих парадигм местоимениям *я*, *ты*, *мы*, *вы* — *И. М.*), тогда как глагольные корни очень часто оканчиваются на гласный, например: *зна-ть*, *зре-ть*, *гни-ть*, *ду-ть* и т. д.»[7] Поскольку данные существительные воспринимались как содержащие несвойственные русскому языку корневые морфемы, они, естественно, не включились ни в одну из существующих в языке парадигм склонения. Именно этим объясняется то, что в число неизменяемых существительных попали слова не только типа *рагу*, *колибри*, но и типа *депо*, *филе*. Ведь если бы последние не воспринимались отчетливо как слова с конечным гласным звуком корня (в данном случае корень и основа совпадают), они попали бы в парадигму склонения слов типа *окно*, *поле*, чего, однако, в действительности не произошло[8].

[7] N. Trubetzkoy. Das morphologische System der russischen Sprache.— TCLP, V, 2. Prague, 1934, стр. 17.

[8] О морфонологической обусловленности неизменяемости существительных уже довольно определенно говорил Я. Грот: «Все суффиксы природного языка при иностранных именах очень облегчают обращение этих последних на чуждой им почве. Затруднительно, напротив, употребление имен, которые по окончаниям своим (совершенно очевидно, что имеются в виду конечные звуки корневых морфем: это вытекает из дальнейшего текста.—*И. М.*) не прививаются к языку, почему он или оставляет их без склонения, или дает им не

Неизменяемые заимствованные существительные с конечными гласными подразделяются на пять групп в соответствии с тем, какая именно из пяти возможных гласных фонем — *о*, *е*, *и*, *а*, *у* — имеется в исходе. Эта группировка мотивирована морфонологически, так как некоторые из этих фонем могут выступать в качестве флексийных морфем им. падежа ед. числа ср. рода: *-о*, *-е-*, другие — мн. числа *-и* (*-ы*), а фонема *у* вовсе не может служить флексией им. падежа (о фонеме *а*, выступающей в исходе незначительного числа неизменяемых существительных, см. ниже).

К неизменяемым заимствованиям относятся также существительные с конечным твердым согласным типа *мадам, Кармен*. За вычетом единичных нарицательных слов, это в подавляющем большинстве фамилии и имена лиц женского пола. Здесь неизменяемость обусловлена только морфологически — отсутствием в системе склонения русского языка отдельной парадигмы для склонения существительных жен. рода с конечным твердым согласным основы при нулевой флексии.

Значительно меньшая часть общего числа неизменяемых существительных, которую составляют незаимствованные слова, особенно разнородна по своему составу. За вычетом небольшого числа старых фамилий типа *Черных, Белаго*, представляющих собой застывшие формы род. падежа прилагательных в ед. и мн. числе, а также фамилий лиц женского пола с конечным твердым согласным типа *Бегун, Рубец*, здесь в основном выступают различного рода инновации советской эпохи: буквенные аббревиатуры, некоторые разновидности сложносокращенных слов, а также фамилии на *-ко*, украинского происхождения; наконец, названия городов, сел и поселков на *-ово*, *-ино*, которые все более и более включаются в наше время в число неизменяемых слов вопреки действующим нормам.

Приводимая ниже группировка всей совокупности содержащихся в лексике русского литературного языка неизменяемых существительных произведена по материалам современных толковых словарей (словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, четырехтомный академический и первые 12 томов большого словаря АН СССР), а также многочисленных источников современного литературного языка различных жанров. Вследствие

соответствующие прямой форме падежные окончания. Сюда относятся особенно имена среднего рода на *-о* и *-е*, как то: *депо, бюро, пальто, трюмо, кофе, алоэ, канапе, портмане, преспапье*. У нас, правда, не мало своих имен, оканчивающихся на *о* и *е*, но мы чувствуем, что в подобных иноземных словах *о* имеет совсем другое значение и не составляет приметы рода и склонения» (Я. Грот. Филологические разыскания, т. II. Изд. 2, 1876, стр. 353).

того что в лингвистической литературе еще ни разу не приводилось полного перечня неизменяемых существительных, представляется целесообразным, в целях восполнения этого пробела, каждую из приводимых групп представить по возможности полным комплектом входящих в ее состав слов [9].

Заимствованные неизменяемые слова

Неизменяемые слова с конечным *-о* [10]: а) авто, бюро, вето, гестапо, гетто, депо, динамо, домино, какао, кило, кино, контральто, лото, метро, пальто, пианино, поло, радио, ситро, сопрано, стереокино, табло, танго, трико, трио, трюмо, фортепьяно, фото, харчо, шевро, эскимо; б) авизо, авокадо, адажио, ажио, а-конто, орго, ариозо, банджо, барокко, бибабо, болеро, бонмо, бордеро, ватерполо, вибрато, гало, гальвано, (г)идальго, группето, гуано, дизажио, динго, жабо, жако, зеро, идо, импрессарио, индиго, инкассо, инкогнито, интермеццо, кабальеро, казино, калимико, каприччио, карго, касса-конто, квазимодо, кватроченто, квебрахо, квинченто, кимоно, клико, коло, конто, контоностро, контракамбио, концертино, кредо, кюрасо, ландо, лассо, либретто, лино, люмбаго, магнето, маго, макао, манго, манко, марго, меццо, меццо-сопрано, меццо-тинто, микадо, монтекристо, мотто, палаццо, панно, песо, пикколо, пиццикато, плато, пончо, порто-франко, пресс-бюро, пронунциаменто, ранчо, ресконтро, рококо, рондо [1], рондо [2], сабо, саго, сальдо, сердо, сирокко, скерцо, скудо, сольдо, сольфеджио, сомбреро, сорго, статус-кво, стило, сторно, сфумато, торпедо, тремоло, трокадеро, турбодинамо, фаблио, фанданго, фиаско, фигаро, фламинго, фолио, фугато, эльдорадо, эмбарго, эскудо, эспарто, эсперанто.

2. Неизменяемые слова с конечным *-е* (*-э*): а) алоэ, ателье, атташе, бебе, галифе, драже, желе, каноэ, кафе, кашне, коммюнике, конферансье, кофе, купе, монпансье, мулине, пенсне, портмоне, пресс-папье, пюре, реле, сальто-мортале, суфле, тире, турне, филе, фойе, шимпанзе, шоссе; б) амбре, аплике, аутодафе, безе, беф-брезе, бильбоке, бланманже, буриме, варьете, верже, дефиле, джерсе, досье, дуче, кабаре, канапе, каноэ, кантеле, каре, клише, койне, консоме, крем-брюле, креп-гофре, крупье, кураре, кюре, лансье, лье, матине, медресе, мизерере, моралите, мосье, наргиле, нотабене, па-де-де, папье-маше, перпетуум-мобиле, пике, плаке, портье, пресс-атташе, пресс-кли-

---

[9] Имеются в виду, конечно, только перечни нарицательных существительных.

[10] В каждой подгруппе, расположенной в алфавитном порядке, в рубрике «а» приводятся слова, получившие более или менее широкое распространение, а в рубрике «б» — все остальные. Конечно, это деление весьма условно.

ше, радаме, рамбулье, рантье, резюме, реноме, руте, саше, сюзане, туше, удеге, факсимиле, фрикасе, фуле, цеце, чичероне, шале, шевалье, экарте, экспозе, экстемпорале.

3. Неизменяемые слова с конечным *-и*:

а) бигуди, виски, денди, драпри, жалюзи, иваси, жюри, кепи, леди, пари, пони, такси, шасси, янки; б) агами, алиби, аллегри, аргали, афгани, бери-бери, Би-Би-Си, буги-вуги, визави, виши, гумми, деванагари, кади, кали, колибри, кольраби, коми, комми, конфетти, крамбамбули, кроки, кросс-коунтри, кули, кьянти, лаццарони, либерти, мари, маркетри, маки, миледи, пани, пари, пароли, пенальти, пенни, пехлеви, пери, попурри, просперити, рамоли, реверси, регби, рефери, саами, салями, саперави, тильбюри, тори, травести, фифи, хаджи, харакири, цинандали, шабли, шимми, эфенди, хинди.

4. Неизменяемые слова с конечным *-у(-ю)*): а) интервью, кенгуру, меню, рагу; б) акажу, бижу, джиу-джитсу, зебу, инженю, какаду, камер-фрау, кенгуру, кикапу, кикуйю, кипу, марабу, нейблау, парвеню, паспарту, рандеву, ревю, сапажу, табу, урарту, урду, фишю, фрау (фру).

5. Неизменяемые существительные с конечным ударным *-а*: а) бра, буржуа, га; б) альпага, альпака, амплуа, антраша, баккара, па, па-де-труа, патуа.

6. Неизменяемые существительные женского рода с конечным твердым согласным. К этой группе относятся только три нарицательных существительных: *мадам, мисс, миссис*. Как уже указывалось выше, неизменяемость этих слов обусловлена отсутствием соответственной парадигмы склонения.

К каждой из названных шести групп, кроме приведенных нарицательных существительных, относится также большое число собственных имен иноязычного происхождения аналогичного морфонологического состава: *Гюго, Мирабо, Брно, Осло, Гете, Гейне, Па-де-Кале; Нури, Чили, Мали; Сарду, Перу; Дюма, Золя*, а также — в применении к женщинам — *Цеткин, Люксембург, Рузвельт, Петерсон, Розенцвейг, Тельман* и многие подобные.

Особое место среди неизменяемых заимствованных существительных занимают названия букв алфавита и нот: *а, бэ, вэ, гэ, дэ, е, же, зэ, и, ка, эль, эм, эн, о, пэ, эр, эс, тэ, у, эф, ха, це, че, ша, ща, ы, э, ю, я; до, ре, ми, фа, соль, ля, си*.

Неизменяемость этих слов в большинстве случаев обусловлена их нетипичным для русских существительных фонетическим составом. Что касается слова *соль* (название ноты), то его неизменяемость объясняется воздействием на него всей данной группы функционально тождественных слов [11].

---

[11] См.: В. О. Unbegaun. Указ. соч., 132.

Незаимствованные неизменяемые существительные

1. Неизменяемые буквенные и звуковые аббревиатуры. В четвертом томе четырехтомного Словаря русского языка АН СССР содержится довольно большой список аббревиатур [12], здесь же приводится только некоторое число: АССР, АТС, ВВС, ВДНХ, ВКП(б), ВЛКСМ, ВЦСПС, ВЧК, ГОЭЛРО, ГПУ, ГРЭС, ГЭС, ИТР, КПСС, МВД, МГБ, МГУ, МПВО, МТС, МТФ, НП, ОНО, РАПП, РК, РКК, РОЭ, РСДРП, РСФСР, СНО, ССР, СССР, СТО, США, ТАСС, ТЭЦ, УВЧ, ФЗУ, ЦДСА, ЦИК, ЦК, ЦКБ, ЦКК, ЦНИИ, ЧК.

2. Неизменяемые сложносокращенные существительные: *гороно, горфо, облоно, райзо, райзу, районо, райпо, сельпо; завбазой, завбиблиотекой, завотделом, завскладом, завстоловой; замдиректора, замминистра, зампредисполкома, замглавбуха; комвзвода, комроты, комполка; предисполкома, предправления, предсельсовета; управделами.*

3. Фамилии, не имеющие в исходе *-ов-а, -ин-а, -ая* в применении к лицам женского пола: *Аджубей, Бегун, Безрук, Белоконь, Белоус, Бородич, Гнедич, Десятник, Демьянюк, Корнейчук, Кулик, Мельник, Михальчук, Мороз, Муравей, Пильщик, Рыжик, Рубец, Соловей, Федорук, Черняк, Шевчук* и мн. др.

4. Фамилии, оканчивающиеся на *-их, -ых, -аго, -ово: Белаго, Белых, Беспалых, Дурново, Живаго, Молодых, Ржаных, Русских, Седых, Черных, Чужих* и нек. др.

5. Фамилии, оканчивающиеся на *-ко, -енко: Авдеенко, Аверченко, Алексеенко, Андреенко, Афанасенко, Василенко, Даниленко, Данченко, Демченко, Дорошенко, Короленко, Мироненко, Мищенко, Мурашко, Петренко, Рыбалко, Рябченко, Ярошенко* и др.

6. Географические названия, оканчивающиеся на *-ово (-ево), -ино: Болдино, Быково, Воронцово, Дорохово, Ефремово, Кратово, Кусково, Модлино, Монино, Мураново, Перово, Пушкино, Софрино, Томилино, Тушино, Щелково* и мн. др.

Сравнение с другими славянскими языками обнаруживает в данном отношении существенные отличия русского языка от любого другого славянского.

Незаимствованных слов с неизменяемым морфологическим составом в других славянских языках настолько мало (весьма незначительное число сложносокращенных слов), что их можно вовсе не принимать в расчет. Но и заимствованных неизменяемых существительных в них несравненно меньше, чем в русском. В сербохорватском языке их нет вовсе. Любое заимствованное слово включается в сербохорватском языке в систему склонения посредством агглютинативного способа присоедине-

[12] См. также: Словарь сокращений языка. Под общей ред. Б. Ф. Корицкого. М., 1963.

ния к нему всех флексий. Ср.: в единственном числе: *дѐнō, дѐпōа, дѐпōу, дѐпō, ōе̑пō, дѐпōом, дѐпōу*; во множественном: *дѐпōи, дéпōа, дѐ̑пōима, дѐ̑пōе, дѐ̑пōи, дѐ̑пōима, дѐ̑пōима*; точно также *атѐље, атѐљēа, атѐљēу; .., ку́пе, купѐа .., какаду, какадуа...* и т. д.[13]

В других славянских языках[14], содержащих определенное число неизменяемых при склонении существительных, положение все же также существенно иное по сравнению с русским языком.

В чешском языке заимствованные из западноевропейских языков существительные с конечным *-о*, в отличие от русского, в большинстве случаев изменяют свой морфологический состав при склонении. Так, существительные auto, aviso, kimono, kredo, trio, laso, fiasko, bio, kino, paleto, kakao, makao и подобные склоняются по типу склонения město. Только отдельные существительные с конечным *-о* не изменяются: byro, tableau (tablo), trumeau (trymo). Неизменяемость последних слов объясняется, по всей вероятности, их недостаточной освоенностью. Те или иные колебания обнаруживаются и в других группах слов. Так, слова с конечным *-i* включаются в парадигму склонения прилагательных только в том случае, если они являются названиями лиц: efendi — efendiho, kuli — kuliho, dandy — dandyho, Verdi — Verdiho, Albini — Albiniho, Alfieri — Alfieriho; если же слова с конечным *-i* не являются названиями лиц, они не изменяются: alibi, harakiri, gummi[15].

Некоторые слова с конечным -u изменяются при склонении.

Наибольшую группу неизменяемых существительных в чешском языке составляют слова с конечным ударенным -e: atašé (attaché), exposé, kanapé, negližé, klišé, однако при неударенном конечном *-е* существительные принимают падежные окончания, особенно в фамилиях: Dante — Danta, Goethe — Goetha и т. д.

Таким образом, в чешском языке наблюдается ряд колебаний, однако в целом отчетливо выступает тенденция к включению рассматриваемых заимствований в ту или иную парадигму синтетического склонения.

---

[13] Б. О. Унбегаун, характеризуя процесс введения сербохорватским языком иноязычных заимствований в систему склонения, указывал: «Сербизация заимствований ему (сербохорватскому языку.— *И. М.*) не стоит особых усилий, так как он наделяет заимствованное слово полным окончанием и этим самым делает его составной частью народной лексики» (указ. соч., стр. 141).

[14] Болгарский язык в данном случае не может привлекаться к сравнению, так как он, как известно, утратил вовсе синтетическое склонение.

[15] Характерно, что последнее слово, встречающееся в прежних словарях в виде gummi, в чешско-русском словаре под редакцией К. Горалка, Б. Илка и Л. Копецкого (1958 г.) приведено только в виде guma.

В польском языке число неизменяемых заимствованных существительных больше, чем в чешском. Существительные с конечным *-o* в польском языке также изменяются при склонении: auto, auta, autu и т. д. Только отдельные слова остаются неизменными: folio, kakao, motto и некоторые другие. Не изменяются также нарицательные существительные с конечными *-i, -u, -e* типа alibi, pekari, zebu, kupe, kakadu, autodafe и т. п. Имена лиц с конечными *-i, -e*, как и в чешском языке, часто изменяются по типу прилагательных. К неизменяемым существительным в польском языке относятся многочисленные географические названия с конечными *-as, -us,- os, -um, -on, -oi, -o, -i, -u*: Karakas, Istmus, Lesbos, Ilium, Lacjum, Faleron, Aigospotamoi, Philippi, Nagasaki, Toledo, Palermo, Tokio, а также и другие названия, сохраняющие чуждую орфографию: Cambridge, Greenwich, Grenoble, Reims, Artois, Verdun и др. Сюда же относится и ряд фамилий: Hugo, Mirabeau, Sardou, Defoe, Poe, Delacroix, Boutroux и др. [16]

Особо должна быть отмечена неизменяемость при склонении довольно распространенных слов латинского происхождения, содержащих суффикс *-um,* типа muzeum, kryterium, technikum и под. Однако эти слова не изменяются только в ед. числе: ср. во мн. числе: muzea (в форме им. падежа мн. числа сохраняется латинское окончание *-a*), muzeów, muzeom, muzea, muzeami, (o) muzeach.

Приведенное сопоставление фактов различных славянских языков отчетливо показывает, что русский литературный язык занимает особое место среди славянских языков по числу содержащихся в нем неизменяемых при склонении существительных. В нем значительно больше неизменяемых слов даже по сравнению с польским, которому другие славянские языки также существенно уступают в этом отношении.

Б. Унбегаун, останавливаясь на причинах столь существенных различий между русским и другими славянскими языками в данном отношении, объясняет это тем, что русский литературный язык формировался в среде высших слоев общества, относившихся с особым уважением к западноевропейской, в особенности к французской культуре: «Несклоняемые заимствования занимают важное место в русском литературном языке вследствие условий, в которых русский литературный язык формировался. Русский литературный язык, будучи языком салонов, языком офранцузивавшегося высшего общества, был широко доступен западным влияниям. Он легко принимал иностранное слово и окружал его особой почтительностью. Этот

---

[16] См.: Stanislav Szober. Gramatyka języka jolskiego. Изд. 3. Варшава, 1853, стр. 208.

отпечаток своего происхождения русский литературный язык сохранил до наших дней, несмотря на все социальные пертурбации России». В другом месте последняя мысль высказана еще более категорично: «Литературный язык (речь идет о русском литературном языке.— *И. М.*) обеспечивает в настоящее время несклоняемым словам режим экстерриториальности, преисполненный почтительности к ним»[17].

Приведенные положения Б. Унбегауна, несомненно, проливают свет на условия появления и распространения в языке неизменяемых существительных, но они нуждаются, на наш взгляд, в значительном дополнении и существенных коррективах. Конечно, то обстоятельство, что основные группы носителей русского литературного языка конца XVIII — нач. XIX в.— высшие слои общества — владели иностранными языками, сыграло определенную роль в том, что рассматриваемые группы заимствованных слов стали употребляться как неизменяемые слова.

Нельзя, однако, объяснение неизменяемости существительных, представляющей определенные сдвиги в грамматическом строе языка, ограничить только установлением тех или иных особенностей состава носителей языка.

Ведь знание иностранных языков и почтительное отношение к ним сами по себе не могут обеспечить выражение заимствованными словами разнообразных падежных значений безаффиксным путем, если грамматическая система языка не способна справиться с этой задачей. Следовательно, при выяснении причин, обусловивших существенное отличие русского языка от других славянских языков в освоении рассматриваемых заимствований, предметом анализа должны быть не только внешние, но и внутренние факторы, а именно конкретные формы функционирования и развития грамматического строя русского литературного языка, от чего прежде всего зависит, как именно могут реализоваться в нем те или иные новые явления.

С этой точки зрения представляется необходимым указать на некоторые обстоятельства, объясняющие особые пути введения рассматриваемых заимствований в грамматическую систему русского литературного языка.

Русский язык в конце XVIII — нач. XIX в., т. е. в период, когда началось широкое проникновение в него заимствований рассматриваемого типа, обладал очень прочной системой склонения, что давало возможность выражать падежные значения не только наличествующими, но и субституируемыми аффиксальными средствами. Другие славянские языки обладали этими возможностями в значительно меньшей мере. В науч-

---

[17] В. О. Unbegaun. Указ. соч., стр. 141 и 136.

ной литературе уже отмечалось, что следы разложения системы склонения (речь идет о синтетическом склонении) меньше всего коснулись русского языка, как, впрочем, и других восточнославянских языков. Р. Якобсон, в частности, справедливо указал на «постепенное разложение системы падежных противопоставлений в большинстве современных славянских языков, кроме восточнославянских и польского языков»[18].

Именно потому, что грамматический строй русского языка характеризуется прочной и разветвленной системой падежных противопоставлений не только существительных, но и других имен, он был способен с самого начала в большей мере, чем южные и западные[19] славянские языки, прибегать к выражению падежных значений при помощи субституции и поэтому оставлял данные заимствования в морфологически неизменном виде.

Чрезвычайно важным обстоятельством, предопределившим неизменяемость изучаемых заимствований в русском языке, является совпадение во времени процесса проникновения этих слов с рядом больших процессов преобразования строя языка, ознаменовавших в своей совокупности становление нового русского литературного языка.

Глубокие сдвиги, происшедшие тогда в синтаксическом строе предложения и входящих в его состав словосочетаний, создали предпосылки для возникновения разнообразных аналитических конструкций и органического введения их в грамматическую ткань языка.

Перечень действовавших факторов не будет полным, если не будет отмечено то обстоятельство, что русский литературный язык как особая подсистема национального языка уже достиг в ту пору значительного развития. Поэтому он отчетливее обнаружил присущие именно литературному языку специфические черты: отношение к заимствованиям как к «Fremdwörter», а отнюдь не как к «Lehnwörter», стремление сохранять их в состоянии полной неизменности.

Только на широком фоне раскрытия сложного взимодействия внешних и внутренних факторов языкового развития могут быть выяснены с нужной полнотой условия, предопределившие своеобразный путь освоения русским литературным языком изучаемых групп заимствованных слов. Привлечение же к анализу только одного внешнего фактора неизбежно приводит к методологически неприемлемому сужению, а соответственно и к некоторому упрощению проблемы.

[18] См.: R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. — TCLP, VI, Praha, 1936, стр. 242.

[19] Кроме польского; но именно этим, надо полагать, объясняется то, что польский язык ближе всего к русскому по числу неизменяемых существительных.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Период возникновения и развития существительных с неизменяемым при склонении составом подразделяется на два основных этапа: на первом этапе эта группа состояла, за несущественными исключениями, из одних только заимствований, на втором этапе она стала активно пополняться различными элементами собственно русской лексики.

Начало рассматриваемого периода восходит к середине XVIII в., когда начался с течением времени все более нараставший приток в русский литературный язык заимствований из многих западноевропейских языков.

Обозрение всего этого периода в целом, начиная с его истоков вплоть до нашего времени, приводит к заключению, что на всем его протяжении действовала внутренняя тенденция, направленная к расширению возможностей выражения данными существительными падежных значений посредством аналитических средств с сохранением неизменности их морфологического состава. Однако на каждом из упомянутых этапов конкретное выражение этой тенденции существенно различно, что обусловлено главным образом значительными изменениями социальных условий развития языка.

Эволюция неизменяемых существительных в XVIII и XIX вв.

В середине XVIII в. отчетливо выступает тенденция полного приспособления заимствуемых слов к системе синтетического склонения, что достигалось либо изменением самой исходной формы существительного, либо введением его в той или иной форме в одну из парадигм склонения. В конце XVIII — нач. XIX в. положение дел уже меняется, однако отмеченные факты встречаются еще довольно часто. Вот некоторые иллюстрации употребления изучаемых существительных в XVIII в.:

Каенна, могущая себя обогатить и наши богатства *какаом* умножить, содержит в себе только от 500 до 600 жителей (Фонвизин, Торгующее дворянство); Мужчина в розовой *домине* («Собеседник любителей российского слова»); О прочих *желеях* написано будет в статье «Студень» (Словарь поваренный, М., 1795—1797); ...при пении полишинелей, *лазаронов*... (Батюшков, Письмо). Аналогичные факты наблюдаются и в области собственных имен:

Кто не чувствует красот Заиры? Но многие ли удивляются *Отеллу*? (Карамзин, Письмо из Женевы от 2 октября 1789 г.); Отвел он набожному *Бруну и* его друзьям упомянутый луг (Карамзин, Письмо из Лиона, 1790).

В XIX в. с самого начала наблюдаются изменения в способах освоения рассматриваемых заимствований. Этот процесс, естественно, протекал очень медленно, и некоторые существительные все еще чаще продолжали изменять при склонении свой морфологический состав не только в начале века, но и в дальнейшем. Однако направление процесса в сторону все большего расширения сферы неизменяемости слов выступает совершенно отчетливо. Это подтверждается всеми историками литературного языка, а также составителями различных грамматических изданий XIX в. Л. А. Булаховский, отмечая наблюдавшуюся в первой половине XIX в. борьбу противоположных тенденций и полагая, что в отношении иноязычных собственных имен можно даже считать тенденцию к изменению морфологического состава доминирующей, вместе с тем указывает: «Особенно сильна была эта тенденция в первые десятилетия века»[20]. Следовательно, в дальнейших десятилетиях стала брать верх противоположная тенденция.

Вот некоторые характерные примеры изменения существительными своего морфологического состава в XIX в.

Младший из моих хозяев взялся быть моим *чичероном* (Пушкин, Путешествие в Арзрум); Приезжий не спрашивал себе ни чаю, ни *кофию* (Пушкин, Дубровский); На *бюре,* выложенном перламутною мозаикой... лежало множество всякой всячины (Гоголь, Мертвые души); Важнейшее, что я здесь узнал, состоит в том, что модные духи называются pacciuli и пахнут *алоем* (Письмо Герцена к Ю. Ф. Куруте, 1839); ...Пела следующее, аккомпанируя чистый выразительный голос свой звуками *фортепиана...* (Бестужев-Марлинский, Испытание); Алевтина... играла на *фортепиане* и на арфе... (Греч, Черная женщина).

Как указывают, однако, Л. А. Булаховский и другие исследователи, слово *фортепиано* и многие подобные чаще уже не изменялись. Иначе и не могло быть, так как неизменяемость этих слов уже стала рассматриваться в качестве «правила», которое носило характер общеобязательной нормы. В этой связи представляет большой интерес следующее замечание Пушкина о стихах Батюшкова «Напрасно вопрошал я опытность веков и *Клии* мрачные скрижали»: «Клио, как *депо,* не склоняется. Но это правило было бы затруднительно»[21]. Подобное правило стало утверждаться только в третьем десятилетии XIX в. Впервые правило о неизменяемости иноязычных заимствований с конечными *о, е, и, у* дано у Греча: «Имена, заимствованные из

---

[20] Л. А. Булаховский. Русский литературный язык I половины XIX в. М., 1954, стр. 82.

[21] А. С. Пушкин. Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 267.

иностранных языков и кончающиеся на *е, и, о, у, ю* (кофе, колибри, депо, рандеву, ревю), также другие части и частицы речи, употребляемые в виде существительных (как-то: *прости, ах, нельзя, ура*, см. § 59, 4), не склоняются» [22].

Приблизительно так же, но только в применении к собственным именам формулируется это правило в грамматике А. Востокова: «Но названия французские, кончащиеся на *ois* и произносимые *оа*, например *Блоа, Троа*, не склоняются. Равномерно несклоняемыми остаются все иностранные имена, кончащиеся на *е, и, о* и *у*, например *Кале, Витри, Квито, Корфу*» [23].

И в грамматике В. Г. Белинского, изданной в 1837 г., правило формулируется только в применении к собственным именам: «Все иностранные собственные имена, оканчивающиеся на *-а*, предшествуемое какою-нибудь гласною буквой, как *Дюп-у-а, Лакр-о-а* и пр., и все, оканчивающиеся на какую бы то ни было гласную букву, кроме *а*, предшествуемого согласною, как например: *Фихте, Гете, Беранже, Гюго,* не склоняются» [24].

Не случайно, надо полагать, данное правило в некоторых грамматиках того времени ограничивалось только собственными именами. Это, по всей видимости, является косвенным подтверждением того, что нарицательных существительных подобного рода было тогда чрезвычайно небольшое число, меж тем как собственных имен было значительно больше и поэтому наиболее актуальным было определить именно их отношение к системе склонения; не исключено также, что авторы не считали возможным в то время с одинаковой категоричностью распространить это правило и на нарицательные существительные. В следующих грамматических трудах правило о неизменяемости уже в одинаковой мере распространяется авторами как на собственные, так и на нарицательные имена [25].

Это может служить косвенным подтверждением того, что число нарицательных существительных рассматриваемой группы становилось все более весомым.

Таким представляется общий характер эволюции неизменяемых при склонении существительных на протяжении второй половины XIX, а также начала XX в. С течением времени постепенно и равномерными темпами все более укреплялась сфера их неизменяемости, хотя иногда допускались, во всяком случае не считались недопустимыми, и изменяемые формы. Вот

---

[22] «Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем». СПб., 1827, стр. 56.

[23] «Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная». Изд. 3. СПб., 1838, стр. 33.

[24] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений в 13 томах, т. II. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 644.

[25] Ф. И. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1958, стр. 214 и др.

интересный случай употребления В. И. Лениным изменяемой формы существительного *бюро:*

Но отчего нет известия о посещении *бюром ни одного* нейтрального или меньшевистского комитета?? Ведь решено, что бюро пригласит и посетит все? (Письмо Ленина Гусеву от 16 марта 1905 г. Соч., т. 34, стр. 261. Слова «ни одного» выделены В. И. Лениным).

Характер процесса на самом последнем отрезке рассматриваемого этапа довольно метко определил в 1915 г. В. И. Чернышев следующими словами: «Не очень еще давно академик И. И. Срезневский не смущался тем, что русские люди говорят *без пальта, в пальте, под пальтом,* хотя и указывал, что мода смеется над такими выражениями. Книжная речь здесь, однако, взяла верх над народной, и мы теперь не склоняем подобных слов»[26]. Не менее характерными в данном отношении является следующее свидетельство Н. Трубецкого: «... существительное *пальто*, которое согласно правилам грамматики в качестве иноязычного заимствования не склоняется, в несколько сниженном стиле речи (in weniger geflogener Sprache) изменяется по падежам и образует форму мн. числа *польта*, которая для людей моего поколения[27] являлась, хотя, конечно, и несколько просторечной (vulgäre Form), но все же вполне нормальной формой (несклоняемое *пальто* я воспринимаю как искусственную форму)»[28].

Функционирование и тенденции развития неизменяемых существительных в советскую эпоху

Процесс расширения группы неизменяемых существительных, протекавший в XIX в. чрезвычайно медленно и относительно равномерно, претерпел в советскую эпоху существенные изменения, вызванные прежде всего коренным образом изменившимися социальными условиями языкового развития.

Значительную часть лексических новообразований начала послеоктябрьского периода составляют неизменяемые существительные, из которых одни пополнили уже существовавший тип, а другие образовали новый тип неизменяемых слов.

Группа заимствованных слов с конечным гласным, составлявшая ранее единственный тип неизменяемых существительных, не только количественно увеличилась, но и весьма активизировалась, многие из этих слов приобрели большую частотность. Их новые функции способствовали в разных формах расшире-

[26] В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Изд. 2. Пг., 1915, стр. 116.

[27] Н. С. Трубецкой родился в Москве в 1890 г., уехал из России в 1919 г. Книга его издана в 1934 г. в Праге.

[28] N. Trubetzkoy. Указ. соч., стр. 37.

нию сферы неизменяемости: а) они обрастали новыми значениями, б) они служили основой для образования новых неизменяемых слов. Так, например, обладавшее в дореволюционное время минимальной частотностью слово *бюро* стало в послеоктябрьский период неизмеримо более употребительным в качестве названия различных общественных органов, заседаний этих органов. На основе слова *бюро* образовалось большое число новых неизменяемых существительных: *партбюро, профбюро, политбюро, цехбюро, цехпрофбюро, информбюро, совинформбюро, прессбюро, дезбюро, посредбюро, техбюро, промбюро, машбюро. Бюро* стало также стержневым словом ряда номинативных сочетаний слов: *бюро погоды, бюро находок, справочное бюро, конструкторское бюро* и под. Большой частностью обладают в советский период такие неизменяемые слова, как *кино, кило, фото, метро, депо, такси, радио, пианино, кафе, рагу, пюре, трико, фойе, конферансье, табло, эскимо* и ряд других. Широкая употребительность этих слов приводит (в значительной мере уже привела) к тому, что они теперь не ощущаются как заимствованные слова и становятся обычными элементами русской лексики. Следовательно, привычной становится и присущая им черта неизменяемости. О продолжающемся росте неизменяемых заимствований и в последние годы свидетельствуют данные, полученные в результате сопоставления Толкового словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова с четырехтомным Словарем русского языка АН СССР. Во втором зафиксирован ряд слов, которых нет в первом.

Все отмеченные явления, а также — что имеет особенно большое значение — возникновение в советскую эпоху новых типов неизменяемых слов дает основание считать, что неизменяемость как определенная черта грамматической системы существительных качественно изменилась в наше время по сравнению с XIX в. В XIX в. неизменяемость как выражение аналитического типа склонения, распространяясь на крайне ограниченное число мало употребительных слов одного структурного типа, выступала по существу только как потенциально действующая тенденция. В наше же время, когда стал значительно многочисленнее, разнообразнее и активнее уже ранее образовавшийся тип неизменяемых слов и к нему присоединились и некоторые другие структурные типы слов, неизменяемость при склонении существительных превратилась из потенциальной в реально действующую в грамматическом строе языка тенденцию, хотя и по-прежнему по своему лексическому охвату пока еще весьма ограниченную.

Существенная разница в отношении грамматической системы русского языка к морфологической неизменяемости существительных в наше время по сравнению с XIX в. получила своеобразное отражение в судьбе слова *ультра*, дважды

заимствованного — с чрезвычайно продолжительным интервалом — русским языком из французского. Как известно, в последние годы, в связи с большим резонансом, который получило в общественной жизни реакционное движение «ультра» во Франции, это слово с удивительной быстротой стало довольно широко употребительным как в печати, так и в устной речевой практике. Вот ряд иллюстраций из разных источников употребления слова *ультра* в разнообразных падежных функциях:

Прежде *«ультра»* (крайне правые организации ультра-колониалистов) проводили такие выступления лишь в Алжире («Правда», 19 окт. 1960 г.); Французская общественность требует принять решительные меры для пресечения бандитских выходок *«ультра»*... («Правда», 6 апр. 1961 г.); Для парижского рабочего — это «право» погибнуть от бомбы фашиствующих *ультра* или от дубинок полицейских («Изв.», 18 февр. 1962 г.); Расцвели ядовитые сорняки *«ультра»* («За рубежом», 1962, № 1); Сорбонна против *ультра*! («Энергетик», 1962, № 7). Именно миллиардеры и миллионеры пестуют американских *«ультра»* («Изв.», 22 февр. 1962 г.); Что касается *ультра*, то они просто выходят из себя и предпринимают отчаянные попытки помешать установлению мира («Изв.», 20 февр. 1962 г.).

В течение короткого времени в картотеке Института русского языка Академии наук СССР было зарегистрировано большое число разнообразных случаев употребления слова *ультра* в письменном и устном жанрах литературного языка, и среди них не было ни одного факта, который свидетельствовал бы о какой-либо попытке изменить морфологический облик этого слова при употреблении его в значении того или иного падежа. Совершенно иная ситуация имела место в XIX в., когда слово *ультра* было впервые заимствованно из французского языка.

В русских журналах первой половины XIX в. данное слово нередко встречается с флексиями косвенных падежей множественного числа:

...У противников своих [они] слывут под именем *ультров* («Вестник Европы», 1820, № 3); «...несогласие между либералами и *ультрами*» («Московский телеграф», 1828, № 17) [29].

Характерно, что в других славянских языках и в наше время слово *ультра*, проникшее туда под влиянием событий во Франции и в Алжире, «не выдержав испытания» на неизменяемость, морфологически переоформлялось либо же заменялось другой лексической единицей. Таковы польск. ultrasi, чешск. ultrakolonialisté. Ср.: Francuska Partia Komunistyczna... jest dla

[29] Подробнее об истории слова *ультра* см.: В. В. Веселитский. Второе рождение слова *ультра*. «Вопросы культуры речи», вып. 4. М., Изд-во АН СССР, 1963.

ultrasów przeciwnikiem nr 1. („Trybuna ludu", 7 янв. 1962 г.); Teror ultrakolonialistů v Alžírsku pokračuje („Rude pravo", 1 марта 1962 г.).

Во всей совокупности слов, неизменяемость которых в той или иной мере является продуктом процесса развития русского языка в советскую эпоху, может быть выделен ряд структурно отличающихся друг от друга групп. Основанием деления служат специальные факторы, обусловившие неизменяемость существительных каждой отдельной группы.

1. Существительные типа *ГОЭЛРО, СТО, РОНО, самбо, райфо, сельпо.* Неизменяемость этих существительных обусловлена наличием конечного *-о* корневой морфемы, и в этом они сходны с заимствованными словами аналогичной структуры. Их неизменяемость, однако, дополнительно обусловлена тем, что изменение конечного гласного нарушило бы связь этих новообразований с теми сочетаниями слов, которые служат для них — особенно на первых порах их функционирования — своеобразными внутренними формами (ср. *ОНО* — отдел народного образования). Неизменяемость этих существительных характеризуется наибольшей устойчивостью.

2. Существительные типа *МТС, РТС, АТС, РСФСР, АССР*[30]. У этих существительных неизменяемость обусловлена двумя факторами: а) несоответствием между принадлежностью слова к женскому роду и его морфологическим обликом (наличие конечного твердого согласного при нулевой флексии) и б) спецификой звукового состава слова, представляющего сумму названий букв: поскольку названия букв, как уже указывалось выше (см. стр. 155), в русском языке являются неизменяемыми словами, это, естественно, тоже служит препятствием к включению данных слов в парадигму склонения. Вследствие участия здесь фактора несоответствия между принадлежностью к женскому роду и морфологическим обликом слова данные образования определенным образом сходны с заимствованиями типа *мадам* (см. стр. 155), однако между теми и другими имеет-

[30] В настоящей статье неуместно вдаваться в детали вопроса о «полноценности» буквенных аббревиатур и других сложносокращенных слов как лексических элементов. Представляется правильным и вполне обоснованным следующее высказывание по этому поводу Е. Поливанова: «...дурно или хорошо с эстетической точки зрения (о чем предоставляется судить специалистам-эстетам, а не лингвистам), но вышерассмотренные сокращения выполняют свою задачу, давая русскому словарю экономные и большею частью удобные слова для новых понятий, а потому всякого рода теоретические возражения против них, по моему мнению, излишни» («За марксистское языкознание», 1931, стр. 81). Д. И. Алексеев, исследовавший функционирование аббревиатур в последние годы, следующим образом оценивает их: «...буквенные аббревиатуры — это живое, продуктивное и массовое явление современного русского языка» (Д. И. Алексеев. Склонение буквенных аббревиатур. «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Куйбышев, 1961, стр. 68).

ся существенное различие: форма рода слов типа *мадам* основывается на реальной семантике (принадлежность к женскому полу), между тем родовая форма слов типа *МТС* зиждется на одних только формальных признаках. Этим различием объясняется возможность перехода в просторечии некоторых из этих слов в разряд изменяемых: *он был* в *эмтээсе*.

3. Существительные типа *ВАПП, ГЭС, ТЭЦ, ВАК*. Из указанных во втором пункте двух факторов в данном случае действует только первый. Естественно, что существительные рассматриваемого типа могут с меньшими трудностями переходить в разряд изменяемых слов. Так как и здесь принадлежность к роду основана на одних только формальных признаках, подобный переход в некоторых случаях совершается довольно быстро, ср. употребление слов *нэп*, *ВАК*, перешедших в мужской род и ставших в результате этого склоняемыми словами [31].

4. Существительные типа *СССР, ВЦСПС, ВЛКСМ, КВН*. Неизменяемость этих слов обусловлена только вторым из указанных во втором пункте факторов. Материал показывает, что эти слова в большинстве случаев остаются неизменными.

5. Существительные типа *ВЦИК, МХАТ, ЗИЛ, ГАБТ, МИД*. Изменяемости существительных этой рубрики не препятствует ни один из упоминавшихся выше факторов, и все же они довольно часто остаются неизменяемыми. Материал нашей картотеки показывает, что хотя в несколько большем числе случаев эти существительные изменяются, сочетаясь с теми или иными значениями косвенных падежей, однако соотношение тех и других случаев на протяжении очень продолжительного времени остается стабильным. Пытаясь наметить перспективу дальнейшего развития, Д. И. Алексеев, специально проанализировавший большое число таких слов, указывает: «В современном русском языке употребляется немало аббревиатур на согласный, принадлежащих к мужскому роду, но редко или вовсе не склоняющихся, ср. волна расистского террора в *ЮАС* («Лит. газета», 17 янв. 1957 г.); тренировались спортсмены *ДОСААФ* («Советский патриот», 9 февр. 1958 г.); было оглашено сообщение *ТАСС* («Правда», 16 мая 1958 г.) и т. д. Трудно предсказать судьбу этих слов: перейдут ли они окончательно, как и другие, в разряд обычно склоняющихся существительных или положат начало новому разряду несклоняемых существительных мужского рода на согласный» [32]. По-видимому, здесь проявляется своеобразное морфологическое притяжение этих образований

[31] Особенно быстро прошло путь от неизменяемости к изменяемости слово *нэп*. Слово образовалось в 1921 г., а в 1922 г. уже употребляется как изменяемое при склонении существительное: «Несколько подробнее о *НЭПе* и о понятии «государственного капитализма» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 223).

[32] Д. И. Алексеев Указ. соч., стр. 76.

к другим видам аббревиатур, которые часто выступают в качестве неизменяемых существительных.

6. Существительные типа *начштаба, комвзвода, замдиректора, завбиблиотекой, управделами.* У слов этого типа неизменяемость обусловлена тем, что в форме номинатива выступают сложносокращенные слова, содержащие в своем составе флексию род. или тв. падежа. Существительных этого типа пока еще весьма ограниченное число, однако их неизменяемость представляет собой один из случаев, допускающих различного рода колебания. С этой точки зрения представляет большой интерес встретившееся в сочинениях В. И. Ленина подобное существительное в качестве изменяемого: «Я слышал в Цека оценку Зофа, как ценнейшего работника, и мои наблюдения в *Совобороне*[33] вполне подтверждают эту оценку»[34].

7. Фамилии украинского происхождения с суффиксами *-ко, -енко.* Для них уже в XIX в. были характерны разнообразные колебания: они изменялись по парадигмам первого и второго склонения; наряду с этим наблюдались и случаи их неизменяемости. Интересны приведенные В. И. Чернышевым факты неизменяемости этих слов в сочинениях В. Г. Белинского. Современные факты также свидетельствуют о наличии некоторых колебаний. Однако в большинстве случаев, как совершенно определенно показывает материал, эти слова остаются неизменными.

Есть основание полагать, что в наличии колебаний в употреблении этих слов в значительной мере повинны различного рода справочники, во многих случаях не отражающие живых тенденций языкового развития. Хотя В. И. Чернышев еще в 1915 г. писал: «для нас вполне естественно совсем не склонять эти слова: *у Шевченко, у Короленко, с Шевченко, с Короленко* и т. д.»[35], авторы современных справочников упорно рекомендуют подобные названия склонять по образцу: *Шевченко, Шевченки, Шевченке* и т. д. Их не останавливает то, что эти рекомендации противоречат реальным фактам. Они в ряде случаев дают субъективное, необоснованное истолкование языковой практики. Так, в одном из новейших справочников сказано: «Довольно многочисленны в печати случаи употребления украинских фамилий на *-ко* в неизменяемой форме. Авторы прибегают к этому «новшеству» (кавычки авторов.— *И. М.*) потому, что не знают, по какому склонению следует изменять эти фамилии...»[36]. Конечно, эта интерпретация не выдерживает

---

[33] Сложносокращенное слово *Совобороны* означало 'Совет обороны'.

[34] В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 58.

[35] В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 87.

[36] К. И. Былинский и А. И. Жилин. Справочная книга корректора. М., 1960, стр. 55.

научной критики. Факты, к которым авторы справочника почему-то иронически относятся, являются прямым следствием тенденции, которая пробивала себе дорогу уже в XIX в., а в настоящее время все более и более укрепляется.

8. Географические названия с суффиксами *-ино, -ово (-ево)*, типа *Тушино, Воронцово*. Названия с суффиксами *-ино, -ово (-ево)* существуют в системе русской топонимики очень давно, однако только в советскую эпоху они стали переходить в разряд неизменяемых существительных. Этот процесс еще не получил отражения ни в одном своде фиксированных норм, ни в одном нормативном пособии, в том числе в Грамматике русского языка, изданной АН СССР в 1952 г. Между тем соответствующие факты уже получили широкое распространение в печати и устной речи. Хотя рассматриваемый процесс насчитывает всего несколько десятилетий, однако, как отчетливо показывает изученный материал, случаи неизменяемости этих существительных значительно преобладают над случаями их изменяемости. Особо должно быть отмечено то обстоятельство, что различие в употреблении — имеются в виду главным образом факты устной речи — связано здесь с принадлежностью к разным поколениям: у представителей старшего поколения (в основном уже пожилых людей) эти слова изменяются, представители молодежи их употребляют в значительном большинстве случаев в неизменном виде.

Неизменяемость данных слов представляет собой яркий пример вмешательства внешних факторов в эволюцию языка, даже такого специфического его структурного элемента, каким является система склонения. В самом деле, сильным толчком к употреблению этих слов в качестве неизменяемых явились, несомненно, издававшиеся многократно в военное время приказы, запрещавшие изменять в донесениях и других документах исходную форму подобных названий населенных пунктов, чтобы не смешивались близкие по звуковому составу слова, ср.: Разин — Разино, Ефремов — Ефремово, Пушкин — Пушкино, Киров — Кирово и т. д.

Все рассмотренные восемь групп неизменяемых слов — столь различные по структуре и семантической функции — свидетельствуют об определенных сдвигах по направлению к аналитизму в системе склонения, происшедших в советскую эпоху. Различия между ними заключаются в том, что первые шесть групп охватывают слова, изначально возникшие в советскую эпоху в качестве неизменяемых; в состав седьмой группы входят существительные, у которых процесс перехода в неизменяемые слова в советскую эпоху только значительно активизировался; наконец, восьмая группа состоит из слов, у которых процесс перехода в неизменяемые слова только начался в советскую эпоху.

Способность неизменяемых существительных к реализации различных функций отдельных падежей

Падежные формы неизменяемых существительных всех охарактеризованных структурных типов выступают в разнообразных функциях. В некоторых из этих функций неизменяемые существительные являются более частотными, в других — менее частотными, в некоторых они не выступают вовсе. Приводимый ниже материал иллюстрирует, в каких именно падежных функциях неизменяемые слова чаще всего встречаются; существенно важным представляется вопрос о том, в силу каких причин неизменяемые существительные не могут выступать в определенном числе падежных функций, присущих изменяемым существительным.

Формы именительного падежа в роли подлежащего.

а) Препозитивно: Оказывается, что *нейтрино* и *антинейтрино* вращаются в разные стороны... («Изв.», 23 марта 1962 г.); Орехово-Зуевское *РОНО* поймет... («Лит. газета», 27 янв. 1962 г.); ...никакое *гезе* (горячая заварка) ее не спасет... (Г. Николаева, Битва в пути); И *завбиблиотекою,* Спокойствия владычица, Стоит за картотекою Так тихо, что не дышится (Недогонов, Простые люди).

б) Постпозитивно: — И только шестнадцать лет назад Казнили *янки* детей Хиросимы (Павел Антокольский, Стихотворения); Рычат *авто*, трясет горбом верблюд... (А. Сурков, Стихотворения).

В роли сказуемого:— Вы *буржуа*, я артист... (Л. Леонов, Скутаревский).

Формы родительного падежа.

1) При глаголах и словах категории состояния.

В значении объекта: — Где мне достать *кофе*? (Вс. Иванов, Возвращение Будды); ...ниоткуда не слышно *радио* и все в мире молчит (А. Солженицын, Два рассказа).

2) При именах.

а) В значении объекта: ...колхозам, где надо было организовать разведение *алоэ* («Новый мир», 1962, № 11); Стоя непоколебимо на ленинских позициях, Г. И. Петровский был одним из основателей *СССР*... («Правда», 4 февр. 1963 г.).

б) В значении субъекта действия: Это было совсем недавно, в дни вылазок обнаглевших *«ультра»* («Техника — молодежи», 1962, № 2); Резолюция *управзаводом* о несогласии с постановлением комиссии о неоценке несуществующих вещей (М. Кольцов, Времена меняются).

в) В значении отношения части к целому: Серопепельные тучи плыли с далекого запада, а над ними торчало перистоогненное крыло невидимого *фламинго* (А. Белый, Возврат, ч. II);

Когда я поднялся по лестнице ... ского *облоно*... (А. Солженицын, Два рассказа).

г) В значении раскрытия содержания: На приборной доске расположен ряд стрелочных индикаторов и сигнальных *табло*... («Правда», 25 апр. 1961 г.).

д) В определительном значении: ...в умеренных американских кругах, которые боятся, что «империализму *янки*» заготовлено новое поражение при Дьен Бьен Фу («За рубежом», 1962, № 10); Кровожадная мадам Коуртни и свихнувшийся господин Крайл принадлежат к породе американских *«ультра»* («Правда», 6 апр. 1962 г.); ...только он ее бросил: на дочери *завбазой* женился (А. Гладков и Н. Оттен, Бумажные цветы); Я в то время был генеральным секретарем *МИД*... («Изв.», 7 апр. 1962 г.); В марте 1919 года Г. И. Петровский избирается председателем *ЦИК* Украины («Правда», 4 февр. 1963 г.).

Неизменяемые существительные в функциях дательного падежа: ...английское посольство в Москве направило 14 июня с. г. *МИД* СССР ноту... («Правда», 4 июля 1962 г.); ...ему передали телеграмму... Москва, *начоперода* для царицынского уполномоченного Пархоменко (Вс. Иванов, Избранное, 1948, стр. 345).

Ср. в изменяемой форме: А там, глядишь, случилась где-то серьезная поломка и *поммастеру* требуется помощь... (Газ. «Новая жизнь», 1955, № 72); ...подчеркивали преступное невнимание к *посредбюро* рабсилы... (Л. Леонов, Соть); Таким образом, вопреки *эмбарго* торговля между Востоком и Западом продолжает расширяться... («В защиту мира», 1957, № 71).

Неизменяемые существительные в функциях винительного падежа: Ездил он по разным иностранным державам... и *виски* иностранные пил... (М. Зощенко, Рассказы г. Синебрюхова); Извозчики носят цилиндры, а революционные сановники — *кепи* шофёров (Вс. Иванов, Возвращение Будды); ...И. Панферову, не устающему до сей поры лягать ликвидированную *РАПП*... (М. Шолохов, За честную работу писателя и критика); Именно миллиардеры и миллионеры пестуют американских *«ультра»* («Изв.», 22 февр. 1962 г.); А в конце привычный ужас В дамочек вселя, Тенор выдает, *поднатужась,* Тоненькое *«ля»* (Р. Рождественский, Ровеснику); ...он (нейтрон) распадается за 12 минут на протон, электрон и *нейтрино* («Неделя», 18—24 марта 1962).

Неизменяемые существительные в функциях творительного падежа.

а) В значении субъекта действия в страдательной конструкции: Новая его небольшая картина... едва не была забракована *жюри* (Л. Леонов, Скутаревский); План..., разработанный в свое время... *начштаба* генералом Поляковым, к концу мая был почти целиком осуществлен (М. Шолохов, Тихий Дон); Разго-

вор, начатый на страницах советской печати Надеждой Григорьевной *Заглада*... («Изв.», 27 сент. 1962 г.).

б) В значениях способа, орудия и косвенного объекта действия: ...кассирша *контральто* взывала: Граждане, нет ли у кого мелочи (К. Федин, Похищение Европы); Когда его книгу дали в типографию набрать корпусом, наборщики набрали ее самовольно *цицеро* (В. Шкловский, Сентиментальное путешествие); Борьба *дзю-до* была известна у нас в стране еще до войны, но впоследствии была заменена *самбо* («Неделя», 6—12 мая 1962 г.); ...чтобы обеспечить институт *алоэ* и другими биогенными стимуляторами... («Новый мир», 1962, № 11).

в) В значении соучаствующего в действии лица: — Это согласовано с *комполка*,— сказал он (В. Панова, Спутники). Ср.: В первой повести секретарь райкома Ключарев не нашел общего языка с *предриком* Пинчуком («Лит-ра и жизнь», 28 апр. 1961 г.).

г) В предикативной функции: Неожиданно развернулись таланты толстой Ии: она оказалась хорошим *конферансье* (В. Панова, Спутники).

Неизменяемые существительные в функциях предложного падежа: Убийство Патриса Лумумбы вызвало бурную демонстрацию в негритянском *гетто* — Гарлеме... («Правда», 4 мая 1961 г.); Говорят, на этих *фото* Устя с Настей лучше всех... (А. Проковьев, Сад); Лишь один стоял затылком, драматург в елизаветинском *жабо*... (Л. Леонов, Скутаревский). На *бюро* обкома был утвержден крымский подпольный центр (И. А. Козлов, В крымском подполье); По-новому стали жить в *Ильино*, в *Полукарпово*, в *Цветково* («Огонек», 1961, № 6); Над *Черемхово* красная луна, Вдоль *Черемхово* рыжие обочины, Под *Черемхово* черная руда, А в *Черемхово* спящие рабочие (Ю. Панкратов, Из первой книги).

Приведенный материал показывает, что неизменяемые существительные из множества функций, свойственных русским падежным формам, способны реализовать все так называемые синтаксические функции падежей, между тем как некоторые из несинтаксических (адвербиальных) функций — скажем, творительного сравнения, места, времени, в беспредложных конструкциях родительного даты и др.— им чужды. Эти факты подтверждают необходимость отличать в системе склонения сферу синтаксических падежей от сферы несинтаксических[37]. Несомненно, дальнейший рост неизменяемых существительных повлечет за собой некоторые сдвиги в общей совокупности реля-

---

[37] См.: Е. Курилович. Проблема классификации падежей. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 175—203; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. т. I. Братислава, 1954, стр. 132—141.

ционных противопоставлений в системе склонения и средств их выражения.

Обширный комплекс относящихся сюда вопросов может быть освещен только на фоне раскрытия современной эволюции системы склонения в целом, что мы надеемся осуществить в специальной статье.

В данном контексте приходится ограничиться показом только некоторых частных из множества явлений, составляющих содержание данного процесса. Так, отсутствие аффиксов как десигнаторов реляционных значений лишает систему языка тех дифференцирующих возможностей, которые реализуются в структуре родительного падежа двумя разными флексиями: *а — у*, ср., с одной стороны, цвет *чая* — стакан *чаю*, и, с другой стороны, цвет *кофе* — стакан *кофе*. Точно так же иные формы реализации получают противопоставления нынешних винительного и родительного падежей; ср.: выпить *молоко* — выпить *молока* и выпить *кофе*; винительного и дательного: послать *артиста — артисту* и послать *конферансье*.

Уже из этих примеров видно, что сдвиги, касаясь прежде всего и больше всего средств выражения реляционных противопоставлений, не могут не распространяться и на их содержание.

Категории рода и числа у неизменяемых существительных

Структура форм рода у неизменяемых существительных характеризуется рядом значительных инноваций и существенно отличается от соответственной структуры изменяемых существительных. Последняя, как мы пытались показать в статье, посвященной этой теме[38], состоит из двух существенно различающихся сфер морфолого-синтаксических противопоставлений: семантической и асемантической. Ср., с одной стороны, *стол — стена — окно,* с другой стороны, *учитель — учительница* или *лев — львица*. И в той и в другой области противопоставлений большую роль, наряду с синтаксическими, играют и морфологические средства выражения категории рода[39]. Неизменяемые существительные ограничены, естественно, только одними синтаксическими средствами. Они обнаруживают свою принадлежность к тому или иному роду (мужскому, женскому или среднему) только при помощи аффиксов поясняющих их слов: *голубое такси остановилось; приятный — приятная визави читал — читала.*

[38] И. П. Мучник. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке. — Сб. «Развитие современного русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 39—82.

[39] Там же, стр. 46 и далее.

Разумеется, характер синтаксического способа выражения в этих условиях существенно изменяется: формы рода поясняющих слов — прилагательных и глаголов — превращаются из зависимых в независимые, позиция этих слов в словосочетании (атрибутивном или предикативном) из парадигматически слабой превращается в парадигматически сильную[40]. Столь же существенны и различия в содержании родовых противопоставлений. Неизменяемые существительные вступают только в семантические противопоставления, причем их основу составляют не только различия в принадлежности к биологическому полу, но и различия одушевленности и неодушевленности. Структура рода у неизменяемых существительных основана на следующем дихотомическом делении: а) *это кашне — этот шимпанзе*; по признаку различий «одушевленность — неодушевленность» ср. род со значением неодушевленности противопоставлен муж. роду со значением одушевленности (применяются традиционные термины, хотя они и не соответствуют значению) и б) *этот — эта шимпанзе*; по признаку принадлежности к биологическому полу муж. род противопоставлен жен. роду, причем жен. род выступает как маркированный член данного противопоставления, так как он содержит указание на принадлежность к женскому полу, а муж. род немаркированный: он не содержит подобного указания. Сказанное относится ко всей категории одушевленности — и к лицам, и к не-лицам.

С точки зрения маркированности или немаркированности входящих в их состав членов, оба указанных типа корреляций контрастны. В корреляции первого типа — неодушевленность (ср. род) — одушевленность (несредний род) — обе формы рода маркированы. В самом деле, первый член корреляции указывает на принадлежность к разряду предметов, другой — на принадлежность к разряду живых существ. Во втором типе корреляций один член, как об этом уже говорилось выше, маркированный, другой — немаркированный. Соотношение членов в каждой корреляции выражается в первом случае формулой nA и $n\bar{A}$, во втором — формулой nA и $\bar{n}A$[41].

Надо обратить внимание на то, что приведенные двучленные корреляции не могут объединиться в одну трехчленную вследствие того, что они зиждутся на разных основах деления.

Немаркированность муж. рода во втором типе корреляций отчетливо выступает в следующем тексте из романа Ажаева «Далеко от Москвы»: «Конечно, Кузьма Кузьмич видел и

---

[40] См.: М. В. Панов. Некоторые тенденции в развитии русского литературного языка XX века. — ВЯ, 1963, № 1, стр. 8—9.

[41] Здесь использованы те же знаки, что и в проспекте монографии «Русский язык и советское общество» (Алма-Ата, 1962, стр. 24). Буква *n* обозначает «указывает», черта над ней — «отрицание».

недостатки своего *визави* — эти недостатки, надо думать, объяснялись молодостью». Ведь существительное *визави*, отнесенное согласованным с ним местоимением к муж. роду, не содержит никакой спецификации принадлежности лица к тому или иному полу.

Описанная структура рода большинства неизменяемых слов, характеризующаяся значительным сокращением удельного веса аффиксальных средств в выражении категории рода, является немаловажным показателем общего роста аналитических тенденций. В процессе формирования этой структуры было немало разного рода колебаний. Многие заимствованные в XIX в. существительные, попав в русский язык, долго сохраняли формы рода, которые были им свойственны в том языке, откуда они были заимствованы. В. И. Чернышев приводит из многочисленных произведений XIX в. длинный перечень сочетаний слов, свидетельствующих о многочисленных отступлениях от действующей родовой системы: *бордо благоразумный, один безе, пушистый боа, поношенный кашне, мой какао, свой кофе, мой пальто, портмоне остался, прелестный пианино*[42]. Из всех этих существительных в настоящее время только *кофе* употребляется (в соответствии с рекомендуемыми нормами) в форме муж. рода. В современных словарях и грамматических пособиях допускаются отступления только для единичных случаев, обусловленные специальными причинами; так, употребление слов *кольраби* и *салями* в жен. роде объясняется влиянием семантически близких к ним слов: *капуста, колбаса.* В целом же вся языковая практика показывает неуклонный процесс распространения охарактеризованной родовой структуры на уже существующие и вновь возникающие в языке неизменяемые слова. В этой связи следует указать на непоследовательность грамматических помет четырехтомного Словаря русского языка АН СССР. Так, при существительных *колибри* и *визави* отмечается возможность их употребления в муж. и жен. роде, при других же неизменяемых существительных, как *кенгуру, пони* и подобные, буквой *м* отмечается их принадлежность только к муж. роду. Точно так же в грамматике АН СССР вслед за правильно ориентирующим указанием, что неизменяемые имена существительные, обозначающие животных, относятся к муж. или жен. роду, в зависимости от того, имеется в виду самец или самка, дается примечание, которое может только дезориентировать читателя: «В отдельных случаях несклоняемые названия животных могут согласовываться по среднему роду, если не подчеркивается значение пола (*наше колибри, шимпанзе* и т. п.)». В этих случаях как раз и уместна форма муж. рода.

---

[42] В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 146.

Описанные отношения не распространяются на аббревиатуры с конечным согласным типа *РТС, ГРЭС, ТЭЦ* и т. д. Это в большинстве случаев объясняется тем, что данные аббревиатуры отчетливо ассоциируются — особенно в начальные моменты своего функционирования — с так называемыми стержневыми словами соответственных сочетаний, лежащих в их основе, и прочно закрепляют за собой их родовые формы. Характерное для этих аббревиатур несоответствие между их морфологическим обликом и «этимологическим» родом поставило их вне родовой структуры как изменяемых, так и неизменяемых существительных. Это продукты еще не завершенных процессов в развитии структуры рода неизменяемых существительных.

Особенно большие сдвиги претерпела структура форм числа у неизменяемых существительных. По сравнению с категориями падежа и рода сфера обнаружения категории числа сузилась в наибольшей степени. Так, сопоставление форм обнаружения этих трех категорий у неизменяемых и изменяемых имен существительных в сочетаниях *купили пальто — купили юбку; обзавелись пианино — обзавелись роялем*; *хвалили конферансье — хвалили певца* показывает, что падеж и род у неизменяемых существительных выступают столь же отчетливо, как и у изменяемых, между тем как категория числа у неизменяемых существительных остается невыраженной в данном объеме текста.

Значение числа получает выражение у неизменяемых существительных только в атрибутивных и предикативных словосочетаниях с помощью аффиксов поясняющих слов: *серое — серые такси остановилось — остановились.*

Таким образом, неизменяемость существительного приводит к сокращению удельного веса категории числа, так как последняя уже не является неотъемлемым элементом морфологической структуры слова. Для сравнения тенденций развития строя различных языков и в частности отношения того или иного языка к использованию аффиксов показательно сопоставление русского языка с болгарским. В последнем, как известно, существительные не изменяются по падежам, однако заимствованные слова рассматриваемых нами типов присоединяют аффиксы для выражения числа: *такси — таксита, ателие — ателиета, пиано — пиана* и т. д., чего не происходит в русском языке.

Стилистическое использование изменяемых форм неизменяемых существительных

В советский период наблюдается довольно широкое использование изменяемых форм неизменяемых существительных в разнообразных стилистических функциях. Именно в силу того, что в нейтральном стиле литературного языка довольно прочно

укрепились неизменяемые формы этих существительных, писатели нередко пользуются изменяемыми формами для характеристики речи персонажей, для усиления экспрессии авторской речи, для стилизации под просторечие и другие виды нелитературной или окололитературной речи. В этих функциях используются изменяемые формы как заимствованных слов, так и разного рода аббревиатур.

Вот некоторые из множества встречающихся в советской литературе фактов.

А. Для характеристики персонажей:

Голосуют члены *бюры*, кандидатам голоса нет — сказал Смирнов, поглядывая на Васильева злым и веселым взглядом (Ю. Либединский, Комиссары); — И что вы ночью беспокоите? Никакого *пальта* мне не приносили (В. А. Гиляровский, Москва и москвичи); — У нас не скучно, если *кина* нету, дед его заменяет... (М. Шолохов, Свет и мрак); Третья хохотала не совсем без причины: — Жара, а он в *пальте* приехал... (Л. Леонов, Барсуки); — Последний разок русскую пьем. Через неделю позабавимся английской *виской* (А. Новиков-Прибой, По-темному); А сюда меня тетя Маша пускает играть на *пианине* (К. Федин, Необыкновенное лето); — Вот вам все документы. Нас били Промбюром, и мы оборотом бьем этим Промбюром (Ф. Гладков, Цемент); Напрокат взяла *пианину*, жалуется — плохая. Рояль бы мне, говорит, настоящий (В. Панова, В старой Москве); Вот тебе раз! Поехали за хлебом в Ташкент, попали в *Орта-чеку* (А. Неверов, Ташкент — город хлебный); — В *сельпе* разве нету? — В *сельпе*! (В. Солоухин, Владимирские проселки); — Я, говорю, свое отработал... Еще теперь мне зимой морозиться в вашей *емтеесе*... (Г. Николаева, Битва в пути).

Б. Для усиления экспрессии авторской речи в разнообразных стилистических целях:

За покупками | по Москве по всей | разъезжусь | весь день, | не вылазя из *таксей* (В. Маяковский, Мечта поэта); Поевши, | душу веселя, | одной ногой | разделывали вензеля, | увлечены *тангой* (В. Маяковский, Две культуры); Докладчики бывают тоже! Эх, ты, губкомовец в *пенснах*! Как будто лезет он из кожи, Чтоб «измами» стереть нас в прах (А. Безыменский, Комсомолия); Бутылка нарзана, бутылка *ситра*, Серебряный сыр, золотая икра (Н. Панов, Враг своей тени); Слегка нахальные стихи | товарищам из *Эмкахи* (В. Маяковский); Я посылаю неизменный Привет всеведущей *Цеке*... (А. Безыменский, Комсомолия); Верует (Евсюков) в совет, в Интернационал, *чеку* и в тяжелый вороненый наган в узловатых и крепких пальцах (Б. Лавренев, Полынь-трава); Да, все мы ходим | под *Цекою*... Но за *Цекой* — | никто не съест (А. Безыменский, Комсомолия); О-го-го, сколько тут маленьких «великих людей» собралось. Со всего *СССР-а* слетелись (Н. Никандров, Путь к женщине).

Будучи вполне пригодными средствами для достижения разнообразных стилистических целей, изменяемые формы оказываются совершенно неуместными в стилистически нейтральном контексте. Это особенно наглядно выступит, если мы попытаемся употребить изменяемую форму встречающегося в приведенных иллюстрациях слова «*бюро*» (см. примеры из Либединского и Гладкова) в следующем контексте: На *бюро* обкома был утвержден крымский подпольный центр.

С точки зрения рассматриваемых явлений представляют интерес некоторые случаи употребления В. И. Лениным изменяемых форм существительных. Выше уже приводилась цитата из письма Ленина к Гусеву: «Но отчего нет известия о посещениях *бюром ни одного* нейтрального или меньшевистского комитета?? Ведь решено, что бюро пригласит и посетит все?» [43]. Такое стилистически совершенно нейтральное употребление изменяемой формы, надо полагать, свидетельствует о том, что в начале века еще была невозможна стилистическая дифференциация изучаемых форм в таком виде, в каком она выступает сейчас.

Конечно, вновь возникшие соотношения между изменяемыми и неизменяемыми формами типичны прежде всего для людей более молодого поколения, приобщавшихся именно в последнее время к нормам и особенностям литературной речи. У представителей старших поколений вполне естественно отражение усвоенных ими ранее и ставших для них привычными речевых норм. Именно этим скорее всего объясняется употребление Лениным и в 1922 г. изменяемой формы в стилистически нейтральном контексте: «Роза Люксембург... ошибалась, защищая в июле 1914 года, рядом с Плехановым, *Вандервельдом,* Каутским и др., объединение большевиков с меньшевиками...» [44].

Как известно, история развития грамматического строя русского литературного языка, особенно последних двух веков, содержит немало примеров стилистического размежевания грамматических форм, которые ранее были стилистически идентичны. Это один из многих показателей того, как стилистическая дифференциация все более и более внедряется и в наиболее абстрагированную сферу системы языка — в его грамматический строй.

* * *

Мы охарактеризовали разнообразные сдвиги, происшедшие в структуре форм падежа, рода и числа в связи с наличием в языке группы неизменяемых существительных.

Значение всех описанных явлений может быть, однако, адекватно оценено только при рассмотрении их в связи с другими

---

[43] В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 261.
[44] Там же, т. 33, стр. 184.

явлениями, с которыми они связаны общностью тенденций развития. В самом деле, при изолированном анализе неизменяемых существительных не было бы, может быть, достаточного основания придать всем относящимся сюда инновациям сколько-нибудь важное значение, так как удельный вес их в языке в целом весьма незначителен. Но наряду с возникновением и ростом группы неизменяемых существительных возникла и развивается другая группа неизменяемых слов — неизменяемых прилагательных типа *беж*, *электрик*, а также типа *теле-*, *радио-*, *парт-*, *лесо-* и др.[45] Отчетливо выступают и разносторонние связи этих двух процессов. Ведь многие из аналитических существительных со временем становятся аналитическими прилагательными. Ср. слушать *радио* и *радиопередача*, подарил *фото* и *фотолаборатория*, пошли в *кино* и *кинолента* и т. д. С другой стороны, процессы развития аналитических прилагательных в свою очередь углубляют аналитичность существительных, так как оказывают в тех или иных формах влияние на проявление присущих им грамматических категорий. Так, у слова *ателье* в словосочетании *швейное ателье* форма рода в своем синтаксическом выражении опирается на аффикс определяющего слова, но в сочетании *фотоателье* аффикс уже не выступает и в качестве синтаксического средства выражения рода. Происходит как бы прорыв второй линии обороны аффиксального оформления слова. Рассматриваемые процессы, как и ряд других связанных с ними, полностью подтверждающие известное высказывание В. И. Ленина о росте аналитизма в грамматическом строе русского языка, требуют тщательного и всестороннего исследования.

---

[45] О последней группе морфологических элементов, стоящих на грани слов и морфем, см. в настоящем сборнике статью В. Л. Воронцовой.

Л. К. Граудина

О НУЛЕВОЙ ФОРМЕ РОДИТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА

В русском именном склонении среди косвенных падежей род. падеж обладает наибольшим статистическим весом и самой разветвленной системой значений. В работах, посвященных подсчетам частотности русских падежных форм [1], проводимых на разном материале и в разном объеме, исследователи единодушны в выводах относительно частотности род. падежа. В научной, политической и деловой прозе по употребительности в системе других падежей родительный стоит на первом месте, составляя примерно долю в 30—46% (лишь в подсчетах В. Николаева он составил 24,7%). Однако в художественных стилях речи род. падеж стоит на третьем месте после именительного и винительного, составляя по подсчетам Йоссельсона 14,3%, Никонова — 17,4%. Высокой частотности род. падежа сопутствует его перегруженность разнообразными значениями.

Вопрос о значении род. падежа — один из наиболее сложных в учении о падежах. Одни исследователи ищут общее значение род. падежа (А. А. Шахматов, А. В. Барсов, Р. Якобсон) [2], другие, протестуя против магического воздействия

[1] См. следующие работы: Harry H. Josselson. The Russian word count. Detroit, 1953, стр. 18; Э. А. Штейнфельдт. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963, стр. 52. З. М. Волоцкая, И. Н. Шелимова, А. Л. Шумилина. Некоторые количественные данные о формах существительных и глаголов русского языка (на материале математических текстов). «Вопросы статистики речи». Л., 1958; В. Николаев. Некоторые данные о частотности употребления падежных форм в современном русском литературном языке. «Русский язык в национальной школе», 1960, № 5; В. А. Никонов, Борьба падежей. «International journal of Slavic linguistics and poetics», IV, 's-Gravenhage, 1961.

[2] А. В. Барсов. Значение и зависимость падежей и их соотношение между собою. Отд. отт. из «Филол. записок», вып. III, 1880; А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941; R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. «Travaux du cercle linguistique de Prague», VI, 1936; Он же. Морфологические наблюдения над славянским склонением. 's-Gravenhage, 1958.

отвлеченных схем, пытаются как можно точнее определить круг основных значений род. падежа, исходя из всех употребляющихся с ним сочетаний (С. П. Обнорский, В. В. Виноградов, А. В. Исаченко и др.) [3].

В задачу работы не входит разбор каждого из подходов к определению значений род. падежа [4]. Бесспорно только, что под понятие инвариантного значения в понимании Якобсона условно подгоняются весьма разнообразные контекстные значения род. падежа, которые традиционной грамматикой классифицируются как родительный определительный (родительный принадлежности, субъекта, объекта, изъяснения и т. д.); количественно-отделительный; род. падеж в причинно-целевом значении; родительный при сравнительной степени; родительный даты [5]. «Переобремененность» значениями и широкая употребительность род. падежа создают благодатную почву для проявления происходящих в нем подспудных процессов.

Исследователи давно отмечали, что при сходстве и общности процессов, происходящих в род. падеже как определенной грамматической категории, система род. мн. в отличие от род. ед. характеризуется в своем развитии особыми чертами. Процессы, связанные с противопоставлением род. падежа другим падежам, во мн. числе осложняются процессами, связанными с противопоставлением мн. числа — единственному. Так, если в формах ед. числа особенно устойчивыми оказываются родовые различители,— во множественном они теряют силу: в формах мн. числа, в том числе и в род. падеже, обнаруживается тенденция к унификации разных типов склонения [6]. С точки зрения эволюционных процессов, совершающихся в системе падежных

---

[3] С. П. Обнорский. Именное склонение в русском языке, вып. 1—2. Л., 1931; В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. I. Братислава, 1954.

[4] Существует и третий подход к изучению падежей, в частности и род. падежа: не обращаясь к определению значений, исчерпывающим образом описывают разные типы словосочетаний с падежными словоформами (см., например: Е. В. Падучева. Об описании падежной системы русского существительного. Некоторые проблемы омонимии при машинном переводе.—ВЯ, 1960, № 5).

[5] См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 175; в Академической грамматике выделяется восемь значений род. приименного и два значения род. приглагольного.

[6] «Система склонения мн. числа имен существительных, резко отличная от системы склонения ед. числа, в современном русском языке основана на гибридизации разных флексийных типов и на омонимическом уравнении их флексий» (В. В. Виноградов. О грамматической омонимии в современном русском языке. «Русский язык в школе», 1940, № 1). См. об этом также: Nicolas Durnovo. De la declinaison en grand-russe littéraire moderne. «Revue des études slaves», t. II. Paris, 1922 (раздел о формах генитива мн.); Л. А. Булаховский. Грамматическая индукция в славянском склонении. — ВЯ, 1956, № 4; 1957, № 3.

форм мн. числа и в первую очередь в род. мн., особый интерес приобретает конкуренция существующих дублетных форм: в исходе их борьбы открываются просветы в области живых тенденций, действующих в литературной речи.

В современной живой речи неустойчивыми оказываются следующие пары форм: у существительных муж. рода с основой на твердый согласный и *й*: *-ов* (*-ев*)| # (*нацменов — нацмен, микронов — микрон, комментариев — комментарий* и т. д.); у существительных ср. рода с основой на мягкий согласный: *-ьев*| *-ий* (*гнездовьев — гнездовий, копьев — копий, низовьев — низовий* и под.); у существительных ср. рода с основой на *ц*: *-(ц)*|*-ев*|#- с появлением беглого гласного перед *ц* (*полотенцев— полотенец, волоконцев — волоконец* и др.); у существительных жен. рода с основой на шипящий, мягкий и сонорный *н* или *л*: *-ей*| # *-(межей—меж, тетей—теть, простыней—простынь* и т. д.)[7].

Группа имен существительных муж. рода твердой разновидности выделяется и по сравнительной многочисленности колеблющихся слов, и по значению этого колебания в системе их склонения. В самом деле, в рядах типа

копье им. ед. | *копьев* / *копий* род. мн.

полотенце им. ед. | *полотенцев* / *полотенец* род. мн.

межа им. ед. *межей* / *меж* род. мн.

при любом исходе колебаний окончание род. мн. как грамматический различитель остается неизменным — меняется только его материальное выражение, в то время как в рядах

нацмен им. ед. | *нацменов* / *нацмен* род. мн.

микрон им. ед. | *микронов* / *микрон* род. мн.

оказывается поколебленным самый грамматический различитель, и, в случае утраты окончания *-ов*, нулевые словоформы пополняют ряды межпадежных омонимов[8]. Предполагаемый рост неразличающихся падежных форм, даже и частичных, на фоне отмеченных общих тенденций в словоизменении — «к ослаблению роли аффиксов как грамматических соединителей слов в предложении», придает своеобразную актуальность этой теме[9].

[7] К этим разрядам примыкают также слова группы Pluralia tantum типа *купатов — купат, обоев — обой, оладьев — оладий, пяльцев — пялец, будней — буден, граблей — грабель* и пр.

[8] У отмеченных слов ср. и жен. рода один из колеблющихся вариантов в род. мн. также принимает нулевую форму (*копий, меж, полотенец* и т. д.), но у них наблюдаемая нулевая форма не совпадает с формой им. ед.

[9] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 61.

Омонимические падежные формы различаются при помощи синтаксических средств, и в этом смысле как будто бы увеличение числа падежных омонимов способствует развитию элементов аналитизма. «Однако процесс развития аналитических отношений очень сложен и противоречив. Ошибочны представления о его прямолинейном течении. И рост омонимии падежных форм не всегда ведет к ослаблению роли флексий. Напротив, развитие омонимии однородных падежных форм у разных флексийных типов существительных укрепляют унифицированную систему синтетического склонения» [10].

Рост омонимичности в формах род. мн., в частности в формах существительных муж. рода, ее удельный вес и значение, так же как и направление конкретных сдвигов и смещений в формах род. мн. в современной живой речи,— это вопросы, которые пока еще ждут своего решения.

Из специальных работ, посвященных формам род. мн., известна статья Р. Якобсона «The relationship between Genitive and Plural in the Declension of Russian Nouns» («Scando-Slavica», t. III. Copenhagen, 1957). Кроме того, тема о род. мн. затрагивалась в многочисленных общих грамматических трудах и исследованиях [11]: в монографии С. П. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке» (вып. 2, 1931), В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» (вып. 2. СПб., 1915), в «Очерках по истории русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного» (М., «Наука», 1964).

В данной работе предпринята попытка ответить на некоторые из поставленных вопросов. Композиционно работа распадается на две части: первая часть — описательно-классификационная, во второй части ставится вопрос, имелись ли в форме род. мн. смещения с конца XIX — нач. XX в. до наших дней.

* * *

1. В системе падежных противопоставлений род. мн. выделяется особенностями, отличающими его от всех других падеж-

[10] В. В. Виноградов. О грамматической омонимии в современном русском языке. — Там же, стр. 3.

[11] Помимо указанных выше работ, приведу ряд других, в которых авторы в той или иной мере касались род. мн. и тех процессов, которые в нем происходили на протяжении истории: Р. Ф. Брандт. Лекции по истории русского языка. М., 1913; И. А. Ильинский. Еще раз об образовании род. падежа мн. ч. им. сущ. в сербохорватском языке. — ИОРЯС, 1914, т. 19, кн. 2, стр. 108—110; А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957; В. А. Богородицкий. Синтаксис род. падежа в русском языке. — РФВ, 1913, т. 68, № 3; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953; Р. Кошутић. Грамматика руског језика, ч. II. Пг., 1919.

ных форм. Существует отмечавшаяся многими лингвистами[12] историческая тенденция дифференцировать род. падеж мн. ч. и им. падеж ед. числа противопоставлением нулевого и ненулевого показателя. Существительные, имеющие окончание в им. ед. (*жена, воевода, окно*), имеют нулевое окончание в род. мн. (*жен, воевод, окон*) и наоборот — существительные с отрицательным окончанием в им. ед. (*мышь, стол*) имеют его в род. мн. (*стволов, мышей*). (Ср. пары разных слов, различающиеся внешне только этим противопоставлением: *прищепка — прищепок* и *прищепок — прищепков*, *жучка — жучек* и *жучок — жучков*, *прикладка — прикладок* и *прикладок — прикладков* и т. д.[13]

С противопоставлением в плане выражения Р. Якобсон связывает противопоставление по значению. В плане значения, по его мнению, род. мн. характеризуется двумя парами оппозиций,— противопоставление чисел: множественное — единственное; противопоставление падежей: родительный — именительный.

У большинства существительных, имеющих соотносительные формы ед. и мн. числа (типа *стол — столы, драма — драмы* и т. п.), форма мн. числа указывает, что подразумевается более чем одно единство, и в этом смысле по сравнению с формами ед. числа форма множественного оказывается более узкой, маркированной.

В самом деле, в выражении *чтение книги* ед. число может обозначать какую-нибудь определенную книгу (ср. *чтение этой книги*), но может иметь и родовое, более общее значение, обозначая чтение книги вообще, в том числе многих и разных (в этом значении синонимично выражению *чтение книг*). В сочетании *чтение книг* формой мн. числа в значение вносится сужающий предел, и в значении ед. числа форма *книг* не может быть употреблена.

В этих случаях, как уже говорилось, «форма мн. ч. выступает в качестве маркированного оппозита к единственному числу»[14].

Противопоставление чисел осуществляется одновременно с противопоставлением падежей. «Адноминальный сигнал генитива состоит в том, что рассматривается не вся сущность, но только её часть, или принадлежность, или только действие, подвержен-

---

[12] См.: А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957; Н. Дурново. Указ. соч.; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, ч. II. Киев, 1953; Р. Якобсон. Указ. соч.

[13] *Прищепок* (спец.) 'черенок, вставляемый в прищеп, привой'. *Прикладка* принятие необходимого для прицепливания положения'; *прикладок* (обл.) 'небольшой стог, скирда'.

[14] См.: Р. Якобсон. Указ. соч.

ное влиянию этой сущности... (см. примеры: *сколько драм, почитал драм, насмотрелся драм* и т. д.). Номинатив — немаркированный падеж, и генитив противопоставляется этому нулевому падежу одной единственной пометой: генитив является совершенно количественным падежом»[15]. Якобсон представил рассмотренные соотношения в схеме, где маркированные члены помечены плюсом, немаркированные — минусом.

Род.	Мн.
+	+
—	—
Им.	Ед.

В род. мн. как падеж, так и число количественны. Различие между немаркированными соответствиями и этими двойными количествами осуществляется как правило при помощи нулевого показателя в одном из членов пар. Эта особенность, выделяющая род мн. из всех прочих падежей, имеет силу строгого закона [16].

Однако существуют группы исключений, в которых установленное соответствие не выдерживается. Во-первых, это пары существительных, в которых оба падежа имеют положительную флексию: *плечико — плечиков, очко — очков, облако — облаков, поле — полей, юноша — юношей, платье — платьев, ноздря — ноздрей, двойня — двойней, левша — левшей, ханжа — ханжей, лыжня — лыжней, нюня — нюней, межа — межей* и т. д.

Другую группу исключений составляют ряды слов, в которых оба члена оппозиции имеют нулевую флексию. Якобсон насчитывает их около 20 (в современной живой речи слов этой группы набирается до двухсот — см. ниже) [17]. Вторая группа слов-исключений обращает на себя внимание полным отсутствием формального различителя им. ед. и род. мн. Почему у этих слов не возникала необходимость их отличать?

Прежде чем рассмотреть материал с этой стороны, следует четко очертить круг указанных слов в современном литературном языке.

---

[15] См.: Р. Якобсон. Указ. соч.

[16] В древнерусском языке старшего периода флексия *-ов* интенсивно и быстро распространилась в им. муж. рода именно благодаря действующей «тенденции сообщить форме примету, отличающую ее от им. падежа ед. числа» (Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, ч. II, стр. 134). Подробно этот процесс излагается в диссертации Е. П. Гарбузовой «Из истории именного склонения в русском языке (История некоторых форм древних основ в памятниках письменности XV — XVII вв.)». Л., 1958.

[17] В пример приводятся слова, обычно отмечаемые во всех грамматиках: *аршин, солдат, турок, глаз, чулок.*

2. Ряды слов, принимающих нулевую флексию в им. ед. и в род. мн., в современном языке подразделяются на две основные группы.

1) Пары словоформ, у которых различительную функцию выполняет ударение или суффиксы единичности. *-ин* — [*-анин* (*-янин*) — *-ан* (*-ян*), *-чанин* — *-чан* и др.], *-онок* (*-енок*) — *-ат* (*-ят*): *во́лос — воло́с, господин — господ, пуританин — пуритан, октябренок — октябрят* и др.

По обратному словарю Бильфельдта [18], суффиксальных образований такого рода сравнительно немного: с суффиксом *-ин* насчитывается 78 слов, с суффиксом *-онок* (*-енок*) — 68.

2) Пары словоформ, у которых формы им. ед. и род. мн. омонимичны, внешне не различимы (см., например, новые слова, которые в род. мн. приняли или способны принять нулевую флексию: *нацмен, вольт, рентген, кед, гольф* в значении 'носки, чулки до колен', *троллей* и т. д.).

У большинства слов этого ряда в форме род. мн. выступает «чистая» основа (термин С. П. Обнорского). Особую переходную подгруппу составляют слова с опрощенной основой, у которых этимологически восстанавливаются суффиксы единичности (*грузин, имеретин, лезгин, осетин, тушин* и др.), и слова, у которых конец основы по звучанию совпадает с окончанием основы у слов, имеющих суффиксы единичности и принимающих в род. мн. нулевую флексию (*алан, нганасан как англичан*; *бесермян как армян*; *авар, балкар как болгар* и т. д.).

У многих из этих слов нулевая форма в род. мн. в современном литературном языке рекомендована Академической грамматикой и словарями. В утверждении этой формы внешнее сходство окончания основы в род. мн. со словами, у которых в им. ед. имеется в качестве различителя форм суффикс единичности, сыграло решающую роль: благодаря сходству со словами первого разряда они подвергались воздействию аналогии в первую очередь.

В современной живой и письменной речи насчитывается около 200 слов с омонимичными формами им. ед. и род. мн. Взятая в абсолютной величине, эта цифра не кажется мизерной. Тем не менее в отношении к числу аналогичных существительных, имеющих в род. мн. окончание *-ов*, процент имен муж. рода с нулевой флексией сравнительно мал. Подсчитанная по 11 томам Словаря современного литературного языка (от А до П включительно) доля существительных с нулевой флексией по отношению к существительным с окончанием *-ов* составила немногим более 4% (отношение 66 существительных муж. рода, имеющих нуль флексии или колеблющихся в форме род. мн., к 1503 существи-

[18] H. H. Bielfeldt. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache. Berlin, 1958.

тельным муж. рода, имеющим окончание — *ов*) [19]. Даже увеличенная за счет материала живой речи, в которой нулевая форма род. мн. представлена гораздо шире, чем это отражено в современных словарях и грамматиках, вычисленная доля существительных, способных принимать флексию, не превысит и 10%.

Факт сам по себе примечательный: статистически более весомые формы не могут помешать существованию и даже известной активизации форм немногочисленных, но цепких в силу определенных внутренних и внешних обстоятельств.

Слова с нулевой флексией в им. ед. и род. мн. в современном литературном языке не выходят за пределы узких лексико-семантических разрядов. Именно на этой семантической основе нулевые формы род. мн. классифицируются современными грамматиками (см.: «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953; «Современный русский язык». Морфология. М., 1952; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка. Морфология, т. I, 1954).

По лексико-семантическому признаку выделяются следующие ряды слов [20].

а) Названия лиц по принадлежности к национальным, социальным, религиозным или иным группам [21].

Абазин (нулевая форма рекомендована Академической грамматикой и Словарем современного русского литературного языка) [22]; *авар, айсор:* — И я, будь я в то время в Персии, встрял бы в эту драку на сторону *айсор* (В. Шкловский, Сентиментальное путешествие). Там же отмечена и форма *айсоров*: Для *айсоров* персы, как масло для ножа; *алдар, алеут* (ССРЛЯ допускает обе формы — с окончанием и без него); *балкар* (Академическая грамматика и ССРЛЯ рекомендуют нулевую форму); *башкир* (рекомендована Академической грамматикой и современными словарями). Форма *башкиров* отмечена на рубеже XIX и XX вв.: Теперь у *башкиров* мало замечают их прежнего

---

[19] В подсчет существительных с нулем флексии в род. мн. включены все слова, у которых нулевая флексия приводится в словаре (типа *баклажан, кадет, партизан*); кроме того, в этот список включались также встретившиеся слова, у которых нулевая форма в род. мн. хотя и не указана, но зафиксирована в письменной или устной речи (типа *гренадер, апельсин, монгол* и т. д.). Чтобы осуществить равноправные условия для сопоставления словоформ с окончанием *-ов* (*-ев*) и без него, в подсчет существительных с окончанием *-ов* (*-ев*) включались слова, у которых теоретически возможна нулевая форма. Не учитывались имена муж. рода с суффиксами *-изм, -ец, -ист, -ик* (*-чик, -щик, -ник* и пр.) и некоторыми другими. Не подсчитывались также слова муж. рода, не имеющие обычных соотносительных форм мн. числа (типа *вокализм, лук, прогресс* и т. д.). Не учитывались слова, помеченные как устарелые.

[20] Разряды расположены в порядке убывающей многочисленности групп слов.

[21] В списке отмечены слова, которые хоть однажды зафиксированы с нулевой формой в род. мн.

[22] Далее сокращенно: ССРЛЯ.

воинственного духа; они стали покорны, услужливы, послушны («Народы и промыслы России». М., 1897); *бурят* (форма рекомендуется словарями и Академической грамматикой), форма *бурятов* зафиксирована в конце XIX в., но см. и в XX в.: Встречаем мы также на шахтах дербетов, ... торгоутов, *бурятов* («Правда», 10 июля 1954 г.); *бедуин*: В главе о внутриплеменных отношениях диссертант..., показал наличие имущественного расслоения в среде *бедуин* («Советская этнография», 1948, № 4); *бесермен, бельтыр*: В представлениях инородцев Минусинского и Ачинского округов (качинцев, сагаев, *бельтыр*, кайбалов и кизильцев) это — внешний знак какого-нибудь божества, ...которого надо умилостивлять жертвами («Этногр. обозрение». 1892, № 3); *брамин, волоф*: Уже долгие годы в Дакаре все население учится говорить на языке численно самой большой группы *волоф*, и благодаря этому культура *волоф* сделалась национальной культурой всего Сенегала («За рубежом», 1961, № 7); *вогул, гагауз, гиляк* (зафиксирована в конце XIX в.): шаманство у *гиляк*, обычаи у *гиляк* («Этногр. обозрение», 1890, № 3 и 4); *грузин — грузинов*: Для лиц этой категории, для учителей из немцев, поляков, евреев, армян, *грузинов* и т. п., вопрос о хорошем словаре то же самое, что вопрос о хорошем орудии для ремесленника («Записка»... И. Х. Пахмана,— «Сборник ОРЯС», т. XVII, № 1); *гусляр:* Спустя 2 недели после нескольких новых пирушек, брат жениха или сам отец собирает свою родню и выбирает человек 10 или 30 поезжан и в заключение музыкантов: пузырщиков, *гусляр* и барабанщиков («Народы России», СПб., 1881); *имеретин* (нулевая форма рекомендована ССРЛЯ); *ительмен, кайбал*: Некоторые источники имеют значительный интерес... и касаются айнов, гиляков, *кайбал* и т. д. («Этногр. обозрение», 1892, № 3); *карагас, каракиргиз, карел* (Словарь допускает обе формы — *карел* и *карелов*); *картвел* (нулевая форма рекомендована ССРЛЯ); *киргиз:* На всю область, то есть на полтора миллиона населения — *киргиз* приходится 75% (Фурманов, Мятеж; форма широко распространилась в конце XIX—20-х годах XX в.); *куртин, кунгур, кюрин* (рекомендовано ССРЛЯ); *лезгин* (рекомендовано ССРЛЯ); *литвин*, чаще *литвинов*; *мадьяр* (форма рекомендована ССРЛЯ); *маньчжур, мегрел, мингрел, монгол*: Про *монгол* он не слышал— они вместе с *киргизами* укочевали в степь (Вс. Иванов, Возвращение Будды); *нацмен, осетин, осман, орочон* (рекомендовано ССРЛЯ), форма *орочонов* отмечена в «Этногр. обозрении» 1892, № 3; *румын, салар* (там же, 1893, № 1) и *саларов* (там же), *сарт*: [Известия] о совместной жизни *сарт* и русских (там же, 1890, № 4); *сванет, сойот*: Язык *сойот*, по Кастрену, самоедский, по мнению же Катанова, он близок к уйгурскому (там же, 1905, № 1). Форма *сайотов* зарегистрирована в «Этногр. обозрении», 1891, № 2; *старожил, туркмен* (рекомендуется Академической

грамматикой и ССРЛЯ); *тушин* («Этногр. обозрение», 1901, № 1; «Народы России», СПб., 1880); *турок*, но встречается и форма *турков*: Если звероловство, в частности, облавные охоты, для монгольских племен в древности были основным занятием, то *турков* мы издревле знаем как скотоводов («Советская этнография», 1931, № 3—4); Как у *турков*, так и монголов все население делилось на две, ничего общего между собой не имевшие и неравные части (там же, 1934, № 3—5); *хевсур*: У *хевсур* (кавказского народа) брат похищенной девушки, двоюродные братья и соседи влезают на крышу похитителей и остаются там до тех пор, пока похититель с ними не помирится («Этногр. обозрение», 1899, № 1—2; 1901, № 1); *цыган*, форма цыганов отмечена в диалогической речи; *хорват*, *черкес*, *черемис* (нулевая форма преобладала в конце XIX — нач. XX в.); *юкагир:* Перепись... уменьшила численность *юкагир* («Советская этнография», 1933, № 3—6); *якут*: На крайнем севере границы *якут* доходят до устья рек («Народы России», т. II).

б) Названия мер, веса, разнообразных единиц измерения: *алтын*, *ангстрем*: Оказалось, что они [молекулы нуклеиновых кислот], как и все клетки растений и животных, имеют оболочку толщиной до 100 *ангстрем* («Неделя», 1962, № 15); *ампер*, *аршин*, *бит*; *БЭВ*: Так как антипротон в 10 раз тяжелее мезона, то и пороговая энергия его «рождения» много больше. Она оказывается равной примерно 6 млрд. *эв* или 66 *БЭВ* (В. П. Орлов, Малые ускорители); *ватт*, *вольт*, *вольтампер*, *гаусс*: Удерживающее поле равно 50 тыс. *гаусс*, при этом затрачивается мощность в 150 тыс. *квт* («Техника — молодежи», 1961, № 12); *гектар:* Больше техники — легче работать! Арифметика очень простая. Это значит: Поднять миллионы *гектар* целины («Веч. Москва», 26 февр. 1955 г.); *гектоватт*, *гектограмм*, *герц*, *гильберт*, *грамм*, *гран*, *дециграмм*, *дюйм*: Якорь динамо манчестерского типа имеет диаметр около 2 *дюйм* («Электричество и жизнь», 1916, № 11); *киловатт*, *киловольт*, *килограмм*, *кулон*, *люкс*, *максвелл*, *мегаэрг*, *мегагерц*, *мегом*, *микроампер*, *микрон*, *миллиампер*, *миллиграмм*, *миллимикрон*, *миллибар*, *мульд*: Для загрузки ее [мартеновской печи] неподготовленным металлическим ломом в количестве 68 *мульд* затрачивается 68 минут («Экономическая газета», 19 мая 1961 г.); *ньютон*, *ом*, *рад*, *радион*, *рентген*: В штате Юта уже действует такая установка, «просвечивающая» запечатанные консервные банки гамма-лучами в количестве нескольких сотен тысяч *рентген* (В. И. Орлов, Малые ускорители); *сантим:* Пулеметчик сибиряк, сидевший рядом, медленно нудно тянул:— Десять *сантим* есть, ножницы есть, бритву возьму продам... (Н. Степной, Записки ополченца); *эрстед*, *эрг*, *электроновольт*, *эман*, *ярд*, *фут*: Мачта... [выдвинута] на высоту 60 *фут* в 5 минут («Электричество», 1917, № 162; 1916, № 1; «Электричество и жизнь», 1916, № 4); *фунт*: Снаряд в 15 дюймов, весом в

320 *фунт*, помещен в одном из орудий («Электричество», 1888, № 7) [23].

в) Названия овощей, плодов, вообще названий пищи, обозначающие единичные предметы, обычно измеряемые массами: *абрикос* (форма отмечена в устной речи), *апельсин*: Вскипятить 3 стакана воды с $1^1/_2$ стаканом сахара и цедрой с двух *апельсин* (Поваренная книга, Рига, 1932); *артишок*, *баклажан*: Весной 1954 г. надо произвести посадку капусты, помидоров, синих *баклажан* квадратно-гнездовым способом (Н. С. Хрущев, О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР; ССРЛЯ допускает обе формы — нулевую и с *-ов*). Зарегистрированы также формы с *-ов*: Плоды *баклажанов* имеют различную форму: шаровидную, овальную, цилиндрическую (Н. Д. Куденцов, Товароведение для кулинаров. М., 1955, ч. II); *банан* (форма отмечена в устной речи); *бергамот*, *гранат*: Здесь мы немного задержались, чтобы купить на базаре сочных *гранат* и утолить жажду (Туров, Очерки охотника-натуралиста); *корнишон*: ...Взять... маринованных грибов 150 гр., оливок и *корнишон* по 1 маленькой банке (Поваренная книга, Рига, 1932, стр. 38); *мандарин*: На днях высылаю Вам почтой два ящика *мандарин* (из письма Есенина Г. А. Бениславской от 17/XII 1924 г.); *патиссон*; *помидор*: Сквозь щели... был виден заброшенный огород с гнилыми стеблями подсолнуха и *помидор* (А. Н. Толстой, Хлеб); *томат*: прибавить цветной капусты, моркови, зеленых *томат*, огурчиков, все это, кроме огурчиков, отварить в соленой воде (Поваренная книга, 1932); *шампиньон*: Выдать 6—8 штук крупных ершей, $^1/_8$ клгр. масла, $^1/_8$ клгр. *шампиньон* (там же); *фрукт:* Треть комнаты занимал стол, нагруженный бутылками, разноцветным стеклом рюмок и бокалов, вазами цветов и *фрукт* (М. Горький, Дело Артамоновых: форма отмечена также в устной речи); *цукат*: В крем... прибавить миндаля шинкованного, резанных фисташек, резанных *цукат* и изюма (Поваренная книга, 1932).

г) Названия лиц по принадлежности к воинским соединениям. В современной речи многие из слов этой группы ушли в пассивный запас, и примеры употребления нулевых форм у большинства из них относятся к XIX в.: *гардемарин, гренадер, гусар, драгун, кадет*: С тех пор он [М. А. Муравьев] начинает путаться между различными политическими партиями и то делает предложение Милюкову о передаче в распоряжение *кадет* военно-революционных групп, будто бы им организован-

[23] В конце XIX — нач. XX в. отмечена архаическая форма *пуд*: Один, именем Барулин, которого здесь и погребли, на медное било расщедрился, плиту в семнадцать *пуд*; в нее и били, благовествуя праздники или часы отдохновенья (Л. Леонов, Сотъ); Хотел вскочить Пахомка и развалить голову старосте, а топор — в десять *пуд*, рука к нему приросла, не шевельнется (Серафимович, Степь и море); Вес батарей типа А и Б около 10 *пуд*, типа В около 3 *пуд* («Электричество», 1888, № 1—2).

ных, то забегает к эсерам (В. А. Антонов-Овсеенко, Записки о гражданской войне); *канонир, кирасир, партизан, рекрут, санитар* (форма отмечена в устной речи); *сапер*: Когда-нибудь поэт напишет замечательную поэму о мужестве советских *сапер* (И. Эренбург, По дорогам войны); При высылке передовых охраняющих частей к ним выделяется достаточное число инженерных частей соответствующих специальностей (понтонеров, *сапер*-маскировщиков и пр.) (Полевой устав РККА, § 385).

д) Названия парных предметов.

Ботинок, ботфорт: Вошел высокий человек с портфелем, весь в желтой коже, от картуза до *ботфорт* (Ф. Гладков, Цемент); *бот, бутс, валенок, глаз, гольф* в значении 'короткие чулки до колен' (форма отмечена в устной речи, объявлениях в магазинах: *гольф нет*); *кед, краг*: От высоких английских *краг* завоняло дегтем (М. Шолохов, Рассказы); *лампас, манжет, мокасин, носок*: Его собеседник с недоумением увидел, что господин Б. без *носок* (В. Иванов, Похождения факира); *пим, погон, пьекс*: ...На снегу чернели загнутые носки *пьекс* (Л. Леонов, Скутаревский); *сандалет, рог*: ...Перекрестил палку под столом и... хлопнул чорта промеж *рог* («Смехач», 1928, № 10); *рожек* (у животных), тогда как у непарного — *рожков* (трубка, музыкальный инструмент), *сапог*; в художественной литературе конца XIX в. и у писателей старшего поколения XX в. форму *сапогов* можно встретить в авторском тексте: Около его новых *сапогов* с блестящими подковами темнели две лужи от растаявшего снега (А. Чехов, Воры); Ремингтоны по-прежнему сыплют сухой горох, носится шопот, слышится кашель... звук отодвигаемого стула, скрип *сапогов* (С. Серафимович, Рассказы); *чувяк, чулок*, но «синих *чулков*»; однако форму *чулков* встречаем в начале XX в. даже у таких писателей, как М. Горький, К. Федин, А. Толстой: Смешно сказать — послы. Всей Европе известно — ни на одном шелковых *чулков* нет. Прожились, одним горохом питаются (А. Толстой, Петр I); *сандалий*: И кругом стук от *сандалий* по Херсону (В. Шкловский, Сентиментальное путешествие); *шаровар, штиблет*;— Знаете, мне не жалко тех *штиблет* (Л. Леонов, Скутаревский); *шпор, эполет*.

Кроме того, форма род. мн. колеблется[24] в группе имен Pluralia tantum или близких к ним существительных, обычно не

---

[24] Нулевая форма закрепилась как архаичная в поэтических текстах или цитатах, ведущих происхождение из церковнославянского языка, в пословицах — *Бодливой корове бог рог не дает; игра не стоит свеч.*

Форма род. мн. колеблется также у существительных с твердой основой, испытывающих колебания в муж. и жен. роде и, следовательно, неустойчивых и в форме им. ед., и в форме род. мн. По 11 томам Словаря совр. лит. яз. подобных слов насчитывается не менее 40, например: *багет — багета, квант — кванта, маниок — маниока* и т. д.

употребляющихся в форме ед. числа: *обой*: С угла свисает профиль строгий Неотразимого судьбой. Недвижно вычерчены ноги На тонком кружеве *обой* (А. Белый, Урна); *очок*: Даешь борьбу! И мы заставили Греметь и биться каждый слог. Мы Маяковскому поставили Пятьсот *очок* (А. Безыменский, Комсомолия); *нерв*:... Но вот находятся люди, которые берутся за какие-нибудь гроши... провести вас по этой стране чудес, ... где в руинах древних замков живут невидимые силы ... и люди без *нерв* («Смехач», 1928, № 10); *счет*: ...И вот Работу снарядных цехов И стрельбища полигона Короткий английский палец Разнес по костяшкам счет (Дм. Кедрин, Джентльмены: форма отмечена также в устной речи); *комментарий* (в устной речи); *трофей*: С полком пехоты мы забрались Колчаку в тыл и ... забрали много *трофей* (С. Мирер и В. Боровик, Устные рассказы Уральского рабочего о гражданской войне); *треф* (обозначение картежной масти «трефы»): Солдаты играют в карты и ... продолжают играть. Не отрываются от своих *треф и бубен* (К. Чуковский, Англия накануне победы) и мн. др.

Нулевую форму в род. мн. принимают также географические наименования, употребляющиеся только в форме мн. числа: *Кордильер, Териок, Выселок, Серагоз, Бендер, Люберец* и т. д. Например: Вдруг ребята оживились:— Из *Люберец!* Это там, где учился Юрий Гагарин!— Да, он даже работал у нас в литейном цехе («Техника — молодежи», 1961, № 7).

Семантическое основание классификации нулевых форм род. мн. ведет происхождение из работы С. П. Обнорского. В его исследовании лексико-семантический принцип — зависимость флексии от значения существительного — выдвинут как основной. С. П. Обнорский считает, что нулевые формы, архаичные по происхождению, закрепились в языке и дожили до нашего времени на почве дифференциации, в связи с зародившимся в языке «началом семантического порядка». Преимущественное употребление нулевых форм относится «к выражению чистой множественности, все они находятся в положении после числительных» [25].

Материал показывает, что и в современном литературном языке случаи появления нулевых форм после числительных или количественных наречий и местоимений относятся к наиболее частотным.

Однако в письменной и устной речи есть множество примеров, когда нулевая форма встречается и не при счете, и не после числительных — вообще не только в количественно-отделительном значении, но и в определительных значениях, и в при-

[25] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., 1931, стр. 161. См. аналогичное замечание на стр. 167.

чинно-целевом значении с предлогами *из-за*, *для*, и при формах сравнительной степени, и при отрицании, т. е. в самых разнообразных значениях родительного падежа (разумеется, кроме род. даты). Например[26]: *исторические судьбы карел*, *показания ампер, компот из апельсин, вкуснее мандарин* и т. д.[27]

Перечень можно было бы продолжить, но приведенных примеров, видимо, достаточно, чтобы убедиться, что нулевая форма в род. мн. употребляется не только для выражения количественно-отделительного значения.

По материалу, казалось бы, положение после числительных не имеет к нулевой форме прямого отношения. Тем не менее, по-видимому, С. П. Обнорский был прав, когда связывал нулевую флексию с понятием «чистой множественности», если подразумевать под этим не столько положение после числительных, сколько особенности в семантике и функционировании выделенных слов.

Голая лексико-семантическая классификация, удобная при описании материала, не дает возможности уловить основные

---

[26] Некоторые источники и контексты, в которых зафиксированы эти формы: Исторические судьбы бывших Тверских *карел*, ныне *карел* Московской области, являют довольно яркий пример политического и экономического угнетения и бесправия («Советская этнография», 1931, № 3—4); В настоящее время работа направлена не только на изучение прошлого *нацмен*, но равным образом на изучение современного состояния экономики и быта *нацмен*... (там же); Многочисленные русские заимствования представляют речь деятелей и других *нацмен*, в том числе немцев Поволжья и *румын* Бессарабии (А. Селищев, Язык революционной эпохи); мещане превысили цену на ситец, тюбетейки *киргиз* еще сильнее замаслились от ножа (Вс. Иванов, Пустыня Тууб-Коя); Кочевников (вроде *киргиз*, калмыков и татар) никакие силы не удерживают на оседлых поселениях, и стремление в степь, на свою волю, у них едва ли не сильнее горской тоски (С. В. Максимов, Собр. соч., т. I); история знает много таких кровавых схваток; в частности, это имело место из-за Камского и Нижнеудинского уезда, когда Красноярские и Енисейские казаки передрались из-за сбора ясака с *бурят* и *карагас* (М. Е. Золотарев, Я. Н. Ходунин, Карагасия. Иркутск, 1926); Она продает гранаты и уверяет, что таких *гранат*, как у нее, не найти во всем Тунисе (Э. Бюрнэ, Вдали от России).

[27] По понятиям *якут* об эпидемии — это злые духи, являющиеся в виде безобразной русской старухи («Этногр. обозрение», 1901, № 4); Другой путешественник — Петр Симон Паллас — дает любопытное место относительно обрусевших *вогул* на реке Туре, носивших с собой на охоту божков-покровителей (там же, 1904, № 4); Мужчина считается у *гагауз* совершеннолетним на 18-м году (там же, 1901, № 1); Род служит для *киргиз* прибежищем во всех несчастьях и бедах («Народы России», СПб., 1880); Рассказанное слушал от самих *черемис* («Этногр. обозрение», 1894, № 3); Это [т. е. правильная работа приборов] достигается точным регулированием положения электродов, которое... производится, следуя показаниям *ампер*... («Электричество», 1905, № 4); Разности длин полуволн выражаются десятичными знаками (от метров) так же, как разности потенциалов (от *вольт*) по определению Айртона и Перри («Электричество», 1891, № 5); Есть еще способ определения конца разряда: это способ постоянной мощности — батареи, т. е. постоянных *ватт* (там же, 1902, № 2).

черты, определившие употребительность у этих слов особой формы род. мн.: нулевая форма как бы рассыпается по выделяемым разрядам слов, теряется стержень, объединяющий эти слова и отделяющий их от множества других. В поисках определяющих признаков (семантических и грамматических) более плодотворным кажется подход Р. Якобсона.

Рассмотрим материал со стороны употребления у этих слов форм множественного — единственного, родительного — именительного. Соотношение им. ед. и род. мн. у слов типа: один *вольт*/двести *вольт*; этот *помидор*/полкило *помидор*; высокий *черемис*/толпа *черемис*; один *носок*/нет *носок* — кажется иным, чем у слов типа *стол*/*столов*, *мальчик*/*мальчиков*, *дом*/*домов* и т. д.

Как известно, соотношение форм ед. и мн. числа у разных групп существительных может быть разнохарактерным. У существительных типа *стол*/*столы*, *мальчик*/*мальчики* соотношение форм ед. и мн. числа стандартно, т. е. формой ед. числа обычно обозначается один предмет, формой мн. числа — раздельное множество. При этом только форма ед. числа может иметь значение, безотносительное к числу. Например, в предложении *Им для работы нужен стол, стул и чернила* форма *стол* может обозначать и один стол, и много столов; форма же мн. числа не имеет такого общего не связанного с числом значения.

У некоторых разрядов слов соотношение форм единственного и множественного является иным: форма мн. числа помимо специально числового может иметь и часто имеет общее значение, тогда как форма ед. числа передает только значение единичности и в общем значении, как правило, не употребляется. Таково, например, соотношение форм ед. и мн. в паре *ягода — ягоды*, где маркированной оказывается форма ед., а не мн. числа[28].

К парам существительных с обратной маркированностью принадлежат все ряды слов, принимающих в род. мн. нулевую флексию: в качестве обобщенной, «не указанной» у них выступает форма мн. числа, а не форма ед. числа.

«В шумной фантасмагории дакарской ночи вокруг одних и тех же огней смешиваются представители различных этнических групп: *волофы*, *сереры*, *тукулеры*, *мандинго*, *сараколе*» («За рубежом», 1961, № 7). Здесь форма мн. числа используется не для указания множественности, а как общая форма, принятая для называния национальностей вообще, безотносительно к тому, обозначен ли в данный момент один представитель национальности или множество их; признак множественности в данном случае нейтрализован. Не случайно в словарях в качестве исходной для названия национальных или этнических групп

[28] См. об этом подробнее в проспекте «Русский язык и советское общество», стр. 62.

приводится форма мн. числа. Аналогичное отношение форм мн. и ед. числа наблюдается и в группе существительных — единиц измерения (ср.: Напряжение электрического тока измеряется *вольтами*), и в группе названий плодов (ср.: *Мандарины* ей нравились больше *апельсин*), и в группе названий парных предметов (*Кеды* — разновидность спортивной обуви) и т. д.

Формы ед. и мн. числа служат у этих имен не для выражения отношений единственного и множественного — наиболее типично для них соотношение единичного и собирательного; во мн. числе исчисляемые единичные предметы или лица предстают в обобщенном множестве, в массе. Интересны факты отталкивания омонимичных форм, зарегистрированные орфоэпическим словарем. Если *аршин* обозначает мерную линейку, то соотношение форм им. ед. и род. мн. идет по обычной модели: Складной *аршин*/несколько деревянных *аршинов*. Но у слова *аршин* в качестве меры длины в род. мн. для передачи массифицированного значения утвердилась нулевая форма: Один *аршин* полотна/Отрезать несколько *аршин* полотна.

Как показывает обзор рядов слов с нулевой флексией в род. мн., по значению форм мн. числа все существительные этих рядов тяготеют в группу Pluralia tantum. В речевом потоке это выражается в том, что форма мн. числа, в частности форма род. мн., у них оказывается наиболее частотной, преобладающей. Проверка показала, что для некоторых из этих рядов вероятность встретить форму ед. числа на 1000 падежных форм ничтожна. Так, форма ед. числа у электрических единиц измерения в журнале «Электричество» встретилась 23 раза на 1000 форм; в потоке устной речи для слов типа *помидор*, *банан*, *гранат*, *апельсин* и пр. форма ед. числа отмечена 11 раз на 1000 форм (подсчет форм производился в разных магазинах г. Москвы, где вероятность услышать форму род. мн. оказывалась наибольшей).

Несколько выше частотность форм ед. числа у названий национальностей. Тем не менее и у них частотность форм род. мн. намного выше средней частотности форм род. мн. у всех разрядов существительных в подсчетах Йоссельсона и авторов группы машинного перевода [29].

Таким образом, если возвратиться к схеме чисел Р. Якобсона, то для данных разрядов слов и по значению форм мн. числа и по их употреблению знаки маркированности следует поменять местами:

+	—
Единств.	Множеств.

[29] См. сноску 1 на стр. 181.

Преимущественная употребительность форм мн. числа обусловила первостепенное значение формы род. мн. для этих слов: в силу малоупотребительности или почти полного отсутствия формы им. ед., род. мн.— это единственный падеж, по которому определяются родовые признаки слова и его принадлежность к определенному типу склонения. У многих из этих слов форма им. ед. оказывается производной от формы род. мн. Например, слово *пьексы* (из финск. pieksu 'обувь с загнутыми носками для ходьбы на лыжах') во мн. склоняется как *террасы:* в род. мн. по аналогии с другими словами из семантического ряда слов, обозначающих «парные» предметы, в частности обувь, у него утвердилась нулевая форма. Во всех современных словарях русского языка это слово приводится только в форме мн. числа, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова имеется специальная помета, что формы им. ед. у этого слова нет. Но в Словаре современного русского литературного языка возникла необходимость указать форму им. ед. Исходя из стандартного соотношения форм род. мн.— им. ед., авторы искусственно образовали форму *пьекса* (от формы род. мн.). Естественно, что в живой речи это слово колебалось бы и в форме им. ед. и в роде точно так же, как колеблется большинство слов группы «парных» предметов: *бот — бота, кед — кеда, ботфорт — бортфорта, манжет — манжета, сандалет — сандалета, штиблет — штиблета* и т. д.

Итак, преимущественная употребительность форм мн. числа у этих рядов слов повысила роль род. падежа: из всех форм мн. числа только род. падеж может использоваться как опознавательный при определении рода и типа склонения. Род. мн. оказался функционально более значительным, чем им. ед.[30]

Слабость противопоставления им. ед. и род. мн. и перевес род. мн. создали возможность упразднения различительного

---

[30] Интересно, что эта его черта может стихийно осознаваться говорящими в самой фантастической форме. Известен случай, когда варианты форм род. мн. были использованы антропологом и этнографом неким Троновым для обозначения разных племенных групп, что дало повод к насмешкам со стороны рецензента. Рецензент писал: «Образчик исследований г. Тронова «Материалы по антропологии и этнологии киргиз» находим на стр. 7: «Головной указатель у *киргиз* мужчин=89,3, у женщин=84,3. Отношение это больше отношения у *киргизов,* где оно равно у мужчин — 88,8, у женщин — 84,6» или, иначе говоря, есть, с одной стороны, киргизы, которые имеют род. пад. *киргиз,* — у них головной указатель 89, 3, — есть, с другой стороны, киргизы, имеющие род. пад. *киргизов* — у них головной указатель 88,8. Уверены, что ни один антрополог, кроме разве самого г. Тронова, ничего тут не поймет. Очень может быть, что г. Тронов делает в антропологии величайшее открытие, найдя зависимость между головными указателями и родительными падежами; в таком случае он, имея перед глазами многочисленные факты из истории, может утешать себя мыслью, что открытие его, не признанное современниками, найдет себе достойную оценку в потомстве» («Этногр. обозрение», 1892, № 3).

показателя[31]. (Ср. мысль Р. Якобсона о том, что немаркированный член оппозиции отмечается в языке нулевой формой).

Очевидно, что соотношение им. ед. и род. мн. у выделенных семантических разрядов слов отличалось указанными особенностями и в прошлые времена. Перечень колеблющихся словоформ, приводимый в «Очерках»[32], примерно совпадает с аналогичным списком в XX в. (по выделенным семантическим разрядам; об отличиях см. ниже); авторы указывают, что в течение XIX в. колебания держатся стабильно, не обнаруживая тенденции ни к росту, ни к упадку.

* * *

Сравнение перечня нулевых словоформ род. мн., зарегистрированных в XX в. (см. стр. 188—192), с аналогичным списком в XIX в.[33] дает возможность установить наиболее значительные перемены в составе лексем, принявших в род. мн. нулевую флексию:

1) В конце XIX — в XX в. ряды этих слов пополнились новыми существительными — единицами измерения[34].

2) К XX в. перешли в пассивный запас или почти исчезли архаичные нулевые формы у слов, церковнославянских по происхождению, употреблявшихся в религиозной литературе, произведениях высокого жанра или в поэтической речи (типа: в день святых *апостол*: против *чертог* царских; *гад* морских подводный ход и т. д.)[35]. В наши дни немногие формы этого типа изредка употребляются в поэтической речи. В остальном списки варьирующихся форм по лексико-семантическим разрядам в XIX и XX в. совпадают.

Помимо изменений в составе слов можно предполагать сдвиги в употреблении форм род. мн. в XX в. у тех слов, которые

---

[31] Существовавшая как возможность указанная тенденция поддерживалась и направлялась более общими, глубинными процессами, происходящими как в системе род. падежа, так и в именном склонении в целом. Так, имеет место и в род. ед. и в род. мн. отмеченная С. П. Обнорским и В. В. Виноградовым тенденция к дифференциации собственно родительного и количественно-отделительного падежа (В. В. Виноградов. Русский язык. М. — Л., 1947, стр. 173—175). Выше отмечалось действие тенденции к унификации родовых различий в падежных окончаниях мн. числа, в том числе в род. мн. Отчасти с этим связан углубляющийся разрыв между формами ед. и мн. числа (Н. Н. Дурново, А. В. Исаченко).

[32] «Очерки по истории русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., Издво «Наука», 1964, стр. 241.

[33] Наиболее полный список приведен в работе С. П. Обнорского и в цитированных «Очерках по истории русского литературного языка XIX в.».

[34] История появления нулевой формы род. мн. у единиц измерения рассмотрена в отдельной статье.

[35] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., 1931, стр. 152—154.

испытывали колебания и в XIX в. Очевидно, история употребления или существования форм в речи требует специальных приемов изучения. «Раритетный» метод собирания и представления материала не может служить средством решения этой задачи. Объект изучения заставляет учитывать не только редкие факты отклонения, но прежде всего факты массового порядка, представленные в организованной и строгой последовательности. Наиболее эффективным в этом отношении представляется статистический метод. Он дает возможность охватить массовые факты, объективно представить их в виде чисел и снять близкую к истине копию сдвигов в употреблении конкурирующих форм за короткое время[36].

Заведомо известно, что наблюденные числовые соотношения лишь приблизительно могут быть равны действительным соотношениям, истинной вероятности событий. Динамику колебаний форм приходится характеризовать по ограниченным статистическим показателям и лишь с известной мерой точности. При этом не все факты в одинаковой степени доступны подсчету. Из выделенных семантических групп удалось сосчитать в определенных видах письменной и устной речи названия лиц по принадлежности к национальностям, единицы измерения, названия овощей и плодов.

В данной работе приводятся результаты подсчетов по названиям национальностей в письменных источниках.

Для подсчета и количественного сопоставления названий национальностей по двум синхронным срезам привлечены однородные сквозные издания, в которых частотность этих слов казалась более значительной по сравнению с другими письменными источниками. Сплошной выборке подвергнуты следующие журналы-сборники:

1. «Этнографическое обозрение». Издание этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1889—1916. Просмотрены комплекты за 1890—1916 гг.

2. «Советская этнография». Издается с 1931 г. Просмотрены комплекты с 1931 по 1950 г.

Кроме того, были обследованы отдельные непериодические издания, по жанру и языку примыкающие к тому же типу научно-литературных изданий. К I периоду отнесены следующие

---

[36] Очевидно, что полную историческую картину изменений в речи воссоздать невозможно; не удастся восстановить перемены употреблений форм в устных разновидностях речевых стилей. В письменной же речи добытый материал характеризуется отличиями письменной речи от устной. На письме живые речевые навыки проходят цензуру сознания и еще более строгую цензуру редакторов и корректоров. По печатным колебаниям о живых грамматических нормах приходится судить примерно с тою же осторожностью, с какою судят о живом произношении по малограмотным написаниям.

просмотренные источники: «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, письменном и бытовом значении», т. 1. СПб., 1888—1901; «Народы России. Этнографические очерки», т. 1—2. 1878—1890.

Ко II периоду отнесены следующие источники: «Очерки жизни и быта карагас». Иркутск, 1926; «Народы мира. Этнографические очерки». М., Изд-во АН СССР, 1954—1962 (просмотрены отдельные тома: «Народы Кавказа», «Народы Сибири»); «Народы СССР. Краткий справочник». М.—Л., 1958.

Единицей счета являлась форма род. мн. у названий национальностей (существительных муж. рода с твердой основой), которые в род. мн. испытывали колебания: -#/*-ов*.

В список включались в основном те лексемы, у которых хоть однажды в просмотренных текстах была отмечена дублетная форма с *-ов* или без окончания. Случаи типа — *грузин, цыган; мадьяр,* или *калмыков, белорусов* — в таблицу не включались, так как у них не было отмечено в род. мн. форм *грузинов, цыганов, мадьяров* или *калмык, белорус*. Однако малоупотребительные или малоизвестные названия национальностей, если они относились к определенному словообразовательному типу с колеблющимся окончанием, например *удин, трухмен, алдар* и пр., в таблицу включены, так как самый выбор какой-нибудь из форм для этих редких слов представляет определенный интерес.

Чтобы обеспечить, насколько это возможно, равную представительность данных по разным словоформам, казалось необходимым соблюдать следующее условие. Сообразуясь со средней частотностью форм род. мн. у названий национальностей, целесообразно было за один хронологический отрезок для самых частотных лексем набирать не более ста преобладающих форм [37], после чего подсчет обоих вариантов прекращался. Например, для слова *карел* в 30—60-е годы XX в. подсчет обоих вариантов форм род. мн. был прекращен, как только было набрано сто преобладающих (нулевых) форм род. мн. То же для слов *туркмен, монгол, башкир, киргиз* и т. д. (см. таблицу 1). Несоблюдение этой меры может привести к значительному искажению общего соотношения форм с окончанием и без него. Выделенные хронологические рамки определены особенностями материала. Более дробное деление (например, по десятилетиям) осуществить было невозможно в силу сравнительно малой частоты форм род. мн. у названий национальностей. Укрупнение частот в ущерб хронологической детализации оказалось неизбежным.

---

[37] Практически, чтобы набрать 100 форм род. мн. для одной лексемы, приходилось просмотреть примерно 5—6 годовых комплектов журнала.

Таблица 1

№ пары слово-форм	Названия национальностей в форме род. мн.	Число отмеченных форм (слева—нулевое, справа—на *-ов*)	
		1890-е годы — 1916 г.	20—50-е годы
	-ин		
1.	Абазин/абазинов	1/0	17/1
2.	Жмудин/жмудинов	0/5	—
3.	Имеретин/имеретинов	4/0	2/1
4.	Куртин/куртинов	1/0	—
5.	Кюрин/кюринов	1/0	—
6.	Лезгин/лезгинов	5/0	34/1
7.	Литвин/литвинов	0/1	—
8.	Мордвин/мордвинов	—	0/1
9.	Русин/русинов	1/14	1/0
10.	Тушин/тушинов	10/0	6/0
11.	Удин/удинов	0/1	15/1
	-ан		
12.	Алан/аланов	—	2/0
13.	Долган/долганов	—	30/34
14.	Луораветлан/луораветланов	—	0/3
15.	Нганасан/нганасанов	—	57/22
16.	Нымылан/нымыланов	—	0/1
17.	Осман/османов	1/0	—
18.	Сван/сванов	—	0/4
19.	Табасаран/табасаранов	—	1/0
	-мен		
20.	Бесермен/бесерменов	1/0	1/0 (в форме *бесермян*)
21.	Бушмен/бушменов	0/1	0/1
22.	Туркмен/туркменов	100/1	100/10
23.	Трухмен/трухменов	9/0	0/1
	-ат (ят)		
24.	Бурят/бурятов	100/3	100/1
25.	Кроат/кроатов	0/1	—
	-ар		
26.	Авар/аваров	0/3	—
27.	Алдар/алдаров	1/0	—
28.	Балкар/балкаров	1/0	1/0
29.	Бахтиар/бахтиаров	—	0/9
30.	Салар/саларов	3/12	—
31.	Тофалар/тофаларов	—	0/63
32.	Тохар/тохаров	—	0/6
33.	Хазар/хазаров	2/0	3/0

Таблица 1 (окончание)

№ пары слово-форм	Названия национальностей в форме род. мн.	Число отмеченных форм (слева — нулевое, справа — на *-ов*)	
		1890-е годы—1916 г.	20—50-е годы
34.	Кунгур/кунгуров	1/0	—
35.	Маньчжур/маньчжуров	3/4	16/9
36.	Уйгур/уйгуров	0/10	9/10
37.	Хевсур/хевсуров	4/3	23/12
38.	Цахур/цахуров	—	1/8
	Разные		
39.	Айсор/айсоров	1/6	2/2
40.	Алеут/алеутов	1/4	0/11
41.	Арнаут/арнаутов	—	0/3
42.	Башкир/башкиров	100/9	100/1
43.	Бельтыр/бельтыров	1/0	—
44.	Буртас/буртасов	—	2/11
45.	Вогул/вогулов	32/100	0/3
46.	Гагауз/гагаузов	1/34	0/16
47.	Гиляк/гиляков	2/67	0/17
48.	Ижор/ижоров	—	3/0
49.	Кайбал/кайбалов	1/1	—
50.	Карагас/карагасов	0/4	27/1
51.	Карел/карелов	2/9	100/1
52.	Картвел/картвелов	—	1/0
53.	Киргиз/киргизов	56/100	27/100
54.	Монгол/монголов	3/100	18/100
55.	Нацмен/нацменов	—	4/0
56.	Ойрат/ойратов	—	0/5
57.	Орочон/орочонов	0/1	1/0
58.	Сарт/сартов	1/5	1/2
59.	Сванет/сванетов	1/4	—
60.	Сойот/сойотов	12/2	0/1
61.	Тюрок/тюрков	4/13	7/17
62.	Черкес/черкесов	1/20	22/17
63.	Черемис/черемисов	100/14	2/0
64.	Юкагир/юкагиров	0/5	2/22
65.	Якут/якутов	3/100	0/100
	Всего:		
I	Суффиксальные	249/59	416/213
II	Разные	322/598	315/413
	В сумме	571/657	731/626

Выпишем общие итоговые данные отдельно для нулевых форм и для форм на *-ов:*

Таблица 2

Окончание	1890—1916 гг.	1920—1950 гг.	В сумме по горизонтали
- ∅	571	731	1302
-ов	657	626	1283
В сумме по вертикали	1228	1357	2585

Выраженные в процентах, эти данные предстают в следующем виде[38]:

Окончание	1890—1916 гг.	1930—1950 гг.	В сумме по горизонтали
- ∅	22,1	28,3	50,4
-ов	25,4	24,2	49,6
В сумме по вертикали	47,5	52,5	100

Судя по таблицам, соотношение нулевых и ненулевых форм к нашему времени видоизменилось в сторону преобладания нулевой флексии к 50-м годам XX в., тогда как в конце XIX — нач. XX в. преобладали формы на *-ов*: употребительность нулевых форм по этим данным повысилась (на 6,2%). При всей отчетливости общего направления эволюции данные не столь уж контрастны, как можно было бы ожидать.

Известно, что одним из характерных свойств, присущих массовым (случайным) событиям, является их количественное рассеивание, связанное с многообразием действующих факторов,

[38] Если отграничим в таблице формы по наиболее частотным словам от прочих, получим следующие результаты. У самых частотных названий национальностей (*туркмен/туркменов, бурят/бурятов, башкир/башкиров, вогул/вогулов, карел/карелов, киргиз/киргизов, монгол/монголов, черемис/черемисов, якут/якутов*) количественное соотношение нулевых и ненулевых форм составило в I период 486/436 (в %—53/47), во II—447/316 (в %—59/41), т. е. рост нулевой флексии составил у них 6%. У прочих, менее частотных слов количественное соотношение в I период составило 85/221 (в %—27,7/72,3) и во II период 284/309 (в % — 48/52), т. е. рост нулевой флексии составил до 20%. Не изменяя общей картины в соотношении форм, эти данные дают возможность внести некоторые уточнения: на общие результаты влияли в первую очередь наиболее частотные слова; у менее частотных слов разность в доле употребления нулевых форм была более высокой. Скорее всего это различие связано с меньшим количеством наблюдений.

которые управляют случайными событиями. Поэтому возникает предположение, что количественное различие в соотношении форм в I и II периоды могло быть получено за счет случайных обстоятельств и не связано с фактором времени, тем более, что выраженная в процентах разница не столь резка.

Существуют статистические способы проверки гипотез. В данном случае задача сводится к следующему. На основании имеющихся фактических данных и общих соображений предполагается рост употребительности нулевой флексии. Следует проверить гипотезу, что наблюденное количественное различие в I период по сравнению со II периодом не является случайным. Проверка гипотезы сводится к сравнению данных, полученных из опыта, с тем, что выведено на основе выдвигаемой «статистической» гипотезы. На основе полученных данных проверяется «нулевая» гипотеза о том, что наши события независимы: употребительность нулевой флексии род. мн. в I период (обозначим ее через p_1) и употребительность нулевой флексии во II период (p_2) не подчинялись действию времени. Символически это выражается в равенстве $p_1 = p_2$.

По отношению к нулевой гипотезе наша гипотеза, которую нужно проверить (о зависимости событий от времени), оказывается альтернативной:

$$p_1 \neq p_2.$$

Из двух возможных вариантов альтернативной гипотезы

$$p_1 > p_2 \text{ и } p_1 < p_2$$

нас интересует второе неравенство — $p_1 < p_2$, для которого и устраивается проверка гипотезы (возросла ли употребительность нулевой флексии во II период по сравнению с I).

Как выше указывалось, в результате проверки мы не получим абсолютно точного, стопроцентного ответа, верна гипотеза или неверна. Но в предположении верности нулевой гипотезы мы можем определить, сколь вероятно получение наших данных. Для этого выбирается критическая область: это такая область, попадание в которую точки, при справедливости нулевой гипотезы, равно α. Если задаться малым α, то это событие маловероятно. Поэтому, если выбранная точка, полученная из одного эксперимента, все же попала в эту область, то естественно отвергнуть нулевую гипотезу в пользу альтернативной. Отвергая нулевую гипотезу при попадании в критическую область, мы можем ошибиться лишь с вероятностью α. Величину α называют уровнем значимости. Выберем $\alpha = 0{,}05$ (грубо говоря, мы позволяем себе ошибиться в пяти случаях из ста), и на основе критерия различия двух биномиальных распределений построим критическую область (ход расчетов и числовые итоги см. в примеч. 39).

Проверка дала положительные результаты, заставляющие на пятипроцентном уровне значимости отвергнуть нулевую гипотезу в пользу альтернативной [39].

Таким образом, полученные фактические данные в результате статистической проверки позволили считать неосновательным предположение о случайности различия в частоте употребления нулевых форм. Тем самым остается признать допустимой

---

[39] Формулы и пояснения помещены в кн.: Я. Янко. Математико-статистические таблицы. М., 1961, стр. 86.

Проверка проводилась с консультацией научного сотрудника кафедры теории вероятности МГУ М. Е. Ратнер; за помощь в работе выражаю М. Е. Ратнер сердечную признательность.

Ход расчетов был следующим (за успех считаем употребление нулевой формы). Из опытных данных известно:

$$n_1 = 1228; \quad p_1^* = \frac{571}{1228} \approx 0{,}46 \qquad \text{(звездочкой помечается эмпирическая частота)}$$

$$n_2 = 1357; \quad p_2^* = \frac{731}{1357} \approx 0{,}54.$$

Задаемся уровнем значимости $\alpha = 0{,}05$.

Критическая область для проверки нулевой гипотезы $p_1^* = p_2^*$ на уровне значимости α при сравнении с альтернативной гипотезой $p_1^* < p_2^*$ определяется равенством

$$U = \left(2 \arcsin \sqrt{p_1^*} - 2 \arcsin \sqrt{p_2^*}\right) \cdot \left(\frac{1}{n_1} + \frac{1}{n_2}\right)^{-\frac{1}{2}} > U_1 - \frac{1}{2}\,\alpha.$$

Подставляем числовые значения:

$$\left(2 \arcsin \sqrt{0{,}46} - 2 \arcsin \sqrt{0{,}54}\right) \cdot \left(\frac{1}{1228} + \frac{1}{1357}\right)^{-\frac{1}{2}} > U_1 - \frac{1}{2} \cdot 0{,}05.$$

$$\Phi(U) = p\{\xi < |x|\} = \alpha; \quad U_\alpha = 1{,}96.$$

Найдя значение $2 \arcsin \sqrt{0{,}46} = 0{,}49071$ и $2 \arcsin \sqrt{0{,}54} = 0{,}65088$ (по таблицам Я. Янко, стр. 216) и подставив числовые значения, полученные из таблиц, в неравенство, решаем его:

$$\left| (0{,}49071 - 0{,}65088) \cdot \frac{1}{\sqrt{\frac{1}{1228} + \frac{1}{1357}}} \right| > 1{,}96.$$

В результате подсчета левой части получим:

$$|4{,}06| > 1{,}96.$$

Сосчитанное число по абсолютной величине оказалось намного больше, чем значение нормально распределенной случайной величины, соответствующей $p = 0{,}975$, и нулевая гипотеза: $p_1^* = p_2^*$ бракуется в пользу гипотезы $p_1^* < p_2^*$.

гипотезу о росте употребительности нулевой формы по крайней мере вплоть до новых подсчетов, которые могли бы опровергнуть это заключение.

Судя по данным таблиц, нулевые формы оказываются самыми многочисленными и устойчиво преобладающими у «суффиксальных» существительных, прежде всего у слов с основой на *-ин*, *-мен*, *-ят*. Например, общее соотношение нулевых и ненулевых форм у суффиксальных существительных в конце XIX — нач. XX в. составило 249/59, в 20—50-е годы XX в.— 416/213. Данные подтверждают старую мысль о воздействии аналогии: в зону наибольшего влияния нулевых форм попадают слова, родственные по семантике и внешнему облику существительным-сингулятивам, имеющим в им. ед. суффикс единичности (*болгарин, англичанин* и т. д.), а в род. мн.— нуль флексии.

Интересно, что у наиболее ярких аналогов — слов с окончанием основы на *-ин* — колебания носят односторонний характер: в сторону приобретения нулевого окончания; колебания в обратном направлении (в сторону окончания *-ов*) почти не наблюдается. Отмечено только два случая устойчивого окончания *-ов* — у слов *литвин* и *жмудин* (род. мн. *литвинов*, *жмудинов*).

Статистический анализ помог проследить рост нулевой флексии в двух разрядах слов — у единиц измерения и названий национальностей. У новых существительных — единиц измерения наиболее бурный перелом в употреблении форм наблюдался в 90-е годы XIX в. В последующие десятилетия XX в. процесс происходил более плавно.

У названий национальностей, в большинстве представляющих собой старые, хотя также пришлые слова, в это же время процесс сдвига в сторону нулевой флексии происходил медленно и плавно, не обнаруживая резких перемен. Различие в степени интенсивности изучаемого процесса у двух этих групп слов предопределили внешние, привходящие обстоятельства [40].

Другие разряды слов, к сожалению, оказались малодоступны статистическому изучению или в силу их малоупотребительности в письменных источниках или в виду отсутствия удобных для анализа сквозных источников [41].

---

[40] См. статью о форме род. мн. у существительных — единиц измерения (стр. 210 наст. сборника).

[41] Собирался материл по нулевым формам и в устной речи: в течение 1962—1963 гг. в разных точках Москвы и двух других городов (Рига, Юрмала) фиксировались нулевые формы у названий овощей и фруктов. Отмечены следующие колебания форм: *абрикос — абрикосов* 45/5 (цифра слева обозначает число нулевых форм, справа — форм на *-ов*), *апельсин — апельсинов* 100/0, *банан — бананов* 11/39, *баклажан — баклажанов* 100/0, *гранат — гранатов* 48/2, *мандарин — мандаринов* 47/3, *помидор — помидоров* 394/6. Попутно подсчитывались употребительные в обиходе единицы измерения: *грамм — граммов* 400/0, *килограмм — килограммов* 50/0. Статистическая обработка этих данных составляет специальную задачу.

Тем не менее сразу заметны некоторые смещения в форме род. мн. у отдельных слов других разрядов. Так, в грамматиках начала XX в., регистрирующих современное им формоупотребление, считались литературными формы *сапогов*, *чулков*, *валенков* и даже *яблоков*, хотя наряду с этими вариантами допускались и нулевые формы. Например, в «Учебнике грамматики русского языка» Е. Ф. Будде (М., 1914) находим: «Слова: *пуд*, *турок*, *алтын*, *сапог*, *чулок* имеют и формы на *-ов*, и формы на *-ъ* в современном нам литературном языке». И дальше: «Слова *яблоко*, *очко*, *облако* в род. п. мн. ч. имеют *ов*, как в мужском роде: *яблоков* (но и: *яблок*), *очков*, *облаков*». Такие же сведения приводятся в «Учебнике русской грамматики» С. И. Абакумова (Л., 1925); «Слова: *алтын*, *сапог*, *чулок* и *пуд* имеют параллельные формы: пара *сапог* и пара *сапогов*, пять *алтын* и пять *алтынов*». Даже в «Очерках грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова (М., 1945) формы *сапогов* и *яблоков* допускались как литературные (см. стр. 124—126).

Случаи употребления форм *валенков*, *сапогов*, *чулков*, *яблоков*[42] в художественной литературе относятся в основном к XIX — нач. XX в.; отмечены они также у писателей старшего поколения в XX в. (Чехов, Короленко, Серафимович и т. д.— см. примеры выше). В современной литературной речи формы с *-ов* неупотребительны. Из этого ряда пока еще уцелела форма *носков*, но и она из живой речи не-филологов, кажется, исчезает. Впрочем, пока статистически это не проверено[43].

Новые слова из этого разряда при своем появлении приобретают нулевую флексию: ср. недавно распространившееся название спортивной обуви: им. ед. *кед* — род. мн. *кед*. Сюда же можно отнести слово *гольф* (в значении 'чулки или носки до колен').

В живой речи произошла перемена в «избирательности» форм: из двух существующих возможностей в момент акта речи наши современники предпочитают у этих слов нулевую форму,

---

Материал устной речи отличается от письменного рядом специфических черт. Думается, что данные услышанной речи уместно соединить и сопоставить прежде всего с результатами обработки ответов на «Вопросник по современной русской морфологии», в которых имеются данные по этим же словам. Обработка и сопоставление такого материала требует дополнительных исследований.

[42] Ср., например, употребление формы *яблоков* в авторской речи: ... надо купить пороху, пистонов (разбивали камнями), корму птицам, *яблоков*, конфет. Расходов было густо (В. Каменский, Его — моя биография великого футуриста); Недавно Петруша забрался в чужой сад и нарвал там *яблоков* («Петрушина грамматика. Перев. с франц. Льва Уманца»).

[43] По общим наблюдениям, употребление формы *носков* характеризует определенные социальные прослойки: кроме филологов, эту форму, с одной стороны, употребляют потомственные интеллигенты, с другой — выходцы из диалектной среды.

а не форму на *-ов*. Может быть, при выборе нулевого варианта имеет значение припоминание отталкивающей стилистической окраски некоторых форм на *-ов* (типа *делов*, *местов*).

* * *

Итак, в род. мн. колеблются принимая нулевую флексию, существительные муж. р., обладающие определенными семантико-грамматическими признаками.

В современной литературной речи слова этой группы обычно используются при назывании количества предметов и лиц; обозначают или измеряемые (и измеряющие) предметы, или парные предметы, или массовидные предметы и собирательные понятия, для обозначения которых используется только форма мн. числа. Ничего не зная о слове, кроме его значения, можно судить, возможны ли в нем колебания в форме род. мн. Так, слово *пурпурин* (красящее вещество) не попадет в ряды колеблющихся, но слово *кюрин* (название кавказской народности) может ее принять, точно так же как ее может принять и слово *пурины* (сложные органические соединения); слово *пузан*, видимо, никогда не будет иметь в род. мн. нулевую флексию, но слова *цыган*, *эман* (единица измерения), *банан* ее имеют.

Лексико-семантические особенности этих слов обусловили их грамматические отличия: у большинства из них форма мн. ч. оказывается преобладающей, а в некоторых разрядах слов и единственной; форма род. мн. обладает у них наибольшим функциональным весом.

Процесс обособления формы род. мн. идет еще глубже в сочетаниях с числительными; в этой позиции наблюдается окаменение, лексикализация формы. В некоторых случаях в сочетаниях с числительными нулевая форма как бы теряет свои падежные признаки. Если принята нулевая форма, скажем, в следующем сочетании: «Одна буква русского языка несет информацию в 5 *бит*» (А. Кондратов, Биты, буквы, поэзия) — то, не покажется странным, если автор скажет: «Не будь этого, информация, содержащаяся в одной букве русского языка, была бы равна 5 *бит*». Действительно, в литературе имеются примеры, когда в сочетании с числительными окаменевшая нулевая форма род. мн. используется, например, в предложном падеже: в разделе объявлений журнала «Электричество» читаем «Машины фирмы Ганц и К° поставлены фирмою М. М. Подобедова: ...2 машины переменного тока по 20 000 уатт при 2000 вольт, 2 машины постоянного тока по 4000 уатт при 400 вольт». В предложных конструкциях, где центр тяжести перенесен с падежей на предлоги, процесс застывания (неизменяемости) нулевой формы кажется еще более естественным.

Необходимо отметить еще одну черту, связанную с отмеченным фактом. Нулевая форма род. мн. оказывается удобной для всех слов, которые в каких-нибудь иных ситуациях и значениях употребляются как неизменяемые. Например, неизменяемые прилагательные типа: чулки *гольф*, дама *пик*, король *треф*,— если они употреблены в качестве существительных и должны изменяться по падежам (ср. *в гольфах*, *пики* козыри) — в форме род. мн. принимают нулевую флексию (в продаже *гольф* нет; у партнера не было *треф* — см. примеры выше).

Примечательно также еще одно историческое совпадение: в 80—90-е годы XIX в., когда у электрических единиц измерения форма *-ов* сменялась нулевой формой, параллельно и одновременно происходили другие процессы, связанные с неизменяемостью.

На протяжении 80—90-х годов соперничали следующие варианты обозначений измерительных приборов и сложных единиц измерения: *вольтметр — вольтаметр*; *амперметр — амперометр — амметр; эргосекунда — эргсекунда; амперочас — амперчас* и т. д. В косвенных падежах у сложных единиц измерения менялись оба элемента слова: *амперов-часов*, *ваттам-часам*, *лошадей-часов* и пр. Утверждение нулевой флексии в род. мн. и несклоняемость первой части этих сложных слов, так же как и устранение соединительных гласных произошли одновременно уже к началу XX в. (не *амперометр*, но *амперметр*, не *эргосекунда*, а *эргсекунда*, не *ваттам-часам*, а *ватт-часам* и т. д.).

Все эти, казалось бы, мелкие факты объединяются общим стремлением к неизменяемости (см. проспект «Русский язык и советское общество», разделы грамматики). В сочетании с другими действующими в языке факторами эта усилившаяся в XX в. тенденция вдохнула жизнь в архаичную падежную форму.

Л. К. Граудина

РАЗВИТИЕ НУЛЕВОЙ ФОРМЫ РОДИТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ — ЕДИНИЦ ИЗМЕРЕНИЯ

В литературный язык XX в. из профессиональной речи вошла необычная форма род. мн.: у существительных — единиц измерения вместо традиционной формы на *-ов* (*вольтов*, *рентгенов*, *радианов*) утвердилась нулевая форма (*вольт*, *рентген*, *радиан*). Эта форма в литературном языке представляет собой новообразование, узаконенное грамматиками лишь в 50-е годы XX в., в которых она рассматривается в числе слов-исключений [1].

Круг единиц измерения — существительных муж. рода твердой разновидности, принявших нулевую флексию в род. мн., составляет примерно 40 слов. Это международные термины, обычно вводимые в обращение на международных научных съездах. В нашей стране новые единицы измерений утверждаются Комитетом стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР. Большинство этих терминов составляют единицы электрических и магнитных измерений [2]. Они вошли в оборот в конце XIX — нач. XX в. и претерпели при освоении их русским языком существенные колебания и сдвиги именно в форме род. мн. Позднее — в 30—60-е годы — вводятся световые единицы измерения, единицы, применяемые в ядерной физике, радиобиологии, кибернетике. Эти последние по аналогии с предшествующими «старейшими» единицами приобретают упрочивающуюся нулевую форму в род. мн. почти без колебаний.

[1] См.: Грамматика русского языка, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 152; К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь. Литературное редактирование. М., 1957, стр. 204; Д. Э. Розенталь. Культура речи. М., 1959, стр. 34; В. А. Добромыслов и Д. Э. Розенталь. Трудные вопросы грамматики и правописания. М., 1960, стр. 57.

В грамматической литературе самое раннее упоминание об особенностях род. мн. у единиц измерения относится к 1944 г.: акад. С. П. Обнорский в статье «Правильности и неправильности современного литературного языка» отмечал нулевую форму род. мн. у единиц измерения в ряду других грамматических неправильностей современной речи («Избранные работы по русскому языку». М., 1960, стр. 262; подробнее об этом см. ниже).

[2] См. полный список единиц измерения различных систем, помещенный в «Справочной книге корректора» К. И. Былинского и А. Н. Жилина (М., 1960).

В статье представлена внешняя история[3] введения, употребления и утверждения нулевой флексии в основном у «первых» электрических единиц измерения, так как именно у них борьба колеблющихся форм была наиболее острой.

* * *

Первые электрические единицы измерения в качестве международных терминов были приняты в 1881 г. на I Международном конгрессе электриков в Париже. По сложившейся традиции, вводимые единицы назывались по имени ученых, работавших в этой области науки.

Из единиц измерения, впоследствии принявших в русском языке формы существительных мужского рода, были утверждены: единица электродвижущей силы — *вольт*, единица силы электрического тока — *ампер*, единица количества электричества — *кулон*. В дальнейшем на последующих международных конгрессах система единиц пополнялась новыми: в 1889 г. была принята единица мощности — *ватт*, в 1930 г. — единица магнитного потока *максвелл*, единица магнитной индукции *гаусс*, единица напряженности *эрстед*[4] и др.

В России наименования электрических единиц были впервые официально утверждены в 1909—1913 г., когда были изготовлены их основные национальные эталоны. Однако уже с 80-х годов XIX в. в журнале «Электричество», основанном в 1881 г., читатель мог познакомиться со всеми вводимыми в научный обиход единицами электрических измерений по мере их появления в международном научном обращении.

Впервые появившись в 80-х годах XIX в. на страницах единственного в те годы электротехнического журнала «Электричество», термины *вольт*, *ватт* (*уатт*), *ампер* в род. мн. употреблялись с «законной» флексией *-ов*: 200 *вольтов*, 50 *уаттов*, 30 *амперов* и т. д.[5]

---

[3] Появление нулевой формы у единиц измерения должно рассматриваться на фоне тех внутренних собственно языковых процессов, которые происходят в род. мн. у более широкого круга существительных. С этой стороны материал освещен в другой статье.

[4] См. работы: «100 лет государственной службы мер и весов в СССР». М., 1945; С. Ф. Маликов. Практические электрические единицы, международные и абсолютные (История возникновения и развития). М. — Л., 1947.

[5] Например: ... Сила тока в цепи равна нулю и разность потенциалов между углями тоже равна нулю; но в бесконечно малое время разность эта достигает 40—45 *вольтов* («Электричество», 1880, № 11); ... Этот элемент ...после разряжения до силы двух-трех *ампер*ов, при вторичном испытании дал ток в 50 *ампер*ов (там же № 7); Для этого работают 76 динамо-машин на 1714 *киловаттов*... (там же, 1891, № 1). См. у В. Брюсова: В дуги лампы (двадцать пять *ампер*ов). Над столом, — воспоминаньем влей Мысли тысячи великих перов Царства знаний, духа королей.

Между тем уже к 20-м годам XX в. эти термины имели нулевую флексию в род. мн.: 200 *вольт*, 50 *ватт*, 30 *ампер* и т. д. Таким образом, перемена в форме произошла за короткий отрезок времени, в течение 30—40 лет (по существу со сменой одного поколения физиков). Конкуренция форм проявилась в изменении их количественных соотношений. Поэтому происшедшие сдвиги целесообразно представить статистически. Задача предпринятого количественного анализа: установить средние относительные частоты[6] нулевых и ненулевых форм род. пад. мн. числа у единиц измерения[7]; определить их эволюцию во времени, оценив при этом степень приблизительности результатов.

Время происшедших изменений в рассматриваемой форме определило хронологизацию подсчетов. Количественные наблюдения отнесены к трем хронологическим отрезкам:

1) 80-е годы XIX в. Подсчеты проводились по комплектам журнала «Электричество» за 10 лет: 1881—1890 гг.

2) 90-е годы XIX в. Подсчеты проводились по тому же журналу за 1891—1900 гг.

3) Первое десятилетие XX в. Подсчеты проводились по комплектам журнала «Электричество» за последующие 10 лет: 1901—1910 гг.

Порядок случайной выборки: в каждом годовом комплекте журнала «Электричество» отсчитывалось по 100 форм род. падежа мн. числа у каждой из встретившихся единиц измерения (они перечислены ниже). За одно десятилетие производилось 10 таких наблюдений. Таким образом, объем выборки за каждое десятилетие составил по 1000 форм род. пад. мн. ч. Общий же объем выборки за 30 лет составил 3000 нулевых и ненулевых форм.

Выше упоминалось, что формы подсчитывались у единиц измерения, вошедших в употребление в 80-е годы: *вольт — вольтов*, *ампер — амперов*, *ом — омов*, *ватт — ваттов*, *кулон — кулонов*, *эрг — эргов* и производных от них: *милливольт — милливольтов*, *микровольт — микровольтов*, *миллиампер — миллиамперов*, *микроампер — микроамперов*, *вольтампер — вольтамперов*, *киловольтампер — киловольтамперов*, *киловатт — киловаттов*, *гектоватт — гектоваттов*, *мегом — мегомов*, *микром — микромов*, *мегаэрг — мегаэргов*.

В число отмеченных попали также редкие случаи употребления таких единиц измерения, как *вебер — веберов*, *гауссов*,

---

[6] Частоту события в статистической литературе часто называют его статистической вероятностью.

[7] Действительная частотность единиц измерения в текстах была несколько выше фиксируемой, так как подсчитывались только полные записи единиц измерения и не подсчитывались сокращенные, типа A, V, kwt, точно так же, как не отмечались сокращения типа *вольт*, *ампер*, которые писались без принятого тогда твердого знака.

люкс, которые были узаконены в качестве международных единиц измерения лишь в 30-е годы XX в., но изредка употреблялись и раньше[8].

Результаты наблюдений сведены в таблицу[9] (см. табл. 1).

Под каждой графой таблицы приведены средние статистические показатели, вычисленные по данным на основании известных статистических формул: формула средней арифметической $\bar{x} = \frac{\sum x}{n}$; формула среднего квадратического отклонения каждой случайной величины $S = \sqrt{\frac{\sum (x_i - x)^2}{n-1}}$; формула квадратического отклонения средней арифметической $\sigma_{\bar{x}} = \frac{\sigma_x}{\sqrt{n}}$.

Вычисления итоговых данных и их оценка проводились по следующей схеме:

1) Находилась средняя арифметическая для каждого ряда наблюдений отдельно для форм на *-ов* и для нулевых форм по формуле:

$$\bar{x} = \frac{x_1 + x_2 + x_3 + \ldots + x_{10}}{10},$$

где $\bar{x}$ есть средняя арифметическая, x_1, x_2, x_3 и т. д. есть наблюденные значения случайной величины. Так, для форм на *-ов* средняя арифметическая в I период в первом ряду наблюдений (см. в табл. 1 соответствующую графу по вертикали) составила:

$$\frac{94 + 91 + 100 + 99 + \ldots + 100}{10} = 96{,}5.$$

Для нулевых форм в это же время:

$$\frac{6 + 1 + 1 + \ldots + 11}{10} = 3{,}5.$$

2) Для каждой варианты вычислялось ее линейное отклонение от средней арифметической $x_i - \bar{x}$, например:

$$94 - 96{,}5 = -2{,}5;\ 99 - 96{,}5 = +2{,}5 \text{ и т. д.}$$

---

[8] Термин *гаусс* на правах обозначения единицы магнитной индукции был утвержден в 1930 г.; *вебер* — как обозначение единицы магнитного потока — в 1935 г.

[9] Хорошо известно, что, пересчитав формы падежа в 10 и в 100 журналах, мы не получим точных данных о частоте употребления этих форм. Но чем больше выборка, тем точнее эмпирическая частота характеризует истинную вероятность события, поэтому данные, полученные из 100 журналов, ближе к истинной вероятности, чем данные из 10 журналов. Если преследуется цель выяснить частоту события, можно установить некоторые средние показатели и размах колебаний вокруг этой средней. Величина отклонения от установленной средней даст возможность оценить степень надежности полученных результатов. Все статистические операции, проведенные в работе, сводились к этой цели.

3) Каждое такое отклонение возводилось в квадрат $(x_i—x)^2$, например:

$$(94—96{,}5)^2=—2{,}5^2=6{,}25,$$

$$(99—96{,}5)^2=+2{,}5^2=6{,}25.$$

4) Находилась сумма квадратов отклонений:

$$\Sigma(x_i—\bar{x})^2=6{,}25+6{,}25 \text{ и т. д.}$$

Так, для первого ряда наблюдений (в 1-й графе таблицы) сумма квадратов отклонений составила 136,5.

5) Делением суммы квадратического отклонения на число вариант находилось среднее квадратическое отклонение каждой случайной величины

$$S_x^2=\frac{\Sigma(x_i-\bar{x})^2}{n};$$

несмещенная оценка

$$\bar{S}_x^2=\frac{\Sigma(x_i-\bar{x})^2}{n-1}.$$

Например, для первого ряда наблюдений S_x^2 составило 15, 14.

6) Среднее квадратическое отклонение средней арифметической из n наблюдений:

$$\sigma_{\bar{x}}=\frac{\sigma_x}{\sqrt{n}}.$$

Для первого ряда наблюдений $\sigma_{\bar{x}}$ равна примерно **1, 2 (см. табл. 1).**

Эта величина составляет среднюю ошибку выборки. В некоторых статистических учебниках ее называют стандартом ошибки, или мерой ошибки [10].

Для того чтобы повысить гарантию в отношении полученных результатов, надо раздвинуть пределы возможной ошибки. Суть этого приема состоит в том, что если полученную ошибку выборки увеличить, скажем, в два раза ($t=2$), то доверительная вероятность β, характеризующая достоверность полученных результатов, возрастает до 0,95 ($\beta=0{,}9545$) [11]. Другими словами, лишь в пяти случаях из ста могут встретиться колебания, выходящие за пределы установленных в таблице границ [12].

Полученные итоговые данные (средняя арифметическая, средний стандарт отклонений) в целях наглядности выписаны отдельно для окончания *-ов* и для нулевого окончания по данным и при увеличении ошибки выборки в два раза (см. табл. 2).

---

[10] Соответствующие формулы см., например, в книгах: Е. С. Вентцель. Теория вероятности. М., 1962, стр. 308—310; И. В. Смирнов, И. В. Дунин-Борковский. Краткий курс математической статистики для технических приложений. М., 1959, стр. 184—186.

[11] Этот прием широко используется в статистике; в применении к лингвистическому материалу он популярно описан в сборнике «О точных методах исследования языка» (М., 1961, стр. 79). В этой работе кратность ошибки обозначена Zp, доверительная вероятность —ϱ. В данной статье используется символика, принятая в книге Е. С. Вентцель (см. стр. 308—309).

[12] Если кратность ошибки (t) равна 3, то доверительная вероятность β повышается до 0,997 и соответственно сужается поле случайности.

Таблица 1

Номер выборки	Год	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.		1901—1910 гг.	
		Число отмеченных форм, слева — на *-ов*, справа — нулевые	Год	Число отмеченных форм, слева — на *-ов*, справа — нулевые	Год	Число отмеченных форм, слева — на *-ов*, справа — нулевые
1	1881/1882	94/6	1891	43/57	1901	5/95
2	1883	99/1	1892	42/58	1902	2/98
3	1884	100/0	1893	41/59	1903	10/90
4	1885	99/1	1894	84/16	1904	48/52
5	1886	99/1	1895	53/47	1905	11/89
6	1886/*1887	97/3	1896	24/76	1906	3/97
7	1887/1888	97/3	1897	32/68	1907	8/92
8	1888	91/9	1898	28/72	1908	1/99
9	1889	89/11	1899	4/96	1909	0/100
10	1890	100/0	1900	2/98	1910	1/99
$\bar{x}=\frac{\Sigma_x}{n}$		96,5/3,5		35,3/64,7		8,9/91,1
$\sigma_x=\sqrt{\frac{\Sigma(x_1-\bar{x})^2}{n-1}}$		3,8**		22,4		13,6
$\sigma_{\bar{x}}=\frac{\sigma_x}{\sqrt{n}}$		1,2		7,5		4,5

* В годовом комплекте за 1886—1888 гг. из-за недостаточности материала и для удобства расположения наблюдений было сделано не 3, а 4 выборки: 1) за 1886 г. (исключая последние месяцы); 2) конец 1886 — середина 1887 г.; 3) середина 1887 — нач. 1888 г.; 4) за 1888 г. В последующие годы единицы измерений были достаточно частотны и насчитывались в каждом годовом комплекте, с начальных номеров, примерно, до последних.

** Здесь, как и в последующих случаях, данные приводились с точностью до 0,1.

Таблица 2

	Средняя частота и средний стандарт (отклонения в %)		
	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.	1901—1910 гг.
Ряд динамики для окончания *-ов*			
По данным	96,5±1,2	35,3±7,5	8,9±4,5
При $t=2$, $\beta=0{,}9545$	96,5±2,4	35,3±15	8,9±9
Ряд динамики для нулевого окончания			
По данным	3,5±1,2	64,7±7,5	91,1±4,5
При $t=2$, $\beta=0{,}9545$	3,5±2,4	64,7±15	91,1±9

Таким образом, в электротехнических текстах 80-х годов в 95 случаях из 100 преобладали формы на *-ов*. В среднем доля их употребления составляла в это время 96,5% с возможным отклонением в ту или другую сторону не более чем на 2,4% ≈3%.

Соответственная доля нулевых форм род. пад. была ничтожной: в 95 случаях из 100 она колебалась ≈от 1% до 6%. В первое десятилетие формы в соотношении поменялись местами. В 95 случаях из 100 доля употребления нулевых форм составляла в среднем 91,1% с возможным отклонением в ту или другую сторону на 9%. С той же вероятностью ($\beta=0{,}95$) в 100 формах род. пад. мн. числа у единиц измерения в среднем можно было встретить от 0 до 18 форм с окончанием *-ов*.

Соотношение частот в пользу нулевой формы менялось в 90-е годы, судя по отдельным наблюдениям (см. табл. 1), в основном в первой половине 90-х годов. При этом, как видно из итоговых чисел, размах колебаний, в силу большой неустойчивости частот полных и нулевых форм в 90-е годы, был довольно большим.

По отдельным наблюдениям видно, что в одних отрезках текстов формы были количественно равноправны, в других какая-либо из форм заметно преобладала. Серию наблюдений, может быть, следовало бы увеличить для уточнения средней частоты форм, колеблющихся в 90-е годы. Но их вполне достаточно для определения времени перелома в употреблении конкурирующих форм.

Анализ количественных сопоставлений по отдельным парам конкурирующих словоформ (*вольтов — вольт*, *амперов — ампер*, *ваттов — ватт* и т. д.) проливает свет на некоторые другие вопросы их истории.

Количественные сдвиги по разным словам представлены в табл. 3. Ее построение: в 1-й графе по вертикали приведено количественное распределение по отдельным конкурирующим парам в 80-е годы, во 2-й графе — в 90-е годы, в 3-й — в первом десятилетии XX в.

В 4-й графе таблицы приведены итоговые данные, характеризующие долю форм род. падежа мн. числа (нулевых плюс полных) у отдельных терминов с тем, чтобы наглядно представить различия в относительной частоте употребления разных единиц измерения.

Пары в таблице расположены по частоте употребления единиц измерения в выборке.

Для малых чисел ввиду их непредставительности процентное соотношение синонимичных словоформ не высчитывалось.

Таблица пополняет общие количественные выводы данными по отдельным словам. Она дает возможность сделать следующие выводы.

Таблица 3

Доля отдельных единиц измерения в выборке

	1881—1890 гг.		1891—1900 гг.		1901—1910 гг.		Общая сумма отмеченных словоформ в выборке 3000	
	в числах	в %	в числах	в %	в числах	в %	в числах	в %
1. вольтов/вольт	366/35	91,3/8,7	112/366	23,5/76,5	1/531	0,2/99,8	1411	47,03
2. амперов/ампер	232/6	97,5/2,5	91/145	38,1/61,9	10/100	9/91	584	19,46
3. омов/ом	187/0	100/0	44/37	54,3/45,7	40/61	39,6/60,4	369	12,3
4. ваттов/ватт	102/0	100/0	39/41	48,8/51,2	1/80	1,2/98,8	263	8,76
5. киловаттов/киловатт	5/0		56/49	53,3/46,7	3/129	2.2/97,8	242	8,06
6. эргов/эрг	29/0		2/0		4/2		37	
7. мегомов/мегом	4/0		7/6		9/0		26	
8. кулонов/кулон	17/0		1/0		2/0		20	
9. миллиамперов/миллиампер	0		2/1		0/7		10	
10. люксов/люкс	0		0		0/7		7	
11. киловольтамперов/килозольтампер	1/1		0		4/2		8	
12. веберов/вебер	6/0		0		0		6	4,39
13. микромов/микром	5/0		0		0		5	
14. гауссов/гаусс	0		0		5/0		5	
15. вольтамперов/вольтампер	3/0		0		0		3	
16. милливольт	0		0		0/1		1	
17. микровольт	0		0		0/1		1	
18. гектоватт	0		0/1		0		1	
19. микрофарадомов	1/0		0		0		1	
Общая величина выборки	1000		1000		1000		3000	100

1. Замена полных форм род. падежа мн. числа (*-ов*) нулевыми происходила у всех употребительных терминов.

2. По данным таблицы, темпы сдвига у разных единиц несколько различались. Переход осуществился раньше и быстрее у наиболее частотной единицы *вольт*: нулевые формы, появившиеся уже в 80-х годах, к концу XIX в. стали почти единственными — в 80-х годах они составили 8,7%, в первом десятилетии XX в.— 99,8%.

У ряда слов с меньшей частотностью (*ампер*, *ватт*, *киловатт* процент употребления полной формы *-ов* в начале XX в. несколько больше. Из них дольше всех держится форма *-ов* у единицы *ом*. Форма род. мн. *омов* предпочиталась форме *ом*, может быть потому, что многим она казалась естественнее и благозвучнее, чем короткая односложная нулевая. Форма *омов* держалась в печати еще и в 30-е годы: «Мегом — один миллион *омов*» (Словарь стандартных научно-технических терминов и обозначений. М., 1936).

У аналогичного односложного термина *эрг* (единица работы и энергии) форма род. мн. колеблется и в наши дни [13].

По данным таблицы, формы на *-ов* держались дольше не только у односложных, но и у малоупотребительных единиц, таких, например, как *кулон*, *гаусс*, *мегом*: формы род. мн. на *-ов* отмечены у этих единиц в первом десятилетии XX в. и в 20-е годы [14]. Эти факты заставляют предположить, что судьба колеблющихся форм связана с частотностью самих терминов: у наиболее частотных единиц нулевая форма утвердилась в течение одного лишь тридцатилетия, у редких — колебания длились дольше, для некоторых — вплоть до наших дней (например, *эргов*, *кулонов*, *ньютонов*, о них см. ниже).

Приведенные таблицы составлены по письменным данным. А как было в разговорной речи? Надо полагать, что в отмеченных колебаниях на письме проступали колебания живой речи: по-видимому, употреблялись формы и с *-ов*, и — чаще — с нулевой флексией. Так, по текстам журнальных статей заметно, что нулевая форма чаще и раньше появлялась в объявлениях, рекламах, отчетах о собраниях электриков [15]. Тот факт, что наиболее употребительные термины приняли на письме нулевую форму раньше, может служить косвенным доказательством, что путь нулевой формы шел из живой речи в письменную [16].

Чем объясняется сравнительно легкое и быстрое распространение нулевой формы у единиц измерения в технической лите-

---

[13] Ср., например, в статье акад. В. Г. Фесенкова «Метеорит или комета»: Энергия взрыва по этим явлениям определена следующей: по сейсмическим колебаниям — примерно 10^{21}—10^{23} *эрг*; по воздушным волнам —$4 \cdot 10^{23}$ *эрг*; по поваленному лесу в центральном районе катастрофы — около $2 \cdot 10^{23}$ *эрг*; и ниже: При массе, принимаемой минимум в миллион тонн, это дает кинетическую энергию по крайней мере в $2 \cdot 10^{23}$ *эргов* («Правда», 21 февр. 1962 г.).

[14] У производных терминов — *миллиампер, милливольт, гектоватт* — нулевая форма закрепилась по аналогии с употребительными однокоренными — *ампер, вольт, ватт*.

[15] Так, с 1892 г. на обложке журнала стали печатать из номера в номер, из года в год рекламное объявление: «Дифференциальные лампы Шуккерта системы «Piette Krizik» для 4, 6, 8, 10, 12, 16, до 15 *амперъ*». Печатавшаяся на обложках журнала крупным шрифтом нулевая форма невольно должна запоминаться читателями.

[16] Обычно у колеблющихся вариантов с длительной письменной традицией наиболее частотные слова удерживают дольше традиционный вариант.

ратуре? Ведь у родственных с ними по употреблению и семантике мер веса — *грамм*, *килограмм* — колебания нулевой и полной форм род. мн. держатся и по сей день: в «Грамматике русского языка» (Изд-во АН СССР, 1960) нулевая форма род. мн. (200 *грамм*, 5 *килограмм*) признается только как разговорная. В наши дни в сочетании *напряжением в 200 вольт* форма *вольт* считается общепринятой и литературной, тогда как в сочетании *весом в 200 грамм* форма *грамм*, распространенная в живой речи, в печати не допускается. Различия в судьбах этих форм были предопределены внешними обстоятельствами.

Одним из важнейших обстоятельств, способствовавших утверждению нулевой формы у электрических единиц измерения, была новизна этих слов. Не обремененные традицией употребления, новые международные термины в живой и письменной речи быстро приняли продуктивную нулевую форму. (Интересно, что в чешском и польском эти же международные термины употребляются с традиционными окончаниями; в чешском voltů, wattů, ohmů и т. д., в польском — woltów, watów, omów и т. д.)

Немалое значение имела первоначальная узость сферы употребления этих терминов. Вводимые термины употреблялись вначале лишь в небольшом кругу специалистов. В России не существовало электротехнических кафедр. Вопросами электричества, этой «юной физической силы», занимались в 80-е годы те немногие, которые самостоятельно его изучали. У журнала «Электричество», судя по печатавшимся статьям, в те годы был постоянный круг авторов. В небольшом коллективе распространявшейся нулевой форме было легче вытеснить форму на *-ов* не только в живой речи, но и в письменной.

Отсутствие нормализаторских тормозов[17], квалифицированных рекомендаций грамматистов было также одним из серьезных обстоятельств, облегчавших утверждение живой разговорной формы в письменной речи.

Необходимость нормализации, по-видимому, остро ощущалась читающими и пишущими. Идя навстречу стихийной тенденции, некий физик В. Алтаухов взял на себя смелость в 1916 г. объявить нулевую форму в род. мн. у единиц измерения единственно законной. В примечании к статье «О важнейших для практики электрических единицах» автор пишет: «Принятые в русской технической терминологии иностранные названия *вольт*, *ампер* и *уатт* склоняются как и все русские имена существительные мужского рода, оканчивающиеся на ъ, за исключением одного родительного падежа множественного числа, который у этих слов сходен с именительным единственного; поэтому

[17] Комитет технической терминологии, занимающийся вопросами упорядочения терминологии, был создан лишь в 1935 г.

надо говорить два *вольта*, но 10 *вольт*, а не *вольтов*; 3 *ампера*, но 11 *ампер, а* не *амперов;* 2 *уатта,* но 7 *уатт,* а не *уаттов»* [18]. В. Алтаухов опередил грамматистов почти на полвека.

Употребляемые на периферии литературного языка, в профессиональной речи, нулевые формы у единиц измерения долго оставались незамеченными. Грамматисты обратили внимание на необычность этих форм поздно, когда в их употреблении у большинства единиц измерения сложилась почти полувековая традиция.

Так, С. П. Обнорский в 1944 г. в статье «Правильности и неправильности современного литературного языка» тщетно призывал «для поддержания единства грамматических норм» употреблять *ваттов*, *вольтов*, *омов*, а не *ватт*, *вольт*, *ом* [19]. Не подкрепленный живой языковой практикой, этот призыв не нашел отклика. Отражая новую сложившуюся традицию, в новейшей грамматической литературе появилось правило о необходимости нулевой формы у технических единиц измерения.

Это правило было вызвано к жизни острыми практическими нуждами. С развитием новых технических и научных знаний за последние десятилетия появилось множество новых единиц измерения — *эрстед*, *максвелл*, *гильберт*, *ньютон*, *микрон*, *рентген*, *радион*, *стерадион*, *эман*, *бит* и т. д.,— которые при своем появлении принимали нулевую форму по аналогии с предшествующими техническими единицами измерений [20].

В качестве исключения из нового правила в книгах Д. Э. Розенталя [21] приводится единица *кулон* (в род. рекомендуется *кулонов*), в издании 1960 г. к ней добавлена еще одна единица — *ньютон* (в род. мн. рекомендуется *ньютонов*). Можно думать, что форма *кулонов* на правах исключительной закрепилась в грамматике случайно. Судя по данным таблицы, эта единица употреблялась значительно реже других, таких, как *вольт*, *ватт*, *ампер*. Как единица редко применявшаяся она колебалась в употреблении дольше других. К тому времени, когда форма род. мн. у единиц измерения обратила на себя внимание грамматистов, термин *кулон* имел в форме род. мн. окончание

---

[18] «Электричество и жизнь», Николаев, 1916, № 10.

[19] С. П. Обнорский. Избранные труды по русскому языку. М., 1960, стр. 262.

[20] Несмотря на воздействие аналогии, некоторые авторы первое время затрудняются в выборе формы для новых слов. Так, в наши дни нулевая форма род. мн. у единицы *рентген* прочно вошла в речевую практику, однако еще в пятидесятые годы изредка употреблялась форма *рентгенов*: Уровень радиации может достигать 100 и более *рентгенов* в час в зависимости от калибра бомбы (А. Дорофеев, Радиационная разведка); Даже в зоне, где уровень радиации составляет несколько десятков *рентгенов* в час, пребывание продолжительностью около часа безопасно (А. Н. Несмеянов, Радиоактивные элементы и их применение).

[21] См. сноску 1 на стр. 210.

-ов и в грамматике было решено узаконить традиционный вариант.

Нуждается в унификации форма род. мн. у единицы *микрон*. Специалисты-физики обычно употребляют нулевую флексию В популярных статьях на физические темы авторы колеблются: например, редакция журнала «Наука и жизнь» в пятидесятые годы приняла форму *микронов*, а редакция журнала «Техника — молодежи» — *микрон*[22]. По немногим собранным примерам количественный перевес оказывается как будто бы на стороне нулевой формы: из 10 примеров зарегистрировано 4 формы с *-ов*, 6 — нулевых.

История нулевой формы род. мн. у единиц измерения убеждает в том, что внешние, социальные факторы могут ускорить языковые процессы и даже предопределить их исход (ср. различие в судьбах нулевой формы у новых единиц измерения и у названий национальностей или у старых единиц измерения). Благодаря исторически сложившимся обстоятельствам нулевая форма, утвердившись в продуктивном классе технических терминов, расширила зону своего влияния.

---

[22] См. примеры: Длина этих волокон колеблется в различных пределах и достигает у человека 5,5—12 сантиметров, а толщина — всего 10—100 *микронов* («Наука и жизнь», 1954, № 7); Металлические шарики диаметром до 250 *микрон* космического происхождения были извлечены из глубоководных морских отложений («Техника — молодежи», 1961, № 5).

А. И. Сумкина

ДЕРИВАЦИОННЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ФОРМАХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

ИРЯ
институт русского языка им. в. в. виноградова

В категории числа в современном языке наблюдается ряд новых фактов, источником которых в большинстве случаев являются профессиональные и научно-технические области языковой деятельности. Для осмысления этих явлений необходимо в кратких чертах осветить структуру категорий числа, сказать о ее составных частях и важнейших признаках.

Категорию числа имен существительных в русском языке составляют формы, противопоставленные по числу (имеющие числовые корреляции), и формы не противопоставленные (не имеющие числовых корреляций).

Для форм противопоставленных характерны, во-первых, формы релятивно-коррелирующие, которым свойственны количественные соотношения: *стол—столы*, *книга—книги*; во-вторых, формы деривационно-коррелирующие, для которых характерны иные семантические отношения, например, действие — результат (*высевка—высевки*); вещество—виды вещества (*масло—масла*); качество — предметы, обладающие этим качеством (*емкость—емкости*).

www.ruslang.ru

Релятивно-коррелирующие формы числа, выражая количественное соотношение, представляют один и тот же семантический класс предметов. Формы деривационно-коррелирующие, семантика которых не основана на количественных соотношениях, принадлежат к семантически разным классам: например, *высевка* — действие, отвлеченное существительное, *высевки* — продукт этого действия, конкретное существительное; *емкость* — отвлеченное качество, *емкости* — конкретные предметы, обладающие этим качеством, и под.

Кроме имен, имеющих противопоставленные формы, значительное место в категории числа занимают имена, не составляющие числовых корреляций. Это в собственном смысле sin-

gularia или pluralia tantum (хотя в известном смысле так можно назвать и формы деривационно-коррелирующие) [1]. В группу имен, не вступающих в числовые корреляции, входят имена собирательные (*студенчество*, *детвора* и под.), вещественные (*молоко*, *мясо* и под.), абстрактные (*коммунизм*, *вечность* и под.), а также разнообразные по своей семантике имена типа *ножницы*, *чернила*, *переговоры* и под.

Отсутствие одной из форм числа не может, на наш взгляд, свидетельствовать об отсутствии категории числа вообще [2].

Имена singularia и pluralia tantum, не образующие числовых корреляций, имеют определенное грамматическое оформление, которое связывает их с именами, обладающими формами ед. и мн. числа (например, *большие часы стоят на столе* и *интересные книги лежат на полке*: в этих предложениях имена *часы* и *книги* имеют одинаковое морфологическое оформление, а также одинаковое согласование с прилагательным и глаголом в формах мн. числа). Следовательно, можно говорить о форме числа и по отношению к именам singularia и pluralia tantum.

Таким образом, категория числа объединяет и релятивные, и деривационные корреляции, а также формы, находящиеся вне корреляций.

В статье рассматриваются деривационно-коррелирующие формы; именно в этой группе явлений наблюдается за последние десятилетия наибольшее число изменений, что вполне естественно, так как эта часть категории в большей степени связана с лексическим значением, а лексика — наиболее подвижная часть языка. Статья посвящена анализу деривационно-коррелирующих форм числа имен вещественных и отвлеченных. Рассматривается употребление форм мн. числа имен, обозначающих действие (с суффиксом *-ка* и бессуффиксных) [3], и имен, обозначающих качество (с суффиксом *-ость*), а также наиболее продуктивные изменения в значении форм числа у вещественных существительных: расширение употребления форм мн. числа, обозначающих сорта, виды вещества, а также рост образований, имеющих собирательно-родовое значение, типа *мясопродукты*, *боеприпасы* и под., употребительных преимущественно в формах мн. числа.

---

[1] Грамматическая соотнесенность данных форм дает основание не считать их именами singularia или pluralia tantum, хотя они и различны по своему лексическому содержанию.

[2] А. А. Реформатский. Число и грамматика. «Вопросы грамматики». Сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, стр. 384—400.

[3] Имена с суффиксом *-ние* не рассматриваются, так как в числовых корреляциях этих имен за последнее время значительных изменений не происходит. Кроме того, они аналогичны изменениям, которые наблюдаются в именах с суффиксом *-ка* и бессуффиксных; отдельные факты употребления форм числа подобных имен приводятся в качестве иллюстраций.

I. УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН ОТВЛЕЧЕННЫХ

1. Имена отвлеченные, обозначающие действие

В современном языке становятся широко употребительными формы мн. числа имен действия. Это преимущественно имена с суффиксом *-ка*: *заготовка—заготовки*, *поломка—поломки* и под.; сложные имена типа *лесозаготовка—лесозаготовки*, *лесопосадка — лесопосадки*, возникшие на основе имен с суффиксом *-ка*, а также имена бессуффиксные *расплав — расплавы*, *простой—простои*, *смыв—смывы* и под. Сфера употребления подобных имен постоянно расширяется, хотя преимущественно они свойственны профессиональной речи, именно в ней они и возникают.

В специальном употреблении может выделиться из общего названия процесса название единичного акта, например *один полив*, *одна поломка* и под. Значения единичного акта действия у имен, обозначающих действие вообще, определяются теми контекстными условиями, в которых выступают данные слова. Обозначая единичное действие, эти имена легко сочетаются с числительными и образуют формы мн. числа: *два-три полива*, *несколько обрывов*, *много простоев*, *несколько мотыжений* и под. В этом случае отношение форм числа количественное: один — не один, много (такое же, как в именах исчисляемых) [4]. В общеупотребительной речи не так часто встречается потребность в подобном использовании данных имен, оно свойственно преимущественно специальной, профессиональной речи [5].

---

[4] Этот процесс можно отметить в именах разного типа, преимущественно в профессиональном употреблении: Тогда при незначительных *корректировках* в полете траектория корабля выводится на лунную орбиту («Лит. газета», 11 апр. 1963 г.); Объем *продаж* других 100 943 ферм составлял от 40 000 долларов до 50 000 долларов. Хотя правительство не считает нужным сообщать, какой процент от общих *продаж* всех фермерских хозяйств в стране падает на долю этих гигантских ферм... («Сельская жизнь», 6 апр. 1963 г.); *Погони* за преступниками с собаками, применение огнестрельного оружия, к счастью, очень и очень редкое явление... (там же, 5 марта 1963 г.); *Три рыхления, две подкормки* помогли посевам окрепнуть (там же, 24 мая 1963 г.); Во время вегетации капусте дают до *10* и *более поливов*. В колхозе налажен строгий контроль за качеством *поливов* (там же, 31 июля 1963 г.).

[5] Например: На луговых почвах дают *один-три полива* («Сельская жизнь», 19 янв. 1963 г.); ...устройство для проведения контрольных *доек* (там же, 12 янв. 1963 г.); *Количество обрывов* нитей на ватер-машине зависит во многом от состояния опойковых валиков (А. Д. Курочкин, Спутник ватерщицы); Устранение *утечек* нефти и газа («Единый перечень профессий рабочих». Переработка нефти и газа); Панорамирование микрофонов во время *съемок* общих и средних планов и больших декораций (там же, Производства культурного назначения); Особенно мало внимания обращают на потери *при перекачках* жидкого удобрения из одной цистерны в другую («Сельская жизнь», 16 апр. 1963 г.); Посевы хлопка получили только *один* полив, да и то не на всей площади (там же, 21 мая 1963 г.); Для ремонта машин и проведения *технических уходов* в отделении создано пять специализированных бригад (там же, 17 марта 1963 г.).

Формы мн. числа имен, обозначающих единичное действие, в литературном языке часто начинают называть действие вообще, а не только многократные акты действия: например, *простои, обрывы*. В этом случае не могут сохраняться реляционные количественные соотношения форм числа, так как обозначение действия вообще по самой своей семантике чуждо представлению о счете, количестве; и тогда формы мн. числа по отношению к формам ед. числа приобретают иные семантические оттенки, например значение сложного действия или результата (*заготовка, поставка* — процесс; *заготовки, поставки* — и процесс, и предмет; *смыв, обрыв* — действие; *смывы, обрывы* — результат действия). Отношения форм числа приближаются здесь к словообразовательным, так как они обозначают семантически разные классы явлений. Эти корреляции лишены количественных значений, характерных для словоизменительных форм.

В бессуффиксных именах иногда значение результата действия имеет место уже и в ед. числе, т. е. присуще слову, а не одной из его форм: *подсчет, простой* и под. Но в этих случаях значение результата действия, видимо, все же является вторичным. Часто значения действия и результата тесно связаны и трудно отделимы одно от другого: ...машина работала без брака, *простоев и обрывов* («Ленингр. правда», 29 мая 1934 г.). Несмотря на тесную связь значений действия и результата намечается все же определенное разграничение: ед. число в большей степени обладает значением действия, а мн.— результата. Такому закреплению значений может способствовать и то, что формы множественного числа выражают более конкретное значение (ср., например, *страх* — вообще и *страхи* — чьи-либо), а также и тот факт, что в этом случае подчеркивается многоактность процесса, результатом которого является данный предмет, например: ...посевы и *высадки* сахарной свеклы опыливают дустом («Колхозное производство», 1962, № 6). *Высадка* — процесс, *высадки* — результат многоактных действий. Или же:... ...между предприятием, выделяющим вредные для здоровья *выбросы*, и жилыми кварталами должен быть определенный промежуток... («Изв.» 6 авг. 1960 г.). *Выбросы* — результат многоактных действий. В меньшей мере значение результата свойственно ед. числу, например: Перед лазом — большой *выброс* песка почковидной формы... (А. Н. Формозов, Спутник следопыта). Здесь *выброс* — также имеет значение вещественного результата действия, как и в форме мн. числа.

Именно в случаях близкого значения форм ед. и мн. числа наблюдается известный параллелизм в употреблении форм числа.

Как уже сказано, возможность образования форм числа у рассматриваемых имен связана с профессиональным употреблением данных имен для обозначений единичного акта

действия. В этом же случае слово, видимо, может получать и значение результата этого действия: *простой*, *просчет*, *разрыв*, *смыв*, *поломка* и под. Значения многоактности и единичности, в силу некоторой конкретизации действия, могут, видимо, способствовать появлению значения результативности.

Возможность образования форм числа в некоторых случаях связана также и с «опредмечиванием» имен действия, развитием в них предметного значения; подобные процессы наблюдаются как в именах суффиксальных, так и бессуффиксных[6]. «Опредмечивание» имен действий представлено именами суффиксальными, обозначающими предмет, в котором содержится овеществленный результат действия: *стрижка*, *укладка* (по типу *прическа*), ср. *короткая*, *модная стрижка*; *красивая укладка*; *новые модели стрижек*: *Стрижка* бывает разная. Есть нулевая, есть под гребенку... (В. П. Катаев, Сын полка); Мастер парикмахерского искусства рассказывает о последних моделях причесок и *стрижек* («Веч. Москва», 15 марта 1957 г.); Гораздо выгоднее сделать один перманент, а не возиться с несколькими *укладками* и *стрижками* («Неделя», 9—15 сент. 1962 г.).

То же и в профессиональной литературе: К фасонным *стрижкам* относятся: *«полька»*, *«полубокс»* и т. д. (А. И. Куликов, Парикмахерское дело). Из профессиональной речи эти слова проникают и в литературный язык.

Формы числа имен суффиксальных и бессуффиксных, имея много сходных моментов, обладают и некоторыми особенностями. Так, в именах суффиксальных (типа *поломка*, *заготовка*) формы мн. числа, наряду со значением результата действия, общим для всех рассматриваемых имен, имеют значение сложного действия[7]: *заготовка—заготовки*, *поставка—поставки*, *закупка—закупки* и под. На основе указанных имен создаются широкоупотребительные образования типа *хлебопоставки*, *сенозакупки*, *лесопосадки* и под. Эти образования отмечены преимущественно в форме мн. числа, формы ед. числа у таких существительных редки, ср., например: Товарищ Огнев, ты член Областкома и забыл о том, что сейчас надо заняться не только устройством коммуны, а и, главным образом, *хлебозаготовкой*... (Ф. И. Панферов, Бруски [в письме секретаря обкома]).

Преобладание форм мн. числа в значении сложного многоактного действия может быть поддержано и именами pluralia tantum типа *хлопоты*, *выборы*, *переговоры*, *дебаты* и под.

В именах бессуффиксных можно отметить другую особенность, в большей степени свойственную им: параллельное упо-

---

[6] См.: В. П. Даниленко. Словообразование в производственной терминологии. «Вопросы культуры речи», вып. II. М., 1959, стр. 31—48.

[7] Характер сложного действия может заключаться в его многоактности или многоэлементности.

требление форм числа, происходящее, видимо, из-за неразграниченности их значения, из-за их недостаточной противопоставленности. В ряде случаев возможна взаимозамена этих форм без изменения смысла, преимущественно в тех случаях, когда обе формы имеют значение результата действия, например *привес—привесы*, *настриг—настриги*, *надой—надои*, *простой—простои*, *подсчет—подсчеты* и под. Так, в одном и том же контексте в журнальных статьях[8] можно встретить параллельные употребления форм числа: За апрель он получил среднесуточные *привесы* по 900 граммов, а всего *привес* составляет 28 килограммов на каждое животное в месяц («Колхозное производство», 1962, № 8); ...экономили время на значительном сокращении *простоев* ...*простой* не только поглощает время, но, нарушая планомерность процесса, понижает и работоспособность... («Соц. реконстр. сельского хозяйства», 1934, № 6); *Для подсевов* необходимо вначале испытать устойчивость подсеваемых трав ...*Для подсева* могут быть испытаны тимофеевка, овсяница луговая (там же); ...расширение площадей *посева* кукурузы .. расширение *посевов* кукурузы... (там же, 1934, № 4). Значение результата действия выражается все же четче мн. числом (ср. выше *посевы* и *посев*, *подсевы* и *подсев*).

Выбор форм ед. и мн. числа, возможно, в некоторых случаях обусловлен конкретным или отвлеченным значением существительного. Так, форма *поиски* может употребляться по отношению и к конкретному, и к отвлеченному понятию. Например, по отношению к конкретному понятию: *поиски* вены, *поиски* месторождений нефти, *поиски* подводной лодки (существительному *поиски* присуще в этих случаях конкретное значение); по отношению к отвлеченному понятию: *поиски* истины, творческие *поиски*, *поиски* причины высокой себестоимости (*поиски* имеет отвлеченное значение). Форма ед. числа *поиск* конкретное значение имеет преимущественно в профессиональном употреблении[9]. В литературном языке эта форма употребляется чаще применительно к отвлеченному понятию. В последнее время подобное употребление получило широкое распространение: *творческий поиск*, *поиск новых решений*, *смелый поэтический поиск*, *научный поиск*, *поиск талантов* и под. В литературном языке XIX в. подобное употребление слова *поиск* не отмечено.

---

[8] Были проанализированы журналы по сельскому хозяйству: «Сельскохозяйственная жизнь» за 1930 г., «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» за 1934 г., «Колхозное производство» за 1962 г.

[9] Так, в геологической разведке: ...совместный *поиск*, предпринятый советскими и болгарскими геологами («Неделя», 1962, № 15); также в языке охотников: Первое дело — смелость, второе — умелый *поиск*, такое правило у охотников исстари (В. Саянов, Небо и земля); или же в военном языке: Травкин в первый же *поиск* взял с собой Аниканова (Эм. Казакевич, Звезда). Во всех этих случаях можно отметить оттенок профессионального употребления.

Такова группа имен отглагольных, в которых наблюдаются в современном языке колебания в употреблении форм числа, вызванные отсутствием противопоставленности этих форм по оттенкам значения [10].

Характерной чертой форм мн. числа имен действия в современном языке по сравнению с языком XIX в. является их бóльшая широта и регулярность. Так, в языке XIX в. можно найти аналогичные же отношения форм типа *поставка — поставки* [11], но в современном языке эти отношения представлены значительно более широким кругом имен, и не только суффиксальных, но и бессуффиксных. Корреляции форм числа бессуффиксных имен, видимо, получили широкое распространение именно в языке XX в. под влиянием суффиксальных образований.

Для современного языка характерно такое расширение употребительности форм мн. числа не только в профессиональной, но и в литературной речи.

2. Имена отвлеченные, обозначающие качество (с суффиксом-*ость*)

В современном языке расширилось употребление форм мн. числа имен отвлеченных с суффиксом *-ость*, образованных от прилагательных, имеющих значение качества неодушевленного предмета. Именно эти формы и рассматриваются в настоящей статье. Формы мн. числа подобных имен обозначают преиму-

[10] Неразличение значений и параллелизм в употреблении форм числа можно отметить и в формах *гонка—гонки* (и также *вело-, авто-, мотогонки*), где различия в употреблении форм числа, по-видимому, лишь жанровые: в общем употреблении чаще мн. число — *гонки*, в языке же спортивных репортажей (профессиональное) — ед. число — *гонка*. Так, в газетных заметках о спорте преимущественно отмечается форма ед. числа: Четырехдневная *гонка* по Сочи... («Изв.», 9 апр. 1962 г.); Международная велосипедная *гонка* (там же, 16 мая 1962 г.); Советские велосипедисты — участники международной *велогонки* мира... (там же, 10 мая 1962 г.) и под. В литературном же языке преобладает форма мн. числа. Так, в повести Г. Садовникова «Суета сует» («Юность», 1963, № 3) — только *гонки* и *мотогонки*, в «Записках штурмана» М. Расковой — *гонки*. В живом разговорном языке также преимущественно форма мн. числа — *гонки, автогонки*.

Литературному языку XIX в., наоборот, по-видимому, была свойственна в большей мере форма ед. числа — *гонка*. Так, например, у П. А. Вяземского: Была регата, *гонка* гондол («Старая записная книжка»); то же и у Д. Н. Мамина-Сибиряка: ...скоро будет *гонка* на гичках («Бурный поток»).

Преобладание форм мн. числа в современном языке может быть вызвано отчасти также и борьбой с омонимией: ср. *гонка вооружений* и *спортивная гонка* — состязание. Поддерживается мн. число в этом случае также и наличием имен типа *состязания, соревнования, скачки, бега* и под.

[11] Например, у Л. Н. Толстого: Но начались дожди, не дававшие убрать оставшиеся в поле хлеба и картофель, и оставили все работы и даже *поставку* пшеницы («Анна Каренина»); то же и у М. Е. Салтыкова-Щедрина: Урожай хорош, и *заготовки* вышли удачные («Пошехонская старина»). Числовые корреляции бессуффиксных имен не представлены в имеющихся материалах.

щественно конкретные проявления качеств, названных ед. числом: *сложность—сложности, возможность—возможности, скорость—скорости* и под. (ср., например, широко распространенное в современном языке употребление: *увеличение скоростей машин, развивать большие скорости, применение повышенных скоростей* и т. д.).

Преимущественно профессиональному употреблению свойственны такие образования форм мн. числа, как *освещенности, влажности, интенсивности*. Ср: Передача при низких *освещенностях* (БСЭ, т. 42); ...защита становится ненужной и, наоборот, вредней в ночных условиях, при очень слабых *освещенностях* (С. И. Вавилов, Глаз и Солнце); Зерновой влагомер для высоких *влажностей* («Колхозное производство», 1962, № 9); ...раздражения проводятся изолированно при известных отношениях *интенсивностей* (И. П. Павлов, Экспериментальная психология и психопатология на животных); ...Опыт с кольцами удается с тем же результатом при сколь угодно малых *интенсивностях* (С. И. Вавилов, Глаз и Солнце).

В этих контекстах формы *освещенности, влажности, интенсивности* указывают на разные проявления качества (ср., *очень слабые освещенности, высокие влажности, сколь угодно малые интенсивности*). Во всех приведенных случаях необходимость указать на некоторые разновидности таких качеств, как *освещенность, влажность, интенсивность*, стимулирует употребление формы мн. числа.

Характерными также для языка нашего времени, преимущественно в профессиональном употреблении, являются формы мн. числа, обозначающие конкретные предметы, обладающие качеством, названным формой ед. числа: *мощности* (производственные объекты), *емкости* (цистерны, помещения и под.) [12]; ср. в словосочетаниях *рост производственных мощностей, излишки производственных мощностей, ввести в действие новые мощности* и под. Такие выражения часто встречаются в документах, газетах и даже в художественных произведениях: Его тревожило состояние одной из важнейших *мощностей* завода — большой мощности пресса (А. Караваева, Огни).

Наряду с предметами форма мн. числа *мощности* может обозначать и множество разновидностей «мощностей», т. е. приближается к реляционному обозначению числа. В ряде случаев эти значения тесно соприкасаются. Так, *ввести в действие*

[12] Отношение форм числа примерно то же, что в *копченость—копчености* (единственное — отвлеченное качество; множественное — собирательное обозначение предметов, имеющих это качество). В словаре С. И. Ожегова указано ед. число *копченость* 'копченый съестной продукт' («Словарь русского языка»), но предметное значение ед. числа в этом случае, возможно, вторично; «Толковый словарь» под ред. Д. Н. Ушакова приводит только форму мн. числа, «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР дает форму *копчености* с указанием, что ед. число употребляется редко.

новые мощности может относиться к обоим значениям: 'новые мощности машин' и 'новые машины'. Это имеет место и в приведенном примере у А. Караваевой.

Аналогичны по значению и числовые корреляции *емкость—емкости*, где *емкости 'складские помещения', 'резервуары для топлива, для силоса';* ср.: Очистка тары и *емкостей* («Единый перечень профессий рабочих». Пищевая пром., 1962); Вода хранится в цистернах и других *емкостях* («Техника—молодежи», 1962, № 1); ...нужны для нормальной эксплуатации сооружения большие *емкости* под нефть (В. Ажаев, Далеко от Москвы).

Таково же и отношение форм *вредность — вредности*, где форма мн. числа обозначает собирательно различные типы раздражителей: газ, пыль, пары и под., например: ...защита человека от профессиональных *вредностей* («Здоровье», 1961, № 10); ...эти простые, но эффективные установки улавливают производственные *вредности* (пыль, пары, газ)... («Изв.», 16 апр. 1953 г.).

Тексты, где конкретное значение выражено и в форме ед. числа, единичны, например: *Шумы — одна из разновидностей вредности* («Строит. газета», 16 дек. 1956 г.). Здесь отношение форм числа *вредность—вредности* близко к отношениям, характерным для имен вещественных: *нефть—нефти, масло—масла́.*

Таким образом, сравнительно недавно появились в языке числовые корреляции типа *емкость—емкости, мощность—мощности, вредность—вредности* (эти имена свойственны преимущественно профессиональной речи), отношения в этом случае деривационные, формы ед. числа обозначают отвлеченное качество, а формы мн. числа — конкретные предметы, обладающие этим качеством (с оттенком собирательности).

Деривационные отношения в этих именах могут перерастать в реляционные по типу, представленному соотношениями *копченость—копчености*, когда ед. число приобретает конкретное предметное значение. Аналогичные соотношения появляются и в таких формах числа, как *вредность—вредности*, но эти соотношения не отмечены в корреляциях *емкость—емкости* и *мощность—мощности.* Мн. число во всех этих случаях имеет оттенок собирательного значения.

II. УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН ВЕЩЕСТВЕННЫХ

В именах вещественных, представляющих интерес с точки зрения употребления форм числа, можно выделить две группы, характеризующиеся разными семантическими отношениями форм числа: 1) отношение типа *нефть—нефти, масло—масла́*, где формы мн. числа обозначают разновидности, сорта вещества, и 2) отношение типа *материал—материалы, продукт—продук-*

ты и (на их базе) *лесоматериалы, хлебопродукты* и под., где формы мн. числа имеют родовое собирательное значение.

1. А. Х. Востоков, говоря о форме мн. числа вещественных имен, отмечает следующее: «Когда говорится о разных разборах какого-либо вещества, тогда имя оного обращается из сплошного в единичное и может употреблено быть в числе множественном, например, сургучи красный и черный; масла конопляное, маковое, льняное, разные соли» [13].

С точки зрения образования форм числа эти имена приближаются к конкретным. Однако их отличительной чертой является качественный оттенок значения форм мн. числа [14]. В этих случаях речь идет о разных сортах, видах обозначаемых веществ. Здесь, по определению Г. О. Винокура, представлена «качественная множественность», что и дает основание считать эти отношения деривационными.

Употребление мн. числа имен вещественных (*почвы, мрамо-ры, нефти, соли* и под.) свойственно преимущественно профессиональной речи, в литературном языке это употребление расширяется главным образом за счет проникновения специальной лексики.

Для языка XX в. характерна практически «безграничная» возможность образования форм числа от имен вещественных, что может быть обусловлено очень широким употреблением в языке форм типа *масла́, нефти, соли* и под. По образцу этих имен могут образовываться формы мн. числа даже и у имен, которые обычно форм числа не имеют (*золото, молоко*), например: Клонится колос родимый,| Ветер — внемли и подъемли — | с пажитей,| с пашней — | Клубы воздушного дыма| Дымные *золота* земли (А. Белый, Колос).

У М. А. Шолохова в речи одного из персонажей: — Нету времени *молоки* распивать («Тихий Дон»). В этом случае формы мн. числа имеют эмоционально-усилительное значение, они не являются регулярными, как *масло—масла́, нефть—нефти* и под. Эти формы имеют окказиональный характер, их значение обусловлено контекстом. Возможность образования форм числа в этих случаях может быть ограничена стилем речи: формы эмоционально-усилительные преимущественно употребительны в разговорном или поэтическом стиле, формы же со значением сортов, видов свойственны как правило профессиональному употреблению.

В группе вещественных имен, так же как и у имен отвлеченных, можно наблюдать в некоторых случаях образование

---

[13] А. Х. Востоков. Русская грамматика. Изд. 10. СПб., 1859, § 22, стр. 15—16.

[14] Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды Московского ин-та истории, философии и литературы», т. V. Сб. статей по языкознанию, 1939, стр. 9—10.

реляционных числовых корреляций, что можно проиллюстрировать употреблением типа: *Из всех сортов столовых вин* я предпочитаю *одно вино*... В этом случае отношение форм числа *вино—ви́на* такое же, как у конкретных имен.

Это явление, как и в именах отвлеченных, связано с возникновением предметного значения у вещественных имен в форме ед. числа, что в свою очередь обусловлено регулярностью образования подобными именами форм числа, вследствие того что формы мн. числа в этом случае имеют конкретное предметное значение, последнее в некоторых контекстах распространяется и на формы ед. числа.

2. Вторая группа имен вещественных, представляющих в современном языке продуктивные образования,— это образования, возникшие на основе имен типа *запас—запасы, товар—товары, продукт—продукты, материал—материалы* и под.: *культтовары, спорттовары, промтовары, радиотовары, мясопродукты, хлебопродукты, нефтепродукты, стройматериалы, лесоматериалы, сетематериалы, виноматериалы*[15], *боезапасы, боеприпасы, огнеприпасы* и под. Эти образования употребительны преимущественно в форме мн. числа, что может в значительной мере поддерживаться наличием в языке большого числа «чистых» pluralia tantum, близких по семантике, например: *огнеупоры, запчасти, рыбоконсервы, металлоотходы, бронесилы, ядохимикаты* и под. Большое место здесь принадлежит химическим терминам: *фосфаты, полимеры, мономеры* и под. Все эти имена являются родовым названием ряда предметов, веществ, которые объединены или общим назначением, или какими-нибудь другими общими свойствами.

Формы ед. числа образований типа *лесоматериал, боезапас* и под. имеют оттенок разговорно-просторечного или профессионального употребления. Формы типа *стройматериал, боезапас* и под. в большинстве случаев имеют оттенок собирательного значения, как и соответственные формы мн. числа, например: В однодневье и на лесоучасток езжай, и удобрение вези, и *стройматериал* с колхозной лесосеки вози (Г. Николаева. Жатва); На него возлагалась главная задача: раздобыть *лесоматериал* (С. Бабаевский, Кавалер Золотой звезды).

То же в профессиональной речи: Освоение нового *стройматериала* газобетона начато недавно на трех московских заводах («Наука и жизнь», 1957, № 2); В январе 1954 года район получил 28 кубометров древесины и 15 кубометров *пиломатериала* («Сельское хозяйство», 8 сент. 1955 г.); Одним из недостатков, широко распространенных в мясной торговле, является отсутствие четких данных, позволяющих относить *мясопро-*

[15] ...Поступила просьба отправить коньяки и *виноматериалы* в Венгрию и во Францию («Изв.», 2 апр. 1962 г.).

дукт к тому или иному сорту («Советская торговля», 14 янв. 1954 г.).

В терминологическом же употреблении возможно и отсутствие собирательного значения. Так, слово *боеприпас* имеет значение 'один из видов крупной техники — ракета, бомба' и под. Форма мн. числа *боеприпасы* в этом случае имеет количественное значение, соотношение форм реляционное. Но подобное употребление этих имен в литературном языке отсутствует, что может объясняться их ярко выраженной собирательностью.

Таким образом, в употреблении деривационных числовых корреляций можно отметить некоторые явления, характерные в основном для языка XX в.

1. Расширение образования числовых корреляций имен отвлеченных — отглагольных суффиксальных (с суффиксом *-ка*) и бессуффиксных. Параллелизм в употреблении этих форм, вызванный недостаточной разграниченностью их значения, может свидетельствовать об их еще недостаточно определившемся значении в языке (в большей мере это относится к именам бессуффиксным).

2. Расширение употребительности форм мн. числа имен вещественных, практически безграничная возможность образования форм мн. числа в этих именах. Формы типа *нефти, маслá, соли* и под. постепенно завоевывают себе право на существование в литературном языке (ср. высказывания А. А. Шахматова и Г. О. Винокура о том, что эти формы свойственны лишь профессиональной речи) [16].

3. Увеличение образований типа *лесопосадки, мясозаготовки, хлебопродукты*, лесоматериалы и под. Преимущественное употребление формы мн. числа в этих случаях может поддерживаться аналогичными по семантике именами pluralia tantum, например *бронесилы, огнеупоры, металлоотходы*, а также *переговоры, дебаты, хлопоты* и под.

Во всяком случае, если роль pluralia tantum и не является решающей для расширения употребительности форм мн. числа имен, близких с ними по значению, то все же их наличие не может этому не способствовать.

4. Образование на основе деривационных отношений форм числа отношений реляционных, соотносительных, имеющих количественное значение. Эти факты наблюдаются у имен вещественных в определенных контекстах типа: *Из всех масел одно масло самое хорошее.* Здесь соотношение форм *масло — маслá* имеет количественное значение, это формы реляционно-коррелирующие, в этом случае ед. числу также свойственно конкретное значение единичного предмета.

---

[16] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, II, Л., 1927, стр. 21—22; Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 9—10.

Аналогичные явления наблюдаются и в соотношениях форм числа отвлеченных имен типа *вредность—вредности*. В литературном языке есть соотношение: *копченость—копчености*; первоначально, видимо, оно было по характеру таким же, как *мощность—мощности* (отвлеченное качество и предметы, обладающие этими качествами). Форму *копчености* приводит словарь Ушакова с пометой «спец.» (копченые продукты) с указанием «единственного нет». Словарь Ожегова уже указывает обе формы с тем же значением. В этом случае предметное значение ед. числа вторично. Возможно, аналогичное предметное значение может появиться и в формах ед. числа имен *емкость, мощность* и под., но эти значения в настоящее время не отмечены, хотя отдельные факты уже могут свидетельствовать об их возможном существовании, например употребление типа: *Шумы — разновидность вредности*, где значение существительного *вредность* уже приближается к конкретному.

В этих случаях реляционные отношения числовых форм являются следствием их более регулярного образования, так как формы мн. числа имен вещественных и имен отвлеченных имеют в этих случаях конкретное предметное значение. При регулярном образовании этих форм значение конкретности, предметности становится свойственным также и формам ед. числа.

Образование соотносительных числовых корреляций можно наблюдать и у имен отглагольных, но в этом случае оно связано с осознанием действия как единичного акта, а форм мн. числа — как некоторое число подобных актов. Например: *перегрузка — перегрузки, съемка — съемки, погоня — погони, продажа — продажи, полив — поливы, мотыжение — мотыжения* и под.

Н. А. Еськова

ОБРАЗОВАНИЕ СИНТЕТИЧЕСКИХ ФОРМ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Задача настоящей статьи — морфологический анализ образования синтетических форм сравнительной степени с суффиксами *-ее(-ей)*, *-е*, *-ше* и образований с суффиксом *-ейш-(-айш-)*, традиционно относимых к формам превосходной степени. Устанавливается степень продуктивности этих морфологических моделей и выявляются структурные ограничения, с которыми связано их функционирование в языке. Стилистический аспект присутствует в той мере, в какой это необходимо для поставленной задачи. В работе (кроме словарей и грамматик) использован материал литературных текстов разных жанров с начала XIX в. до нашего времени[1]. При этом сделаны выводы об изменениях, происшедших в образовании форм степеней сравнения за последние полтора столетия развития литературного языка.

I

Синтетические формы сравнительной степени прилагательных и наречий[2] в современном литературном языке могут быть образованы с суффиксами *-ее(-ей)*, *-е*, *-ше* и в редких случаях

[1] Кроме большого количества текстов, просмотренных специально (при этом сплошной выборке подвергались в основном редкие формы), использованы и случайные примеры; материал пополнен за счет картотек словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания (эти примеры снабжены пометой «ЛК»), сектора современного литературного языка и культуры речи и сектора истории литературного языка Института русского языка. В очень небольшой степени использованы наблюдения над устной речью. Не давая оснований для каких-либо подсчетов, данный материал достаточно значителен, чтобы судить о степени распространенности целого ряда образований и с уверенностью констатировать в определенных случаях почти полное отсутствие в языке отдельных форм. В работе отдается предпочтение материалу XX в.; примеры из более ранних источников (в очень редких случаях — из текстов XVIII в.) приводятся тогда, когда речь идет о явлениях, одинаково характерных для всего рассматриваемого периода (при этом материал хронологически не разделяется).

[2] Для морфологического анализа несущественно, как соотносятся между собой формы сравнительной степени, употребляемые в синтаксических функ-

супплетивно[3]. К форме любого образования может быть присоединен префикс *по-*[4]. Никаких структурных ограничений в присоединении этого префикса не наблюдается.

Невозможность присоединения *по-* к каким-либо формам является признаком морфологической ущербности этих форм. Так, в литературном языке нашего времени не соединяются с *по-* формы *более, менее, далее, долее, ранее*, обнаруживающие и другие отличия от обычных форм сравнительной степени (см. об этом дальше). Не соединяется с *по-* и форма *пуще*, обладающая лишь некоторыми признаками синтетической формы сравнительной степени.

В статье Й. Юхаса «Форма сравнительной степени с приставкой *по-* в современном русском литературном языке»[5] высказано мнение о наличии ограничений в образовании форм с *по-*: автор считает, что эти формы как правило не образуются от прилагательных определенной семантики (несовместимой с экспрессивной окрашенностью форм с *по-*), от отпричастных прилагательных, от префиксальных прилагательных с *не-* и *без-*. Эти формы практически редки, но все они структурно возможны. См., в частности, несколько примеров употребления форм с *по-* от прилагательных с приставкой *не-*: Все старается *понезаметней*, Все молчком, сутулясь, стороной (Л. Ошанин, Зоя Павловна); Когда Люда Романова окончила среднюю школу, ее отец тоже стал придумывать ей специальность *понеобыкновенней* («Советская культура», 13 ноября 1954 г.); ...все выбирает себе работенку *понепыльнее* да полегче... («Изв.», 30 ноября 1962 г., № 285).

Формы с суффиксом *-ше* немногочисленны и в литературном языке абсолютно непродуктивны[6]. Формы основной массы прилагательных распределяются между суффиксами *-ее(-ей)* и *-е*, далеко не равноценными в отношении степени продуктивности. Это распределение обусловлено морфонологически: суффикс *-е* закономерно присоединяется к основам на *к*, *г*, *х*, суффикс *-ее*, за редкими исключениями, к этим основам не присоединяется[7].

циях прилагательных и наречий (*удар был сильнее* и *ударил сильнее*). Все эти неизменяемые формы условно рассматриваются в данной статье как образованные от основ прилагательных.

[3] Это формы *меньше (малый, маленький), лучше (хороший), хуже (плохой)*. Последняя супплетивная пара недавнего происхождения (ср. соотношения *худой — хуже* и *плохой — плоше*).

[4] В данной связи неважно, какое видоизменение вносит префикс *по-* в основное значение форм сравнительной степени. Существенна сама возможность присоединения этого префикса как общая морфологическая особенность синтетических форм сравнительной степени.

[5] «Studia slavica», 1958, t. IV, стр. 109—110.

[6] Это следующие формы: *раньше, старше, тоньше, горше, дальше, дольше;* суффикс *-ше* может быть выделен также в формах *больше* и *меньше* из соотношений с *более* и *менее*, но из соотношений с соответствующими прилагательными положительной степени (*большой* и *малый, маленький*) он не выделяется. Известную продуктивность суффикс *-ше* обнаруживает лишь за пределами литературного языка: см. просторечные формы *дешевше, длиньше*, здоровше, *красивше, тяжельше, крепше, легше, мягше, ширьше* (в материале единичными примерами отмечены еще *весельше, скользше*).

[7] В литературном языке нашего времени утвердились лишь две такие формы — *бойчее* и *ловчее*.

От прилагательных с основами не на *к, г, х,* за исключением небольшой группы слов, имеющих непродуктивные формы с суффиксом *-е*[8], закономерно образуются формы на *-ее* (*-ей*).

Присоединение суффиксов *-ее* и *-е* сопровождается чередованием конечных согласных основы разного типа: ср.: *пря-*<м'>*ее, гру*<б'>*ее, лени*<в'>*ее* и *деше*<вл'>*е*; *ху*<д'>*ее, делови*<т'>*ее* и *моло*<ж'>*е, бога*<ч'>*е*; *ко*<с'>*ее, мер-*<з'>*ее и вы*<ш>*е, ни*<ж>*е, пуши*<с'т'>*ее* и *про*<щ'>*е*. При этом сложились такие соотношения, что от основ на согласные, не различающие двух типов чередований (или вообще не чередующиеся, как *ч, ж, щ*), образуются как правило только формы с одним из суффиксов: от основ на *н, р, л* и *ч, ж, щ* — только на *-ее*, от основ на *к, г, х* только на *-е* (исключение среди литературных форм составляют лишь *шире* и *бойчее, ловчее*).

Сюда относится и *больше*, если исходить из современного соотношения с *большой* (кстати, остальные прилагательные с основами на *ш* не имеют форм сравнительной степени, но ясно, что они должны были бы иметь формы на *-ее*). Другие формы, нарушающие отмеченную закономерность, находятся за пределами современной литературной нормы. Это *старе, тяжеле, дале, доле, боле, мене, ране*, формы вроде *громчее, горчее* и т. п. (о которых подробнее будет сказано ниже) и очень редкие образования на *-е* от основ на шипящие: *дюже, пригоже, тоще, жгуче, могуче*; см., например: Тут не то, что на кулак: поглядим, чем *дюже*... (А. Твардовский, Василий Теркин); Растрепало солнце волосы — Без кудрей, мол, я *пригоже*... (Н. Клюев, Лесные были); Все *тоще* становятся кошельки рабочих («Правда», 7 апр. 1961 г.); Тут Фетинья, которая *жгуче* крапивы и горчей полыни, подхватила куру... (Л. Леонов, Барсуки).

В этом сказалась тенденция избежать такого соотношения между формами, образованными по разным морфологическим моделям, при котором различие в суффиксах не сопровождается различием в чередовании (т. е. того, что мы имеем как исключение в парах типа *шире* и *острее, крепче* и *бойчее*)[9].

* * *

Обычная характеристика суффикса *-е* как непродуктивного нуждается в некотором уточнении. В полной мере непродуктивным он выступает только по отношению к основам не на

---

[8] Это следующие формы: *дешевле, богаче, круче, моложе, тверже, гуще, проще, толще, чаще, чище* (от бессуфиксных основ), *гаже, глаже, жиже, реже, короче, ближе, ниже, у́же, выше, шире* (от бессуффиксных вариантов основ на *-к-* и *-ок-*), *слаще, глубже, позже* (от нерегулярных вариантов основ).

[9] Эта тенденция сыграла известную роль в продолжавшемся несколько столетий процессе перераспределения основ прилагательных между двумя морфологическими моделями, восходящими к исконным суффиксам *-*ějьs* и *-*jьs* (давшим современное *-ее и -е*); см. исследование хода этого процесса в диссертации С. В. Бромлей «История образования форм сравнительной степени в русском литературном языке XI—XVII вв.» (М., 1954); завершился этот процесс только в XIX в.

задненебные (см. перечисленные выше формы), в пределах же тех основ, на которые он распространяется морфонологически закономерно — т. е. среди основ на *к*, *г*, *х*, он обнаруживает некоторое «подобие продуктивности».

Абсолютная непродуктивность морфологического образца означает полную невозможность распространения его на какой-либо круг единиц в качестве действующей модели. Непродуктивные формы не образуются вновь, а лишь воспроизводятся; они представляют всегда замкнутую группу. В большинстве случаев непродуктивные формы бывают широкоупотребительны и стилистически нейтральны. Все это как раз характеризует формы на *-е* от основ не на задненебные (типа *богаче, проще, реже, глубже*) [10].

По отношению к основам на задненебные суффикс *-е* обнаруживает некоторые признаки действующей модели, но действие ее сопряжено со значительными ограничениями. Прежде всего, этот суффикс распространяется только на один из существующих в русском языке суффиксальных разрядов с конечным *к* — на прилагательные с суффиксом *-к-*; прилагательные же с суффиксом *-ск-* регулярно не образуют таких форм [11]. Кроме того, и среди суффиксальных прилагательных с *-к-*, и среди бессуффиксных прилагательных на *к*, *г*, *х* практически далеко не все свободно образуют формы на *-е*.

Прилагательные с суффиксом *-к-* в современном литературном языке составляют небольшую группу, практически непополняемую, хотя этот суффикс сохраняет характер еще живой морфологической модели [12]. От этих прилагательных формы сравнительной степени могут быть образованы как правило

---

[10] Характерно, что даже в виде эксперимента формы на *-е* от основ не на задненебные образуются крайне редко. К числу таких редких исключений относится, например, форма *золоче* у Цветаевой: Нежно светлеют губы, и тень *золоче* Возле запавших глаз («После бессонной ночи слабеет тело...»).

Среди этих форм почти нет и таких, которые не стали бы твердо установившейся нормой литературного языка (сейчас встречается только одна такая форма — *слаже*).

[11] В этих формах не смогло утвердиться чередование *ск—щ* (закономерное с точки зрения морфонологических норм русского языка; ср. форму *площе* от *плоский*, где осуществляется такое чередование). По морфонологическим причинам прилагательные с суффиксом *-ск-* не имеют и форм на *-ее*, т. е. они вообще регулярно лишены синтетических форм сравнительной степени.

[12] В литературном языке употребляется несколько десятков таких прилагательных (в словарь под ред. Ушакова их включено около 100, но часть из них представляет собой малоупотребительные областные слова). Кроме того, у отдельных авторов употребляются образования с этим суффиксом, по отношению к которым не всегда легко решить, являются ли они индивидуальными образованиями или заимствованиями из диалектов (например, отмечены слова: *блёсткий* — у нескольких авторов, *гудкий* — у С. Кирсанова, *дрожкий* — у нескольких авторов, *крошкий* — у М. Шолохова, *лёткий* — у Н. Асеева, *мёрзкий* — у В. Маяковского, *щуркий* — у Л. Леонова и нек. др.). Эти случаи как раз показывают, что данная модель не совсем мертвая.

только с суффиксом *-е*. Но среди этих форм только немногие являются широкоупотребительными, «полноценными» формами [13], большинство же их употребляется крайне редко, многие — настолько редко, что практически почти отсутствуют в языке.

Показательно хотя бы то, как представлены такие формы в материале настоящей работы: зафиксированы формы на *-е* (иногда наряду с формами на *-ее*) у 30 с лишним прилагательных (большинство форм представлено единичными примерами), примерно у такого же количества прилагательных формы не зафиксированы. В материале отмечены формы *весче, вязче, гибче, горче—горьче* (наряду с *горчее*), *громоздче* (в устной речи), *гулче, дерзче, едче, ёмче, жальче—жалче* (наряду с *жальчее — жалчее*), *жутче, знобче, колче, кратче, кротче, ломче, марче* (в устной речи), *мерзче, метче, мыльче — мылче, прытче, пылче* (наряду с *пыльчее, пылчее*), *робче* (наряду с *робчее*), *садче* (наряду с *садчее*), *стойче* (наряду с *стойчее*), *трясче, тяжче—тягче* (наряду с *тягчее*), *хватче, хлипче, ходче* (наряду с *ходчее*), *хрупче, хрустче, цепче, четче, чутче, шатче, юрче*. Не зафиксированы формы, например, от *броский, валкий, верткий, зыбкий, зябкий, клейкий, липкий, терпкий, топкий*.

В то же время не могут быть указаны и такие прилагательные с суффиксом *-к-*, от которых формы на *-е* решительно невозможны: как модель этот суффикс распространяется на все такие прилагательные [14], ограничение же в действии модели приводит к тому, что большинство таких форм оказываются

---

[13] Такими формами бесспорно являются: *громче, жарче, жёстче, звончe, зорче, крепче, легче, мельче, мягче, резче, шибче, ярче*, а также *бойче, ловче*, употребляемые наряду с *бойчее, ловчее;* отметим также форму *хлёстче* (иное, более распространенное написание формы этого прилагательного — *хлеще* свидетельствует о понимании ее как образования другого типа — по образцу *реже, ниже, уже*, т. е. с утратой суффикса и чередованием *ст—щ*). Среди остальных форм рассматриваемого типа одни могут представляться языковому сознанию говорящих более реальными, другие — менее (отметим, что, например, довольно распространенная форма *чётче* не всеми воспринимается как норма; см.: И. Г. Голанов. Морфология современного русского языка. М., 1962, стр. 100). На основании собранного материала можно заключить, что чаще других встречаются *гибче, горче, жальче, кротче, метче, прытче*.

[14] Показательно, что у отдельных авторов отмечены формы на *-е* от таких прилагательных с *-к-*, которые скорее всего представляют собой индивидуальные образования. См., например:

У мертвых, и то помещение *блёстче* (В. Маяковский, Издевательство летчика); Журавль пляшет звончее и *гольче* еще... (В. Хлебников, Журавль); И не в тебе ли мой прообраз, — Моя загадная душа, — Что вдруг из беспричинно доброй Бывает *зверзче* апаша? (И. Северянин, К морю); Крепки, лепки навсегда, Приговоры — заклинанья, Крепчё крепкого страданья, *Лепче* страха и стыда (Ф. Сологуб, Нет словам переговора...); — И что же, — еще *хрипче* спросил Цыган, сидя на нарах, — нам это навечно? (А. Толстой, Петр Первый).

крайне редкими [15]. Приведем ряд примеров употребления таких форм (из числа самых редких).

Ну и теплой водички не мешало бы. Не из нежности рук, а чтобы раствор был *вязче* (А. Твардовский, Печники); Часто он подсмеивался над ее любопытными расспросами и в настоящий вечер продолжал делать то же, хотя шутки его были гораздо *едче* (А. В. Дружинин, Жюли. — ЛК); *Емче* органа и звонче бубна Молвь — и одна для всех... (М. Цветаева, Молвь); Можно ли было *колче*, как в них [комедиях Крылова], осмеять нашу столичную и провинциальную галломанию? (Ф. Ф. Вигель, Записки); ...Ручей нам и звонок, И песнь его громче,— Но стебель наш тонок, Мы *ломче*, мы *ломче*... (З. Гиппиус, Луговые лютики); Играли трагедию: Callas. *Мерзче* ничего я от роду не видывал (Д. И. Фонвизин, Письмо от 17/28 авг. 1784 г.); ...не повернул бы так, что станет шеям еще *мылче* (К. Федин, Костер); И это все день ото дня Люблю все искренней и *пылче*... (В. Федоров, Мне жизнь моя...); ...оно неслышно преобразует человеческую душу, делая ее *стойче*, отзывчивей, непримиримей к злу (Л. Леонов, Слово о Толстом); ...этот шагом шел вольнее, а рысью *трясче*... (И. С. Тургенев, Конец Чертопханова); Я по любви не тоскую, Но в феврале *Тяжче*, чем в пору другую, Жить на земле (С. Наровчатов, Взрослые речи); *Хватче* берет, дольше держится и, самое главное, с него не першит! (Л. Леонов, Дорога на океан); Дождь усиливался. Земля становилась все *хлипче* и *вязче* (С. Голубов, Багратион. — ЛК); — Теперя *ходче* пойдет. Чего зря-то мерзнуть! (Б. Житков, Над водой); ...Все — полные ведений, слов, затей И хрупкие,— не *хрупче* ли жемчужин? (А. Адалис, Прогулка в ноябре); Мореет: шинам *хрустче*. Бездумно и бесцельно (И. Северянин, В коляске Эсклармонды); ...а чем больше обесценивался накопленный лакеем Эрнстом под старость капиталец, тем *цепче* он держался за эти бумажки с немыслимыми цифрами (Г. Фаллада, Волк среди волков. Пер. под ред. Р. Гальпериной); Во сколько же раз *шатче* будут наши сравнения звука и предмета, как восприятий души, природа коей никогда не уяснится нам до такой степени, как устройство механизма? (А. А. Потебня, Мысль и язык); Наглее, *юрче* с каж-

[15] Это создает специфические лексикографические трудности по отношению к таким формам. Выбрать круг форм, которые должны фигурировать в словаре, практически невозможно (если не ограничиться только абсолютно несомненными формами). Поэтому в большинстве существующих словарей формы этого типа представлены случайно. При этом одним формам «повезло» больше, другим меньше (так, ни в одном словаре не приведены формы *весче, зябче, цепче, хватче, шатче, юрче*, в то же время в большинстве словарей фигурируют *едче, вязче, стойче, терпче, трясче*). Удачнее всего формы рассматриваемого типа даны в словаре Ушакова, где приведен список непродуктивных образований сравнительной степени с выделением малоупотребительных форм (идея такого списка принадлежит Павскому, но его список очень неполон).

дым днем Орда попутчиков беспутных (Д. Бедный, Обида. — ЛК).

Редкость подобных форм становится свойством, существенным для характеристики их положения в языке [16]. Естественно, что такие формы, представляющиеся языковому сознанию вообще малореальными, сознательно избегаются [17]. А будучи употребленными, они уже перестают быть стилистически нейтральными, какими является основная масса синтетических форм сравнительной степени [18].

Формы на *-е* от бессуффиксных прилагательных с основами на *к, г, х* в принципе представляют такую же картину, но здесь суффикс *-е* не так отчетливо обнаруживает характер действующей модели. Среди этих форм с большой определенностью выделяется группа общеупотребительных образований [19], за пределами которой остаются формы редкие и не вполне обычные. См. несколько примеров употребления таких форм:

Чем *диче* рев и высвисты, Чем гуще прет погромщик, Тем песню сердца вызвезди Острей и громче! (Н. Асеев, Литературный фельетон) [20]; И я не знавала *жесточе* беды... (А. Ахматова, Тайны ремесла); А Кабанков плясал все *лише*, все стремительней... (Н. Чуковский, Балтийское небо); Во всяком случае, видимо, становится он *одиноче* (Б. Зайцев, Воспоминания о Л. Андрееве) [21]; Может быть, не все мне поверят, но палку толщиной с большой палец я перерезал своим ножичком с одного раза, если, конечно, взять *поотложе*, чтобы наискосок (В. Солоухин, Ножичек с костяной ручкой); Наконец уклон стал *положе*... (С. Антонов, Зеленый дол); Чем она *убоже*, Тем для сердца сына Быть должна дороже, Быть должна святей (П. А. Вяземский, Тихие равнины...); Вечно сомкнутые губы теперь играли улыбкой, движения стали *упруже* и свободнее... (И. Вольнов, Юность) [22].

---

[16] Это связано с неполной продуктивностью данной модели. Редкость форм, образованных по абсолютно продуктивным моделям, определяемая редкостью соответствующих лексических единиц, совершенно не осознается.

[17] При этом может отдаваться предпочтение соответствующим аналитическим формам (с *более*), но может производиться и лексическая замена. Поэтому, если бы была предпринята попытка определить, в каком соотношении находятся синтетические и аналитические формы в случаях вроде *ёмче — более ёмко, стойче — более стойко* и т. п. (что потребовало бы обследования очень большого количества текстов), это все равно не дало бы нам представления о том, насколько сильна тенденция избегать форм вроде *ёмче, стойче.*

[18] Конечно, не исключены случаи употребления таких форм в жанрах, для которых нехарактерно сознательное использование необычных языковых средств (в нашем материале зафиксированы случаи употребления форм *весче, вязче, ёмче, ломче* в специальных текстах), но эти случаи очень редки.

[19] Это следующие формы: *дороже, строже, туже, глуше, суше, тише.*

[20] Наряду с *диче* отмечена и форма *дичее.*

[21] Отмечена также форма *одиночее* (у Л. Леонова).

[22] К формам такого типа относится и просторечная форма *плоше* (нейтральной формой к *плохой* является супплетивное образование *хуже*).

Интересно, что от сложных прилагательных, вторая часть которых соотносительна с прилагательными, имеющими формы на *-е* (например, *кисло-сладкий, дальнозоркий, трудоёмкий*), а также от таких прилагательных с *не-* (*небогатый, непростой, несладкий, неяркий* и т. п.) образование синтетических форм сравнительной степени почти исключается. См. следующие случаи, относящиеся к числу крайне редких:

Мы нашли его в духане (так называются грузинские харчевни, которые гораздо беднее и *нечище* русских). (А. С. Пушкин, Путешествие в Арзрум); Ведь я Таиска, сестра Ивана-то Матвеича... Таиска я, не помнишь? — еще *негромче* назвалась она... (Л. Леонов, Русский лес) [23]; Трудно себе представить хуже, нелепее и *неловче* положение бедной новобрачной. (А. И. Герцен, Долг прежде всего; у него же встречается еще раз); ...Он, на меня взглянув, перешепнулся с ней, И стало мне еще *неловче* и грустней (К. Павлова, Кадриль).

Таким образом, формы с суффиксом *-е* от основ на задненебные согласные занимают как бы промежуточное положение в отношении продуктивности: не являясь в полной мере продуктивными, они в то же время отличаются от форм абсолютно непродуктивных (форм на *-е* от основ не на задненебные и форм на *-ше*).

* * *

Продуктивный суффикс сравнительной степени выступает в виде двух вариантов: двусложного (орфографически *-ее*) и односложного (орфографически *-ей*) [24]. Стилистическое различие между ними (вариант *-ее* нейтрален, вариант *-ей* создает некоторую сниженность) не очень отчетливо. Характерно, что в конструкциях с повторяющейся формой сравнительной степени возможно использование рядом разных вариантов [25].

Высказать более определенное суждение о соотношении вариантов *-ее* и *-ей* можно только произведя специальные подсчеты на основании сплошной выборки из большого количества текстов. В какой мере, однако, соотношение письменных вариантов *-ее* и *-ей* в прозаическом тексте отражает действительное соотношение двусложного и односложного вариантов

---

[23] Так в журнальном тексте романа («Знамя», 1954); в последующих изданиях произведена лексическая замена.

[24] Невозможность замены варианта *-ее* вариантом *-ей* характеризует те же морфологически ущербные пять форм, к которым не присоединяется префикс *по-*. Может ли вообще выделяемый в них суффикс *-ее* быть отожествлен с суффиксом *-ее* (*-ей*), выступающим в основной массе форм?

[25] См., например: ...а черная чаша неба все *полнее* и *полней* наливается мутным, тоскующим светом (А. М. Горький, Сказки об Италии). Соединение в одной конструкции двух разносложных вариантов чаще встречается в стихах.

живой речи? (Ср. соотношение письменных вариантов форм существительных на *-ие* — *-ье*, которые явно не отражают того, что есть в языке). Использование варианта *-ей* может быть чисто графическим выражением «установки на разговорность» (видимо, он чаще выступает при передаче прямой речи). Возможно, что неодинаковы соотношения ударных вариантов *-ée* и *-éй* и безударных (ср.: *смелée* — *смелéй* и *решительнее* — *решительней*).

Хотя суффикс *-ее* в отмеченных морфонологических условиях в полной мере продуктивен, все же наблюдаются некоторые ограничения в образовании этих форм.

От большинства суффиксальных качественных прилагательных формы на *-ее* образуются с полной свободой; см., например: *величественнее, желательнее, музыкальнее, интеллектуальнее, профессиональнее, оперативнее, демократичнее, грациознее, реакционнее* (*-н-* и его производные); *милостивее, хлопотливее, восприимчивее, величавее, вертлявее; знаменитее, деловитее, отрывистее, коренастее, замысловатее; непреодолимее*; *могучее*. Единственный суффиксальный разряд, от которого формы на *-ее* образуются не вполне свободно,— отглагольные прилагательные с суффиксом *-л-*. Формы вроде *бывалее, захудалее, одичалее, онемелее, осатанелее, остервенелее, отвислее, умелее, унылее, усталее* практически редки. См. некоторые примеры.

Ему очень захотелось спорà, в котором он вышел бы и умнее, и толковее, и *бывалее* Салтыка (И. Бунин, Веселый двор); ...самый берег казался пустынней и *одичалей* — и только (И. С. Тургенев, Призраки); Это тень твоя стала такой — Еще старше и *осатанелей* (П. Антокольский, Ночной разговор); Что день, то сердце все *усталей* Стучит в груди... (В. Брюсов, Что день...) [26].

Формы с суффиксом *-ее* образуются и от прилагательных, возникающих путем адъективации причастий, но вполне свободно — только от разрядов на *-енный, -анный* (*оживленнее, сосредоточеннее, взволнованнее, запутаннее*) [27], формы же других разрядов (*блестящее, знающее, волнующее, цветущее; забитее, замкнутее, натянутее, открытее, подтянутее, сжатее; осязаемее, уважаемее*) принадлежат к числу редких и не вполне обычных. См., например:

---

[26] Все же, как видим, нет оснований относить прилагательные с суффиксом *-л-* к числу тех, которые вообще не образуют синтетических форм сравнительной степени (а так они характеризуются в большинстве грамматик).

[27] Такие формы не являются обычными только в случаях, когда сама адъективация представляется окказиональной. См., например: Дорога стала тяжелее и *засыпаннее* (Л. Толстой, Метель); ...И поезд, проворный ходок, Исчезнет, созвездья *венчаннее* (В. Хлебников, Ладомир); Идите же! Работы не было *наваленней* (В. Маяковский, Мистерия-Буфф).

У меня от грима ярче щеки, Глаз *блестящей* глубина (В. Инбер, У меня от грима...); Мне говорили потом, что французы, мол, после войны очень изменились. Стали угрюмее, *замкнутее* (В. Некрасов, Первое знакомство); ...Твой взор *открытей* и бесстрашней, Хотя душа твоя тиха... (А. А. Фет, Из тонких лилий идеала...); Генерал чувствует себя и моложе, и *подтянутее*, и торжественнее в мундире, каждая нашивка и пряжка которого освящена традициями (Г. Николаева, Битва в пути); ...Он всех отважней на войне, Всех *уважаемей* в стране (Н. Гумилев, Мик).

В большинстве случаев не создает структурных ограничений в образовании форм на *-ее* присоединение к прилагательным приставки *не-*: *некрасивее, незаметнее, непонятнее, нетребовательнее, непоследовательнее, необычнее, ненадежнее, неустойчивее, недоверчивее, нежелательнее* и др. (о некоторых ограничениях в производстве форм с *не-* см. несколько ниже). Структурно возможны и формы сложных прилагательных: *слабосильнее, малолюднее, засухоустойчивее, теневыносливее* и т. п.

Существуют ограничения в образовании форм на *-ее*, связанные со сложившимися в литературном языке акцентологическими закономерностями. Для прилагательных с односложной основой закономерно подвижное ударение, показателем которого является в первую очередь ударение на флексии в краткой форме женского рода и ударение на суффиксе в форме сравнительной степени на *-ее* (*важный — важна́, важне́е*). Этой закономерности подчиняется довольно значительное количество прилагательных и в первую очередь те, формы которых широкоупотребительны. Однако известная часть прилагательных с односложной основой (преимущественно такие, которые не отличаются широкой употребительностью) имеет неподвижное ударение, показателем которого является ударение на основе в краткой форме женского рода; например: *ве́чна, вздо́рна, вня́тна, ло́жна, свя́зна, пра́здна*. Для большинства форм на *-ее* от таких прилагательных в языке не сложилось твердой акцентной нормы: с одной стороны, существует тенденция иметь одинаковое ударение в кратких формах женского рода и формах сравнительной степени (что осуществляется в формах вроде *вня́тнее, свя́знее*), с другой стороны, в формах на *-ее* чрезвычайно сильна тенденция к ударению на суффиксе (откуда, например, соотношения *лю́дна — людне́е, вла́стна — властне́е*). Но едва ли не в большинстве форм такого типа ударение оказывается неустойчивым, и это становится структурным препятствием к их употреблению.

В нашем материале формы такого типа отмечены в большинстве случаев единичными примерами. См. перечень самых редких форм (в том числе и окказиональных): *а́лчне́е, беглее́, бре́ннее, вечнее, вздо́рне́е, вня́тне́е, вьюжнее, вялее́,*

гнéвнée, дúвнée, дрóбнée, дряблéе, ды́мнее, желчнее, здравее, злóбнее, знóйнее, зычнée, квелéе, кни́жнее, коснée, крайнее, крóвнée, личнее, лóжнее, лу́ннее, льготнее, плéннее, потнее, прянее, путнее, пыльнée, равнée, рвáнее, ржáвее, рыбнее, рья́нее, связнее, сивее, си́рее, скры́тнее, снежнее, сорнée, спешнée, справнée, срочнée, стильнее, тайнее, тленнее, тóрнее, у́тлее, хилéе, хищнее, хладнée, хлебнее, хриплее, чаднée, чáйнее, чáстнее, чиннее, щуплее, я́внее, ярее (ударение поставлено только в тех формах, для которых имеются стихотворные примеры или записи устной речи). В материале совсем не зафиксированы формы от *блёклый, бравый, вещий, внешний, впалый, жухлый, затхлый, звездный, злачный, злостный, куцый, мерный, праздный, рдяный, сальный, сиплый, склочный, скорбный, смрадный, сонный, спорный, тщетный, хворый, хмурый, чахлый, чванный* и др.[28]

То, что подобные формы избегаются, подтверждают, в частности, ответы на «Вопросник по современной русской морфологии» (М., 1963): большинство отвечавших предпочитает формам *скрытнее* и *спорнее* соответствующие аналитические образования *более скрытный* и *более спорный* (просмотрено несколько десятков ответов, но их удивительная однородность позволяет думать, что знакомство с бóльшим количеством ответов не изменило бы картины).

Положение таких форм в языке несколько напоминает положение неупотребительных форм на *-е* от прилагательных с суффиксом *-к-*. В том и другом случае мы имеем формы, теоретически образуемые по модели, но практически почти отсутствующие (ср. *вечнее, зычнее, стильнее* и *вёртче, липче, скользче*). Но имеется существенная количественная разница в соотношении обычных и необычных форм того и другого типа: сомнительных форм на *-ее* ничтожное меньшинство, среди форм на *-е* их большинство. Это определяется различной степенью продуктивности того и другого суффикса.

С акцентологическими закономерностями связаны и ограничения в образовании форм на *-ее* от прилагательных с приставкой *не-* — производных от прилагательных, имеющих подвижное ударение (таких, как *неверный, невкусный, невольный, ненужный, неровный, неслышный, нестройный, неясный*). Для этих форм также не установилось твердой нормы ударения: совсем не получили распространения формы с ударением на суффиксе (типа *неровнéе* — ср. *ровнéе*), и очень редкими оказываются формы с ударением на основе.

Более или менее употребительна одна форма такого типа — *несно́снее* (ср. *сноснée*). В материале отмечены единичными стихотворными примерами *невéрнее, негóднее, нену́жнее, неровнее, неслы́шнее, нестро́йнее;* представляется более предпочтительным ударение на основе и в зафиксированных только в прозаических текстах формах *невкуснее, невольнее, нездоровее, нескладнее, несложнее, нечестнее, неяснее;* формы эти также очень редки.

[28] Более подробная характеристика таких форм возможна только при рассмотрении всей системы подвижного ударения прилагательных.

Фактически большинство таких прилагательных совсем не имеет форм на *-ее*[29].

В целом можно констатировать, что в пределах тех разрядов прилагательных, где морфонологически закономерен суффикс *-ее*, ограничения в образовании синтетических форм сравнительной степени незначительны[30].

* * *

Следует рассмотреть еще случаи, когда отсутствие форм на *-ее* у некоторых разрядов прилагательных (или необычность их, если они все-таки употребляются) определяется не причинами структурного порядка, а значением этих разрядов.

Так, есть прилагательные с суффиксом *-ат-*, занимающие особое положение среди качественных прилагательных: имея краткие формы, они в то же время обозначают признаки, которые с трудом мыслятся как проявляющиеся в большей или меньшей степени. Этим и определяется необычность таких форм, как *горбатее*, *полосатее*, *крылатее*. Примеры:

Он довольно широк, при первом взгляде имеет некоторое сходство с карасем, но *горбатее*, у́же и длиннее его... (С. Т. Аксаков, Записки об уженье рыбы); ...Мол, своих единокровных братьев Буду я желтее и *горбатей*! (В. Коростылев, Верблюжонок); Платана лист на них еще *зубчатей* И тоньше прядь изогнутой лозы... (М. Волошин, Lunaria); ...иногда я ем только раз в день и чувствую себя от этого *крылатей* (А. Блок, Письмо от 30 июня 1917 г.); Когда б за сердечные раны судьбой Нашивки дарились, мне бы В красных и желтых, одна к другой, Ходить *полосатей* зебры (С. Наровчатов, Когда б...); А сплетни становились *языкатей*, Со всех сторон тянуло холодком (И. Сельвинский, Арктика)[31].

---

[29] Замечу, что в статье А. Ф. Кулагина «Частица «не» и одноименная приставка в их отношении к степеням сравнения имен прилагательных» («Русский язык в школе», 1956, № 1) отсутствие форм сравнительной степени у ряда прилагательных с *не-* объясняется только причинами семантического порядка, а структурные ограничения остаются невыявленными.

[30] Среди бессуффиксных прилагательных также не наблюдается существенных ограничений в образовании форм на *-ее*; можно отметить отдельные случаи отсутствия таких форм (например, от прилагательного *гордый*; встречающаяся изредка форма *гордее* не является нормой); обращает на себя внимание редкость и необычность почти всех форм от непроизводных прилагательных с основами на шипящие (*общее, нищее, тощее, дюжее, неуклюжее*). Но все эти случаи не поддаются объяснению с точки зрения установленных основных структурных закономерностей.

[31] В то же время есть прилагательные с суффиксом *-ат-*, значение которых не препятствует образованию форм на *-ее: мохнатее, лохматее, волосатее* и т. п.

Плохо совместимо со значением сравнительной степени значение прилагательных с суффиксом *-оват-*, обозначающих слабое проявление признака. С этим и связана необычность форм типа *грубоватее, страшноватее*, встречающихся у отдельных авторов. Формы эти принадлежат к числу крайне редких. Примеры:

Но олепинцы, как видно, не знали таких тонкостей или им было некогда, и они действовали несколько *грубоватее*... (В. Солоухин, Капля росы);— Следует *жестковатее* поступать. Именно *жестковатее*,— повторил он еще раз (А. Шаров, Ручей старого бобра); С увеличением роста плотица становится шире и *кругловатее*... (С. Т. Аксаков, Записки об уженье рыбы); Пошел бы в окопы — в окопах *мокроватей* (В. Маяковский, Мистерия-Буфф); Вата в золоте — чего уж *пошловатей*?! (В. Маяковский, Про это); Читаешь иной раз книжки и принимаешь за сочинительство, однако на самом деле все житейское *страшноватей* книжек (М. Шагинян, Своя судьба); Там после солнца совсем тепло ему показалось и не теплей, чем на улице. *Сыроватей* как-то (А. Солженицын, Один день Ивана Денисовича).

Ср. также формы прилагательных такого типа, обозначающих оттенки цветов (которые представляются несколько более оправданными):

При внимательном рассмотрении окажется, что шея его и ножки не так длинны, нос тоже покороче и потолще бекасиного, цвет ножек *зеленоватее* и нижняя сторона крыльев гораздо пестрее (С. Т. Аксаков, Записки ружейного охотника Оренбургской губернии); ...только пестрины у него на спине несколько темнее и *красноватее*... (там же);— Левкович, которая *порозоватей*, а беленькая — Беркович (В. Маяковский, Ялта — Севастополь); ...брови и ресницы казались еще светлее и *рыжеватее* на нездоровом цвете ее лица (Л. Толстой, Детство) [32].

Почти исключается образование форм на *-ее* от производных прилагательных со значением высокой степени проявления признака. См. крайне редкие случаи употребления форм прилагательных с суффиксом *-енн-*:

Иные боятся ума, говорит NN, а я как-то все больше боюсь глупости. Во-первых, она *здоровеннее*, и от того сильнее и смельчее, во-вторых, чаще встречается (П. А. Вяземский, Старая записная книжка); Весомый роман — *тяжеленнее* гири (Пародия В. Иванова «Единственные в своем роде») [33].

---

[32] Как известно, вопрос о возможности форм вроде *беловатее* обсуждался грамматистами XIX в.: Востоков был решительно против таких форм, К. Аксаков признавал их возможными.

[33] Во всех этих случаях следует говорить не только о формах на *-ее* как таковых, но и о самой возможности образования степеней сравнения.

* * *

При отсутствии структурных ограничений образование форм на *-ее* свободно сопровождает развитие качественных значений у относительных прилагательных. См. хотя бы следующие формы, образуемые от прилагательных, совмещающих качественные и относительные значения: *музыкальный* (инструмент) — *музыкальный* (человек) — *музыкальнее* (ко второму значению); так же: *революционный* (движение, взгляды) — *революционнее, сердечный* (припадок, отношение) — *сердечнее, душевный* (болезнь, человек) — *душевнее, поверхностный* (слой, знания) — *поверхностнее, художественный* (промышленность, пьеса) — *художественнее, театральный* (здание, поза) — *театральнее, религиозный* (обряд, человек) — *религиознее, прогрессивный* (оплата, воззрения) — *прогрессивнее, инициативный* (группа, человек) — *инициативнее* и мн. др.

Однако если качественные значения возникают в прилагательных только при переносном употреблении (тем более — окказиональном), формы на *-ее* воспринимаются как известная языковая вольность, свойственная преимущественно поэтической речи. См. ряд примеров (относящихся к литературному языку как XIX в., так и нашего времени):

...Чем Хлестаков был пошлее, бессвязнее в своих фразах, *трактирнее* в своих манерах, тем большее придавал он себе значение... (В. Г. Белинский, «Горе от ума», соч. Грибоедова); ...Сочувствие к тебе и *внутренней* и чище... (П. А. Вяземский, К Риму); Петербург не лишен едоков, Но в Москве грандиозней, *животней* Этот тип (Н. А. Некрасов, Недавнее время); Ты сладострастней, ты *телесней* Живых, блистательная тень! (Е. А. Баратынский, Всегда и в пурпуре и злате...); Оно [лицо] казалось строже, холоднее, как будто *мраморнее*... (А. П. Чехов, Зиночка); Чем рок был многотрудней, Тем слаще вспомнить вас,— *Рубинней, изумрудней, Алмазней,* чем алмаз! (В. Брюсов, Праздники); Что может быть капризней славы и *пепельней*? (В. Маяковский, Послание пролетарским поэтам); Ночь становилась все чернее, все *бархатнее*, усыпалась звездами (А. Толстой, Хождение по мукам) ...И мостовая стлалась все *булыжней*, И звон трамвая длился все печальней (Л. Мартынов, Музыкальный ящик); Май ведь *новогодней*, чем январь. Сядем и исправим календарь... (С. Кирсанов, Новый май); ...и от этого дворец-крепость казался еще сказочнее, еще *средневековее* (В. Некрасов, Первое знакомство); Эту одночастную сонатину удалось сделать яснее и *сонатиннее*, чем две предыдущие... (С. Прокофьев, Автобиография).

Показательно стремление отдельных авторов ставить подобного рода формы в кавычки:

Сообщите ему [«среднему» американцу], какой бог *«настоящее»* — и он будет в него верить (И. Ильф и Е. Петров, Одноэтажная Америка); Сергей Ва-

сильевич улыбнулся, отчего сразу стал как-то проще, *«домашней»* (С. Коненков, Воспоминания о Рахманинове); Следует все же отметить, что признак взрывности *«интегральнее»*, а признак твердости *«дифференциальнее»* в фонеме <д> (А. А. Реформатский, Проблема фонемы в американской лингвистике); Впрочем, некоторые стараются произносить иностранные слова еще *«иностраннее»*, чем они есть... (Б. Тимофеев, Правильно ли мы говорим?) [34].

* * *

Литературному языку нашего времени почти несвойственна дублетность в образовании синтетических форм сравнительной степени (дублетность вообще представлена в морфологической системе прилагательных в гораздо меньшей степени, чем у существительных и глаголов). Дублетами, не разграниченными ни стилистически, ни лексически, являются лишь *бойче — бойчее*, *ловче — ловчее* [35], *позже — позднее* [36]. Связанные общей основой формы *горче — горше*, *старее — старше* разграничены лексически (*горче — горше* соотносятся с разными значениями прилагательного *горький*, форма *старше* в своем основном значении несоотносительна со *старый*) [37]. Резко разграничены стилистически *больше — более*, *меньше — менее*, *дальше — далее*, *дольше — долее*, *раньше — ранее:* формы на *-ее* выступают как специфически книжные, свойственные лишь определенным стилям литературного языка [38]. Употребляемая довольно широко в литературном языке форма *краше*, лексически в какой-то мере соотносительная с *красивый*, стилистически очень заметно отличается от нейтральной формы *красивее.*

Во всех остальных случаях, когда представлены параллельные образования, дублетность в литературном языке фактически отсутствует, так как одна из форм находится за пределами литературной нормы. Сюда относятся следующие группы форм. 1) Формы на *-ее* от прилагательных с суффиксом *-к-* (имеющих литературные формы на *-е*): *громчее*, *крепчее*, *мягчее*.

---

[34] Касаясь оценки таких форм, мы, собственно, уже выходим за рамки узкой задачи, поставленной в настоящей статье. Рассмотрение форм такого типа — задача скорее стилистики, чем морфологии.

[35] Стало обычным характеризовать формы *бойчее, ловчее* как просторечные (в лучшем случае — разговорные). Однако на большом количестве случаев их употребления (представленных в материале настоящей работы) можно удостовериться, что они стилистически не дифференцированы; при этом *бойчее, ловчее* заметно употребительнее, чем *бойче, ловче.*

[36] У некоторых авторов фигурируют как дублеты *хлестче — хлеще*. Однако это мнимая дублетность: в языке есть лишь одна форма — *хле[щ]е*, орфографически передаваемая двояко, что находит морфологическое оправдание (см. выше).

[37] В современном языке имеет довольно широкое распространение и форма *младше* (не признанная словарями), появившаяся по аналогии со *старше* (как решение пропорции *старший*: *старше=младший*: *х*). Но *моложе — младше* менее четко дифференцированы лексически, чем *старее — старше.*

[38] Кроме того, *более, менее* выступают компонентами аналитических форм.

ярчее и т. п. 2) Формы на *-ее* от прилагательных с основами на зубные согласные (имеющих литературные формы на *-е*): *богатее, крутее, густее, простее* и т. п. Единична форма *хужее*, совмещающая с суффиксом *-ее* основу, выступающую перед суффиксом *-е*. 3) Формы на *-е* с предшествующими *р, л, н*: *старе, боле, дале, доле, тяжеле, мене, ране* (параллельные формам на *-ше* и *-ее*). 4) Формы на *-ше* (параллельные формам другого образования): *громше, легше, крепше, мягше, дешевше, красивше, тяжельше* и др. 5) Единичные формы непродуктивного образования: *слабже, слаже, долже*.

В наше время употребление всех этих форм возможно только в языке художественной литературы с особыми стилистическими целями; наиболее типично их использование в речи персонажей (формы типа *боле, тяжеле* выступают при этом как специфические приметы «народной речи»). Примеры:

— А ну, *громчей*! — надсаживался Митька (В. Шишков, Тайга); —Эх же ты какая! мы не *богатее* других (Н. Евдокимов, Грешница); —Да уже куда *крутей*, батюшка,— заверил меня гость (А. Солженицын, Матренин двор);— Оно бы, братушко, ничего,— рассудительно забасил казачина,— да опасаемся, как бы *хужей* не стало... (М. Шолохов, Тихий Дон);— Все на зоотехника, все на зоотехника! — накинулась Рита на Анну. — А кто тебе мешает своими коровами распоряжаться? Дали бы одной *поболе*, другой *помене* (Г. Николаева, Битва в пути); — Тут *ране* было кладбище — ответил старик (К. Паустовский, Золотая роза); А я так предвижу: нам тяжело, а немцам еще *тяжеле*,— сказал сирота... (К. Симонов, Живые и мертвые); — *Дешевше* не найдешь, а начальство не доглядит (М. Шолохов, Тихий Дон); — Иди нарви железняка,— сказал Бадма Доньке.— Только смотри, чтоб с цветами был, *покрасивше* (В. Закруткин, Подсолнух);— Левой рукой поближе возьми — *легше* так,— посоветовал кто-то (А. Фадеев, Разгром); ...какой-то подвернувшийся мужчина с утиным носом прибавил от себя, что «жизнь ноне производится не в пример *слабже* супротив прежних времен»... (Л. Леонов, Дорога на океан).

См. также случаи употребления таких форм в стихах:

Я люблю. А любишь ли ты *жарчей*? (В. Каменский, Соловей); Пусть звук речей журчит *ярчей*, Чем быстро шепчущий ручей... (М. Волошин, Отрывки из посланий) [39]; И жизнь — вина *густей*, И смерть — полна лукавства... (Н. Тихонов, Башни Сигнаха); Вот дот. Насколько он *простей* Старинных пышных крепостей! (В. Солоухин, Босфор); Велика раскольница

[39] Значительно чаще других фигурирует форма *звончее*. Поскольку она используется и более или менее нейтрально — в авторской речи — ее можно считать допустимым в литературном языке вариантом (с оттенком просторечности).

Даль, *хужей* — прилучница! (М. Цветаева, От меня — к неведомому...); ...Глубже ночь, и снег *тяжеле*, И дорога далека (В. Инбер, Цыганский романс); Хотя зарей чертополох, Стараясь выгнать тень *подлиньше*, Растягивал с трудом таким же Ее часы, как только мог... (Б. Пастернак, Высокая болезнь); ...Не *мягше* ли морской песок, Чем горы ситцевых подушек? (Н. Асеев, Маяковский начинается); Солнце! Что на свете *слаже* После зябкого денька? (Д. Кедрин, Бабье лето); ...Круче бицепсы,— *Долже* стаж, Разом высыпься В синь и влажь! (Н. Асеев, Мы — спортсмены).

Современная картина употребления форм сравнительной степени — результат длительного изживания дублетности, которое происходило еще на протяжении XIX в. Литературный язык начала XIX в. в области образования сравнительной степени отличался от языка наших дней в основном следующим. 1) Не были за пределами литературной нормы некоторые формы на *-ее* от основ на заднеязычные. Довольно широко употреблялись (преимущественно в стихах), например, формы *громчее*, *жарчее*, *ярчее*. 2) Имели довольно широкое распространение не только в стихах, но и в прозе формы на *-ее* от основ на зубные, параллельные непродуктивным формам на *-е* (чаще других употреблялись *богатее* и *простее*). 3) Не были значительно разграничены стилистически пары *больше — более*, *меньше — менее*, *дальше — далее*, *дольше — долее*, *раньше — ранее*. Существенно, что тогда формы *более, менее* и т. д. в большей степени, чем теперь, обнаруживали свойства обычных продуктивных форм на *-ее*: они могли свободно соединяться с префиксом *по-* (*поболее*, *подолее*) и, видимо, имели варианты без конечной гласной (*далей*, *меней*). Такую же пару составляли в начале XIX в. и *старше — ста́рее*. Эти две формы не были тогда разграничены лексически; показательно, что форма *старее* могла употребляться в значении, несоотносительном со *старый*[40]. Дублетную форму на *-ее* имела в начале XIX в. и форма *тоньше* (тоже с ударением на основе — *то́нее*). 4) Третьи параллельные образования к перечисленным формам — *боле*, *мене*, *дале*, *доле*, *ране*, *старе* (а в языке XVIII в. и *тоне*), а также форма *тяжеле* имели в литературном языке XIX в. широкое распространение (главным образом в стихах; форма *тяжеле* также в прозе).

На протяжении XIX в. в употреблении одних дублетных форм происходит дифференциация (стилистическая — в парах *больше — более* и др., лексическая — в паре *старше — старее*), другие формы либо совсем утрачиваются (*тонее*), либо посте-

[40] Типичное для того времени употребление: Этот слуга, не *старее* двадцати лет, принадлежал брату Лихачева... (И. Дмитриев, Взгляд на мою жизнь).

пенно закрепляются лишь в особом употреблении, оказавшись по существу за пределами литературного языка.

Общее количество форм, употребление которых изменилось по сравнению с началом XIX в., незначительно, но направление изменений очень однородно: они привели к почти полному отсутствию дублетности в образовании синтетических форм сравнительной степени [41].

II

Есть определенные основания не считать образования на *-ейший, -айший* формами превосходной степени и не включать их в систему форм степеней сравнения, а считать словообразовательным разрядом прилагательных того же типа, что и образования с *-оват-, пре-* и другие (таких, как *беловатый, страшноватый, премилый, преинтересный*) [42]. Однако узко морфологически они соотносительны с формами сравнительной степени на *-ее, -е*, и образование тех и других связано со сходными ограничениями. Поэтому целесообразно дать морфологический анализ образований на *-ейший, -айший* вместе с анализом синтетических форм сравнительной степени.

Морфемы *-ейш* и *-айш-* распределены между основами прилагательных таким образом, что они оказываются очень близкими к вариантам одного суффикса: *-ейш-* присоединяется к основам не на задненебные (*острейший, сильнейший, белейший, грубейший, нелепейший, счастливейший, любимейший, лютейший, твердейший, косейший*), *-айш-* — к основам на задненебные, чередующиеся с шипящими (*величайший, строжайший, тишайший*).

---

[41] В литературном языке XVIII в. было представлено еще больше дублетных форм. Так, в то время употреблялись формы на *-ае* от основ на задненебные (*легчае, жарчае, строжае*), уже несвойственные языку начала XIX в. (впрочем, Павский еще отводит им место в своей таблице), и формы, представлявшие контаминацию типа чередования, свойственного формам на *-е*, с суффиксом *-ее: прощее, жижее*. Заметим, что форма *хужее* — единственное зафиксированное в современном употреблении образование такого типа. Как известно, эта форма обратила на себя особое внимание Селищева, который отмечал ее широкое распространение в речи лиц, «недостаточно осведомленных в русском литературном языке» (см. «Язык революционной эпохи». М., 1928, стр. 117).

[42] Так и сделано, например, в «Очерке грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова. Вопрос о включении или невключении образований на *-ейший, -айший* в систему форм степени сравнения в первую очередь связан с определением категории превосходной степени. При более широком понимании значения этой категории (включающем и элятивное значение) в нее естественно входят и образования на *-ейший, -айший*. Но если считать значением превосходной степени лишь значение суперлятива, их следует исключить из этой категории, так как они употребляются в современном языке почти исключительно в элятивном значении.

После «нечередующихся» шипящих морфонологически закономерен вариант *-ейш-*: ***рыжейший, свежейший, горячейший.*** **Однако влияние на эти редкие формы** более многочисленных форм с «чередующимися» щипящими приводит к появлению образований вроде *свежайший, тощайший.* Например: Теперь мы блины кушаем, *наисвежайшую* икру употребляем... (А. П. Чехов, Торжество победителя); Ну, фараонова *тощайшая* корова, которая, сожрав свою тучнейшую сестру, все так тоща, что сердце у нее стучит по голым ребрам?... (Н. С. Лесков, Обойденные.— ЛК).

Нарушают эту закономерность лишь два непродуктивных образования — *ближайший* и *нижайший,* где *-айш-* выступает после *ж,* чередующегося с *з* (ср. *мерзейший* — единичное образование от бессуффиксного варианта основы[43], где в тех же морфонологических условиях выступает *-ейш-*). При известном параллелизме, существующем в соотношениях морфем *-ее — -е* и *-ейш- — -айш-* (ср. *сильнее — сильнейший, худее — худейший* и *тише — тишайший, крепче — крепчайший),* между ними есть и существенное различие: для *-ее — -е* использование в одинаковых морфонологических условиях не является редким исключением (ср. *худее* и *тверже, пустее* и *чище, новее* и *дешевле* и т. п.), поэтому их соотношение даже не приближается к соотношению, свойственному вариантам одного суффикса.

Вариант *-айш-,* как и суффикс *-е,* может считаться в известных пределах действующей моделью для прилагательных с основами на задненебные согласные. Но при этом оговорки, сопровождающие признание частичной продуктивности суффикса *-е,* по отношению к *-айш-* должны быть еще усилены: круг обычных форм выделяется здесь с еще большей определенностью[44], а образования, стоящие за его пределами, менее многочисленны и употребляются гораздо реже.

В словарях и материале литературных текстов отмечены следующие редкие и необычные формы: *гадчайший, гибчайший* (пример), *гладчайший* (Словарь Ушакова), *громчайший, дерзчайший* (пример), *едчайший* (пример), *жалчайший, жарчайший, жестчайший* (пример), *жидчайший* (Словарь Ушакова), *звончайший, кротчайший, ловчайший* (примеры), *метчайший* (Словарь совр. русск. яз. АН), *резчайший, робчайший* (примеры, в том числе из устной речи) — от прилагательных с суффиксом

---

[43] Ср. созданные по этой модели индивидуальные образования *дерзейший* и *узейший:* И хотя владела им ребячья робость перед Машей, он небрежно и медленно... снимал лайковые перчатки, имея *дерзейшую* усмешку на лице (Л. Леонов, Вор, изд. 1928 г.); у него же еще раз — в «Скутаревском»); Тропка *узейшая* (В. Маяковский, Я сам).

[44] Это: *горчайший, кратчайший, крепчайший, легчайший, мельчайший, мягчайший, редчайший, сладчайший, тончайший, тягчайший, ярчайший* — от прилагательных с суффиксом *-к-; высочайший, глубочайший, жесточайший, широчайший* — от прилагательных с суффиксом *-ок-*; *величайший, дражайший, строжайший, тишайший* — от бессуффиксных прилагательных.

-к-; блажайший, ветшайший, глушайший (примеры), *далечайший, дичайший, должайший, множайший* — от прилагательных с суффиксом *-ок* и бессуффиксных (в скобках указаны источники только в тех случаях, когда они являются единственными для соответствующей формы) [45].

См. некоторые примеры употребления таких форм (из числа самых редких). От прилагательных с суффиксом *-к-:*

Соваж стоял на улице в одних панталонах и толстой серпянковой рубашке и страшно дымил *гадчайшею* сигарой (Н. С. Лесков, Островитяне.— ЛК); И вот — завод стальных *гибчайших* песен... (Н. Асеев, Заржавленная лира); В изображении представителей эксплоататоров Подъячев характерен исключительным пафосом ненависти, *едчайшего* сарказма к самодержавию и бесстрашием («Лит. газета», 20 февр. 1934 г.— ЛК); Мы сейчас от имени ЦК дали *жестчайшую* директиву ко всем заводам, изготовляющим сельскохозяйственный инвентарь... (С. М. Киров, Ленинградские большевики.— ЛК); ...разве неправду сказал в *звончайших* стихах господь... (С. Кирсанов, Золотой век); — *Ловчайшего* ума человек! (П. Капица, Они штурмовали Зимний); Между тем *резчайшую* новизну этих стихов, по сравнению не только с Пушкиным, но и с Некрасовым, и с Блоком раннего периода, чувствуешь сразу («Лит-ра и жизнь», 25 ноября 1959 г.); Но, не удовлетворяясь *робчайшим* гудением Манюкинского примуса, льстивым скрипом дверей, Петр Горбидоныч не унимался (Л. Леонов, Вор, изд. 1928 г.).

От других основ на задненебные:

Говорю тебе я — На это *глушайшее* место Явилась она! (Л. Мартынов, Баллада о глубоком тыле); Ту последнюю — дальнюю — дальше всех Дальних — дольше всех... *Далечайшую*... (М. Цветаева, Заводские); Недавно все мы ужаснулись, узнав о *дичайшем* преступлении группы молодых людей... («Советская культура», 24 авг. 1963 г.).

Для образований с вариантом *-ейш-* действительны все структурные ограничения, свойственные формам на *-ее;* при этом редким формам на *-ее* соответствуют еще гораздо более редкие образования на *-ейший.* Так, еще реже, чем соответствующие формы на *-ее,* встречаются образования на *-ейший* от прилагательных с суффиксом *-л-* (вроде отмеченных в материале *закоснелейший, заскорузлейший, захудалейший)* и от отпричастных прилагательных не на *-анный, -енный (уважаемейший, проклятейший*). Формы, связанные с акцентологическими ограничениями, также встречаются значительно реже соответствующих форм на *-ее* (образования типа *алчнейший, вздорнейший,*

---

[45] Из этих форм были, видимо, довольно употребительными в литературном языке XVIII в. *громчайший, жарчайший, кротчайший, дичайший, должайший, множайший.*

дивнейший, лестнейший, скорбнейший, скрытнейший, тленнейший чрезвычайно редки). То же относится и к формам с префиксом *не-* от прилагательных с подвижным ударением *(несноскейший)*.

Кроме того, от некоторых разрядов, свободно образующих продуктивные формы сравнительной степени, формы на *-ейший* если не невозможны, то во всяком случае чрезвычайно редки. Не вполне свободно присоединяется *-ейш-*, например, к прилагательным с суффиксами *-ив*, *-лив*, *-чив* (реальны ли формы *разговорчивейший, восприимчивейший?*), с суффиксом *-оват-* (*замысловатейший, щеголеватейший*). Вряд ли реальны эти образования от прилагательных с суффиксами *-аст-*, *-ист-*, *-уч-* (*пушистейший, глазастейший, певучейший*). Эти ограничения — скорее не структурного порядка, а лексико-стилистического — заставляют вспомнить Ломоносова, призывавшего не употреблять форм на *-ейший, -айший* от прилагательных «низкого знаменования» — *блеклейший, прытчайший*[46].

* * *

Таким образом, при некотором морфологическом параллелизме между образованиями с суффиксами *-ее* — *-е* и *-ейш-* (*-айш-*) обнаруживаются и существенные различия в плане продуктивности. Суффикс *-ее* остается в полной мере продуктивным; суффикс *-е* сохраняет в известных пределах характер действующей модели; ограничения же в образовании форм на *-ейший, -айший* настолько значительны, что, пожалуй, это одно может служить основанием для исключения их из словоизменительной парадигмы качественных прилагательных и признания словообразовательным разрядом.

---

[46] См. § 215 «Российской грамматики».

А. С. Попов

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ТЕМЫ И ДРУГИЕ СЕГМЕНТИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

I

Современный русский язык располагает целым рядом экспрессивных синтаксических конструкций. Экспрессия — это особое языковое явление, заключающееся в подчеркивании, выделении того или иного отрезка речи на нейтральном фоне. Важнейшими средствами синтаксической экспрессии являются интонация и расположение отрезков речи. Часто к ним присоединяются различные повторы. Экспрессия обычно взаимодействует с такими языковыми явлениями, как эмоциональность, стилистическая окрашенность и т. д., обслуживает их.

Экспрессия — важное начало в языке, непосредственно связанное с его коммуникативной природой. По словам Е. Куриловича, «экспрессивность в точном смысле термина — это активная сила, обусловливающая эволюцию языка»[1].

Обращает на себя внимание группа синтаксических конструкций, которые можно было бы назвать конструкциями с двойным обозначением, или сегментированными конструкциями[2]. Наиболее известный представитель этих конструкций определяется в русской грамматике как «именительный представления».

Именительный представления — это имя существительное в именительном падеже или словосочетание во главе с этой формой (иногда во главе с количественным именем числительным), имеющее самостоятельную интонацию и называющее предмет последующей речи или мысли — с целью его выделения, подчеркивания, привлечения к нему внимания.

---

[1] Е. Курилович. Аллофоны и алломорфы.— В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. Сборник статей. М., изд-во ИЛ, 1962, стр. 43.

[2] Последний термин мы заимствуем у Ш. Балли (см.: Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Перевод с франц. М., изд-во ИЛ, 1955, стр. 70).

Понятие об именительном представления впервые было отчетливо сформулировано А. М. Пешковским в третьем (и последнем прижизненном) издании его книги «Русский синтаксис в научном освещении» (1927). Им же предложен и термин «именительный представления», избранный из нескольких вариантов: «репрезентативный», «имажинативный», «идейный», «воспроизводительный»[3].

Пешковский объясняет указанную конструкцию на психологической основе, отмечая, что с ее помощью обозначаются изолированные представления предметов, и относя ее к разряду «слов и словосочетаний, не образующих ни предложений, ни их частей». Это толкование Пешковского проникло во многие руководства по синтаксису; в них обычно говорится, что именительный представления называет предмет или явление, «представление о котором возникает в сознании говорящего»[4]. Это толкование вступает в противоречие с известным положением о том, что в системе языка слова соотносятся именно с понятиями, а не с представлениями[5]. Можно утверждать, что слово, даже выступая в анализируемой конструкции, продолжает соотноситься с понятием, не приобретая индивидуального наглядно-чувственного характера. Отсюда вытекает, что термин «именительный представления» неудачен в силу своей связи с психологией представлений и нуждается в замене. Вместо него можно обратиться к другому термину «именительный темы», который точнее отражает сущность данной конструкции без указанного психологизма.

Именительный темы выделяется в качестве особого языкового образования по совокупности признаков. Рассмотрим пример:

Авиация... В ней, как в зеркале, отражаются труд нашего народа, его фантастический рывок в будущее («Комс. правда», 9 июля 1961 г.).

В этом отрывке имеется именительный темы «Авиация»... Каковы же его особенности?

Слово *авиация* в функции именительного темы интонационно отделено от следующего предложения, произносится с самостоятельной интонацией и образует фразу. В предложении, идущем за этой фразой, имеется сочетание местоимения 3-го лица *она* с предлогом *в,* отсылающее нас к ранее употребленному слову *авиация* и обозначающее то же самое понятие, что и слово

---

[3] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., Учпедгиз, 1956, стр. 175, 181, 404—407.

[4] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 69.

[5] О различии понятий и представлений см.: Д. П. Горский. Вопросы абстракции и образование понятий. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 100—101; см. также сб. «Мышление и язык». М., Госполитиздат, 1957, стр. 173 и др.

авиация. Следовательно, в данном отрывке одно и то же понятие обозначается дважды. Делается это для того, что бы выделить, подчеркнуть определенный элемент высказывания, следующего за именительным темы, чтобы подчеркнуть тему этого высказывания. В итоге создается большая экспрессивность речи.

Именительный темы в нашем примере нельзя считать членом следующего предложения. Во-первых, потому, что этот именительный резко выделен интонационно. Во-вторых, потому, что между именительным темы и соотносящимся с ним местоимением нет падежного соответствия, что, к примеру, характерно для связей приложения и определяемого слова.

Сущность конструкций, включающих именительный темы, удачно раскрывается с позиции теории актуального членения предложения. Согласно этой теории[6], в предложении можно выделить два основных смысловых элемента: то, о чем что-либо высказывают (т. е. основу высказывания, исходный пункт, известное, данное, т е м у), и то, что высказывают об этой основе (т. е. собственно высказываемое, ядро высказывания, новое, р е м у). Обычно актуальное членение осуществляется средствами интонации и словопорядка.

Именительный темы, предвосхищая тему последующего предложения, подчеркивает ее, выделяет, создает особое напряжение, настроение ожидания. Если рассматривать именительный темы совместно с последующим предложением, то можно сказать, что в этом своеобразном, сегментированном высказывании тема обозначается дважды, причем вторично чаще всего с помощью местоимений. Поэтому нам кажется неточным утверждение, что предложение, следующее за именительным темы содержит только рему и все сложное высказывание членится на тему (специально выделенную) и рему. Предложение, следующее за именительным темы, само по себе выделяет тему и рему, но тема этого предложения получает здесь вторичное обозначение: свое первичное обозначение она получила в предшествующей конструкции. В результате этого двойного обозначения темы и создается экспрессия высказывания, что легко обнаруживается при сравнении интересующей нас конструкции с обычной: *В авиации, как в зеркале, отражается труд нашего народа, его фантастический рывок в будущее*. В этом предложении уже нет экспрессивности, которая наблюдается в первом случае.

Именительный темы произносится с особой интонацией фразового типа, с помощью которой он отчленяется от следующего предложения и получает значительную самостоятельность.

Знаки препинания, которые ставятся за именительным темы, неточно передают его интонационный рисунок. Чаще всего в этом случае встречается многоточие, например: Итальянцы...

---

[6] См.: И. П. Р а с п о п о в. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.

Нельзя не влюбиться в этот народ (В. Некрасов, Первое знакомство).

За именительным темы может следовать восклицательный знак, например: Водоворот! Это слово часто произносилось в семье Ступиных (Л. Ленч, Черные погоны).

Сочетание восклицательного знака и многоточия, например: Станиславский!.. Это имя дорого каждому культурному человеку («Советская культура», 17 янв. 1963 г.).

Иногда ставится точка, например: Театр. Это слово связано с самыми ранними впечатлениями детства (В. Катаев, Сюрприз).

Может стоять тире, например: «Улица Тампере» — так назвали киевляне одну из новых магистралей Дарницы... («Правда», 3 марта 1963 г.); Человек!— золотыми буквами выведено это слово в книге великих законов современности, программе построения самого счастливого мира на земле — Программе КПСС («Комс. правда», 4 дек. 1962 г.).

Может стоять и запятая, например: Логика мышления, ей он верил! (В. Гроссман, За правое дело).

Попытаемся определить интонацию, связанную с многоточием. В «Грамматике русского языка» АН СССР отмечается, что именительный темы может произноситься: 1) с интонацией незаконченности, 2) с восклицательной интонацией [7]. Очевидно, многоточию соответствует интонация незаконченности. Однако наблюдения показывают, что интонация именительного темы отличается от типичного случая интонации незаконченности, характерной для прерванной речи. Например: Говорил не много и не спеша. Голос его... Но о голосе надо сказать особо (В. Катанян, Владимир Яхонтов); Мать, разбирая постель, сердито месила кулаками подушки, а отец... Отец сидел за столом, курил и, хмуря пучковатые брови, с силой выдувал дым так, что он клубящимся пятном растекался по крышке стола (С. Никитин, Запах сена).

Здесь интонация обрывается на таких нотах, которые осознаются как средние, а не конечные; это нехарактерно для интонации, выделяющей именительный темы.

А. М. Пешковский отмечал, что с помощью многоточия пишущий может «показать, что сказанное, несмотря на синтаксическую полноту его, есть лишь слабое, бледное, частичное выражение переживаемого» [8]. В устной речи в этом случае «всей фразе сообщается особый «задумчивый» тембр эмоционального характера, более слабого, конечно, чем при восклицательном знаке» [9].

---

[7] Т. II, ч. 2, стр. 69.

[8] А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика. Изд. 2. М., 1918, стр. 97.

[9] Там же, стр. 115.

Именно этот своеобразный тембр и составляет специфику интонации именительного темы, которая в общем очень сходна с интонацией номинативных предложений и иногда, при огрубленном чтении, не отличается от интонации последних. От следующего предложения именительный темы отделяется значительной паузой, которая может быть только на границе фразы, а не в середине ее.

Именительный темы при всей своей самостоятельности тесно связан с последующим предложением, опирается на него. Именно эта связь, в которой обнаруживается служебная функция именительного темы, его несамостоятельность, часто позволяет отграничить названную конструкцию от номинативного предложения — синтаксически вполне самостоятельного высказывания. В предложении, следующем за именительным темы, как указывалось выше, в большинстве случаев имеется вторичное обозначение того же понятия с помощью местоимений или без местоимений.

Выделим три случая.

1. В предложении имеется соотносительное местоимение — само по себе или в сочетании с существительным. Это явление обычно называется анафорой, или репризой. Местоимение может стоять в им. падеже или в любом другом: падежное соответствие двух тем не обязательно. Например: Труд во имя коммунизма! Он стал главным содержанием нашего бытия... (В. Панова, От поколения к поколению); Бригады коммунистического труда... Их будет все больше и больше на необъятных просторах Родины (там же); Человек будущего... О нем мечтали лучшие люди многих поколений, всех времен (Е. Долматовский, Наш современник — человек будущего); Набережные Невы! Сколько было хожено-перехожено по этим прекрасным набережным! (В. Каверин, Открытая книга); Каменка... Киев, Раевские... Если бы можно было туда подать хоть короткую весточку! (И. Новиков, Пушкин в изгнании); Литература и наука... И там и тут необходима фантазия... («Лит. газета», 18 июля 1955 г.).

2. В предложении имеется то же самое существительное или его синоним — без местоимения. Например: И Маглидзе задумчиво сказал:— Подвиг! А что такое подвиг? Очень интересно! (Б. Лавренев, Подвиг); Русское слово! Как радостно бывает на душе, когда в книгах находишь у наших писателей замашистое, кипящее и животрепещущее слово (С. Сергеев-Ценский, Жизнь писателя должна быть подвигом);... Ленин! Нам дорога каждая строчка, принадлежащая перу Ильича («Лит. газета», 17 марта 1960 г.).

3. В предложении имеется лишь самое общее обозначение того, что обозначено именительным темы,— без участия местоимений. Например: Война и мир! Более важной проблемы сей-

час нет («Лит-ра и жизнь», 2 сент. 1962 г.); Материнство! Что может быть выше любви матери к своему ребенку, что может быть священнее права женщины стать матерью («Лит. газета», 6 окт. 1962 г.); 19 января мы отмечаем семидесятипятилетие Александра Серафимовича. 75 лет! Какая подкупающая, мужественная старость у этого человека (М. Шолохов, Писатель-большевик).

В некоторых случаях за именительным темы не следует высказывание, соотносительное с ним; это высказывание, однако, предполагается, оно как бы редуцируется, уходит в подтекст. Тогда именительный темы выделяется только по интонации, с учетом функции анализируемой фразы на основе данных контекста. Например: Он оставлял только ее [дочь Машу], больше у него никого не было на белом свете. Сын не удался, и он давно уже к нему равнодушен. Но Маша, Маша! (В. Каверин, Исполнение желаний); Детство было как детство: папа, мама, школа, летом дача, зимой коньки...; О, чистые сны, о, горны и красные галстучки, о, старый дом в переулке с ветхой церквушкой!.. (В. Панова, Кружилиха).

Таким образом, для именительного темы в типичных случаях характерно наличие лексического коррелята в следующем предложении. И прежде всего местоименного коррелята. Однако анафорические местоимения могут следовать и за номинативными предложениями. Поэтому иногда возникает трудная проблема разграничения именительных темы и номинативных предложений. Эта проблема обычно возникает, когда мы сталкиваемся с именами существительными или словосочетаниями именного типа со значением места и времени. Как известно, эти значения типичны для номинативных предложений, но они могут быть присущи также именительным темы. Например: Париж! Шумный, как и в каждом городе, перрон. Толпы людей. Мелькают в воздухе цветы (А. Сафронов, Москва — Прага — Париж); Париж! Этот изумительный город покорял всех (А. Вертинский, Четверть века без родины. Франция). В первом отрывке мы находим номинативное предложение, а во втором — именительный темы.

Но вот примеры, которые могут вызвать затруднение:

Яркий мартовский день. Он такой яркий, что поневоле закрываешь глаза и чувствуешь тяжесть солнца на опущенных веках (В. Рождественский, Страницы жизни); Осень. Ее приметы в Узбекистане особые («Комс. правда», 13 окт. 1959 г.); Жатва... Она уже в полном разгаре, эта «страда деревенская»... («Комс. правда», 1 авг. 1959 г.); Колонный зал... Его стены слышали голоса многих прославленных ораторов, писателей, певцов, музыкантов («Лит-ра и жизнь», 13 ноября 1959 г.). Севастополь! Я был в нем в детстве, потом во время первой мировой войны... (К. Паустовский, Время больших ожиданий); Далекое

сибирское село Чиндант... Похвально говорили о нем на ноябрьском Пленуме Центрального Комитета партии («Изв.», 22 дек. 1962 г.); Сибирь, конец августа... Обычно в этот период хлеборобов мучают дожди, над степью веют колючие ветры («Изв.», 30 авг. 1962 г.).

Во всех приведенных отрывках второе предложение включает вторичное обозначение с помощью местоимений того же самого предмета или явления, который уже обозначен предшествующим номинативным отрезком. Последний может быть как номинативным предложением, так и именительным темы. Коррелят в подобных случаях не помогает разграничить сходные конструкции. Вероятно, в разграничении может помочь интонация. Но в указанных конструкциях она очень близка в той и другой конструкции и часто практически смешивается. Есть основания считать, что в указанном положении две сходные конструкции перестают отчетливо различаться, их тонкие различия отходят на второй план. В письменной речи эти различия могут быть выявлены, если с помощью широкого контекста удастся выявить замысел пишущего.

Учет коррелятивных местоимений позволяет различать именительный темы и обращение. Обращение, называя адресата речи, собеседника говорящего, обычно соотносится с местоимениями 2-го лица; именительный темы, будучи одним из двух обозначений одного предмета, не может соотноситься с местоимениями 2-го лица; он связан обычно с местоимениями 3-го лица. Проблема разграничения данных конструкций возникает, когда мы сталкиваемся с риторическими обращениями при персонификации.

Вот отрывки, в которых первое номинативное образование является именительным темы, а второе — обращением:

Русская литература!... Какое это глубокое, обширное и вдохновляющее понятие!..; О, русская литература! Я преклоняюсь перед тобой (В. Яхонтов, Путь актера);— Молодость, молодость! Куда ветер дует, туда и она гнется... (С. Сергеев-Ценский, Пушки заговорили); Молодость, молодость! Я не знаю человека, который думал бы о тебе без волнения... («Огонек», 1958, № 2).

Примеры с обращениями: Цитата! Каких бед способна ты наделать в качестве орудия догматического ума! (Э. Казакевич, Синяя тетрадь); Бородинское поле, Бородинское поле... Кажется, нет в тебе ничего поражающего очей... (О. Берггольц.. Про день Бородина); Ленинград, мой Ленинград! Хочешь, спою тебе песню, хочешь, расскажу сказку («Лит-ра и жизнь», 23 дек. 1962).

Для характеристики именительного темы очень важны его связи с последующим предложением, они выявляют сущность данной конструкции. Однако интересны связи именительного темы и с предыдущими предложениями.

Именительный темы может сочетаться с приемом повтора. Слово или словосочетание, образующее именительный темы, иногда представляет собой повторение элементов предыдущего предложения (без изменения или с изменением формы). Например: Коммунизм утверждает на земле счастье. Счастье! Оно нужно всем — народам и странам, каждому человеку, к какой бы нации и расе он ни принадлежал, какой бы ни был у него цвет кожи («Правда», 25 марта 1962 г.); С видом снисхождения и превосходства познакомился с новым начальником цеха — женщиной. Женщины! Что они могут понимать в электричестве... (В. Панова, Спутники); ...взлетающие над водой разорванные клочья пара вызвали у меня иные, уже полузабытые картины — летящей над степными дорогами пыли...; Пыль! С нею было связано все мое детство (И. Рахилло, Мечтатели).

Соединение именительного темы с повтором резко усиливает экспрессивность речи. Вот примеры с репликами-повторами, которые обладают признаками именительного темы:— Да, но здесь, до тех пор, пока ни Анна... ни вы не чувствуете нужды в свете...— Свет! — с презрением сказал он.— Какую я могу иметь нужду в свете? (Л. Толстой, Анна Каренина); — Все-таки отчасти знаю... хотя бы по тому, как он относился к вам. По его роли в вашей судьбе.— Моя судьба! — протестующе воскликнула Лиза.— Я отвечаю за нее больше, чем кто-нибудь еще! (К. Федин, Необыкновенное лето).

Есть все основания утверждать, что прием повтора в сочетании с именительным темы перенесен в художественный и публицистический стили из диалогической разговорной речи.

Именительный темы, будучи лексически и функционально связан с последующим предложением, тем не менее не является членом этого предложения. Нельзя согласиться с Л. А. Булаховским, который утверждал, что именительные темы, «дублируя местоимение или существительное, наличное в основной части предложения ... тем самым сами втягиваются в это предложение и становятся членами его, хотя и относительно самостоятельными, независимыми, весьма резко отдаленными» [10].

Именительный темы, имея такое же строение, как номинативное предложение, предложения не образует: в нем отсутствуют предикативные категории модальности, времени и лица. Именительный темы произносится с особой, самостоятельной интонацией, образует интонационное целое, т. е. фразу. Однако интонация в именительном темы выполняет функцию выделительную и эмоциональную, но не предикативную. Именительный темы — своеобразный спутник следующего предложения, ради

---

[10] «Курс сучасної української літературної мови». Том II. Синтаксис. За ред. Л. А. Булаховського. Київ, 1951, стр. 72.

которого он и образуется. К числу подобных синтаксических образований относятся также обращения, стоящие в начале повествования и интонационно самостоятельные (примеры см. ранее).

Своеобразие именительного темы обнаруживается особенно отчетливо при сравнении его с другими конструкциями двойного обозначения, с сегментированными предложениями.

В функции именительного темы в некоторых случаях употребляются конструкции, внешне сходные с предложением. Эта функция и особая интонация преобразуют эти конструкции, лишают их свойств предложения. Следы номинативных предложений в именительном темы особенно заметны, когда он включает цепочку номинативных образований, формирующих целую картину из отдельных деталей. Например: Родная природа! Подмосковные вечера и ленинградские ночи, шум морского прибоя и пьянящий запах хвои... Любовь к родной природе мы впитываем с молоком матери («Комс. правда», 21 июня 1959 г.); ...бывший владелец этого деревенского дома... очевидно, встречался с Гарибальди. Гарибальди! Небо Италии, поход на Рим, воздух, пропитанный запахом масличной коры, страна мечтаний, поэм и нищеты! Гарибальди живет здесь, в тесной комнате... (К. Паустовский, Кордон «273»); Облет автоматической межпланетной станцией Луны и Земли! Фотографирование обратной стороны Луны с борта этой космической лаборатории с расстояния в 65 тысяч километров! Передача изображения на Землю из глубин космоса! Каждое из этих достижений — беспримерный научный подвиг! («Правда», 27 окт. 1959 г.); Кости. Черепа. Выжженные поля. Обгорелые обломки человеческого жилья. Люди, уведенные в далекое рабство. Разоренные города. Попранное человеческое достоинство. Такою встает перед нами страшная картина первых десятилетий XIII века в России («Изв.», 12 авг. 1938 г.).

Следы двусоставных бесподлежащных предложений (неполных) заметны в тех случаях, когда в именительном темы мы сталкиваемся с оценочным словом или словосочетанием, определяющим что-либо обозначенное ранее. Например: Мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменил рядом с широко шагавшим мужчиной. Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждет их впереди? (М. Шолохов, Судьба человека); Медленно, словно влезая в гору, добрался до города своего. Милый город. Любимый город... Собрать пожитки и вон из него! (К. Симонов, Победитель); Хочу в Москву!.. Великолепный город. Мне никогда еще так мил и дорог он не был, как сейчас (В. Инбер, Хочу в Москву!); Очевидно, он настолько обессилел, что не мог подняться на скользких камнях. Бедняга... Он выпил сегодня боль-

ше, чем за всю свою жизнь (С. Диковский, На маяке); Я видел ее бабушку. Бедная женщина! Она совсем убита (К. Федин, Похищение Европы).

Обратимся к лексическому значению именительных темы.

Слово или словосочетание может иметь три направленности: во-первых, употребляться для называния данного реального предмета (реальная суппозиция), во-вторых, для выражения понятия, отвлеченного от совокупности реальных предметов (формальная суппозиция), в-третьих, для обозначения самого себя (вербальная суппозиция, или автонимное употребление) [11].

Именительный темы может привлекать внимание или к тому, что обозначено словами (к предметам или понятиям), или к самим словам, к словам как таковым. Из самого именительного темы нельзя узнать его направленность. Она определяется в следующем предложении. Отсюда следует, что можно говорить о двух типах именительного темы — предметном и словесном. Казалось бы, выделение этих разрядов неправомерно, так как не отражено в самом именительном темы. Но основания для такого выделения есть. Любое слово и сочетание слов при вербальной суппозиции приравнивается к имени существительному в им. падеже, поэтому в роли именительного темы (словесного) встречаются не только существительные, но и другие части речи, самые разнообразные отрезки речи.

Примеры предметного и словесного именительного темы: Капрон... Легкие, прочные, изящные швейные изделия из него завоевали признательность самых широких слоев населения («Изв.», 25 февр. 1959 г.); Резервы... Это слово не сходит с уст руководителей заводов и фабрик, управлений совнархоза («Изв.», 11 июля 1962 г.).

Примеры словесного именительного, не являющегося номинативом: Пешком, пешком... Кто, кроме солдата, поймет это слово? (К. Симонов, Дым отечества); Пора! Я этим словом начал Мою дорожную тетрадь (А. Твардовский, За далью — даль); «Впервые»! Это слово — нередкий гость на афишах Винницкого музыкально-драматического театра имени Н. К. Садовского («Советская культура», 14 марта 1963 г.); Вечная нерушимая! Вот два слова, которые определяют глубину и прочность дружбы между странами великого социалистического лагеря («Изв.», 12 июля 1961 г.).

Лексический диапазон именительного темы предельно широк.

В именительном темы не употребляются лишь местоимения как таковые, в своем прямом назначении, потому что они являются вторичными обозначениями. Нетипичны для именитель-

[11] См.: О. С. Ахманова. [Рец.] А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955.— ВЯ, 1957, № 1, стр. 117; «Философская энциклопедия», т. I. М., 1960, стр. 20.

ного темы, особенно предметного, слова и сочетания со значением оценки, характеристики; они также обращены к предыдущему высказыванию (таковы, к примеру: *молодец, красавец, чудак, умница* и т. п.).

Именительный темы имеет специфическую стилистическую закрепленность. Он широко употребляется и в художественном стиле, и в газетно-публицистическом, причем в различных газетных жанрах.

В передовых статьях: Служба быта! С ней советские люди имеют дело каждодневно («Правда», 12 сент. 1962 г.); Наша Родина! Необъятны ее просторы... («Изв.», 20 янв. 1963 г.); Советский инженер... У людей всего мира с его именем связаны мысли о невиданном техническом прогрессе нашей страны... («Правда», 16 сент. 1960 г.); Властитель дум... Всякий раз, когда мы с благоговейным уважением произносим эти слова, перед нашим умственным взором предстает образ художника, воплотившего в своем искусстве высокие общественные идеалы, горести и радости своего народа, его мудрость, его вековечные мечты («Советская культура», 21 марта 1963 г.).

В информационных заметках, в обзорах писем и т. п.: Школа рабочей молодежи на общественных началах... Эта принципиально новая форма учебного заведения получает все большее признание в нашей стране («Курская правда», 14 февр. 1963 г.); Труд. Счастье... Часто эти слова ставятся рядом («Правда», 20 сент. 1962 г.); Новая игрушка... Сколько радости доставляет она ребенку! («Изв.», 20 марта 1963 г.).

В газете, издававшейся в Солнцевском районе Курской области, нам встретился такой отрывок: Навоз... Это слово неприятно тревожит слух руководителей сельхозартели «Свобода»... («Знамя Ленина», 1 марта 1962 г.).

Широко употребляется анализируемая конструкция в статьях на различные общественные темы, в литературно-критических статьях, фельетонах, очерках.

Именительный темы часто употребляется в торжественной, риторической речи; по-разному сочетаясь с приемом повтора (повтор слова из предыдущего предложения, повтор слова в одном ряду), объединяясь с частицами и междометиями, именительный темы способен выражать различные чувства, является яркой эмоциональной конструкцией.

II

Именительный темы — это только одна из конструкций среди многообразной группы конструкций с двойным обозначением, или сегментированных конструкций. Своеобразие именительного темы становится особенно заметным при сопоставлении его с родственными образованиями.

Рассмотрим важнейшие сегментированные конструкции.

1. В разговорной речи часто встречаются предложения, в которых на первый взгляд имеется два подлежащих: первое — неместоименное существительное, второе — местоименное существительное. Например:— Хлеб, он сам растет, а уголь добывать надо... (М. Шолохов, Они сражались за родину); Немец, он всегда был жадный до чужой земли (М. Бубеннов, Белая береза);— Кошки... они приятные,— неуверенно и содрогнувшись произнес Илья Игнатьич (Л. Леонов, Дорога на океан).

Эта конструкция произносится с особой интонацией: все предложение членится на две части, которые разделяются паузой, меньшей, чем между самостоятельными предложениями; первая часть произносится с повышением тона, вторая начинается с понижения тона; все предложение при этом имеет единый интонационный рисунок, представляет собою интонационное единство.

Такие предложения широко распространены не только в разговорной разновидности литературного языка, но и в диалектах. В лингвистической литературе эта конструкция объясняется по-разному. В. И. Чернышев называл подобные предложения «простыми предложениями с повторенным подлежащим в виде местоимения»[12]. А. А. Шахматов называл подобные предложения двуподлежащными, отмечая, что в них «двум словесным выражениям подлежащего соответствует одно представление, один субъект»[13]. А. М. Пешковский существительные в им. падеже, подхватываемые словом *он* или словом *этот*, с колебаниями относит к именительному представления, отмечая затем, что «это не именительный представления, а недоговоренное предложение». Пешковский называет им. падеж в данной конструкции «лекторским» именительным, так как он часто встречается в лекторской речи[14], В. Мансикка характеризовал такие именительные как «именительные самостоятельные при местоименном подлежащем, обозначающем ту же субстанцию»[15]. А. Б. Шапиро называет подобные предложения «предложениями с существительно-местоименной конструкцией», относя их к сложным предложениям особого типа[16]. В. А. Иванова говорит о «конструк-

---

[12] В. И. Чернышев. Сведения о Мещовском говоре.— В кн.: «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. 5. СПб., 1898, стр. 249; Он же. Правильность и чистота русской речи. СПб., 1911, стр. 148.

[13] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., Учпедгиз, 1941, стр. 174, § 185.

[14] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 404—407.

[15] В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. — ИОРЯС, т. XVII, кн. 2. СПб., 1912.

[16] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 199—202.

циях с плеонастическим употреблением местоимений»[17]. М. А. Новгородов говорит об усложненных предложениях[18]. В. И. Собинникова относит анализируемые конструкции к осложненным предложениям с тавтологическими членами[19].

В большинстве названных работ им. падеж (первый) не считается подлежащим, не считается вообще членом предложения.

Конструкции, аналогичные указанным, широко представлены в романских языках, в частности во французском. Интересные высказывания об этой конструкции мы находим в работах Ш. Балли[20], который называет подобные предложения сегментированными. Они состоят из двух частей: темы и повода. Тема бывает представлена в составе повода местоимениями. Конструкция, в которой тема (существительное) предшествует поводу, стоит перед местоимением, называется репризой. Конструкция, в которой повод (и, следовательно, местоимение) предшествует теме, называется антиципацией. Для сегментированных конструкций характерны срединная пауза и особая интонация. Сегментация — в высшей степени экспрессивный прием. Сегментированные предложения приближаются к предложениям разговорного строя. Тема является как бы вопросом, ответом на который служит повод. К последнему выводу на русском материале приходит и А. Б. Шапиро, указывая, что языковой подосновой образования данной структуры предложения является диалогическая вопросно-ответная речь.

При анализе рассматриваемой сегментированной конструкции возникает вопрос о разграничении сегмента — темы и обособленного приложения особого типа. В русском языке есть предложения с обособленным приложением, стоящим перед местоименным подлежащим. Внешне эти две конструкции очень похожи, но по своей природе они различаются.

Примеры с обособленным приложением: Великолепный организатор, большой знаток тайги и золотого дела, он обладал необычайным нюхом разгадывать, где скрыто золото (В. Шишков, Угрюм-река); Коммунистка, она обожала Советский Союз (А. Никифорова, Это не должно повториться...).

---

[17] В. А. Иванова. О конструкциях с плеонастическим употреблением местоимений в современном русском языке. «Исследования в области русской и английской филологии. Уч. зап. Волгоградского пединститута», вып. 14, 1961, стр. 43—61.

[18] М. А. Новгородов. К вопросу об усложненных предложениях. «Уч. зап. Даугавпилсского пединститута», IV. Серия гуманитарных наук, вып. 3, 1959, стр. 295—314.

[19] В. И. Собинников. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961, стр. 261—263.

[20] Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка, стр. 70—82; Он же. Французская стилистика. Перевод с франц. М., изд-во ИЛ, 1961, стр. 358—359; В. Г. Гак. К вопросу о местоименной репризе в романских языках.— В кн.: «Исследования в области латинского и романского языкознания». Кишинев, 1961, стр. 98—120.

Обособленные приложения, в отличие от сегментов, имеют обстоятельственное значение и характеризуются дополнительной связью со сказуемым (полупредикативностью). В отличие от сегментов они обычно имеют значение оценки, характеристики.

Возникает вопрос, не являются ли сегменты членами предложения. В разговорной литературной речи и в диалектах сегмент может быть не только существительным в им. падеже, но и в другой падежной форме. Например: Но отца — его труднее найти, чем мужа (Д. Гранин); Начальнику цеха — тому на все наплевать... (В. Кочетов) [21].

Соответствие в форме сегмента и местоименного коррелята наводит на мысль, что сегмент является членом предложения: его форма обусловлена его связями в предложении. Но есть предложения, в которых сегмент стоит в им. падеже, а местоименный коррелят — в косвенном падеже (такие предложения отмечены в работе А. Б. Шапиро и В. И. Собинниковой). Например: Так девка, годов четырнадцать уж ей; Ужака, на ей рубашка серенькая.

Здесь уже нет оснований видеть в сегменте член предложения.

Таким образом, сегмент в одних случаях можно считать членом предложения, в других — нельзя. Сегмент выступает как член предложения тогда, когда он входит в цепь синтаксических связей, причем связи его идут по двум направлениям — с местоимением-коррелятом (параллельная связь) и с каким-либо другим членом предложения (подчинение).

Анализируемая конструкция употребляется в диалектной и литературной разговорной речи. Она помогает говорящему строить свою речь, играет роль своеобразной опоры, дает возможность, как указывал А. М. Пешковский, подготавливать материал для предстоящей речи. Говорящий при этом не ставит перед собой задачу специально выделить определенный элемент своей речи. Выделение происходит не с целью воздействия на слушателя, а для облегчения собственной речи. В руководствах по стилистике эта конструкция оценивается как нарушение норм литературного языка: двойное обозначение признается бесцельным, ненужным [22].

Если же говорящий стремится специально выделить тему своего высказывания, то образуется конструкция с именительным темы, который отличается от сегмента, являющегося частью предложения, тем, что он интонационно резко отделяется от следующего предложения, причем такое отделение может быть присуще только им. падежу. Обычно всякий сегмент в им.

[21] Примеры заимствованы из указанной статьи М. А. Новгородова.

[22] А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., Учпедгиз, 1955, стр. 190—191; Д. Э. Розенталь. Культура речи. Изд. 2. МГУ, 1960, стр. 58.

падеже может быть преобразован в именительный темы. Например: Владислав! Он стоял, сдвинув свой котелок набок, выставив напоказ ярко начищенный ботинок (В. Бахметьев, У порога); Горы! Они теперь окружали Фазлура со всех сторон (Н. Тихонов, Белое чудо).

2. К рассмотренной существительно-местоименной конструкции близка конструкция, в которой первое обозначение (тема-сегмент) включает придаточное предложение. Например: И мысль, что он может руководиться этим интересом, что он для продажи этого леса будет искать примирения с женой,— эта мысль оскорбляла его (Л. Толстой, Анна Каренина); Жизнь его, начавшаяся (в воспоминаниях так чудесно) громадной церковной папертью... и голосом мамы, в котором тысячу раз знакомый блестел кремнистый путь и звезда говорила со звездою,— эта жизнь с каждым своим часом наполнялась новым, все новым значением (В. Катаев, Отец); А вот так называемая личная жизнь, на которую я никогда не обращал внимания, вот ее почему-то я все чаще и отчетливее теперь воспоминаю (А. Гладилин, Первый день Нового года).

Данная конструкция употребляется в книжных стилях, прежде всего в художественном стиле.

3. В художественном стиле встречается конструкция с обратным (по сравнению с предыдущим) расположением элементов: сначала в предложении дается личное местоимение 3-го лица, а в самом конце, с резким отделением от местоимения, следует имя существительное. Например: Он казался очень быстрым, этот легкомысленный самолет (К. Паустовский, Итальянские записи); Он не сулил им добра, этот день... (Л. Леонов, Вор); Он был очень высок, этот профессор... (М. Слонимский, Стрела).

Именно в этой конструкции можно усмотреть антиципацию, т. е. предвосхищение, «упреждение». Местоимение здесь четко отсылает не к уже названным именам существительным, а к тем, которые еще должны быть названы. Л. А. Булаховский такие местоимения назвал «обещающими»[23]. Имя существительное (одно или с относящимися словами) играет роль приложения с уточняющей функцией. Оно может стоять непосредственно за местоимением (и в этом случае отсутствует сегментация). Например: Он, этот дивный мир, поистине впервые Очаровал ее, как чудо из чудес (Н. Заболоцкий, Детство).

Имя существительное может быть употреблено в косвенном падеже при местоимении в том же падеже. Например: По ним только и бродить, по этим площадям, набережным и улицам... (В. Некрасов, Первое знакомство).

---

[23] Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., Учпедгиз, 1954, стр. 450.

Конструкция приобретает характер сегментированной, когда существительное отделяется от местоимения другими членами предложения, при дистантном расположении.

4. Сегментированная конструкция может состоять из имени существительного и сочетания указательного местоимения *тот* с союзом *и* в функции частицы. Например: Таисия, и та знает свое призвание: печь пироги с рыбой (Б. Горбатов, Торговец Лобас); Часы — и те здесь были палубные... (Э. Казакевич, Сердце друга).

Такая конструкция (по стилистической тональности — нейтральная) обычно имеет уступительное значение: предмет или явление, казалось бы несовместимые с тем, что говорится о них в дальнейшем, в силу определенных причин становятся носителями указанного далее признака. Сочетание *и тот* соответствует по значению усилительной частице *даже* и иногда объединяется с ней. Например: Даже колючий и подозрительный Лерхе, и тот безоговорочно доверял Себастьяну... (Э. Казакевич, Дом на площади).

Интонационное расчленение указанной конструкции может привести к образованию именительного темы.

5. К числу сегментированных конструкций, вероятно, можно отнести предложения, которые принято рассматривать как предложения с подлежащим, нулевой связкой и именной частью (именем существительным в им. падеже) с частицами *это* или *вот*. Например: Станиславский — это не только вчерашний день искусства. Это его и нынешний и завтрашний день («Правда», 17 янв. 1963 г.); Партийность и народность — вот священные принципы нашего искусства («Лит. Россия», 1963, № 11).

Слово *это* легко переходит на позиции подлежащего, что можно видеть в первом отрывке. Оно указывает на основное подлежащее. А. И. Молотков отмечает: «Слово *это* в таком употреблении выполняет фактически роль дополнительного (формального) подлежащего при наличии в предложении основного подлежащего»[24].

А. М. Пешковский предположительно относил именительные в таких предложениях к именительным представления[25].

При интонационном расчленении им. падеж в данной конструкции легко преобразуется в именительный темы. Например: Первая любовь! Это отнюдь не статистическое понятие... (Б. Брайнина, Повесть о доверии); Молодость! Это — вечное беспокойство, страстность, способность во имя науки ломать всяческие догмы («Лит. газета», 16 мая 1961 г.).

Слово *вот* является частицей и не может быть подлежащим. Но при наличии этой частицы при сказуемом подлежащее

[24] См.: «Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 351—352.

[25] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 406.

несколько выделяется, подчеркивается, а его интонационное вычленение приводит к образованию именительного темы. Например: Кукуруза! Вот культура, которая до сих пор еще недооценивалась («Лит. газета», 3 февр. 1955 г.); Ритм и качество. Вот два непременных условия успеха («Лит. газета», 17 ноября 1962 г.).

6. В русском языке имеется любопытная синтаксическая конструкция, особенностью которой является то, что к имени существительному в им. падеже, стоящему в начале предложения, с помощью частицы *вот* присоединяется отрезок, похожий на придаточное предложение, возглавляемое «союзным словом», которое может выполнять различные синтаксические функции. Например: Цветухин — вот кто предназначен испытать еще несмелое увлечение молодых людей (К. Федин, Первые радости); Человек — вот кому должна подчиняться архитектура («Лит. газета», 20 февр. 1960 г.); Инициатива — вот чего нам больше всего не хватает! (Ю. Нагибин, Павлик); Поле — вот где ваше место! (Г. Гор, Однофамилец).

В редких случаях существительное, так же как и местоимение, стоит в косвенном падеже. Например: Беспокойство, смуту, непорядок — вот что внес ты в мою маленькую жизнь (Л. Борисов, Снегурочка).

Перед нами сегментированные конструкции. Интонационное расчленение здесь столь велико, что в им. падеже можно усматривать именительный темы. Иногда это отражается и на пунктуации. Например: Предательство! Вот что погубило Францию (Е. Петров, Падение Парижа).

7. Сегментированными являются предложения, в которых ряд однородных членов резко отделяется от обобщающего слова. Это наблюдается в тех случаях, когда между рядом и обобщающим словом нет соответствия в падеже или когда следующее за рядом предложение принадлежит к вопросительным или восклицательным со специальными словами. Например: Большая мощность, простота конструкции, быстрота операции — всего этого еще нет у нас (М. Слонимский, Стрела); Полотна Рафаэля и драмы Шекспира, «Фауст» Гете, «Мыслитель» Родэна, Пушкин и Толстой, «Броненосец «Потемкин» и «Чапаев», «Ленинградская симфония» Шостаковича и бетховенская «Аппассионата» — не было и не могло остаться в мировой сокровищнице ни одного произведения подлинного искусства, не выполнявшего высокого общественного назначения... («Советская культура», 21 марта 1963 г.); Помпезность, роскошь, богатство — нужны ли они нам? («Лит. газета», 20 февр. 1960 г.); Лепет юности, ровный свет электрических плафонов, тусклый блеск скрипок — как все было далеко! (Э. Казакевич, Звезда).

При значительном интонационном расчленении в этих конструкциях образуется именительный темы. Например: Сказки,

легенды, былины — о богатырях, о сапогах-скороходах, о коврах-самолетах, скатертях-самобранках, о живой воде... Сколько дум народных, мечтаний и грез заложено в них, сколько светлых надежд! («Изв.», 4 янв. 1960 г.).

8. В современном русском языке в позиции именительного темы может выступать инфинитив, что подтверждает мысль, высказанную С. О. Карцевским: «Почти для всех функций существительного есть аналогичный оборот с инфинитивом...»[26].

Эта инфинитивная конструкция была отмечена А. М. Пешковским, который писал: «Некоторые инфинитивы и инфинитивные группы можно было бы толковать аналогично с именительным представления»[27]. Но в «Грамматике русского языка» АН СССР такие образования толкуются как инфинитивно-назывные предложения[28], хотя функциональная тождественность их именительному темы вряд ли может вызывать сомнения. Например: Победить засуху... Это было вечной мечтой хлебороба («Комс. правда», 13 дек. 1959 г.); Летать! Это и сейчас самая большая его мечта, самое страстное желание («Изв.», 16 марта 1962 г.); Творить для народа! Только таким может быть кредо художника, мастера культуры («Комс. правда», 25 дек. 1962 г.); Быть чистым перед людьми. Разве это не закономерное желание человека, воспитанного в трудовом коллективе? («Изв.», 21 дек. 1961 г.).

Таким образом, наряду с именительным темы, в русском языке выделяется инфинитив темы — с теми же особенностями употребления, с той же стилистической тональностью.

Мы рассмотрели различные сегментированные конструкции в современном русском языке. Из сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Сегментированная конструкция состоит из двух частей: сегмента, который представляет собой выделенную и подчеркнутую тему, и основы (основной части) с местоименным коррелятом темы. В основной части конструкции выделяется тема (указанный местоименный коррелят) и рема.

В зависимости от последовательности сегмента и коррелята различается два типа конструкции: реприза и антиципация.

Исследователи отмечали этот дискретный характер конструкции. А. М. Пешковский: «Мысль преподносится при этом как бы в два приема...»; Л. А. Булаховский: «...мысль, которая должна принять форму предложения, дается как бы двумя толчками»; Ш. Балли: «...потребность в быстром сообщении вынуждает представлять элементы высказывания, так сказать, в виде

[26] С. Карцевский. Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского. «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 1, стр. 35.
[27] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 407.
[28] Т. II, ч. 2, стр. 52.

отдельных кусков с тем, чтобы их легче можно было переварить».

2. Сегментированная конструкция — яркая экспрессивная конструкция, бытующая (в разных своих проявлениях) в разных стилях языка. Сегментированная конструкция соотносится с тождественным по словесному составу предложением без сегментации.

В своей основе сегментированная конструкция — это разговорная конструкция, порожденная закономерностями живой речи.

Именительный темы — конструкция книжная, часто с риторической, возвышенной окраской. Но возникает он на основе сегментированного предложения в результате преобразования, интонационной дислокации последнего.

3. Сегментированная конструкция находится в тесной связи с предложениями, имеющими в своем составе параллельную связь.

Параллельная связь — это связь, которая наблюдается между членами предложения, обозначающими одно и то же, но поразному, и объединенными интонационно или союзами без зависимости их друг от друга по морфологической форме.

Сегментированная конструкция отличается от предложения с обычной параллельной связью порядком расположения элементов, интонационным членением и в некоторых случаях отсутствием формального соответствия частей с одинаковой предметной отнесенностью.

Наблюдаются разные степени вычленения сегмента вплоть до его выделения в особую фразу (именительный темы).

Сегментированное предложение — это единое интонационное целое, фраза. Оно может быть расчленено на две фразы и преобразовано в конструкцию с именительным темы. Учитывая тесную связь этих синтаксических образований, их можно назвать сегментированными конструкциями с двойным обозначением.

Г. А. Золотова

РАЗВИТИЕ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ИМЕННЫХ ДВУСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Двусоставные именные предложения — активная категория современного русского синтаксиса. Лингвисты свидетельствуют о росте употребительности имен существительных, особенно отглагольных, за счет глагола в русском языке XX в. (См., например, работы 20-х годов Г. О. Винокура, А. М. Пешковского, П. Я. Черных и др.; в последнее время — статистические подсчеты Б. Н. Головина). Естественно, что рост употребительности имен существительных и активизация, развитие именных конструкций — две стороны одного процесса.

Внимание исследователей обычно привлекалось теми двусоставными именными предложениями, содержанием которых является установление признака лица или конкретного предмета. Так, например, в Академической грамматике большинство примеров предложений с именным сказуемым составляют предложения с личным или конкретно-предметным подлежащим.

Однако представляют не меньший интерес двусоставные именные предложения, в которых устанавливаются различного рода смысловые отношения между двумя отвлеченными понятиями, т. е. предложения с именами отвлеченными или соотносительным с ними инфинитивом в главных составах.

Предложения эти заслуживают внимания с точки зрения исторической (как активная и активизирующаяся конструкция современного русского языка, особенно публицистических и научно-деловых стилей) и с точки зрения теоретической (в силу разнообразия структурных разновидностей, призванных выражать определенные смысловые отношения, во-первых, и в связи с вопросом о принципах и приемах синтаксического исследования, во-вторых).

Типология этих предложений должна быть, по-видимому, построена на основании изучения:

а) соотносительных способов выражения каждого из главных составов (с учетом лексико-семантических ограничений);

б) возможных способов связи между двумя составами;

в) характера, содержания предикативных отношений между этими составами, и следовательно, смыслового назначения данного типа (разновидности) предложения;

г) роли этих предложений в системе коммуникативных типов речи, т. е. в типизованной речевой ситуации, определяемой конкретной коммуникативной задачей высказывания.

Из сказанного с очевидностью вытекает важная роль лингвистического эксперимента в методике работы.

2. В данной работе рассматривается один из широко распространенных в современном русском языке типов двусоставных именных предложений. Примеры:

Широкое *внедрение* в производство опыта новаторов — важнейший *резерв* ускорения жатвы («Правда», 10 авг. 1962 г.); *Одна* из важнейших *проблем* современной медицины — *лечение* сердца («Изв.», 3 дек. 1962 г.); *Активность* масс — *залог* выполнения планов («Коммунист», 1962, № 2); Главное *стремление* и *цель* киноискусства — *создание* ярких образов наших современников («Искусство кино», 1963, № 1); *Залог* успехов — *в подготовке* резервов («Советский спорт», 2 июня 1963 г.); *Главное* теперь — *в* настойчивой организаторской *работе* («Веч. Москва», 7 дек. 1962 г.); *Одна из причин* такого положения — *в несогласованности* профсоюзной и комсомольской работы («Московский университет», 29 марта 1963 г.); *Задача* клиницистов и патологов — *разграничить* защитную и патогенную роль эндокринных факторов («Мед. работник», 6 февр. 1962 г.); Сейчас *главное* — *добиться* опережающих темпов производства электроэнергии («Знамя», 1962, № 4); Самое большое *счастье* человека — *приносить* людям радость («Неделя», 1962, № 4); *Служить* делу партии и народа — вот высшее *призвание* советского художника («Лит. газета», 13 апр. 1963 г.); Без потерь *косить* и *обмолачивать* хлеб — боевая *задача* земледельцев России («Советская Россия», 24 июля 1962 г.); *Задача* науки *заключается* не в *придумывании* терминов, а *в том, чтобы объяснить*, как новое возникает из старого («Полит. самообразование», 1962, № 9); *Один из* наиболее надежных *методов* определения плотности атмосферы *заключается в наблюдениях* за торможением спутников («Неделя», 1962, № 40); Третий *принцип* общей защиты функции *состоит в скорости* мобилизации защитных приспособлений («Мед. работник», 6 фев. 1962 г.).

Тип предложений, к которому принадлежат все приведенные примеры, характеризуется следующими особенностями.

1) Конструктивной основой данного типа предложений являются отвлеченные существительные определенной семантики — конструктивные, или опорные, слова. (В приме-

рах выделены курсивом в разрядку). Условно (см. ниже) будем рассматривать опорное слово как подлежащее, или главный член I состава [1].

Лексические ограничения в выражении главного члена I состава — структурный фактор для предложений изучаемого типа [2].

Отвлеченные существительные, способные быть опорными словами данной конструкции, можно сгруппировать примерно таким образом:

а) *содержание, смысл, суть, существо, основа, соль, главное* и под.;

б) *причина, тайна, секрет, разгадка, корень, источник, ключ, пружина, подоплека* и под.;

в) *итог, результат, выигрыш, достижение, заслуга, вина, ошибка* и под.;

г) *значение, значимость, ценность, сила, достоинство, особенность* и под.;

д) *разница, различие, отличие, сходство* и под.;

е) *препятствие, затруднение, трудность, проблема, сложность, загвоздка, беда, несчастье* и под.;

ж) *задача, дело, долг, обязанность, цель, стремление, смысл* (в значении 'цель'), *забота, желание, намерение, назначение, призвание, линия, путь, курс, выход* и др.

2) При наличии ряда соотносительных форм выражения II состава (сказуемого), как-то:

отвлеченное существительное в им. падеже отвлеченное существительное в предл. падеже с предлогом *в* инфинитив	без связки и со связками

ключевая (контрольная) форма сказуемого в предложениях рассматриваемого типа — *состоит, заключается в чем* (в предл. падеже — отвлеченное существительное либо указательное местоимение, значение которого раскрывается придаточным сказуемым предложением).

Следует заметить, что *состоит, заключается в чем* — не глагольное (ср. «Грамматика русского языка», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1953, § 1436), а именное сказуемое: *состоит, заключается* — связочные слова. В пользу такого понимания говорят следующие обстоятельства.

---

[1] С точки зрения порядка слов, точнее порядка составов, в предложении опорное слово может быть и на I и на II месте, как это видно и по приведенным примерам. О порядке составов см. ниже.

[2] Вопрос о лексических ограничениях как о структурном факторе, «формопоказателе модели» в словесно замкнутых и непродуктивных конструкциях поставлен Н. Ю. Шведовой (ВЯ, 1960, № 6). Очевидно, лексические ограничения могут служить формопоказателем модели и в отношении продуктивных, активных конструкций.

а) Глагольное значение действия, состояния не выражается этими сказуемыми: в предложении устанавливается соотношение между двумя предметными понятиями.

б) Лексическое значение *состоит, заключается* почти утрачено. Эти связочные слова в форме прош. времени свободно заменяются формальной связкой *было*. Например:

Моя задача *заключалась* в том, чтобы незаметно сесть в сани за несколько минут до отъезда («Неделя», 1963, № 32). Ср.: Моя задача *была* в том, чтобы...; Особенность ... семинара ... *состояла* в том, что значительная часть его участников уже изучала прежде вопросы марксистско-ленинской философии («Полит. самообразование», 1962, № 9). Ср.: Особенность семинара *была* в том, что...; А счастье его *заключалось* в том, что он тяжелым трудом своим приближал торжество радостного и приятного труда («Юность», 1962, № 9). Ср.: А счастье его *было* в том, что...; Одна из причин вялости *была* и в том, что портрет был начат в хмурые, холодные дни последней осени... (С. Дурылин, Портрет Мухиной В. М. Нестерова). Ср.: Одна из причин вялости *состояла* в том, что...; И в этом *была* громадная разница между ним и теми беллетристами, которые... (Куприн, Памяти Чехова). Ср.: И в этом *заключалась* громадная разница...; Как бы нагулять побольше жиру? — вот в чем *была* одна из главнейших ее забот (Ф. Сологуб, Мелкий бес). Ср.: вот в чем *состояла* одна из главнейших ее забот; Лялечкина сила и *была* в том, чтобы казаться дурой (А. Н. Толстой, Гадюка). Ср.: Лялечкина сила и *заключалась* в том, чтобы...;

(Различий между сравниваемыми способами выражения сказуемого коснемся ниже).

в) Для настоящего времени наряду со связочной закономерна и широко употребительна как в разговорных, так и в книжно-деловых стилях бессвязочная форма сказуемого «*в*+предл. падеж», не оставляющая впечатления эллиптичности, неполноты.

Таким образом, «*в*+предл. падеж» в предложениях данного типа — особая форма именного сказуемого (не дополнение). Примеры:

Съезд подчеркивает, что *сила* партийного руководства — *в умении* организовать и направить усилия масс на решение главных задач... (Из резолюции XXII съезда КПСС); Другая *причина* невысокого спортивного уровня командного чемпионата — *в* слишком поздних его *сроках* («Комс. правда», 23 дек. 1962 г.); *Секрет* пришвинского обаяния, его колдовства — как раз *в* этой его *зоркости* (К. Паустовский, Золотая роза); *В* этом растущем *господстве* (человека) высокий *смысл* его жизни (В. Тендряков, Короткое замыкание); Глав-

ный *интерес* моей жизни *в работе* (Н. Адамян, Новый сосед) и т. д.

3) Предложения изучаемого типа отличаются особой семантикой с точки зрения отношений между двумя основными понятиями (условно — подлежащим и сказуемым) и с точки зрения положения этих предложений в контексте.

Акт предикации в этих предложениях заключается в установлении того, что представляется говорящему существом, содержанием понятия, которое выражено опорным словом (подлежащим).

Этому смысловому назначению предложений соответствует и лексическое значение предлога *в* в сказуемостной части, и типичные определения при опорном слове — *главное, основное, существенное, настоящее* и под., и глаголы putandi, cognoscendi в предшествующем предложении. Например:

Главная задача их была охранять продукты (А. Солженицын, Случай на станции Кречетовка); *Основная* задача этой секции — рассмотрение некоторых... вопросов развития... русского языка... в советскую эпоху (ВЯ, 1962, № 4); *Важнейшая* задача планирования — обеспечить соответствие между экономическими уровнями, пропорциями и темпами развития хозяйства («Изв.», 10 окт. 1961 г.); Постараемся *понять*: в чем смысл этой печальной сцены на свалке («Лит. газета», 1 июня 1963 г.); Я теперь ясно *понимаю*, в чем *главное* достоинство и *главное* завоевание этого фильма (там же, 8 февр. 1962 г.); Но что залог успеха — усилия всех, это не все *понимают* («Моск. университет», 20 окт. 1961 г.); — *Установили*, в общем, что *главная* беда — нехватка кормов («Изв.», 1 февр. 1962 г.); — Между прочим, я все более *убеждаюсь*, что один из *главных* наших пороков — неумение бороться с нахалами («Неделя», 1962, № 4).

Предложения рассматриваемого типа являются одной из наиболее употребительных форм выражения умозаключения, процесса или результата аналитической работы интеллекта. Четкая двучленность и определенность смыслового соотношения двух структурных составов (отвлеченное понятие и установление содержания, сущности этого понятия) придает этим предложениям характер формулировки, тезиса, афоризма, лозунга. Отсюда особое место их в системе коммуникативных типов речи. Они невозможны в повествовании, в котором излагаются события или описываются внешние впечатления от предметов. Они типичны для текста анализирующего характера, научно-делового содержания, литературно-критического, политико-публицистического и т. п. и служат одним из средств выделения главного, наиболее значительного в тексте.

Одна из основных функций предложений этого типа в контексте — объяснительная. Конструкция *дело в том, что*

формализовалась почти до роли причинного союза, вводящего именно такую объяснительную, мотивационную часть текста.

См., например, роль этих конструкций в композиции контекста а) в научно-популярной книжке, б) в газетной статье: а) ...с точки зрения доказательства... *обстоятельства*, не менее замечательного в другом принципиальном отношении; *Заключается оно в том,* что, восприняв извне пришедшую мысль, ощущение, эмоцию, животное переживает ее как свою собственную... *Дело в том, что* многие ставили под сомнение эту важную деталь в явлениях биорадиосвязи (Б. Кажинский, Биологическая радиосвязь).

б) ...Много раз я *спрашивал себя, в чем тут дело*, и, как мне кажется, понял *причину* этой неловкости; *Она вовсе не в том, что...* И *не в том дело, что... Думаю, секрет* этой неловкости *в другом — в том, что...* («Лит. газета», 18 сент. 1962 г.).

С точки зрения методов исследования важно изучение роли наблюдаемых конструкций в контексте, в системе коммуникативных типов: именно это поможет выявить те о б щ е с т в е н н о - а к т у а л ь н ы е з н а ч е н и я (см. «Русский язык и советское общество». Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 78, примечание), в выражении которых нуждается общество, что и является, видимо, одним из стимулов развития синтаксиса.

3. Прежде чем перейти к описанию разновидностей и их соотношений внутри изучаемого типа предложений, сделаем некоторые сопоставления со смежными типами в ряду двусоставных именных предложений.

Сравним предложения по возможности близкого материального состава:

1) *Составление плана — первоочередная задача.* (*Составить план — первоочередная задача*).

2) *Составление плана — нелегкая задача.* (*Составить план — нелегкая задача*).

3) *Составление плана — задача коллектива.* (*Составить план — задача коллектива*).

На первый взгляд эти предложения одной структуры с лексически совпадающими главными членами и некоторыми общими возможностями преобразования.

Однако между ними имеются существенные различия.

а) Отвлеченное существительное в составе сказуемого во 2-м и 3-м предложениях в большей или меньшей степени семантически ослаблено и смысловую нагрузку несет обязательное при нем определение, со значением характеристики-оценки понятия-подлежащего во 2-м предложении и со значением модально необходимого субъекта действия — состояния, названного подлежащим,— в 3-м.

Смысловая роль этих определений во 2-м и 3-м предложениях подчеркивается и логическим ударением.

б) Лингвистический эксперимент показывает, что в дальнейших преобразованиях (трансформациях) [3], кроме чередования отглагольного существительного с инфинитивом в I составе, эти предложения решительно расходятся.

Первое предложение допускает подстановку всех оговоренных выше способов выражения сказуемого:

1) *В составлении плана — первоочередная задача.*

В составлении плана заключается первоочередная задача.

В том, чтобы составить план, заключается первоочередная задача и т. д.

Эти подстановки неприемлемы для 2-го и 3-го предложений, в них способы выражения сказуемого несоотносительны со связочной конструкцией *состоит, заключается в чем* (ключевой, контрольной формой сказуемого I типа предложения).

Сохраняя смысловое содержание предикативных отношений и характер актуального членения, можно трансформировать 2-е и 3-е предложения следующим образом:

2) *Составить* (*составлять*) *план — нелегко.*

Нелегко составить (*составлять*) *план.*

3) *Составить* (*составлять*) *план должен коллектив.*

Таким образом, приведенные три схематических примера представляют три разных типа среди двусоставных именных предложений. Рассмотренным различиям в их структурных особенностях соответствует различие их смыслового назначения:

выявление существа, содержания понятия — в 1-м,

характеристика-оценка действия-состояния — во 2-м,

установление субъекта действия-состояния — в 3-м.

Различие между трансформами внутри одного типа может лежать в плоскости коммуникативного назначения. Так, во 2-м типе первое предложение *Составить план — нелегко*, как и другие рассматриваемые предложения с отчетливой двучленностью, принадлежит речи рассудочной, аналитической, его одночленный вариант *Нелегко составить план* может быть использован в конкретно-изобразительной, воспроизводящей речи. В соответствующем контексте обнаруживается и сдвиг смыслового назначения: это уже не оценочная характеристика действия-состояния, а изображение, воспроизведение состояния субъекта действия в его конкретной длительности.

[3] Рассматривая приемы трансформации как один из видов лингвистического эксперимента, считаю возможным использовать в изучении структуры предложения не весь тот комплекс трансформаций, который создается по формулам преобразования каждой части речи, входящей в состав предложения, а тот, который ограничен необходимым условием сохранения смыслового назначения предложения (характера предикативных отношений с соответствующим актуальным членением). Этому условию не отвечают трансформации типа *Инструктор — здешний рабочий > Рабочий инструктирует здесь > Инструктор работает здесь* (трансф. С. К. Шаумяна и П. А. Соболевой).

Таким образом, сопоставление изучаемого типа именных двусоставных предложений с другими, близкими ему типами способствует уяснению как места этого типа в системе двусоставных именных предложений, так и самого понятия тип, в принятом здесь значении.

4. Изучаемый тип объединяет в своем составе серию конструктивно-смысловых разновидностей. Они возникают на основе тех соотношений, в которые вступает ключевая форма сказуемого.

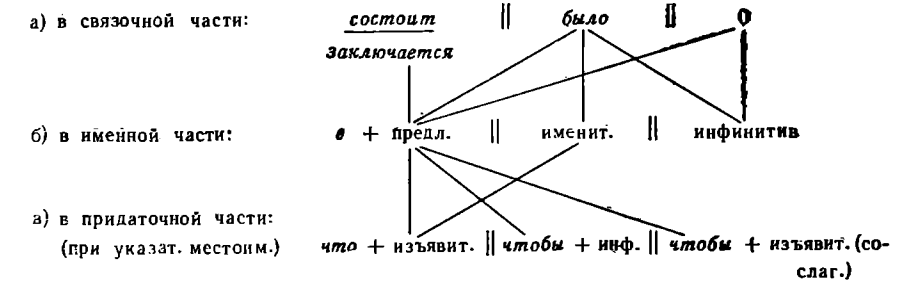
Сказуемое образует соотносительные формы как в связочной, так и в именной части.

В связочной части связки *состоит, заключается* могут чередоваться с формальной связкой *было* (*будет* и т. д., реже — *есть*) и с нулевой связкой.

В именной части существительное в предложном падеже с предлогом *в* может чередоваться с существительным в именительном падеже или с инфинитивом.

Отглагольное существительное в именной части может быть развернуто в придаточное предложение, в котором это существительное преобразуется в одну из глагольных форм, а место его в главном предложении занимает указательное местоимение (тоже в именительном падеже или в предложном с предлогом *в*). Придаточное присоединяется к главному союзом *что* или *чтобы* (иногда — *когда, если*).

Все эти варианты формы сказуемого можно свести в следующую табличку:

Естественно, что между вариантами каждой из частей нет полной свободы сочетаемости. Стрелки между рядами таблицы показывают возможности сочетаемости.

Схематические иллюстрации к таблице:

1) *Главное состоит (заключается) в правильной организации работы.*

Главное состояло (заключалось) в правильной организации работы.

Главное было в правильной организации работы.

Главное — в правильной организации работы.
Главное — правильная организация работы.
Главное — правильно организовать работу.

2) *Главное* (*состоит*, *было* и т. д.) — *в том, что работа правильно организована.*
Главное — то, что работа правильно организована.
Главное в том, чтобы правильно организовать работу.
Главное в том, чтобы работа была правильно организована и т. д.

Соотносительность способов выражения сказуемого в предложениях данного типа подтверждается как путем лингвистического эксперимента, так и примерами параллельного их употребления в текстах:

Одна из бед нашей самодеятельности — *неумение* правильно оценить свои достижения, склонность их преувеличивать...; *Беда* самодеятельного искусства и *в его подражательности* («Знамя», 1963, № 4).

Но *главное* все же *не в этом. Главное то, что* еще и еще раз с большой силой сказала нам и всему миру судьба этих двух «перелетных птиц» («Лит. газета», 24 апр. 1962 г.).

В чем же основная *причина* невыполнения планов развития и внедрения новой техники?.. На наш взгляд, *она заключается* прежде всего *в недостаточной координации* деятельности научно-исследовательских, конструкторских проектных организаций и промышленных предприятий... («Коммунист», 1962, № 11).

Какой же *выход* из создавшегося положения? Может быть, *в повышении* эффективности уроков?.. Лучший *выход* — *создание* новой орфографии, простой и общедоступной («Советская Эстония», 8 авг., 1962 г.).

Для одного весь *смысл* жизни и все *счастье* — это *прожить* тихо и безмятежно в своих четырех стенах. Для другого *счастье — в трудных дорогах*, *в познании* неизведанного («Комс. правда», 14 февр. 1962 г.).

Причины этого как *в недостаточной осознанности* целей и творческого метода «показа лучших», так и *спешка* и *поверхностный показ* материала («Лит. учеба», 1931, № 1) [4].

Что дает основания причислять предложения со столь различными вариантными конструкциями к одному типу?

Единство типа при разнообразии разновидностей сохраняется при следующих условиях.

1) Сохраняется лексико-грамматический состав обоих структурных центров с грамматическими вариантами второго

[4] Не касаемся здесь того, что параллельное употребление вариантных форм может быть вызвано разными причинами: сознательным использованием синонимического разнообразия конструкций и, наоборот,— журналистской небрежностью. То и другое свидетельствует о соотносительности конструкций.

состава (сказуемого), оговоренными в таблице; при этом форма сказуемого *состоит, заключается в чем* остается ключевой, проверочной.

2) Остается неизменным характер смыслового отношения между I и II составом (раскрытие содержания отвлеченного понятия).

Элементы первых двух или всех трех рядов таблицы форм сказуемого в разнообразных сочетаниях, сохраняющих возможность подстановки, замены одного элемента другим элементом того же ряда, дают семантико-стилистические варианты. Установить смысловые и стилистические оттенки в соотносительных вариантах — задача следующего раздела.

Случаи невозможности замены, отсутствия сочетаемости свидетельствуют о границе между структурно-семантически противопоставленными разновидностями типа, подтипами.

Возможность и невозможность выбора элементов зависит прежде всего от семантики опорного слова (подлежащего).

Отсюда — дифференциация.

5. Все предложения изучаемого типа распадаются на две основные группы, или подтипы, которые условно можно назвать группой ретроспективного анализа и группой перспективного анализа.

Граница между ними определяется возможностью вступать в конструкцию с инфинитивом.

В группе I — ретроспективного анализа — вскрывается, устанавливается содержание, сущность отвлеченного понятия (свойства, качества, отличительной особенности, достоинства, недостатка предмета, источника, причины явления и т. п.) в плане констатации факта.

Опорные слова предложений этой группы — существительные, перечисленные в пунктах «а» — «е» на стр. 277.

Конструктивный признак этого подтипа — отсутствие инфинитива среди способов выражения сказуемого и возможность развертывания, трансформации сказуемого в придаточное сказуемое «*в том, что*+изъяв.».

Достоинство такого метода строительства — *перенесение* многих операций в цеха завода («Техника — молодежи», 1962, № 7).

Ср.: *Достоинство... в перенесении...*

Достоинство... заключается (*состоит*) *в перенесении...*

Достоинство... (*заключается*) *в том, что* многие операции переносятся в цеха завода.

Причина забастовки — *разногласия* между предпринимателями и объединенным профсоюзом рабочих... в связи с заключением нового договора («Изв.», 16 апр. 1963 г.).

Ср.: *Причина* забастовки — *в разногласиях...*

Причина забастовки *заключается (состоит) в разногласиях...*

Причина забастовки — *в том, что* имеются разногласия...

В какой мере список на стр. 277 исчерпывает подлинный перечень опорных слов I подтипа?

Во-первых, в пунктах «а»—«е» встречаются слова, которые могут вступать и в конструкцию с инфинитивом, например, *главное, дело, суть, смысл, секрет, проблема* и нек. др.

Это наиболее абстрактные слова с ослабленным лексическим значением, служащие почти только символом опорного слова, либо полисемантичные: в том и другом случае — в конструкции, соотносительной с инфинитивом и несоотносительной с инфинитивом,— они наполняются разным содержанием, обращенным в сторону ретроспективного анализа или перспективного анализа. Например:

Утверждение высокого социального значения искусства — основной идейный *смысл* повести («Веч. Москва», 27 июля 1953 г.); Основной *смысл* перестройки — *сконцентрировать* усилия партии и ее органов на решении генеральных задач коммунистического строительства («Правда», 20 ноября 1962 г.). Ср.: Основной идейный *смысл* повести *в том, что она утверждает* (в ней утверждается) высокое социальное значение искусства; Основной *смысл* перестройки *в том, чтобы сконцентрировать* усилия...

В первом предложении (группы ретроспективного анализа) опорное слово *смысл* оказывается синонимом слова *содержание*, во втором (перспективного анализа) — синонимом слова *цель*.

Во-вторых, следует сказать, что список опорных слов I подтипа практически неограничен. По-видимому, любое отвлеченное существительное со значением действия, состояния, качества, свойства может выступить в качестве опорного слова в предложениях данного подтипа. Однако реализация этой возможности связана с определенными условиями. Существительным, обозначающим физические свойства предметов (например, *белизна, выпуклость, седина, угловатость, нагота, хромота* и под.) и физические состояния (*зевота, духота* и под.), несвойственна роль опорных слов, потому что обозначаемые ими свойства и состояния могут восприниматься с точки зрения их внешнего проявления, обнаружения, но не с точки зрения их внутреннего содержания.

Внутреннее содержание, а равно и функцию опорного слова они обретают в переносном значении или в самом абстрактном — когда они обозначают не конкретные признаки, а само понятие.

Кроме того, любое из отвлеченных существительных, употребленных как опорное слово предложения данного типа,

как бы подтягивается под одно из основных опорных слов, накладывает свое конкретное лексическое значение на категориальное, общее значение отсутствующего опорного слова. Это подтверждается и тем, что предложения без категориального опорного слова не располагают полной свободой в трансформациях, в замене форм сказуемого.

Например, в предложении рассматриваемого типа может быть раскрыт смысл любого действия, состояния, названного отглагольным существительным. Допустим: *Чтение заключается в понимании написанного.* Заменяем связочную форму сказуемого бессвязочной. Полученный вариант — *Чтение — в понимании написанного* не кажется удовлетворительной формой выражения данной мысли. Не удовлетворяет и предложение с именительным в сказуемом: *Чтение — понимание написанного*, где значение тождества ощущается как слишком прямолинейное и расширенное. Все, однако, становится на свое место, если в I состав бессвязочных вариантов введем категориальное опорное слово — *смысл, суть, ценность, значение* и под.:

Суть чтения — в понимании написанного.

Суть чтения — понимание написанного.

Поскольку первое предложение не нуждается в этом опорном слове, всем своим составом как бы подсказывая его, а следующие два нуждаются в разной степени, напрашивается вывод: по-видимому, типовое содержание изучаемых предложений, их смысловое назначение распределено между разными элементами — и лексическими и структурными. Этими «несущими» элементами оказываются опорное слово определенной семантики, связка *состоит, заключается* и конструкция «*в* + + предл. падеж» в именной части. О «распределении» смысловой нагрузки говорится, конечно, условно; все эти элементы в единстве, синтетически выполняют свое назначение, и в этом проявляется взаимодействие лексики и грамматики. Но полный набор их не обязателен, обычно бывает достаточно одного-двух элементов. Полный набор создает некоторую избыточность информации, чего не избегают книжные, научно-деловые стили, но разговорные в ней не нуждаются.

В группе II — перспективного анализа — тоже вскрывается сущность понятия, но круг этих понятий определен соотносительностью с важнейшим «несущим» элементом этой конструкции — инфинитивом, с присущей ему модальной окраской ирреальности, гипотетичности. Инфинитив в этой конструкции обозначает действие, имеющее быть осуществленным в перспективе, и соответственно опорные слова предложений этого подтипа — существительные с модальным оттенком, по своему лексическому значению как бы обращенные в будущее.

Перечень слов в пункте „ж" на стр. 277, противопостав-

ленный опорным словам I подтипа („а"—„е"), можно представить в более полном и дифференцированном виде:

а) *цель, задача, долг, обязанность, обязательство, назначение, призвание, функция, роль*;

б) *желание, стремление, чаяние, мечта, забота*;

в) *лозунг, призыв, девиз, принцип, закон*;

г) *возможность, условие, способ, средство, форма*;

д) *путь, выход, курс, линия, ключ, пружина*;

е) *судьба, перспектива, будущее, удел...* и т. п.

Надо заметить, что вследствие обобщенности, абстрактности значений и единства модальной окраски опорные слова внутри каждой группы легко заменяют друг друга. Например:

Наш *долг* — с честью выполнить указание Программы КПСС о решительной борьбе с загрязнением атмосферного воздуха («Мед. работник», 26 янв. 1962 г.).

Ср.: наша обязанность
наша задача
наша цель
наша забота
наш девиз
наше стремление
} — с честью выполнить...

И единственный *путь* достигнуть нашей цели — это объединить все наши силы («Неделя», 1963, № 20).

Ср.: единственная возможность
единственный способ
единственное средство
} достигнуть цели — объединить все силы.

Наша главная *линия* — приблизить службу быта к населению («Неделя», 1963, № 32).

Ср.: Наша главная задача
Наша главная цель
Наша главная забота
Наше главное стремление
Наш главный курс
} — приблизить... и т. д.

Но замены опорных слов, выходящие за рамки подтипа, недопустимы. В небрежном журналистском языке встречаются такие ошибки и контаминации, которые нарушают правильную структуру предложения. Например:

Причина отсрочки процесса — *дать* государственным обвинителям возможность подготовить ответ на заявление компартии («Моск. правда», 3 февр. 1962 г.).

«Ретроспективное» опорное слово *причина* не вступает в предикативную связь с инфинитивом, и наоборот, инфинитив во II составе требует опорного слова с «перспективным» значением. Например:

Цель отсрочки процесса — дать возможность...

Или: Причина отсрочки процесса в том, что государственным обвинителям хотят дать возможность...

Причина отсрочки — стремление дать возможность...

Еще пример:

Ведь *ценность* книги *не в том, чтобы сверкать* в шкафу золотом корешка. Ее *назначение — быть источником* знания, *доставлять* людям эстетическое наслаждение («Лит. газета», 13 янв. 1962 г.).

Здесь «перспективное» значение второго предложения накладывает отпечаток на первое, где «ретроспективное» опорное слово *ценность* само по себе не сочетается с конструкцией *в том, чтобы;* ср.: *Ценность* книги не *в том, что* она сверкает...

Итак, конструктивный признак предложений II группы — соотносительность способов выражения сказуемого с инфинитивом и возможность развертывания сказуемого в инфинитивное придаточное предложение *«в том, чтобы*+инф.» (ср.: «Грамматика русского языка», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1953, § 1430).

Соотнесенность лексического значения опорного слова и модального значения инфинитива создает вторичное, внутрисинтаксическое модальное значение долженствования, необходимости в отношениях между действием и его субъектом на фоне реального основного, внешнесинтаксического модального значения предложения [5].

Эта модальная осложненность объясняет коммуникативное употребление предложений данного подтипа. Реальность значения как основная модальность данного предложения обусловливает его функционирование в качестве средства сообщения, информации; модальность долженствования в отношениях между действием и субъектом ставит этот подтип предложений в ряд средств выражения непрямого побуждения.

С некоторыми группами опорных слов возникают другие оттенки внутрисинтаксической ирреальной модальности в отношениях между действием и его субъектом: значение желательности — для группы „б", возможности — для группы „г", неизбежности — для группы „е", но предложения со значением необходимости, долженствования наиболее употребительны.

Предложения с этим значением служат в современном русском языке одним из важных способов воздействия на читателя — слушателя в системе средств массовой коммуникации (в ораторской речи, в газетной статье, особенно передовой, в формулировках лозунга-призыва, в заголовках и т. п.),— способом выражения призыва-побуждения или убеждения.

Именно эта группа изучаемых предложений активизируется в современном русском языке,— активизируется и в количе-

[5] Подробнее о внутрисинтаксических и внешнесинтаксических модальных значениях см.: Г. А. Золотова. О модальности предложения в русском языке. «Филол. науки», 1962, № 4.

ственном отношении, по частоте употребления, и в смысле расширения состава опорных слов.

В развитии, расширении, дифференциации средств выражения призыва-побуждения, воздействия на слушателя — читателя в системе средств массовой коммуникации, очевидно, одна из важных линий развития синтаксиса современного русского языка.

6. Какими же грамматическими средствами выражается тот субъект действия, который оказывается связан с действием отношениями необходимости, долженствования? Ясно, что в предложениях изучаемого типа он не бывает подлежащим.

Чаще всего субъект действия выражается притяжательным местоимением или родительным субъекта при опорном слове. Например:

Важнейшая *наша* задача — совершенствовать искусство партийной пропаганды («Изв.», 20 июня 1963 г.); Поэтому *ваша* роль, *ваша* задача — лучше организовать производство, поднять производительность труда... («Правда», 18 янв. 1963 г.); Первейший долг *горкомов партии, первичных партийных организаций* — возглавить растущую творческую активность трудящихся («Кавказская правда», 21 янв. 1962 г.); Важнейшая задача *пропагандистских работников* — разъяснять коренные вопросы развития общественного производства... конкретно, глубоко, в доступной и ясной форме («Полит. самообразование», 1962, № 12).

Возможны более косвенные формы обозначения субъекта действия — с помощью предложно-именных конструкций или придаточных предложений:

Главное *для нас*, важнейший вывод, *который мы должны сделать* из решений Пленума ЦК КПСС,— это усилить конкретность и планомерность в руководстве всеми звеньями промышленности («Веч. Москва», 7 дек. 1962 г.); Непременное условие, которое ставится сейчас *перед руководителями*,— глубже вникать, помогать художникам предупреждать ошибки в произведениях искусства в процессе их создания («Изв.», 20 июня 1963 г.).

В первом примере интересен параллелизм двух способов выражения субъекта: значение долженствования, которое при конструкции «*для* + род. субъекта» остается скрытым в структуре предложения, в придаточном — обозначено.

Важно то, что все приведенные предложения содержат призыв к действию, обращенный к субъекту, названному различными способами, так что этот субъект оказывается и адресатом призыва-побуждения. Если субъект действия — 1-е лицо (обычно — мн. числа), то со значением призыва к коллективу, членом которого является говорящий, соединяется модальный оттенок обещания, обязательства желательности.

При этом, как говорилось выше, основная модальность этих предложений реальная, коммуникативное назначение их — сообщение; смысловое назначение сообщения — раскрытие содержания отвлеченного понятия, побудительное назначение их является косвенным, вторичным.

Случаи, когда субъект действия-инфинитива в предложении не назван, неоднородны. Субъект действия в этих случаях может иметь следующие значения:

1) Определенно-личное (ясное из контекста или ситуации):

Самое *главное* — уже в этом году *перейти* от рекордов на отдельных участках к высоким урожаям на всех площадях («Комс. правда», 17 апр. 1962 г.) (призыв по контексту обращен к сельским молодежным коллективам); *Главное* — это не *торопиться* («Юность», 1962, № 9) (совет, предостережение, адресованное самому себе рассказчиком, ведущим повествование от 1-го лица).

2) Обобщенно-личное — в афоризмах, сентенциях, адресованных «любому, каждому»:

Высшая *задача* жизни — *служить* народу («Лит. и жизнь», 2 марта 1962 г.); *Главное* — *чувствовать*, что ты нужен людям («Моск. университет», 22 дек. 1961 г.).

3) Неопределенно-личное — вместо опущенного обозначения субъекта действия даются опосредованные указания на него, например название места, с которым субъект связан служебно, профессионально и т. п.:

Теперь главная *забота* на пункте — *организовать* переезд космонавтов на аэродром с тем, чтобы доставить их к месту отдыха («Изв.», 20 июня 1963 г.). Ср.: «кто-то на пункте» или «на пункте... организовали переезд космонавтов...» («Грамматика русского языка», т. II, ср.: § 990).

Сказанное выше подтверждает ту мысль, что неопределенно-личное, обобщенно-личное и другие соответствующие значения — это значения не субъекта предложения, а субъекта действия, состояния и выявляются не в структурно-синтаксическом плане, а в семантико-синтаксическом.

В системе средств массовой коммуникации изменяются соотношения внутри категории лица.

Противопоставление между участниками и неучастниками разговора оказывается не между 1, 2-м и 3-м лицом, а внутри 3-го: имена существительные в форме родительного субъекта или в другой форме, выражающие субъект действия, могут обозначать лиц, коллектив, организацию, находящуюся в составе массового слушателя — читателя и, следовательно, представляющую собой адресат призыва-побуждения, либо обозначают неодушевленный предмет или лиц, посторонних для разговора.

В том случае, когда названный в предложении субъект действия находится в составе массового слушателя — читателя, предложение адресует заключенный в нем призыв этому субъекту, а для остальной части слушателей — читателей остается сообщением, информацией. Например:

Служить делу партии и народа — вот высшее призвание *советского художника* («Лит. газета», 13 апр. 1963 г.); Задача *газеты* — еще настойчивее пропагандировать достижения передовиков производства («Правда», 19 дек. 1961 г.); Потребовать осуществления этих мер — прямая обязанность *Организации Объединенных наций* («Изв.», 29 сент. 1961 г.).

Если субъект действия — предмет или лицо, постороннее для разговора, предложение, естественно, не может содержать призыва-побуждения, в нем сохраняется его основное коммуникативное назначение — выражение сообщения, информация. И хотя внутрисинтаксические модальные отношения — между действием и его субъектом остаются ирреальными (желательность, стремление, объективная неизбежность), это не влияет на коммуникативное назначение предложения. Например:

Цель *колониалистов* — отвлечь внимание африканских писателей от жгучих проблем современности («Лит. газета», 17 февр. 1962 г.); Погубить в тенетах политико-экономических объединений молодые освободившиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки — вожделенная мечта *колонизаторов* («Полит. самообразование», 1962, № 9); Производить только новое, только самое современное — таков закон *японских промышленников* («Изв.», 18 дек. 1962 г.); Цель *уроков* — пробудить у читателей интерес к изучению иностранных языков («Неделя», 1962, № 4); Задача *предлагаемой части курса* — дать в руки студента дополняющее лекции пособие (Л. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. II).

7. Предложения изучаемого типа отличаются некоторыми особенностями и в отношении категории времени. С точки зрения языковой системы они располагают всеми тремя формами времени, но в речи коммуникативная специфика этих предложений — их рассудочно-аналитический, а не повествовательный характер — определяет преобладающую употребительность в них сказуемого в настоящем времени.

Форма будущего времени практически встречается очень редко.

В I подтипе это определяется самим значением ретроспективного анализа. Даже когда речь идет о явлениях реального будущего, отнесенность к этому будущему выражается контекстно или лексически, а устанавливаемое в предложении существо каких-то свойств, признаков, особенностей этих явлений будущего имеет силу настоящего.

Например:

— *Особенность* предстоящих встреч,— продолжает Летчфорд,— *в том, что* на этот раз будет разыграно не звание абсолютного чемпиона, а чемпиона страны («Изв.», 19 янв. 1962 г.).

Для II подтипа — перспективного анализа — форма будущего времени оказывается малоупотребительной, потому что предложения по самому своему значению обращены в будущее. Например:

Задача состоит в том, чтобы в первом квартале строители Главмосстроя сдали в эксплуатацию 463 тысячи квадратных метров жилой площади («Веч. Москва», 16 марта 1962 г.). Ср.: Задача *будет состоять в том*, чтобы в первом квартале... Или: Главная *обязанность* колхозов и совхозов *состоит в подготовке* к зиме; Главная *обязанность* колхозов и совхозов в ближайшие недели *будет состоять в подготовке* к зиме; Главная *обязанность* колхозов и совхозов в ближайшие недели *состоит в подготовке* к зиме.

Прошедшее время сказуемого во II подтипе снимает эту обращенность в будущее, нейтрализуя модальный оттенок долженствования и возвращая, таким образом, предложение из плана призыва-побуждения в план сообщения:

Наша задача *заключалась в том,* чтобы найти тополь такого размера, чтобы из него можно было долбить лодку (Арсеньев, Сквозь тайгу).

8. Таким образом, внутри изучаемого типа предложений отчетливо противопоставлены друг другу два подтипа — ретроспективного анализа и перспективного анализа.

Чередования в формах сказуемых внутри каждого подтипа создают соотносительные варианты, различающиеся смысловыми или стилистическими оттенками.

Чередования связок *состоит*, *заключается* с *было* или с нулем связки в настоящем времени дают стилистические оттенки, причем стилистически окрашенным, маркированным является только один из вариантов. Конструкция со связками *состоит, заключается* придает разговорной речи книжно-деловой оттенок, но нельзя утверждать обратное: что бессвязочная конструкция или конструкция с идеальной связкой *было* придает разговорный оттенок речи книжной. Лаконичность и четкость делает бессвязочную конструкцию формой выражения афоризма, лозунга, призыва, заголовка в книжно-публицистических жанрах.

Во II подтипе инфинитив по сравнению с чередующимся с ним отглагольным существительным передает смысловой оттенок большей действенности, активности. Следовательно, вариант с инфинитивом ярче выражает и значение призыва-побуждения.

чем вариант с отглагольным именем, в котором это значение ослаблено[6].

Сложнее вопрос о соотносительности других форм именной части: существительного в им. падеже и существительного в предл. падеже с предлогом *в*. Смысловое различие между ними, по-видимому, сводится к тому, что предложение с «*в* + + предл. падеж» в сказуемом, как это вытекает из самого значения данной предложно-именной конструкции, передает оттенок «вскрытия», анализа, процесса рассуждения, тогда как предложения с именительным в сказуемом просто констатируют отношения тождества между отвлеченным понятием и тем, что составляет его существо, содержание.

Этот оттенок «вскрытия» подтверждается соотносительностью бессвязочного сказуемого «*в* + предл. падеж» или связочного *состоит, заключается в чем* с глагольным сказуемым *кроется,* которое не утратило переносного лексического значения, хотя и является своего рода штампом. Например: Главные *причины* несчастий и страданий шахтеров Деказвиля кроются *в экономической политике* французского правительства... («Изв.», 19 янв. 1962 г.); *Объяснение* этого явления, на мой взгляд, кроется *в следующем*... («Правда», 13 окт. 1961 г.); Тут, вероятно, кроется *секрет* большого эмоционального воздействия картины...; Пожалуй, *тут же* заключен и серьезный *просчет*... («Советская культура», 27 марта 1962 г.). Ср. также: *Корень проблемы* «человек-машина» лежит *в том,* насколько согласованы возможности человеческого организма и возможности машины («Неделя», 1962, № 35); Но самое главное *зло* так называемой «экспериментальной методики» лежит *в нерасчленении явлений,* с которыми она имеет дело (Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе).

При сопоставлении двух форм именной части сказуемого — им. падежа и предложного с предлогом *в* — обнаруживается, что

---

[6] В отличие от предложений с инфинитивом предложения с именем существительным во II составе имеют «свой» трансформ, который можно назвать «обратным». При этой трансформации связка *состоит, заключается* или нулевая чередуется с глаголом *составляет,* существительное II состава становится подлежащим, а существительное I состава — прямым дополнением. Например:

Высшая задача жизни — служение народу.
Высшая задача жизни заключается в служении народу.
Служение народу составляет высшую задачу жизни.
Главный недостаток в неритмичности работы.
Неритмичность работы составляет главный недостаток —

и т. д.

Однако конструкция с *составляет* гораздо менее употребительна. Это можно объяснить и тем, что на ней сильнее налет книжности, и тем, что неразличение форм именительного и винительного у большинства существительных делает предложение синтаксически двусмысленным.

во многих предложениях «*в*+предл. падеж» не соотносительно с именительным, не поддается замене именительным. Например:

Совершенство — в простоте («Наука и жизнь», 1961); *В этом диалектика* кибернетики («Неделя», 1962, № 4). *Величие* духа рабочего класса — *в его классовом самосознании* («Изв.», 17 янв. 1963 г.); *Искусство* руководителя *в его умении* правильно организовать людей («Правда», 25 ноября 1961 г.); *Прелесть* и *очарование* самодеятельности *в ее непосредственности* («Знамя», 1963, № 4); *Сила* ее — *в* высокой *обобщенности* конкретного жизненного содержания (Г. Орлов, 10-я симфония Шостаковича); *Чары* исскуства одновременно и в *создании* нового и в *подчинении* старому. В *этом* великое *сходство* искусства с игрой, но и великое *различие* (Горнфельд, Новые словечки и старые слова); *Обаяние* Короленко — *в* величайшей *искренности и сердечности* («Веч. Москва», 27 июля 1953 г.); *Корни* штампа *в театральных условностях, корни* художественной формы — *в подлинной жизни,* переживании и живом чувстве (К. С. Станиславский, Искусство представления).

Очевидно, возможны различные объяснения этой несоотносительности:

1) Некоторые из примеров лежат на грани другого типа предложений: не понятие — и его содержание, а содержание — и форма его проявления, тогда в них легко подставляется сказуемое *проявляется, обнаруживается* и предложение может рассматриваться как неполное глагольное.

2) С некоторыми опорными словами, сохраняющими метафоричность значения (*корень, гвоздь, истоки* и под.), предложения граничат с другим типом, устанавливающим местонахождение предмета. Иногда эта метафоричность обыгрывается, оживляется. Например:

Значит, *истоки* равнодушия — не в этом «болоте», а в другом? Нет, в этом. В нем самом, откуда вышли весельчаки и труженики («Моск. университет», 29 марта 1963 г.) [7].

3) Большинство же случаев несоотносительности объясняется тем правилом «распределения смысловой нагрузки», о котором говорилось выше. Конструкция «*в*+предл. падеж» является одним из трех «несущих», опорных элементов данного типа предложений. При замене в именной части «*в*+предл. падеж» именительным предложение сохраняется, если существительное в I составе (подлежащее) имеет силу опорного слова; предложение распадается, если существительное в I составе не имеет

[7] И наоборот, для говорящего предпочтителен им. падеж во II составе и нежелателен предложный, если не в его интересах конкретно-пространственные ассоциации. Например: Сердцевина, становой хребет идеологической работы — *воспитание* любви и уважения к труду на благо общества («Работница», 1963, № 7).

этой силы. Ср.: *Совершенство — в простоте* (при невозможности предложения *Совершенство — простота).*

Но: *Тайна (секрет) совершенства — в простоте; Тайна (секрет) совершенства — простота.*

Каким же требованиям должно отвечать существительное I состава, чтобы иметь силу опорного слова? По-видимому, значению II состава, раскрывающего существо понятия, должно соответствовать, если можно так выразиться, эссенциальное значение существительного I состава, чтобы в предложении с именительным в именной части пунктуационный знак тире между двумя составами мог символизировать знак равенства, как это и должно быть в предложениях тождества. Отвлеченное понятие, подлежащее раскрытию, не должно быть расплывчатым, неопределенным, оно должно быть концентрированным, чем-то ограниченным, повернутым каким-то определенным углом. Роль ограничителя, «заострителя» при отвлеченных именах широкой семантики выполняют как категориальные, т. е. наиболее типичные, опорные слова, так и прилагательные *главный, основной* и под. (см. выше, на стр. 279), значение которых не только подчеркивающе-усилительное, но и выделительно-ограничительное. См. например:

Жизнь — в движении «против ветра» («Неделя, 1962, № 4); Жизнь — движение против ветра (предложение возможно, но первоначальный смысл его искажен; утрачен оттенок призыва к именно такому пониманию жизни). Восстановить первоначальный смысл, оставляя им. падеж во II составе, можно лишь введя в I состав ограничители: *Смысл* жизни — движение против ветра; *Настоящая* жизнь — движение против ветра и т. п.

См. другие эксперименты:

Главная *сила* таланта г. Гончарова — всегда в изящности и тонкости кисти, верности рисунка (Белинский, Взгляд на русскую литературу, 1847 г.). Ср.: Талант его — в изящности и тонкости кисти (при невозможности *Талант его — изящность и тонкость кисти.*).

Здесь слово *сила* имеет значение 'достоинство', служит опорным словом, ограничителем широкого понятия „талант" и «держит» предложение.

Сила партийной организации — в активности, сознательности, боевой сплоченности коммунистов («Правда», 19 дек. 1961 г.). Здесь *сила* в первичном значении этого слова не является опорным словом, не «держит» предложения; замена предл. падежа именительным во II составе невозможна: *Сила партийной организации — активность коммунистов.* Предложение с конструкцией «*в* + предл. падеж» возмещает опорное слово, не называя его. Ор.:

Условие (секрет) силы партийной организации — активность, сознательность, боевая сплоченность коммунистов.

(Стилистически тяжеловатый способ выражения той мысли, что «партийная организация сильна, если коммунисты активны, сознательны» и т. д.— мысли, которая более афористичным способом выражена в примере из «Правды»).

Таким образом, наблюдения над соотносительностью способов выражения именной части показывают, что одни из предложений изучаемого типа образованы с помощью категориальных, типичных опорных слов и располагают полным набором трансформаций в пределах своего подтипа, другие имеют в I составе отвлеченные существительные, не обладающие конструктивной силой опорного слова, а потому не способные «держать» предложение без помощи других опорных средств. Эти предложения (назовем их недостаточно-опорными) не располагают полным набором трансформаций, они не преобразуются в конструкцию тождества с именительным во II составе.

Что касается соотносительности в именной части имени существительного в предложном падеже с предлогом *в*, с одной стороны, и указательного местоимения, смысл которого раскрывается придаточным предложением, с другой,— то, естественно, предложение с именем выигрывает в смысле лаконичности, предложение с придаточным более развернуто и конкретно передает временные, модальные и субъектно-объектные отношения. В этой конкретизации предложение не нуждается, если соответствующую информацию содержит контекст.

Следует добавить, что важную экспрессивно-выделительную роль в предложениях изучаемого типа играют указательные слова и частицы. Указательно-связочные частицы (*это, вот, таков*), усилительно-выделительные частицы (*и, как раз и, и есть, именно* и др.) делают предложения экспрессивно-расчлененными, придают им характер непринужденно-разговорный, либо, напротив, риторически аффектированный, акцентируют ту его часть, которая служит выражением нового в его актуальном членении. Например:

Искать до последнего вздоха — *таков* долг советского ученого (Л. Оношко, Оранжевая планета); План был *такой*: найти ее причину — главного преступника. И дать ему бой его же оружием («Неделя», 1962, № 26); Облегчить труд хозяйки дома, сделать его приятным — *вот* одна из важных задач... («Женский журнал», 1926, № 4); Любить детей — это и курица умеет. А *вот* уметь воспитывать их — *это* важное государственное дело (М. Горький); Партийность — *вот* то главное, что делает его моим единомышленником («Веч. Москва», 22 дек. 1961 г.); Один из важнейших уроков и выводов из этого опыта в том *именно и* состоит, что Советы успешно справлялись и справляются со своими гигантскими историческими задачами... («Коммунист», 1962, № 2); Самая увлекательная и великая задача современной физики *как раз и* состоит в построении такой тео-

рии («Неделя», 1962, № 2); В *том-то* и состоит парадокс, что именно М. Ромм... строит сцены фильма в лучшем смысле театрально... («Лит. газета», 29 ноября 1962 г.); Беда наших школьных учебников грамматики *и* состоит в том, что там все свалено в одну кучу... (Л. В. Щерба, Очередные проблемы языковедения); В *этом-то и* есть прелесть футбола («Неделя», 1963, № 24).

Среди других способов экспрессивного расчленения широко используется обособление инфинитивной части, точнее — вынесение ее на первое место, приближающее ее по функции к самостоятельному инфинитивно-назывному предложению. Например:

Быть составной частью общего пролетарского дела, боевым оружием и надежным помощником партии... — в этом состоит основа основ деятельности коммунистической печати, ее высокое назначение («Правда», 25 марта 1957 г.). Ср.: Назначение печати состоит в том, чтобы быть боевым оружием...

В разговорных или даже разговорно-просторечных стилях встречается прием «разрушения» двусоставной конструкции, при котором II состав опускается, а I (опорное слово) приближается к оценочно-предикативному номинативному предложению, к которому без соотносительного местоимения присоединяется придаточное с союзом *что* или *чтобы*. Например:

—Это ничего, что пьет,— говорит Осипов.— Главное достоинство, Ефим Петрович, чтобы дело свое помнил (Чехов, Свадьба); — А это, говорит, наша жизнь,— чтоб учиться (Н. Адамян, Новый сосед); Огромная заслуга Маяковского, что в 1925 г., в разгар нэпа, он сумел увидеть американский капитализм глазами человека, строящего коммунизм (сб. «Советская литература»).

9. Количество структурно-синтаксических вариантов удваивается в результате того, что структурные центры предложений наблюдаемого типа легко меняются местами. С точки зрения порядка слов, образующих структурные центры (условно мы называли их подлежащим и сказуемым), а точнее сказать — с точки зрения порядка составов, если иметь в виду I состав и II состав,— это предложения обратимого типа[8]. Ср.:

Главная наша задача — вовремя подготовиться к севу.

Вовремя подготовиться к севу — главная наша задача.

Причина отставания — в устарелости технического оборудования. В устарелости технического оборудования — причина отставания.

---

[8] Не выходя за пределы изучаемого типа, вариант с постпозицией опорного слова (II порядок составов) отличается все же оттенком квалифицирующего значения. Собственно, дело не столько в порядке слов, сколько в актуальном членении, но постпозиция обычнее для опорного слова, когда оно выразитель нового.

Порядок составов зависит от контекста, от того, чем в составе сложного синтаксического целого оказывается каждый из двух главных членов — выразителем данного или выразителем нового (темы и ремы). Другими словами, порядок главных членов, а в большинстве случаев и распределение между ними ролей подлежащего и сказуемого определяется актуальным членением. Вне контекста эти предложения большей частью синтаксически двусмысленны.

Список вариантов дополняется еще одним трансформом, где опорное слово принимает форму твор. падежа при связках *быть, стать, являться: Главным является правильная организация работы; Главным было правильно организовать работу; Главным было то, что работа правильно организована* и т. п. Примеры:

Сейчас для колхозов и совхозов важной *задачей является* подготовка к зиме («Прииртышская правда», 23 сент. 1956 г.); Нашей *задачей было* обратить внимание советской читающей публики на интересный факт, связанный с событиями Отечественной войны 1812 года («Вопросы истории», 1962, № 9); Основным идеологическим и художественным их *недостатком является* фотографичность, протокольность и схематизм («Лит. учеба», 1931, № 1); Выполнение намеченного плана *является* патриотическим *долгом* советского гражданина («Русский язык в школе», 1956, № 2); Охрана здоровья народа *стала одной из важнейших забот* государства («Мед. работник», 6 февр. 1962 г.); *Причиной* отмены *были*, видимо, сомнения композитора, усугубленные в то время критикой его творчества (И. Нестьев, 4-я симфония Шостаковича); Борьба за диктатуру пролетариата *была главным ее содержанием* («Социальное обеспечение», 1961, № 9); Позировать *стало* для него *потребностью* («Изв.», 11 февр. 1963 г.).

С точки зрения традиционного грамматического анализа то, что мы называли подлежащим, становится сказуемым, однако то, что называли сказуемым, не может принять форму творительного предикативного.

Но по существу остается та же свобода в выражении актуального членения: каждый из главных членов может выражать и данное, и новое, может быть логически ударным и безударным, главные члены могут меняться местами.

Дискуссии о предложениях типа *Кататься весело,* наблюдения над предложениями тождества (А. В. Добиаш, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, А. Б. Шапиро и др.) свидетельствуют о том, что к анализу некоторых типов предложений приходится подходить не с чисто грамматической точки зрения, а с точки зрения актуального членения.

Очевидно, для некоторых типов предложений формальное распределение ролей подлежащего и сказуемого вообще теряет

смысл. Построение и членение таких предложений повинуется законам актуального членения. Разные интонационные варианты, диктуемые контекстом, выражают разные соотношения данного и нового, темы и ремы.

Если говорить о соотношении синтаксического и логико-грамматического уровней анализа[9], то, по-видимому, надо признать не только различие между ними и возможность несовпадения синтаксического и актуального членения, но и — для определенных типов предложений, синтаксически двусмысленных,— зависимость синтаксического членения от логико-грамматического.

10. Предикативные отношения между двумя структурными центрами двусоставного предложения — лишь одна из «форм существования» данного типового значения — понятия и его содержания. Это же значение может реализоваться в языке и в других синтаксических отношениях. Два имени, называющие соотносящиеся элементы данного типового значения, могут быть подлежащим и дополнением, сказуемым и дополнением, дополнением и дополняемым, определяемым и определением — в разных по структуре предложениях, передающих то же содержание опосредованным, «субъективированным» способом. Ср., например:

Главная *задача* состоит *в повышении* производительности труда; Главную *задачу* составляет *повышение*...; Главная *задача* сводится к *повышению*...; Главную *задачу* мы видим в *повышении*...; Главной *задачей* считают *повышение*... и т. д.

Смысловое назначение всех этих различных по структуре предложений — раскрытие содержания понятия «главная задача», вернее понимания этой задачи говорящим или другим субъектом, независимо от того, выражен ли этот субъект в предложении.

Выражение или невыражение этого субъекта «понимания» определяет различия в синтаксической структуре предложения, но ничего не меняет в характере смысловых отношений между двумя основными элементами содержания.

Несмотря на различие в формальной структуре предложений, общность содержания держится на общности в средствах выражения. К общим для них средствам выражения относятся: взаимообусловленность лексико-семантического состава обоих смысловых центров и соотношение данного и нового в актуальном членении (один из смысловых центров всегда обозначает данное, другой — новое).

Сложнее с соотношением данного и нового в тех предложениях, где синтаксические отношения двух интересующих нас

---

[9] См.: В. З. Панфилов. Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка.— ВЯ, 1963, № 4, стр. 55.

элементов оказываются результатом взаимодействия плана словосочетания с планом предложения, т. е. II элемент оформлен как обособленное распространенное определение к опорному слову (I элементу). Сложнее — потому, что в предложениях с полупредикативными оборотами можно наблюдать несколько ступеней актуального членения. Однако и в этих случаях сохраняется лексико-семантическая обусловленность выражения обоих элементов: Перед нами поставлена *задача — повышение...* (повысить...); Нам предстоит решить важную *задачу — повышение...* (повысить); Мы успешно решили главную *задачу — повышение...* и т. д.

Общность в средствах выражения одного и того же значения служит подтверждением того, что это значение — типовое. Широкие соотношения синтаксических структур, использующихся для выражения одних и тех же типовых значений, должны изучаться в плане активной грамматики русского языка.

11. Изучаемый тип предложений сложился в основных своих разновидностях и широко распространялся в разных стилях речи на протяжении XVIII—XIX вв. Разнообразие вариантов и экспрессивно-выделительных средств внутри данного типа растет по направлению к нашему времени, что само по себе является свидетельством активизации типа.

От XVIII—XIX к XX в. наблюдается расширение и пополнение опорных слов I состава[10], с другой стороны — происходит как бы семантическое уравновешивание обоих составов, «очищение» II состава от конкретных существительных. Так, в конце XVIII — нач. XIX в. возможны были следующие предложения:

Изменение *состояло в* нескольких *крестьянах* (пример Н. Ю. Шведовой); Если великолепие *состоит в* огромных *зданиях*... (Карамзин, Письма русск. путеш.) и под.

Позже необходимым условием построения этих предложений становится выражение II состава отвлеченным существительным, например: Изменение состояло *в приобретении* нескольких крестьян, великолепие состоит *в огромности* (величине) зданий и под.

В предыстории также (по отношению к нашему времени) — размежевание конструктивно-обусловленных значений «состоит из...» и «состоит в...». Ср., например: Ужин *состоял из* говядины, яблок, сыру. (Карамзин, Письма русск. путеш.). Обед *состоял в*

---

[10] Н. Ю. Шведова свидетельствует, что во второй половине XIX в. активизировалась конструкция с бессвязочным (или с *было, будет*) сказуемым-инфинитивом при подлежащем — отвлеченном существительном. «Соответственно расширялся круг слов, выступающих здесь в роли подлежащего» («Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения». М., Изд-во „Наука", 1964).

пустых щах, гречневой каше и ржаном пироге с морковью (С. фон Ф. Путеш. критики).

Первое закрепляется в конструкциях, выражающих отношения целого и его частей (родового и видовых понятий), второе — в конструкциях, выражающих отношение понятия и его содержания. Размежевание это происходит в начале XIX в., но еще во второй его половине встречаются случаи недифференцированного употребления (например: Слово *состоит в* членораздельных звуках...— В. Сланский, Грамматика как она есть... .СПб., 1887).

Изменения в связочной части изучаемого типа предложений идут в русле общей для именного сказуемого тенденции [11].

Бессвязочная форма возобладала над связочной с *есть* сначала при инфинитиве во II составе, потом при имени. «Связки *есть, суть* к концу века приобретают характер книжности» [12].

В развитии соотношения *состоит, заключается* с нулевой формой связки (и *состояло, заключалось* с *было)* сыграла роль, по-видимому, стилистическая дифференциация. Более поздняя бессвязочная форма сказуемого *в том*, ограниченная вначале сферой непринужденной речи, расширяла свою употребительность, нейтрализуясь в стилистическом отношении. Соответственно форма с *состоит, заключается* замыкалась в рамки книжно-деловой речи.

Предложения с им. падежом имени существительного в обоих составах и связкой *был* подчиняются общей тенденции «резкой активизации творительного предикативного». «К концу века в сказуемом со значением несоподчиненного признака им. пад. становится категорией, несущей окраску некоторой устарелости, а творительный приобретает права литературной нормы» [13].

Однако в предложениях изучаемого типа этот процесс имел и другую сторону. Выше отмечено, что творит. предикативным в изучаемых предложениях способно заменяться лишь имя существительное I состава, опорное слово, независимо от порядка слов и распределения ролей подлежащего и сказуемого при двух именительных (например: *Ему закон была ее младенческая воля; Законом была ее воля;* но не: *Закон был ее волей* и т. п.) [14].

Именительный же II состава соотносится с предл. падежом с предлогом *в*, и эта последняя форма *в том* также активизи-

---

[11] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения».

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] В отличие от других типов двусоставных именных предложений, где по требованию контекста любой из именительных может становиться творит. предикативным: *Большая комната была столовой; Столовая была большой комнатой.*

руется. В результате в предложениях с именительным в обоих составах и связкой *был* идет процесс, который можно назвать синтаксическим расподоблением, диссимиляцией.

Предложение типа «*Основа* нашей связи была *духовная родственность*» (Белинский, письмо М. А. Бакунину, 20 февр. 1840 г.; пример заимствован у Н. Ю. Шведовой) развивается в двух направлениях: *Основой* нашей связи была *духовная родственность* и *Основа* нашей связи была *в духовной родственности*. Именно две эти последние конструкции характерны для языка XX в. в отличие от языка XIX в., особенно его первой половины.

Поэтому и им. падеж указательного местоимения в именной части изучаемых предложений, широко употребительный в XIX в., для XX в. становится устарелой формой, на его месте обычнее предложный падеж с предлогом *в*. Например:

Может статься, причина этой холодности и *та*, что она не имеет детей (Лажечников, Ледяной дом). Ср.: Причина в том, что...; Основная мысль этой чудесной, поэтической повести... *есть та*, что первый воспитатель детей — природа и ее благодатные впечатления (Белинский, Детские сказки...). Ср.: Основная мысль... в том, что...; Корень этого *тот*, что я ненавижу искательства... (Ушинский, Дневник). Ср.: Корень этого в том, что...; Общий и главный закон для силы речи *тот*, что она всегда бывает на том члене, который... (Давыдов, Опыт общесравнительной грамматики). Ср.: Главный закон... в том, что...; Другая моя претензия к симфонии *та* — зачем она в прежних симфонических условных (квадратных) формах прежней симфонии... (Стасов, письма Балакиреву). Ср.: Другая моя претензия в том... и т. д.

Видимо, одна из причин «расподобления» — отталкивание от синтаксической двусмысленности, выработка в языке средств интонационно-смыслового членения предложения, приближение его синтаксического членения к членению актуальному, логико-грамматическому.

С точки зрения классификации изменений данные явления можно, очевидно, рассматривать как один из видов «замены связей согласования связями простого соположения слов» [15].

Для советской эпохи характерно, как отмечалось выше, усиление, рост употребительности перспективно-побудительной разновидности изучаемого типа как конструкции, емкой модально, совмещающей в себе информационное и косвенно-побудительное коммуникативные назначения и в силу этого широко использующейся в системе средств массовой коммуникации [16].

[15] «Русский язык и советское общество. Проспект». Синтаксис, В 19. Алма-Ата, 1962.

[16] Автор благодарит Ю. Д. Апресяна, К. И. Бабицкого, В. Д. Левина и Н. Ю. Шведову за ценные замечания и советы.

Н. А. Янко-Триницкая

«ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН»
(Числительное в роли несогласованного определения)

Научные грамматики русского литературного языка [1] не упоминали об одном случае несогласованного определения, ограниченного семантически и словарно, но получившего в современном русском языке весьма широкое распространение,— а именно, о числительном, примыкающем в форме им. падежа к слову *номер* (реже к другим существительным).

Одиночный им. падеж имени (обычно существительного, реже субстантивированного прилагательного и числительного) выступает в качестве несогласованного определения в нескольких случаях.

1. Наиболее распространенный и давно узаконенный случай — это наименование предмета (газеты, журнала, кинотеатра, парохода, организации и т. п.), примыкающее к нарицательному существительному, обозначающему родовое понятие, например: выписываю *газету «Правда»*, приехал на *пароходе «Слава»*, посетители *кинотеатра «Юность»* и т. п.

2. В последние десятилетия появилась все усиливающаяся тенденция оформлять в качестве примыкающего приложения в им. падеже многие географические и астрономические имена собственные, например: На пятый день операции в районе *населенного пункта Советский* стальное кольцо окружения вражеской группировки сомкнулось («Правда», 25 янв. 1963 г.); А под *городом Белая Церковь* жаркий бой на заре кипит. А под *городом Белая Церковь* был ее любимый убит (Олег Шестинский, Памятник советским воинам в Софии); В этот же день с этого спутника стартовала управляемая космическая ракета, которая вывела автоматическую межпланетную станцию на траекторию к *планете Венера*. Автоматическая межпланетная стан-

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956; «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954; А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. М., 1958; «Современный русский язык. Синтаксис». МГУ, 1958 и др.

ция достигнет района *планеты Венера* во второй половине мая 1961 года («Правда», 13 февр. 1961 г.); Через несколько дней — 12 апреля люди *планеты Земля* с радостью будут отмечать годовщину первого полета человека в космическое пространство («Правда», 9 апр. 1962 г.). Ср. у Н. Гумилева: На далекой *звезде Венере* солнце пламенней и золотистей.

В XIX в., а также в начале XX в. такой им. падеж использовался еще крайне ограниченно: только в области железнодорожных и водных путей сообщения и при весьма ограниченном круге слов, типа *разъезд, станция,* например: Вагоны подавались *станцией Либава* под разгрузку («Вестник министерства путей сообщения», 1896, № 52) ...заведывающий *разъездом Хабль* (там же, № 47); ...грузы же по назначению на *станцию Баку товарная*... должны следовать при обыкновенных документах («Вестник Екатерининской ж. дороги», 1907, № 1); Мы как два поезда (хотя с локомотивом Я не без робости решаюсь вас равнять) На *станции Любань* лишь случаем счастливым Сошлись, чтоб разойтись опять (С. Я. Надсон, В альбом).

3. Если слово *цифра* определяется числительным, то последнее непременно ставится в им. падеже (на письме оно обозначается только цифрой), например: Кто стучится в дверь ко мне С толстой сумкой на ремне, С *цифрой 5* на медной бляшке, В синей форменной фуражке? (С. Маршак, Почта).

4. Кроме этих трех случаев, в роли примыкающего определения выступает еще им. падеж существительного *номер*, сопровождаемого в свою очередь либо несогласованным числительным, либо согласованным порядковым прилагательным, например: В квартире *№ 39* этого дома проживает Дан Кук, отец троих детей, бывший парашютист («Изв.», 29 авг. 1960 г.); Звоню в магазин *№ 41* по улице Герцена («Веч. Москва», 9 авг. 1960 г.); В ближайшие дни можно внести в блокноты запись *№ 3*. На этот раз из европейской зоны. Будут играть Финляндия и Хельсинки («Футбол», прилож. к газете «Советский спорт», 25 сент. 1960 г.).

В том, что скрывающееся за знаком *№* слово *номер* стоит во всех этих случаях в им. падеже, нет никакого сомнения. Но какое слово и в каком падеже скрывается за идущей вслед за знаком *№* цифрой, может быть не всегда ясно: запись *номер три* или запись *номер третий?* К этому вопросу мы и обратимся.

Трудность изучения этого вопроса заключается в том, что такие сочетания обозначались и обозначаются как правило не словами, не буквами, а знаками другой системы (№ и цифра), поэтому подобрать достаточное количество убедительных иллюстраций не так-то легко. Все же случаи изображения на письме этих сочетаний словами имеются, и на их основании можно установить, что в конце XIX — нач. XX в. обычным было ис-

пользование согласуемого порядкового прилагательного, т. е. запись *номер третий,* например: На основании приказа за *номером сто двадцатым* предложено вам танцевать! (А. П. Чехов, Ворона); На другой день — опять дама *нумер второй* и лакей у нее еще страшнее (Вас. Немирович-Данченко, Майор Бобков и его сироты); ...затем в «Русской мысли» появилась «Палата *№ 6-й*»,— произведение поразительное по захватывающей силе и глубине (В. Г. Короленко, Антон Павлович Чехов). — У самого А. П. Чехова в письмах это название встречается только в символической записи «Палата *№ 6*». Ср. также: Тесьмы шерстяной узкой надо бы прикупить... Мало и ниток черных *номер пятидесятый* (М. Горький, Трое).

Уже в 20-е годы нашего века наблюдаем колебания в употреблении данных словосочетаний, даже у одного и того же автора. Так, в раннем произведении М. Шагинян (под псевдонимом Джим Доллар) «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» встречаем:

Приходит «Торпеда» и привозит с собой политическую публику — странность *номер первый.* На той же «Торпеде» нам доставляется мертвый Морлендер — странность *номер второй...*;— Пустое дело, мэм,— ответил, густо закашлившись, посыльный.— Идите себе домой и садитесь куда хотите. А я, с вашего позволения, выхлопочу вам билет и занесу на дом. Так и запомните: посыльный *номер семь.*

То же самое видим и у Б. Пильняка: В этот час негорбящийся человек в доме *номер первый* все еще сидел в своем кабинете; ...один пакет из дома *№ первый* привез секретарь; В полдень к дому *номер первый* подошел закрытый рейс; ...к дому *номер два,* на окраину, подъезжало несколько автомобилей. Ср. также: В окнах дома *номер шесть* они увидели свет ламп (С. Н. Сергеев-Ценский, Преображение России, Утренний взрыв); В комнате у порога — товарищ с широким мандатом. — Это комната *номер четыре*? (А. С. Неверов, Веселые ребята); Многое узнала шахта *номер три* (из популярной песенки 20-х годов).

В наши дни полностью победил им. падеж количественного числительного в постпозитивном употреблении:

Хорошенько посмотрите — это просто мальчик Витя, мамин Витя, папин Витя из квартиры *номер шесть* (С. Михалков, Про мимозу); Во время процесса об измене Саймон Макалайп, обвиняемый *номер двадцать семь,* заявил суду: «Путь к свободе лежит через тюрьму» (Элен Джозеф, Рассказ о моей тюрьме); Один из них отбывал со мной пятилетнее тюремное заключение — мы сидели с ним совсем рядом, заключенный *номер один* и заключенный *номер два.* Сейчас мы должны проходить один мимо другого молча (Элен Джозеф, Рассказ о моей тюрьме); Дом *номер девятнадцать* оказался старым знакомым. В этом

высоком сером здании было множество контор (Н. Ильина, Две встречи).

Правда, иногда и в наше время встречаются порядковые прилагательные у авторов старшего поколения или в специальном языке:

Но тут мы подходим с читателем к тайне *номер первый* на не исследованной и не исхоженной учеными дороге судьбы великого чешского музыканта (М. Шагинян, Воскрешение из мертвых); Чтоб продвинуться хоть на шаг в этой «тайне *номер первый*» в биографии Мысливечка я поехала в Парму (М. Шагинян, Воскрешение из мертвых); Лучшие наиболее распространенные сорта ранней белокочанной капусты — «*номер первый*» и «валватьевская» (С. Щукин, Опыты с овощными и полевыми культурами).

Слово *один* отличается грамматически от числительных (оно изменяется по родам и числам, согласуясь с существительным), однако семантически оно сближается с числительными, и судьба его в словосочетаниях со словом *номер* сходна с судьбой числительных.

В XIX в. словосочетание *первый номер* могло иметь переносное значение, указывая на высокую степень какого-либо положительного или отрицательного признака, например: Всем известно, что Ананьев беспутнейший человек и сверх того лентяй и тунеядец *первого номера* (Д. В. Григорович, Почтенные люди); Как человек *первого номера,* Герцен, конечно, сблизился в Европе с людьми того же умственного роста и того же общественного развития (Н. В. Шелгунов, Воспоминания).

В настоящее время используется исключительно словосочетание *номер один,* причем оно имеет гораздо более широкое значение и применение, обозначая 'самый важный', 'самый главный'; в таком фразеологическом употреблении оно иногда еще берется в кавычки (совместно с определяемым существительным или без него), но в большинстве случаев кавычки уже не ставятся, например: Обувь была сейчас для изыскателей проблемой *номер один* (В. Чивилихин, Серебряные рельсы); Если бы любителям спорта предложили высказать свое мнение по поводу того, кого следует считать лучшим спортсменом Олимпийских игр, так сказать, спортсменом «*номер один*», то, безусловно, независимо от своих личных пристрастий, они назвали бы Юрия Власова («Веч. Москва», 13 сент. 1960 г.); Чувство бесконечной благодарности советскому народу мы хотим выразить Н. С. Хрущеву, который скоро к нам приедет. Наши шахтеры считают приезд большого друга событием *номер один* («Изв.», 24 авг. 1960 г.); Дилетантизм—враг *номер один* научно-популярного фильма, на какие бы круги зрителей он ни был рассчитан («Искусство кино», 1963, № 4); Для Дальнего Востока ни тополь, ни осина не являются проблемой *номер один.* В его зеле-

ном семействе есть «сыновья» подобротнее («Комс. правда», 14 авг. 1963 г.); Столица была одета в военную форму и находилась, как говорят летчики, в готовности *номер один*, то есть в любую минуту могла подняться на борьбу с врагом (Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке).

В тех случаях,— а они представляют большинство,— когда стоит знак *№* и цифра, мы все равно читаем *номер один*. Ср.: События в Конго показывают, что американские монополии являются «врагом *№ 1*» конголезского народа («Изв.», 29 авг. 1960 г.).

Даже в тех случаях, когда сочетание *№ 1* обозначает 'первый по порядку', все равно говорится (читается) *номер один*, например: Так состоялось наше знакомство с одним из самых популярных мехов — мутоном. Но потом нас познакомили с его врагами. Враг *№ 1* появляется еще в процессе производства мутона, когда начинают применять муравьиную кислоту, формалин и винный спирт («Веч. Москва», 21 сент. 1960 г.).

Словосочетание *номер один* может следовать за определяемым существительным не непосредственно, если у последнего есть еще несогласованное определение, например: Больше всего я боюсь в жизни проспать. Говорят, что в этих случаях хорошо помогает будильник. Но я считаю его *врагом* человечества *№ 1* и очень легко нахожу на него управу (Э. Пархомовский, Как меня будили).

Довольно часто числительное в именительном падеже примыкает не к слову *номер* (или его знаку *№*), а к букве или буквам, с которыми цифра вместе служит определением к существительному, например: самолет *ТУ-104*. Ср.: Самолеты *«ИЛ-18»* доставляют жителей в другой город («Изв.», 27 янв. 1960 г.); Модернизация экскаватора *С-652* и установка на нем турботрансформатора позволяет заводу экономить до 20 миллионов рублей в год («Изв.», 17 янв. 1960 г.); Среди многих памятных годин, Среди дней и встреч, подобных чуду, Парашют *ПД-41* Разве я когда-нибудь забуду? (К. Ваншенкин, Разве мы забудем?).

Следует отметить, что в профессиональной речи летчиков в названиях самолетов используются не числительные, а порядковые прилагательные, например: Наконец наступает момент, когда ясно, что мы с многострадальным, дрожащим *ЛА-пятым* все-таки дотягиваем до дома (М. Галлай, Испытано в небе); В памяти еще свежа прошлогодняя история на *МиГ-девятом*, когда у меня в полете деформировался и разрушился стабилизатор и руль высоты (там же); Юрий Константинович Станкевич проводил испытания того же *И-шестнадцатого* на боковую устойчивость (там же); Так я и делал в течение многих лет, каждый раз, когда приходилось летать на *ТУ-четвертых* (там же). Ср.: Ну, как их догнать? Можно было б на *«ИЛ-восемнад-*

цатом» в Норильск полететь, с лебедями опять повстречаться там (Е. Долматовский, Первая охота).

Слово *номер* может опускаться, и тогда числительное в именительном падеже примыкает непосредственно к существительному, обычно предметного значения, причем это даже не воспринимается как эллипс, например: — Вам не успели написать. Сегодня письма есть В квартиру номер двадцать пять И номер двадцать шесть! — Мы из *квартиры двадцать шесть,* Письмо отдайте нам! (С. Маршак, Почта военная); Радистка Катя Венгрова пришла в *дом «шесть-дробь один»* ночью (В. Гроссман, Жизнь и судьба); Звоню в магазин по улице Пушкина, *дом 5/7* («Веч. Москва», 9 авг. 1960 г.); В *доме восемь-дробь один* У заставы Ильича Жил высокий гражданин По прозванью Каланча (С. Михалков, Дядя Степа).

Числительное может выступать и как непосредственно определяющее при существительном, без всякого опущения слова номер. Ср.: Подражая Симоненко, я тоже кричу: — *Комбат-один!* Меня подозрительно оглядывают в темноте. — *Комбат-один!* — повторяю я громче. — Я... В чем дело? — отзывается в хвосте строящейся колонны низкий голос. — Готовы ли люди к маршу? — строго спрашиваю я, подходя. — Так точно,— отвечает комбат, силясь разглядеть меня в тумане. Я шагаю дальше и снова кричу: — *Комбат-два...* Готовы ли к маршу? — Готов! — весело отвечает звонкий голос. Иду дальше и снова уверенно спрашиваю: — *Комбат-три*! Готов ли? — Это еще кто такой?— раздается рядом хриплый медлительный голос высокого, затянутого в портупею человека.— Адъютант командира полка... Вы *комбат-три?* (Ю. Пиляр, Люди остаются людьми).

Такие сочетания числительного с названием воинской должности использовались уже во времена гражданской войны.

В последнее время появились новые случаи словосочетаний с числительным, непосредственно определяющим существительное, например: Как показали замечательные полеты космических кораблей «*Восток-1*» и «*Восток-2*»... (А. Р. Котовская, Перегрузки и невесомость); Корейский народ горячо поздравляет Советский народ, восприняв радостное известие о запуске в Советском Союзе космических кораблей «*Восток-3*» и «*Восток-4*» («Правда», 15 авг. 1962 г.); Глядя на тонкое одухотворенное лицо Германа Степановича, рассказывающего о значении физической закалки, я вспомнила кадры из кинофильма «Снова к звездам», запечатлевшие испытания *Космонавта-Два* (Л. Кафанова, Космонавты на отдыхе); Сегодня мать *Космонавта-Три* Анна Алексеевна Николаева в первый раз смотрела передачу, которая шла непосредственно с космического корабля, где летит ее сын («Правда», 15 авг. 1962 г.); Предстартовые месяцы были самыми напряженными в жизни *Космонавта-Пять* («Правда», 15 июня 1963 г.); Рабочий день *Космонавта-Шесть* в канун

старта, как и всегда прежде, начинался с зарядки («Комс. правда», 19 июня 1963 г.); Я смотрю на школьников, на суворовцев, на молоденьких летчиков. Где-то среди них — *Космонавт-Сто.* Но где? Этого никто не знает, даже он сам («Лит. газета», 12 апр. 1962 г.).

Каковы же причины, способствовавшие вытеснению порядкового прилагательного в рассмотренных случаях количественным числительным?

1. Употребление слова *номер* лексически указывает, что за ним следует цифровое указание на порядок (или размер) предмета, и повторное указание на порядок флексиями прилагательного становится излишним. Поэтому мы можем сказать «живу в *сто двадцать второй квартире*» или «в *квартире номер сто двадцать два*». Ср. два следующие примера, говорящие об одном и том же предмете:

...наше судно пришвартуется у *73-го пирса* Нью-Йоркского порта («Изв.», 19 сент. 1960 г.); Турбоэлектроход «Балтика» пришвартовался у *причала № 73* на Ист-Ривер неподалеку от здания Организации Объединенных Наций (там же). В первом случае перед нами порядковое прилагательное, что указано прикреплением окончания в цифровому знаку, а во втором случае, где такого окончания нет, перед нами числительное.

Даже в тех случаях, когда слово *номер* обозначает комнату, помещение в гостинице, возможно при нем не только порядковое прилагательное, но и числительное, например: — Есть, ли в отеле у вас номера? Вам телеграмму прислали вчера.— Есть, отвечает привратник усатый: *Номер девятый* и *номер десятый* (С. Маршак, Мистер Твистер); Шел чернокожий огромного роста Сверху из *номера сто девяносто* (там же).

Что касается таких случаев употребления, как *третий номер* «Огонька», то здесь слово *номер* приближается по значению к словам *журнал, книжка.* Но даже и в этих случаях в постпозитивном употреблении возможно числительное: «Огонек» *номер три.*

2. Обозначение слова *номер* знаком (№), а не буквами тоже способствовало тому, чтобы после него ставились не слово или слова, а также знаки иной системы — цифры, что было не безразлично и в отношении экономности письма. А цифра приводит к чтению ее как числительного в им. падеже. Особенно этому благоприятствовали случаи, когда числительное обозначало очень большой или дробный номер, например: Паспорт *№ 558810*; Волхонка, *дом 18/2* — в подобных случаях образование порядкового прилагательного или затруднительно, или просто невозможно.

3. Имеет большое значение и высокая частотность цифровых обозначений, с которыми нам постоянно приходится иметь дело: номера домов, квартир, почтовых отделений, которые

систематически воспроизводятся на конвертах и других почтовых отправлениях; номера поездов, вагонов, мест и билетов на различных видах транспорта; размеры обуви, костюмов и других видов одежды и т. п., например: Москва, *А-319,* дом *5*, подъезд *5*, квартира *122*; поезд № *35*, вагон *5*, место *15*; туфли *№ 35*; воротничок *№ 39* и т. п.

Особое значение имеет разбиение больших чисел на несколько отдельных, не более чем двузначных, например: «*Бронепоезд 14-69*». Сюда же относится произношение телефонных номеров в больших городах: *Д7-80-80 — Дэ-семь-восемь-ноль-восемь-ноль,* или: *Дэ-семь-восемьдесят-восемьдесят.* Поставленная перед цифрой буква только укрепляет такое произношение.

4. Рассмотренное явление находится в полном согласии с общей тенденцией распространения аналитизма в современном русском языке и тенденцией развития аналитизма в употреблении числительных, в частности [2].

* * *

Таким образом, влияние деловых стилей речи, влияние письма, печати, где в целях экономии и ясности во многих случаях используются по преимуществу знаки и цифры, а не слова; постпозитивное место, не свойственное согласованному определению; частотность знаковых обозначений данных сочетаний и общие тенденции развития языка — все это приводит к тому, что в наши дни в рассматриваемых конструкциях господствует им. падеж числительного, порядковые же прилагательные употребляются только перед определяемым словом: *12-е отделение* милиции.

---

[2] См.: «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 52 и след.

Д. С. Лихачев

АРГОТИЧЕСКИЕ СЛОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Статья Д. С. Лихачева «Арготические слова профессиональной речи» была написана в 1938 г., однако в силу трудных условий, в которых развивалось тогда советское языкознание, в течение долгого времени не могла увидеть свет.

Навязанный марризмом советскому языкознанию ложный тезис о классовой природе языка преграждал путь к методологически правильной разработке вопросов лингвистической социологии.

Не меньше препятствий на этом пути встречали советские языковеды в период культа личности, когда сложная проблема социальных диалектов была сведена в брошюре И. В. Сталина к так называемым «классовым диалектам», к особенностям речи «узкой социальной верхушки». Именно этим объясняется, что теоретически важный круг вопросов об отражении социально дифференцированной структуры общества в языковом развитии сейчас является одним из чрезвычайно мало разработанных разделов советского языкознания. Желая хотя бы отчасти восполнить этот пробел, редакция сборника печатает статью Д. С. Лихачева, содержащую фактический материал о социальных арго в русском языке и ряд заслуживающих внимания теоретических положений по данной теме.

Некоторые положения, сформулированные автором более двадцати лет назад, в настоящее время являются дискуссионными, а отчасти, может быть, и устарелыми. Редакция надеется, что публикация статьи послужит стимулом к дальнейшей разработке этих актуальных для марксистского языкознания вопросов. Автор не счел возможным переработать или дополнить свою статью, так как во многом отошел от ее проблематики.

I

Явления арготической речи обратили на себя внимание исследователей, этнографов, поэтов, беллетристов и хронистов[1] еще несколько столетий назад. Первые свидетельства об арго восходят в Германии к XIII—XIV вв. (см.: Fr. Kluge. Rotwelsch. Strassburg, 1901), во Франции к XIV—XV вв. (см.: L. Sainéan. L'argot ancien. Paris, 1907), в Англии к XVI в.

[1] Имею в виду Голиншеда, в хронике которого встречается одно из наиболее ранних свидетельств об арго (см. предпосланное хронике «Description of England» Harrison'a).

(см. G. Krapp и H. Bradley, статья «Slang» в XX т. «Encyclopaedia Britannica», изд. 14, 1930), однако едва ли найдется в лингвистике менее разработанная область, чем арготические наречия. Обширная литература об арго не дала еще ни одного более или менее точного и последовательного определения, что такое арго. Многочисленные описания отдельных арго и их интерпретация не стоят еще на должном уровне. Это и понятно: арго как факт лингвистический требует к себе такого подхода, который было не в состоянии организовать буржуазное языкознание XIX и нач. XX в., ориентировавшееся на литературный и письменный языки, с одной стороны, и на деревенские диалекты, с другой.

В результате многочисленных исследований мы имеем целый ряд разрозненных толкований арго, взаимно противоречивых, лишенных единства и внутренней связи. В настоящее время нет не только какой-либо прочной теории арго, но и ни одного достаточно последовательного и непротиворечивого взгляда, если, впрочем, не считать концепций, созданных этнографами и криминологами, которые, однако, совсем не могут удовлетворить нас с лингвистической стороны. Скупые описания, объяснения обрывочные и недоговоренные, робкие и несмелые попытки введения арготических слов в художественную литературу, вот с чем приходится иметь дело всякому, кто интересуется арготическими явлениями.

Наиболее ранние представления об арго сводили его к какому-либо из иностранных языков. В Англии, например, вплоть до XVIII в. был широко распространен взгляд, отождествлявший воровскую речь (cant) с языком цыганским. У нас арготирующие офени Владимирской губернии сводили свою речь к языку «мясыков», будто бы некогда кочевавших по Волге[2].

Отчасти подобные же взгляды высказывались и в этнографической литературе: известный исследователь костромской старины М. Диев возводил арго галичских мещан к языку финнов, населявших Костромскую сторону до заселения ее славянами[3], а А. Кайдалов искал предков офеней и прасолов среди индоевропейского населения Европы и язык их присоединял к языкам индоевропейской семьи[4].

Более последовательный, но все же еще донаучный взгляд, перешедший затем в литературу этнографического характера и там завоевавший себе прочное положение, толковал арго как результат некоего «contrat social», заключаемого арготирующей

---

[2] К. Тихонравов. Офени Владимирской губернии. «Владимирский сборник». М., 1857.

[3] М. Диев. Какой народ населял в древние времена Костромскую сторону и что известно об этом народе? «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1865, кн. IV.

[4] А. Кайдалов. О предках прасолов и офеней. СПб., 1876.

группой с целью сокрытия своих замыслов и действий от могущих их подслушать представителей чуждых слоев населения.

Это представление, не всегда являвшееся фактом наблюдения, а скорее бывшее некоторой абстрактной попыткой истолкования арго, имело тем не менее неоспоримые достоинства и дожило в той или иной скрытой и смягченной форме до нашего времени. Взгляд этот был для своего времени неплохой попыткой истолкования арготических явлений, последовательно увязанной с рационалистическим подходом к языку, господствовавшим до XIX в. При этом целый ряд фактов языковой действительности получил свое разрешение: строгая социальная ограниченность и замкнутость круга арготирующих, их корпоративность, действительная необходимость «засекречивать» некоторые стороны своей деятельности у воров, факт постоянного обновления словаря арго и т. д.

Однако объяснение это не может быть принято в настоящее время даже в компромиссных формах, так как, будучи логически и последовательно применено, оно влечет за собой целый ряд следствий, приводящих к абсурду посылки.

Если каждая из социальных групп, пользующихся арго, вынуждена это делать с целью сокрытия своих незаконных и преступных замыслов, то мы должны будем заподозрить в систематических преступлениях профессионального характера русских офеней, шерстобитов, шаповалов, рыбаков, бурлаков, бродячих портных, лирников; английских букинистов, разносчиков; французских каменщиков, жнецов, трепальщиков конопли, кровельщиков; немецких студентов, ремесленников и т. д., многочисленные свидетельства о высоко развитых арго которых имеются в литературе. Так, собственно, и поступали некоторые из исследователей, обвиняя перечисленные группы населения в воровстве, мошенничестве, разбое и прочих неблаговидных поступках. Обвинения этого рода могут быть скорее объяснены откровенными социальными антипатиями исследователей, чем желанием последовательно провести свою точку зрения на арго.

Рукопись, хранящаяся в библиотеке Казанского университета «Описание Кричевского графства» Андрея Мейера 1786 г.[5], заключает следующее ставшее типичным для известной части литературы место:

«Я думаю, что не противно будет, если я упомяну здесь о том наречии, которым все кричевские мещане, портные, сапожники и других мастерств люди, а особливо живущие около польской границы корелы (не от корелов, а от грабежей своих так названные крестьяне) между собою изъясняются. Сие наречие подобно многим российским, а особливо суздальскому, введено в

[5] «Описание рукописей Казанского университета, сост. А. И. Артемьевым».— «Летопись занятий Археогр. комиссии, 1876—1877 гг.» СПб., 1884, вып. VII, отд. III, стр. 19—22.

употребление праздношатавшимися и в распутстве жившими мастеровыми, которые, привыкнув к лености и пьянству, принужденными находились для прокормления своего оное выдумать и сплесть, дабы посторонние их не разумели, и они всех тем удобнее обкрадывать и мошенничать могли».

Второе соображение против теории секретности арго заключается в следующем: если придерживаться этого взгляда, мы должны будем признать, что арготирующим по каким-то для нас мало понятным соображениям следовало скрывать не только названия действий и предметов, имеющих отношение к краже, к преступлению, но и названия частей тела, еды, напитков, времени дня, года, картежные термины, термины других игр и т. д.

Многочисленные арготические образования обычного языка было бы естественно также объявить тайными, так как рассматривать арготические образования, рассеянные в общем языке, одним путем, а соединенные в более или менее компактную группу — резко противоположным, вряд ли достаточно последовательно. В русской литературе мы имеем попытку объявить тайным язык алкоголиков (см. Тиханов, Криптоглоссарий, СПб., 1891), обладающий во всех странах большим количеством арготических образований[6].

Но самое главное возражение против тайного и условного характера арго состоит в том, что этим путем явления арготического порядка становятся в прямое противоречие с нашими современными научными представлениями о характере развития языка вообще.

Мы должны соблюдать сугубую осторожность во всех случаях, когда имеем какое-нибудь сообщение о тайном характере арго. Легенда о тайных языках упрочилась в прошлом оттого, что через нее каждое сообщение об арго легко облекалось в форму сенсационного разоблачения. Почти во всех случаях оглашения какого-либо языка тайным мы имеем не опытно наблюденный факт, а попытку некоторой предвзятой интерпретации явлений, попытку тем более неудачную, что часто, описывая затем речь арготирующих, исследователи явно противоречили себе.

Ниже мы приводим некоторые цитаты из русских исследователей (главным образом этнографов), наиболее подробно писавших о быте и социальных условиях жизни арготирующих,— цитаты, которые помимо воли самих авторов вскрывают не тайный характер арго.

Боржковский в статье «Лирники» («Киевская старина», 1889, XXVI) о языке лирников, так называемой «лобурьской мове», пишет, что лирники «говорят на нем когда никого нет или так тихо,

---

[6] См.: Fr. Kluge. Deutsche Studentensprache. Strassburg, 1895 (стр. 21 «Trunkenlitanei») и вступит. статью к словарю: Hotten. A dictionary of modern slang, cant and vulgar words. London, 1859.

что никто не услышит их; следовательно при таких обстоятельствах, когда могут говорить обыкновенным наречием». От себя добавим, что вообще нам непонятно, что именно нужно было скрывать лирникам и в каких случаях они не могли говорить «обыкновенным наречием».

О том же лирницком языке другой автор, Тиханов («Труды Черниговской губ. комиссии 1897—1898», отд. II), пишет: «...каждый раз при нашем обращении к старцам они изъявляли полнейшую готовность передать свой криптоглоссон, без каких бы то ни было с их стороны предубеждений».

Мартынов, автор статьи о прасолах («Тульские губ. ведомости», 1870, № 44), о языке их говорит, что он понимается «не только всем мужским народонаселением города, но и некоторыми женщинами и детьми».

Тиханов в статье о брянских нищих («Брянский вестник», 1895) говорит, что нищий, к которому он обратился за разъяснением о языке старцев и нищих, «тут же на мою (т. е. Тиханова. — *Д. Л.*) просьбу продиктовал все, что мог припомнить или что знал из своего тайного языка...».

Н. Н. Виноградов в статье о жгонском языке (Изв. II Отд. АН, 1919, кн. 1) пишет: «В Варнавинском уезде жгонский язык распространен в довольно значительной степени среди всего населения». Николайчик в статье о языке черниговских шаповалов («Киевская старина», 1890, XXIX) пишет, что «в противоположность подольским лирникам, черниговские шаповалы не делают особенного секрета из своего языка».

Добровольский в статье о шубрайском, или кубрацком, языке дорогобужских мещан (Изв. II Отд. АН, т. II, 1897) упоминает, что в Дорогобужском уезде «хорошо знакомы с кубрацким языком». «Даже маленькие дети, желая скрыть свои шалости от взрослых, приучаются говорить по-кубрацки: мачта хлить, шентяк тахтить — ухливай (т. е. мать идет, кнут несет — уходи)». Очевидно, что детьми в употреблении арго руководит не желание скрыть шалость (шалость, собственно, в вышеприведенном примере уже раскрыта), а желание экспрессивно выразиться, т. е. то же стремление, которое побуждало и школьников иной раз употреблять чисто арготические слова[7].

Можно привести еще достаточное количество цитат, в которых исследователи противоречат теории тайного характера арго. Есть свидетельства о том, что эти «тайные» языки русских ремесленников и нищих были не только распространены широко

[7] См., например: М. Рыбников. О искажении и огрубении речи учащихся. «Родной язык в советской школе», 1927, сб. 1; В. Щепотьєв. Мова наших школярів. «Етногр. вісник», 1927, кн. 3; С. Копорский. Воровской язык в среде школьников. «Вестник просв.», 1927, № 1; Е. Лупова. Из наблюдений над речью учащихся в школах II ступени. «Труды Вятского научно-исслед. ин-та краеведения», т. III, 1927.

в приблизительно однородной среде, но что значение многих «тайных» слов было известно даже таким представителям обособленных слоев населения, как помещики.

Следует также обратить внимание на тот факт, что все собрания так называемых «простонародных», областных и провинциальных слов, относящиеся к первой половине XIX в. (хотя бы, например, в «Чтениях Общества любителей российской словесности», 1820), заключают частично слова этих самых «тайных» языков, что отнюдь не говорит об их тайности.

Надо сказать, что, действительно, слова отдельных арго, собранные в словари, оторванные от живого употребления, на представителя иной социальной среды, каким всегда является собиратель, производят в некоторых случаях впечатление не только тайного, но даже иностранного языка.

Серьезное возражение против тайного характера русских арго XIX в. заключается в следующем: сравнительное изучение словарей отдельных арго показывает, что арготических слов очень немного, что поэтому поддерживать достаточно длительный разговор на этих арго, не прибегая к помощи обычных русских слов, нельзя, что все эти арготические слова имеют отношение только к довольно небольшому замкнутому кругу явлений и, наконец, что эти арготические слова весьма легко переходят из одной среды в другую, если внешние условия их существования поддержат их в данном переходе. Однородные явления во всех русских арго начала XIX в. называются одинаково, а так как арготирующие профессии имели между собой в условиях своего существования очень много общего (например, бродячие лирники, бродячие швецы, бродячие кузнецы, бродячие шаповалы, шерстобиты, офени-ходебщики, бурлаки и пр.), то словари профессиональной речи всех их почти однородны, во всяком случае на две трети заключают одинаковый лексический материал, и мы не без некоторого основания можем говорить о существовании в начале XIX в. в значительной мере единообразного по своему словарю арго.

Тому, что арготические слова не заменяли собой в речи всех обычных разговорных слов, а лишь «пересыпали» ее, противоречат как будто имеющиеся записи речи офеней и прасолов, в которых эти офенские и прасольские слова целиком вытесняют обычные русские. Но здесь нужно принять во внимание следующие соображения: во-первых, давая пример употребления офенских слов, любой исследователь и собиратель несомненно подберет такие фразы, в которых эти слова встречаются как можно чаще, и во-вторых, что погоня за сенсацией часто приводит к невольным фальсификациям. С такой фальсификацией мы несомненно имеем дело в статье Голышева «Проводы офеней» («Ежегодник Владимирского губ. статист. комитета», т. III, 1880). В этом нетрудно убедиться, прочтя

от доски до доски весь приводимый им отрывок явно искусственного и нарочитого происхождения.

Тем, кто хочет составить себе действительное представление о живой речи офеней, советуем обратиться к словарю Макарова («Опыт русского простонародного словотолковника». —«Чтения в Об-ве истории и древностей российских», 1846—1848), где приведены к каждому офенскому слову любопытные примеры[8], и к «Сравнительному словарю всех языков и наречий» 1791—1792 гг., в которых офенские слова под рубрикой «суздальские» чередуются с обычными русскими.

Правда, в книге Красноперова «Очерки города Одоева» (Тула, 1896) приводится стихотворение, написанное сплошь арготическими словами:

Мас накерился тарнюшки
И похлил на юр лепшать.
Мас захлин (захлил?— *Д. Л.*) к алдной
шахтенке (шихтенке? — *Д. Л.*)
Лесенечко почалдать.
Шихта масу тюрюхала[9]:
Хли на юр лепшать[10].

Но там же говорится о том, что это стихотворение написано одним любителем прасольского языка, а «любители», как известно, появляются тогда, когда язык выходит из живого употребления; во всяком случае, оно никак не соответствует живой речи прасолов.

Этому стихотворению можно противопоставить частушку, приводимую Н. Н. Виноградовым[11] и, по-видимому, более отражающую живой язык офеней:

Возгудалка возгудает,
Борисан в беседу хляет
Возгудалка не гудай,
Меня любит Николай[12].

---

[8] Например, к слову *латво* 'легко, хорошо': «Пропал Ерема без угла без дома, а теперь ему латво пошло: кто курочку, а кто и гуська несет, в дьяки попал». Офенское слово как бы вкраплено в обыкновенную русскую речь.

[9] *Тюрюхала* — сказала — не от старого ли названия мокши — *терюхане* (или *тюрюхане*)?

[10] Я напился водки
И пошел на чердак спать.
Я зашел к одной девушке
Немного поговорить.
Девушка мне сказала:
Иди на чердак спать.

[11] «Известия ОРЯС АН», 1918, т. XXIII, кн. 1.

[12] Гармонь играет,
Солдат в беседку идет.
Гармонь не играй,
Меня любит Николай.

Сам по себе факт употребления какого-либо языка как тайного еще не может служить доказательством его тайного и условного характера вообще. Никто не будет, например, объявлять французский язык тайным и условным только потому, что некоторые русские помещики иногда пользовались им для сокрытия своего разговора от дворовой прислуги. С этой точки зрения отдельные несомненные примеры тайного употребления арго (например, в статье: Н. Н. Виноградов. Жгонский язык. «Известия Отд. русского языка и слов. АН», 1918, т. XXIII, в письме русского солдата из австрийского плена) решительно не могут служить доказательством тайного характера арго.

Мы совершенно не собираемся отрицать существования секретных языков каст, тайных обществ и т. д., так же точно как не отрицаем существования разного рода шифров и «тарабарских грамот». «Тайные языки», всякого рода шифры и криптография были широко развиты в период феодализма, но с переходом к капитализму они очень рано исчезают: гораздо раньше, чем это думает, например, Sainéan, предполагавший, что «переход» от тайных языков к арго совершился приблизительно в середине XIX в.[13] Тайные языки и арго глубоко различны по своей сущности. Мы считаем вполне возможным многочисленные заимствования из этих «языков» в арго, но мы при этом находим недопустимым смешивать арго и эти языки. Заимствования этого рода идут в арго тем же путем, каким они идут из любого чужого языка: цыганского, еврейского, греческого. В арго шифр становится настоящим, живым словом, лишаясь своего искусственного характера, так же точно, как давно утратили свой искусственный и условный характер, став полноправными словами, многочисленные в современном русском языке аббревиатуры.

Вообще говоря, следует отметить, что весьма часто смешиваются в литературе, с одной стороны, тайный характер арго, употребление воровских слов в целях засекречивания своей деятельности и, с другой стороны, тайное происхождение арго, происхождение тех или иных слов из потребностей засекречивания. Не подлежит сомнению, что вопросы эти совершенно различные и смешение их ведет к грубому запутыванию проблемы.

В русской литературе об арго, интерес к которому поддерживался главным образом в среде этнографов, точка зрения «тайности» и условности арготических явлений была единственной. Исключение составляют только несколько предположений о воровском языке, высказанных В. Лебедевым: «Воровской жаргон, язык преступной среды не есть что-либо искусственное или случайное, но является естественно необходимым продуктом

[13] L. Sainéan. Le langage parisien au XIX siècle. Paris, 1920, стр. 49.

природы и культуры каждой категории преступников...» («Вестник полиции», 1909, № 22).

Но этим робким предположением «специалиста»-полицейского дело и ограничилось, так как бедная теоретической мыслью русская литература об арго вопреки фактам, здравому смыслу и игнорируя лингвистические достижения Запада, прочно стояла на теории тайного и условного характера арго, делая лишь незначительные уступки очевидности.

Наиболее объемистое из русских исследований воровской речи — «Опыт исследования воровского словаря» В. Тонкова (Казань, 1930) — вполне еще находится во власти этой легенды: «На условном языке преступнику легче договориться с товарищами относительно побега из тюрьмы. На жаргоне лучше провести совещание о совместном проведении „голодовок", как протеста против тюремного режима; а иногда тайный язык помогает снестись с вольными „своими" людьми. Но и вне стен тюрьмы этот тайный язык необходим вору: дать знать об угрожающей опасности; сообщить в людном месте среди „не своих" о выгодном „деле", предупредить при допросе и т. д.».

Это не часто встречающееся в литературе раскрытие конкретного содержания значения «тайных переговоров» в полной мере обнаруживает всю зыбкость этой теории и бедность ее опытно подтвержденными фактами. В. Тонков очевидно забывает, что большинство слов русской воровской речи существует уже около ста лет, что они далеко не тайны для очень многих, в частности, они не были тайными и для тюремной администрации — «тюремных надзирателей», знавших этот язык подчас лучше самих воров. Приводимые им примеры тайных переговоров немыслимы и невероятны.

Перейдем к западноевропейским исследователям арго.

Один из первых солидных исследователей арго из среды не этнографов и любителей, а лингвистов, Ш. Нодье[14], всецело еще стоит на точке зрения признания арго тайным языком. Последними последовательно проводившими этот взгляд были M. Schwob и G. Guieysse[15], полностью признававшие за арго и наиболее спорное из следствий этого положения — искусственность арго: «L'argot est justement le contraire d'une formation spontanée. C'est une langue artificielle, destinée à n'être pas comprise par une certaine classe de gens. On peut donc supposer *a priori* que les procédés de cette langue sont artificiels». («Арго, несомненно, противоположен спонтанной формации. Это искусственный язык, ставящий своей целью быть непонятным для определенного класса людей. Можно, следовательно, a priori допустить, что приемы этого языка искусственны»).

[14] Ch. Nodier. Notions élémentaires de linguistique. Paris, 1834.

[15] M. Schwob, G. Guieysse. L'étude sur l'argot français. «Mémoires de la Société de Linguistique», t. VII. Paris, 1892.

До XX в. теория секретного характера арго дожила в настолько компромиссных формах, что, собственно, основная теоретическая часть ее оказалась полностью обесцененной.

Как далеко ни ушла современная лингвистика от теории тайности арго, мы, впрочем, всегда должны помнить ту огромную роль, которую сыграла в этом отходе художественная литература.

Первые серьезные удары теории тайности арго были нанесены еще в конце 20-х — нач. 30-х годов XIX в. представителями так называемой неистовой словесности, широко использовавшими арго в создании своего романтически «кошмарного» жанра. Характеристика арго в этих произведениях преследовала исключительно литературную задачу — «ужасать» и эпатировать, причем употребление первых арготических слов в беллетристике этого рода подчинялось тому же чисто стилистическому заданию.

В известном произведении «Dernier jour d'un Condamné» (1828, гл. XVI), приводя семь куплетов арготической песни, которую поет пятнадцатилетняя девица, В. Гюго замечает: «C'était une chose repoussante que toutes ces monstrueuses paroles sortant de cette bouche vermeille et fraiche. On eût dit la bave d'une limace sur une rose. Je ne saurais rendre ce que j'éprouvais; j'étais à la fois blessé et caressé. Le patois de la caverne et du bagne, cette langue ensanglantée et grotesque, ce hideux argot, marié à une voix de jeune fille, gracieuse transition d'une voix d'enfant à une voix de femme! Tous ces mots difformes et mal faits, chantés, cadencés, perlés!» («Противоестественны были такие гнусные слова на таких румяных, свежих устах. Точно след слизняка на лепестке розы. Я не в силах передать свои чувства; мне было и больно и сладко слушать язык вертепа и каторги, жестокий и живописный говор, грязный жаргон в сочетании с девичьим голоском, прелестным переходом от голоса ребенка к голосу женщины! Слышать эти уродливые, исковерканные слова в плавных переливчатых звуках песни!» (Виктор Гюго. Последний день приговоренного к смерти. Перевод Н. Касаткиной.— Собр. соч. в 15 томах, т. I. М., 1953, стр. 252).

Ту же характеристику арго продолжает углублять В. Гюго и в «Les Misérables» (кн. 7). Арго — «...la langue laide, inquiète, sournoise, traître, venimeuse, cruelle, louche, vile, profonde, fatale, de la misère» («...уродливый, пугливый, скрытый, предательский, ядовитый, жестокий, двусмысленный, гнусный, глубоко укоренившийся роковой язык нищеты»).

К заслугам В. Гюго следует отнести прежде всего то, что он впервые указал на соответствие между характером арго и психическими особенностями его носителей, связал отдельные слова с представлениями арготирующих, надолго опередив в этом отношении научную литературу.

«Si le philosophe parvient à fixer un moment, pour l'observèr, cette langue qui s'évapore sans cesse, il tombe dans les douloureuses et utiles méditations. Aucune étude n'est plus efficace et plus féconde en enseignements. Pas une métaphore, pas une étymologie de l'argot qui ne contienne une leçon.— Parmi ces hommes, *battre* veut dire *feindre*; on *bat* une maladie; la ruse est leur force. Pour eux l'idée de l'homme ne se sépare pas de l'idée de l'ombre. La nuit se dit la *sorgue*; l'homme l'*orgue*. L'homme est un dérivé de la nuit. Ils on pris l'habitude de considérer la société comme une atmosphère qui les tue, comme une force fatale, et ils parlent de leur liberté comme on parlerait de sa santé. Un homme arrêté est un *malade*; un homme condamné est un *mort*» («Если философу удается удержать на мгновение этот беспрестанно улетучивающийся язык, чтобы исследовать его, им овладевают горестные, но полезные мысли. Никакое другое исследование не бывает более действенным, более плодотворным и поучительным. Нет ни одной метафоры, ни одного корня в словах арго, которые не содержали бы наглядного урока. Среди этих людей *бить* — означает *прикидываться*; они *бьют* болезнь —прикидываются больными; их сила — хитрость. Для них идея человека неотделима от идеи тьмы. Ночь — *потьмуха*; человек — *тёмник*. Человек — производное от ночи. Они привыкли рассматривать общество как среду, убивающую их, как роковую силу, и о своей свободе они говорят так, как принято говорить о своем здоровье. Арестованный человек — больной; человек осужденный — *мертвый*»).

Аналогичная попытка связать арго с воззрениями арготирующих на мир имеется и у Бальзака (La dernière incarnation de Vautrin. Paris, 1847), правда, значительно менее ярко выраженная.

Точка зрения Гюго и Бальзака оказала большое влияние на всю последующую французскую литературу об арго вплоть до нашего времени [16].

Проникновение арго в беллетристику разрушило прежде всего представление об арго как о языке, употребляющемся исключительно людьми, стоящими «en marge de société». Употребление арго было обнаружено широко за пределами воровской среды.

Уже Vidocq в предисловии к «Les voleurs» (Paris, 1837) замечает: «La langue argotique n'est plus seulement celle des tavernes et des mauvais lieux, elle est aussi celle des théâtres; encore quelque pas et l'entrée des salons lui sera permise» («Арго — это язык не только таверн и дурных мест, он также язык

---

[16] См., например: A. Timmermans. L'argot parisien. Paris, 1922.— В импрессионистическом введении к этой книге полностью удержана характеристика, данная арго Гюго и Бальзаком.

театров; еще один шаг, и у него будет свободный доступ и в салоны»).

Вслед за Видоком Hotten во вступительной статье к своему словарю (A dictionary of modern slang..., 1859) находит свой «slang» в каждой социальной группе, даже в среде аристократии и клерикалов. В результате этого все углублявшегося знакомства с арго и обнаружения его в таких слоях населения, которые никакой нужды скрывать свои замыслы иметь не могли, теория тайного и условного характера арго претерпела значительные изменения. С одной стороны, секретность арго была ограничена сперва только пределами возникновения арготических слов, а с другой стороны, безусловно секретным стал признаваться только язык воров. Так, например, в Англии, где с арго были хорошо знакомы со времен елизаветинских драматургов: Шекспира, Бен Джонсона [17], Бомонта и Флетчера [18], традиционно с нач. XIX в. существовало различение cant — языка воров и slang — арго остальных групп населения [19]. При этом тайный характер приписывался только первому — cant. Однако практически отделить slang от cant удавалось не так просто, и выходившие словари этого не проделывали, давая слова и того и другого в полном смешении.

К XX в. в изучении арго намечаются два далеко еще, впрочем, не оформившихся направления, пришедшие на смену теории тайного и искусственного характера арго: первое, которое мы условно назовем этнографическим, и второе — социологическое. Третье, лишь слабо означившееся,— психологическое имеет пока еще очень небольшое прошлое.

Во многом опередившая лингвистов в своих исследованиях арго среда этнографов, в которой в свое время теория тайности и условности арго находила наибольшее число адептов, выдвинула теорию родственности сакральных языков так называемым языкам специальным и, в частности, арго.

Наиболее полно эта гипотеза была высказана Gennep'ом сперва в «Revue des études ethnographiques et sociologiques» (1908, juin — juillet, Essai d'une théorie des langues spéciales), а затем во втором томе его во многом замечательного труда «Religions, moeurs et légendes» (Paris, 1909), где работа была полностью перепечатана. Приравнивая специальные языки (в том числе и арго) к языкам сакральным и литургическим, как например церковнославянский в России, латинский в католиче-

[17] См. арготические выражения у Ben Johnson'a — «Masque of the Gypseys Metamorphosed».

[18] Слова нищенского арго встречаются в комедии Beaumont'a — «Comedy of the Beggar's Bush».

[19] Точное современное значение слов slang, cant и др. (argot, dialect, gibberish, idiom, jargon, lingo, parlance, patois, shop, vernacular) интересно разъяснено в кн.: H. W. Fowler. A dictionary of modern English usage. Oxford, 1927.

ских странах, санскрит в Индии и даже, может быть, сумерийский в Ассиро-Вавилонии, Геппер основным фактором образования и тех и других выдвигает некоторое, якобы заложенное в каждой группе, стремление противопоставить себя окружающей среде, некоторую «самозащиту» (nécessité de défense) и инстинкт самоутверждения социального коллектива:

«...les langues spéciales ont une raison d'être biologique: elles ne sont que l'un des innombrables moyens par lesquels les collectivités de tout ordre maintiennent leur existence et résistent aux pressions de l'extérieur» (Religions, moeurs et légendes, стр. 315).

«Ainsi la langue spéciale joue à l'intérieur de la société générale le rôle que chaque langue générale joue vis-à-vis des autres langues générales. C'est l'une des formes de différenciation, formes voulues, et nécessaires à la vie même en société» (там же, стр. 316) («...специальные языки имеют свое биологическое основание: они являются одним из бесчисленных средств, которыми всякого рода общности поддерживают свое существование и сопротивляются давлению извне». «Итак, специальный язык играет такую же роль внутри общества в целом, какую играет каждый общий язык по отношению к другим общим языкам. Это одна из форм дифференциации, желательных и необходимых для самого существования общества»).

Искусственность построений Геппер'а, основанных на сопоставлении мертвых литургических и сакральных языков с живой, текучей и постоянно изменчивой арготической речью, ясна даже и не лингвисту; однако заслуживает серьезного внимания отмеченная им склонность отдельных социальных групп противопоставлять себя остальным в языке[20]. При этом мы считаем правильнее рассматривать факт этого противопоставления не как абстрактный биологический принцип, а скорее как проявление коллективной психологии.

Основная мысль Геппер'а была подхвачена и развита затем в работе известного итальянского криминолога Niceforo «Le génie de l'argot» (Paris, 1912), также рассматривающего арго и специальные языки под углом зрения резистенции социального организма. Niceforo привнес, однако, в свои построения очень много от антропологизма и абстрактной психопатологии Ломброзо, чьим последователем в области криминологии он до известной степени является[21].

---

[20] См. факты, отмеченные в работах: Д. С. Лихачев. Черты первобытного примитивизма воровской речи. «Язык и мышление», т. III—IV, 1935; Irwin. The new American underworld slang dictionary. London, 1930.

[21] С Ломброзо Niceforo разделяет также и свои социальные антипатии (ср., например, его соображения об антропологических особенностях «низших классов».— «Le génie de l'argot», стр. 62). Ломброзо посвятил арго главу в первом томе «Uomo delinquente».

Будучи пространно изложенной, основная мысль Gennep'a теряет у Niceforo свою остроту и четкость. Понятие «социального организма», инстинкта самозащиты и резистенции у Niceforo грубо биологично. Противопоставление арго прочим специальным языкам (наподобие английского противопоставления slang и cant) носит исключительно искусственный характер: последние он относит за счет открытого сопротивления социального организма внешней социальной среде, первые же за счет скрытого (arme cachée, стр. 98). Для заполнения получившихся лакун в промежутке между этими двумя категориями Niceforo пришлось ввести третью — «псевдоарго» (стр. 94—97). При этом надо отметить, что секретность, которую Niceforo считает главным отличительным признаком арго, далеко не обычная условная и искусственная секретность рассмотренных нами выше построений, а секретность естественная, спонтанно возникающая. «Тайное арго» служит, как и специальный язык, тем же демонстративным признаком принадлежности к определенной группе, тем самым, несомненно, теряя в своей секретности. Niceforo считает возможным существование тайного и притом естественно возникшего языка между двумя друзьями и относит к этой же категории любовный язык двух влюбленных. Понимая так широко тайный характер арго, Niceforo в сущности сводит на нет всю эту теорию, не оставляя от нее ничего, кроме сомнительного факта непонятности арго для окружающих.

Заслуживает самого серьезного внимания мнение Niceforo о магическом характере специальных языков. Однако магия речи понимается им настолько широко и абстрактно, что позволяет ему подводить под нее чрезвычайно разнохарактерные явления, даже национальные языки[22]. Высказанное им положение не получило развития и оказалось совершенно не связанным с общей концепцией специальных языков.

Рассмотренные нами выше авторы видят в арго явление надстроечного порядка над обычной для арготирующего речью. Арго, так же как и вообще все специальные языки, рассматривается ими как явление вторичного речевого ряда, в значительной мере патологического происхождения, как явление уклонения от нормального языка.

---

[22] «N' y-a-t-il pas encore aujourd'hui, surtout chez les peuples parlant des langues différentes, mais groupés sous le joug du même État, une véritable adoration, ayant quelque chose de religieux, pour les mots de la langue nationale qu'on surveille avec l'énergie la plus opiniâtre et la plus jalouse, comme s'il s'agissait d'un véritable talisman verbal?» (стр. 215—216) («Не наблюдается ли и сейчас еще, особенно у народов, говорящих на разных языках, но объединенных в одном государстве, подлинное, содержащее в себе нечто религиозное, преклонение перед словами национального языка, с которыми обращаются чрезвычайно бережно и ревностно, как с настоящим словесным талисманом?»).

Следующее направление, которое лучше всего назвать формально социологическим, видит в арго обычное, естественное и спонтанное развитие языковых явлений в пределах той или иной социальной группы. Арго рассматривается как явление языка социального коллектива, не выходящее за пределы обычных лингвистических норм, как явление первичной, основной и естественной для данного социального коллектива речи.

Отсюда основной вывод этой школы — каждая социальная группировка имеет свой оригинальный ряд языковых явлений постольку, поскольку этому способствуют специфические особенности существования каждой из них. Зачатки этого направления, получившего особенно сильное распространение во Франции, могут быть найдены еще во вступительной статье «A dictionary of modern slan, cant and vulgar words» (London, 1859), не без основания приписываемой издателю J. Hotten'y. Автор высказывает мысль о наличии арго (slang) во всех слоях тогдашнего общества, причем в самой характеристике этих арго дает понимание их просто как особенностей речи, свойственных той или иной социальной группе. Так, например, говоря об арго клерикалов, он считает возможным относить к нему особое протяжное произношение слов lord и god.

Словарь Hotten'a сыграл в литературе об арго значительную роль. Выдержав в течение ряда лет несколько изданий, словарь этот получил широкую известность вне пределов Англии и, в частности, в России был полностью переведен в 1867 г. В. Бутузовым [23].

Словарь Hotten'a оказал большое влияние на Delvau [24], с легкой руки Hotten'a, утверждавшего существование арго в каждой профессии.

«En France on parle peut-être français, mais à Paris on parle argot, et un argot qui varie d'un quartier à l'autre, d'une rue à l'autre, d'un étage à l'autre. Autant de professions, autant de jargons différentes, incompréhensibles pour les profanes...» («Во Франции, может быть, говорят по-французски. Но в Париже говорят на арго, варьирующем от квартала к кварталу, от улицы к улице, от этажа к этажу. Сколько профессий, столько и разных жаргонов, непонятных для непосвященных...»).

Надо, впрочем, оговорить, что из среды всех арго Delvau особо выделяет арго воров — «la langue verte», которое он, следуя традиции французской «неистовой словесности», характеризует как «une langue triviale et cynique, brutale et impusine» (стр. VIII).

Ближе всего к тому же социологическому подходу стоит и другой плодовитый и оригинальный исследователь арго R. de la

[23] В. Бутузов. Словарь особенных слов, фраз и оборотов английского родного языка. СПб., 1867 (вступит. статья Hotten'a в переводе опущена).
[24] Delvau. Dictionnaire de la langue verte. Paris, 1876.

Grasserie [25]. Grasserie различает среди социальных говоров две категории — высшие и низшие. Последние и являются собственно арго. Открыто обнаруживая свои социальные симпатии, Grasserie считает арго естественным языком низших классов, противоположным языку аристократии:

«Les *parlers supérieurs* sont parlés par les *classes supérieures* de la société; les *parlers inférieurs* par les *classes inférieures*» («Étude scientifique sur l'argot», стр. 2—3) («На высоких наречиях говорят высшие классы общества; на низких наречиях — низшие классы общества»).

В следующем своем труде Grasserie совершенно откровенно говорит, кого именно он разумеет под «низшими классами»: «A l'opposite de l'élite, s'est-à-dire de la classe supérieure, se trouve la classe inférieure: le prolétariat» («Des parlers des différentes classes sociales», стр. 3) («Элите, т. е. высшему классу общества, противостоит низший класс: пролетариат»).

Три основных момента определяют для Grasserie аристократию: 1) чистота крови («генеалогия»), 2) богатство и 3) воспитание, причем «c'est le second, qui domine, la richesse est le plus fort moteur social» («Des parlers...», стр. 3) («...второе доминирует, богатство — наиболее мощная движущая сила общества»).

Если искусственные и сугубо схематичные построения Grasserie в области социологии не заслуживают особого внимания даже людей, стоящих на одной с ним методологической позиции, если характеристика языка аристократии как языка абстрактного и «духовного» полна у Grasserie грубых натяжек, то исключительного внимания заслуживает блестяще прослеженная им склонность арго конкретизировать и материализовать абстрактные понятия: «Toutes les actions et tous les êtres intellectuels ou abstraits sont transformés en actions et en êtres matériels, c'est la métamorphose argotique» («Étude scientifique...», стр. 19) («Все действия и все интеллектуальные или абстрактные сущности трансформируются в материальные действия и сущности, такова арготическая метаморфоза»).

Представители этого «социологического» направления решительно поставили под сомнение вопрос о тайном характере арго.

Наиболее маститый и осторожный из современных исследователей арго L. Sainéan [26], склонный чрезвычайно внимательно относиться к высказываниям других исследователей, уже не

---

[25] R. de la Grasserie. Du langage subjectif, biologique ou émotionnel et sociologique ou révérentiel opposée au langage psychologique de la pensée. Paris, 1907; Он же. Étude scientifique sur l'argot. Paris, 1907; Он же. Des parlers des différentes classes sociales. Paris, 1909.

[26] L. Sainéan. L'argot ancien. Paris, 1907; Он же. Les source de l'argot ancien. Paris, 1912; Он же. L'argot de tranchées. Paris, 1915; Он же. Le langage parisien au XIX siècle. Paris, 1920.

признает тайности арго даже в среде воров: «Il n'existe plus aujourd'hui de langue secrète parmi les malfaiteurs. Ceux-ci parlent le même idiome vulgaire que les autres classes du menu peuple, honnêtes ou malhonnêtes: soldats, marins, ouvriers, voleurs etc.» («Le langage parisien au XIX-me siècle», стр. 483) («Сейчас не существует в среде злоумышленников тайного языка. Они говорят на том же вульгарном наречии, что и другие классы мелкого люда, честные и нечестные: солдаты, моряки, рабочие, воры и т. д.»).

Не придают этому положению особенной ценности и английские исследователи G. P. Krapp и H. Bradley («Encyclopaedia Britannica», изд. 14, т. XX, 1930), сомневающиеся не только в существовании тайного языка у воров в настоящем, но и в прошлом не видящие оснований для образования арго с целью засекречивания своей деятельности: «To a certain extent this professional cant of thieves was probably a secret langage, but this could hardly have been the main motive in the invention of the cant. Thieves and vagabonds were a group with a strong sense of corporate unity and one also with certain sporting attitudes that would be highly favourable to the development of a class langage» («До известной степени это профессиональное арго воров было, вероятно, тайным языком, однако это едва ли могло быть основной побудительной силой, породившей арго. Воры и бродяги представляли группу с сильным чувством корпоративного единства и со значительной предприимчивостью, что могло в большой степени способствовать развитию классового языка»).

Резко отрицательную позицию по отношению к теории тайного и искусственного характера арго занимает Dauzat, не видящий для нее никаких оправданий. Высказывания Dauzat тем более интересны, что он весьма последователен в своем формально-социологическом подходе к арго.

Приведу полностью наиболее интересные из его соображений:[27] «Il est facile de comprendre pourquoi les malfaiteurs, pas plus que les ouvriers, ne parlent point un langage de convention. C'est en effet un travail considérable que de créer une langue artificielle et il n'est pas à la portée de toutes les intelligences les inventeurs des «langues universelles» — volapük, neutral ou espéranto — auraient pu ou pourraient en temoigner. Ignore-t-on, en outre, l'effort intellectuel de chaque instant, qui est nécessaire pendant de longs mois, pour arriver à posséder et à parler couramment une autre langue que la langue maternelle? Comment veut-on que les «Apaches» — qui ne sont pas en général, on en conviendra, des «intellectuels»! — s'astreignent avec leur mentalité rudimentaire, à un tel travail de pensée, quand c'est presque

[27] A. Dauzat. La langue française d'aujourd'hui. Paris, 1923.

toujours la paresse qui les conduit sur le chemin du vol et du crime?» («Легко понять, почему злоумышленники нисколько не в большей степени, чем рабочие, не говорят на искусственном языке. В самом деле, создание искусственного языка непомерно большой труд даже для столь развитых людей, какими являются изобретатели «универсальных языков» — волапюк, нейтраль или эсперанто могут об этом свидетельствовать. Можно ли, кроме того, игнорировать непрерывные интеллектуальные усилия, которые необходимо делать в течение многих месяцев, с тем чтобы овладеть и бегло говорить на втором, неродном языке? Как можно допустить, что «апаши»,— которые вообще, как известно, лишены интеллектуальности,— обрекут себя, при их примитивном развитии, на подобный умственный труд, если почти всегда именно лень толкает их на путь воровства и преступлений?»).

Полемизируя с Sainéan'ом, Dauzat резко возражает не только по поводу тайного характера арго в настоящем (на этом, как мы видели, не настаивает и Sainéan), но отрицает возможность тайного характера арго и в прошлом: «Comment pourrait-il être un langage de convention, cet argot qui conserve encore des mots du XV siècle, qui a évolué lentement, somme toute, et parallèlement à la langue classique, avec laquelle il s'est souvent mélangé par un échange continuel d'actions et de réactions réciproques?

Ne nous laissons donc pas impressionner par les fanfaronnades des *archisuppôts* et des docteurs d'argot de jadis qui ont voulu s'arroger une puissance linguistique qu'ils étaient incapables d'exercer. Ils ont reçu termes et locutions de la bouche de leurs prédécesseurs; comme les grammairiens, ils ont constaté l'usage et ses changements: *ils n'ont rien crée*. Les langages familiers, populaires, techniques, ceux des bandits comme ceux des honnêtes gens, ont une tradition historique tout comme les langues littéraires: ils procèdent par évolutions progressives, et jamais par brusques révolutions: et cette seule constatation suffit à ruiner la théorie de la «langue artificielle»» («Как может существовать условная речь, это арго, еще сохранившее слова XV в., развивавшееся медленно и в общем параллельно классическому языку, с которым оно часто смешивалось в процессе постоянного взаимодействия и противодействия?

Не будем же поддаваться фанфаронству архиприспешников и исследователей арго в его прошлом, которые хотели присвоить себе лингвистическую власть, не имея возможности ее осуществлять. Они получили слова и выражения из уст своих предшественников; как грамматисты, они утвердили употребление и его изменения: они ничего не создали. Языки фамильярные, народные, профессиональные, языки бандитов, как и языки честных людей, имеют историческую традицию — такую же, как и язык

литературный: они развиваются в процессе прогрессивной эволюции, но отнюдь не путем внезапных революций — и этого одного утверждения достаточно для того, чтобы опровергнуть теорию «искусственного языка»). Dauzat[28] различает диалекты местные и социальные, первые он называет «les patois», вторые — «les argots».

Исходя из естественности и спонтанности развития арго по «нормальным» законам языка, Dauzat приходит к выводу, что арго есть наиболее продвинутая и передовая часть языка: «Tout argot se crée et se renouvelle par les mêmes procédés que la langue ordinaire». И немного далее: «L'argot populaire est ainsi un véritable français d'avant-garde, et forme le prolongement naturel de la langue familière» («La vie du langage», стр. 194) («Каждое арго возникает и обновляется таким же образом, как и обычный язык». «Народное арго, следовательно,— это истинный передовой французский язык, оно составляет естественное продолжение фамильярного языка»).

В этом конечном выводе своих построений Dauzat последователен и логичен. В самом деле, если признавать развитие арго происходящим по нормальным, одинаковым для всех наречий законам языка, то вполне логично, имея в виду многочисленные и глубокие отличия арго от обычной речи, видеть в нем язык будущего, а чего доброго в его основных и наиболее последовательных носителях — ворах — передовой отряд цивилизации!..

Этот вывод, логичный до конца, сводит к абсурду точку зрения Dauzat на арго и выясняет ее полную неосновательность.

Dauzat, отталкиваясь от учения о тайном характере арго, в конце концов незаметно повторяет многие недостатки этой теории, так как, отрицая своеобразие лингвистических явлений в арго, приравнивая их к обычным изменениям языка, обезличивает его так же, как это делают пресловутые «этнографы», с которыми Dauzat полемизирует. Мы называем этот подход формально-социологическим, так как представители этого направления пытаются подменить подлинное объяснение арготических явлений «привешиванием ярлычков» принадлежности арго к той или иной социальной группе. Определив принадлежность арго «низшим классам», пролетариату, люмпен-пролетариату, деклассированным или просто лицам, стоящим «на границах общества» («en marge de société»), исследователи считают свою задачу по выяснению происхождения арго законченной.

---

[28] A. Dauzat. La vie du langage. Paris, 1922; Он же. La langue française d'aujourd'hui; Он же. Les argots. Paris, 1929.

Представители этого направления (главным образом французы) весьма часто противопоставляют арго как городские диалекты диалектам деревенским — патуа.

Нам кажется вообще методологически неправильным противопоставлять язык города языку деревни. Разделение наречий должно происходить с реальным учетом реальных социальных соотношений. Выделение деревенских диалектов в особую группу еще не отошло по существу от народнических традиций лингвистики XIX в.

Немецкие исследователи Kluge [29] и Günther [30], добросовестно собравшие обширный материал по арго, не занимают, однако, сколько-нибудь оригинальной теоретической позиции; они целиком во власти самого откровенного «ползучего эмпиризма». Их главные интересы сосредоточиваются на выяснении этимологии отдельных арготических слов. В отношении подобного этимологизирования, слишком часто еще становящегося самоцелью лингвистических исследований, несомненно справедливо утверждение Delvau: «C'est un jeu comme un autre, amusant pour soi, fatigant pour autrui...» («Эта игра, как и любая другая, забавна для играющего, утомительна для других...»).

В лингвистической и в нелингвистической литературе распространено толкование арго как факта психологического. Отдельные психологические соображения, учет психологического фактора в образовании арго мы можем встретить и у Niceforo, и у Grasserie, и у Timmermans'a, и у Dauzat, и у многих других, которых мы условно относили к тому или иному направлению в изучении арго. Психологические объяснения касаются обычно не столько самого факта существования арго или арготирования в определенной среде, сколько отдельных арготических явлений. Наиболее интересное, на наш взгляд, из всей этой литературы, психологически толкующей явления арго, принадлежит H. Sperber'y [31], у которого получили истолкование отдельные аргоидные образования речи в связи с эмоционально окрашенными комплексами человека.

Основной недостаток этого метода заключается в следующем. Язык рассматривается как продукт индивидуального творчества. Если в работах и говорится о социальном коллективе, то при этом между индивидуальной психологией и коллективной произвольно ставится знак равенства. Между тем мы не только не имеем права подменять коллективную психологию психологией индивидуума, но и собственно коллективную пси-

---

[29] Kluge. Rotwelsch. Strassburg, 1901; Он же. Deutsche Studentensprache. Strassburg, 1895; Он же. Seemannssprache. H., 1911.

[30] Günther. Die Deutsche Gaunersprache. Leipzig, 1919.

[31] H. Sperber. Einführung in die Bedeutungslehre. Berlin u. Leipzig, 1923.

хологию (если этот термин вообще применим в отношении к языку) должны ограничить одной ее частью — той, которая имеет отношение к мышлению.

Объяснения психологического порядка останавливаются на половине пути. Сам по себе психологический факт не есть нечто абсолютное, на чем можно было бы считать объяснение завершенным. Та или иная психология, тот или иной психологический феномен требуют своего дальнейшего объяснения в фактах социально-экономической действительности.

Заканчивая обзор литературы об арго, мы можем повторить слова, которыми Niceforo начал свою работу: «L'argot a ses légendes!».

Бедность теоретической мысли в вопросе об арго не отразилась на бедности выдвигавшихся предположений. В этой области мы имеем столь же многочисленные построения, сколь и непоследовательные. Литература об арго заключает в себе громадные запасы сырого материала для исследователя, но из нее еще пока ничего нельзя почерпнуть в готовом состоянии.

Мы считаем, что всякое исследование арго должно строиться с учетом трех моментов: арго как факта языка, арго как факта мышления и арго как факта социально-экономической обусловленности.

Только при этих методологических предпосылках можно будет рассчитывать построить теорию арго, стоящую на уровне достижений современной советской лингвистики. Предлагаемые ниже материалы к построению этой теории намечают кое в чем разрешение вопроса.

Мы считаем методологически целесообразным ограничить пока что круг наших наблюдений арготическими образованиями в профессиональной речи и притом такими, которые имеют непосредственное отношение к производственным и хозяйственным моментам.

II

При всей условности терминов «арго», «жаргон», «slang», «cant» и других исследователи различных стран, эпох и направлений выделяют ими всегда однородную, определенную группу языковых явлений. Мы безошибочно можем выделить арготические слова и выражения в языке самых разнообразных социальных групп: ремесленников, моряков, нищих, солдат, учащихся. Мы безошибочно отличим их от технических выражений, от терминов и никогда не назовем арго — специальный язык инженеров, ученых, техников, квалифицированных рабочих.

Арготические явления замечательны тем, что даже никогда не задумывавшийся над языковыми процессами человек легко

и безошибочно выделит и отличит их и в своей и в чужой речи.

Но не только сторонний наблюдатель способен замечать в языке эти арготические явления,— сам арготирующий выделяет и подчеркивает их в своей речи, способен контролировать их употребление, воздерживаться от них или, наоборот, активизировать их по желанию.

Школьник, скажем, будет употреблять свои школьные арготические словечки только со сверстником; он не будет применять их в разговоре с родителями или с преподавателями, если только он не держится с последними на одной ноге. Пьяница будет пускать в оборот весь свой жаргон, все эти *дербануть, дербалызнуть, вонзить в себя, двинуть от всех скорбей, амбушюр потерять, ковырнуть стаканчик, медведя хватить, полешко подложить, муху раздавить, собачку пропустить, царапнуть* и т. д.,— только с товарищем по выпивке или, во всяком случае, с возможным товарищем по выпивке. Так же точно семья наборщика могла и не подозревать о существовании таких слов, как: *огурец*[32], *бык*[33], *козел*[34], *муха*[35], *покойник*[36], *извозчик*[37] и т. д., которые в старое время сам наборщик употреблял в разговоре со своими товарищами по работе каждый день.

В противоположность арго — язык технический (техническая и профессиональная терминология) не имеет этой своеобразной социальной замкнутости. Для употребления технической терминологии вовсе не требуется установления того своеобразного, тесного, социального контакта, который требуется при разговоре на арго. В этом основное, разительное и чрезвычайно значительное отличие арго от языков технических, от той технической терминологии, которою обладает любая профессия. Техническая терминология есть во всякой профессии, арготические слова — далеко не во всякой.

Мы не можем рассматривать арго как явление исключительно подсознательное, как явление естественной, привычной и обычной речи, которой арготирующий остается постоянно верен, которой не изменяет ни при каких обстоятельствах.

Только что приведенные примеры, количество которых мы могли бы неограниченно увеличить, показывают, что арготирующий может произвольно переходить от употребления обычной

---

[32] Шило правщика.

[33] Пропуск нескольких слов, строчек и т. д.

[34] То же.

[35] Неразборчивое место в оригинале.

[36] Два раза набранное место.

[37] Корректурное исправление, при котором нужная буква «вытягивается» чертой на поле.

речи к арго и обратно, что арго подчиняется, по-видимому, какому-то определенному языковому заданию, что употребление арготических слов как арготических до известной степени сознательно и может быть рассмотрено как стилистическая организация речи.

Арго есть явление вторичного языкового ряда над обычной речью, явление надстроечного порядка. Каждый арготирующий двуязычен, речь его варьирует в зависимости от обстоятельств: в одних случаях он употребляет арготические слова, в других — обычные. В языке чертежников, например, существует арготическое слово *балеринка*, весьма активное и часто употребляющееся. Особенность его заключается в том, что оно не вытесняет своего эквивалента — *циркуль*, а существует параллельно. В одних случаях (в своей среде) чертежник прибегает к слову *балеринка*, в других (в менее интимной обстановке) — говорит *циркуль*.

Слово арготической речи и слово технического языка глубоко различны, хотя и могут совместно существовать в языке одной и той же социальной группы. В языке одних групп преобладают арготические слова, в языке других — технические.

В задачу нашей работы входит выяснить три момента: 1) в чем отличие арготического слова от обычного (арго как факт языка); 2) почему в некоторых случаях употребляется арготическое слово, а в других обыкновенное, в чем, следовательно, заключается социальная функция арготического слова и 3) какими объективными причинами вызывается явление арготического слова (арго как факт социально-экономической обусловленности); все это — по возможности на материале профессиональной речи.

Обычное обывательское мнение определяет арго как язык грубый, вульгарный, озорной, циничный. Сами арготирующие склонны воспринимать его как язык хлесткий, удалый, лихой, остроумный.

В основе и того и другого представления лежит впечатление от особого характера «звучания» арго, от его окрашенности в те или иные эмоциональные тона. La langue bleu, la langue verte, italien rouge, Rotwelsch — в этих названиях подчеркивается, что арго отличается от обычного языка своим «цветом», особым, присущим ему локальным тоном.

Мы не ошибемся, если в центр определения того, что такое арготическое слово, положим момент специфической однотонной эмоциональной окраски отдельных арготических слов. Основной общий признак, отличающий язык арготирующего от языка инженера или квалифицированного рабочего, заключается в эмоциональной насыщенности первого.

Эмоциональная насыщенность может быть поддержана внешней экспрессивностью, выразительностью слова, тем

образом, который в слове заключен. Первый из исследователей арго, который обратил внимание на метафоричность арго,— Borrow[38] сразу же отметил ее как характерную и основную черту. Следом за Borrow образность арго отмечают почти все исследователи. В литературе об арго создалась традиция классифицировать арготические слова как продукт эстетического творчества.

Давая характеристику арготических слов, исследователи (и в частности Sainèan) прибегают к терминам, заимствованным из поэтики по преимуществу: метафора, метонимия, гипербола и т. д.

Однако следует сказать, что экспрессивность (выразительность) не является еще достаточным признаком арготического слова. Технический язык самых разнообразных профессий полон слов, заключающих какой-либо образ, метафору. *Горбыль* у плотников, *штопор* у летчиков, *pig* у английских литейщиков — все это слова метафорические, может быть и имевшие когда-нибудь эмоциональную зарядку, но давно уже ее утратившие и ставшие чисто техническими, номенклатурными терминами[39].

Таким образом, внешняя экспрессия, выразительность может служить только косвенным признаком арготического слова. Экспрессия содействует проявлению эмоциональной стороны слова, но она в ней еще не обязательна.

С другой стороны, мы могли бы также легко показать, что только эмоциональная действенность слова также не может еще служить достаточным признаком его принадлежности к явлениям арготического порядка. Эмоциональной может быть речь взволнованного человека, речь поэтическая, можно говорить о большей эмоциональности женской речи[40] в отличие от мужской, об эмоциональности логического ударения, об эмоциональности прямой речи и т. д. Если под эмоциональной насыщенностью слова мы будем подразумевать некоторое закрепление за словом нашего эмоционального отношения к явлению, которое оно выражает, то таких случаев мы найдем очень много и в нашей обычной, совсем не арготической речи.

Однако нетрудно заметить, что эмоциональная зарядка арготической речи чрезвычайно своеобразна, характерна и отлична от всякой иной, не арготической. Возьмем ли мы такие

---

[38] Borrow. The zincali or an account of the gypsies of Spain, v. II. London, 1843, стр. 132 и сл.

[39] Ср. также термины: *зубец, колено, шейка, глазок, язык, сердечник, хобот, хвост, лоб, щечки, хребет, плечико, палец, когти, ушко, ножка, ручка, шапка, рукав, муфта, кошка, бык* и т. д.

[40] Женская речь, особенно в сельских местностях, отличается обилием эмоциональных междометий и восклицаний: *ах! ужасти!* и т. д.

слова воровского арго, как: *псира, лярва, задрыга*[41], *волосатики*[42], *аршин*[43], *когти рвать*[44], *на скрипке играть*[45], *плясать чечетку*[46], *вертеть головой*[47], *банки ставить*[48], *бусать*[49], или слова арго шулеров: *боковой ветер*[50], *сквозняк*[51], *клиент*[52], *пассажир*[53], *динама*[54], *замазка*[55], *шанс*[56], *ерш*[57], *баламут*[58], *букет*[59], *угадать*[60], *бояровать*[61], *фаловать*[62], *заложить*[63] — всюду мы имеем в основе качественно приблизительно одинаковую эмоцию, качественно одинаковое эмоциональное отношение к явлению, легко при этом улавливаемое всяким, имевшим соприкосновение с арготической речью[64]. Каждый раз эмоция арготического слова знаменует вполне определенное отношение арготирующего к внешнему миру.

Итак, в основание отличия арготического слова от всякого иного мы считаем наиболее удобным положить эмоциональный характер его, но при этом специфический, присущий только арго и легко отличимый от всякого иного.

В нашу задачу не входит полное раскрытие содержания этой эмоциональной стороны арготического слова. Вопрос этот слишком сложен, чтобы его можно было достаточно подробно осветить в узких пределах нашей работы. В данном случае мы хотим лишь установить ту связь, которая существует между арготическим словом и эмоцией смешного.

Еще старые английские названия арго jesting speech (или jesting language) и merry greek подчеркивают юмористический,

---

[41] Воровские бранные слова; *задрыга*, впрочем, может быть и ласкательным (ср. *задрыга жизни*).

[42] Чужие, «не свои».

[43] Купец.

[44] Убегать (главным образом при погоне).

[45] Подпиливать тюремную решетку.

[46] Доносить, играть на руку агентам уголовного розыска.

[47] Играть в кости, раскроить голову.

[48] Бить, наносить тяжелые, увесистые удары.

[49] Ср. англ. арготич. *booze* 'пить'; *bowse, booze* или *suchk-casa* (ср. русск. воровск. *хаза*) 'питейный дом'; *boozing-ken* 'пивная лавка'.

[50] Боковая передержка.

[51] Обыгрывание жертвы одновременно несколькими шулерами.

[52, 53] Жертва шулеров.

[54] Проигрыш без уплаты.

[55] Тяжелый проигрыш.

[56] Шулерский прием вообще.

[57, 58] Некоторый специальный шулерский прием.

[59] Карты, сданные шулерскими приемами.

[60] Выиграть с помощью шулерского приема.

[61, 62] Уговаривать, «заводить» жертву на игру в карты.

[63] Приготовить шулерскую колоду, подготовить шулерский прием, обмануть и др.

[64] Ср. также дореволюционное офицерское арго: *фендрик, штафирка, шпак, надир, пробор, цукать, скакать* (играть на скачках), *обалдеть можно! Алфераки с пуговкой! Н-да, кандеряпистая! Адски! Смотрит как бзым! И вас по тому же месту!* (см.: Ю. Беляев. Барышни Шнейдер. СПб., [б. г.]).

шутливый его характер[65]. Шутливый характер языка офеней и некоторых других арго нач. XIX в. также отмечался исследователями. Это же свойство арго отмечает и G. Krapp и H. Bradley в «Британской энциклопедии» (v. 20, статья «Slang», XIV ed., 1930): «An element of humour is almost always present in slang, usually as humourous exaggeration. Thus to call a hat a lid is amusing because it puts a hat and a pot-lid in the same class. So when an alluring woman is called a vamp, from vampire. Slang is rarely or never bitter in its implied judgments. It places things in their proper places with a smile»[66] («Элемент юмора почти всегда содержится в сленге, обычно в виде юмористического преувеличения. Так, назвать шляпу крышкой смешно, потому что это ставит шляпу и крышку горшка в один ряд. То же происходит, когда привлекательную женщину называют a vamp от vampire. Сленг в редких случаях или даже никогда не бывает жестоким в своих намекающих суждениях. Он с улыбкой ставит вещи на их собственные места»).

Надо, впрочем, отметить, что элемент смешного, который заключен в арготическом слове, пропадает вне живого употребления и редко доходит до исследователей, если только они не черпают своих материалов из непосредственного наблюдения речи арготирующих. Вот почему исследователи трудно доступных для наблюдения арго за редкими исключениями обходили этот существенный момент молчанием.

Тем более интересно, что именно эту сторону арготического слова отметили все исследователи в арго военных (во Франции — poilu) в период войны 1914—1918 гг.[67] Война приблизила арго к исследователям, доставила им больше случаев непосредственно познакомиться с военным арго и, наконец,— что, может

---

[65] В этом, между прочим, еще одно доказательство того, что арго всегда было глубоко отлично от языков «тайных» и от технической терминологии. Вряд ли возможно употребление терминов jesting speech и merry greek в отношении таких «серьезных» явлений, как тайный язык или техническая терминология.

[66] Тот же юмористический, шутливый характер арго отмечается в статье об английском «rhiming slang» («The Bookman», 1934, October, стр. 33): «The Cockney takes a humourous views of life, and hides his tolerance under a veil of criticism. It is as if he were pointing out that he hates bluff or swank of any kind». Ar. Silvestre в предисловии к книге Альбера-Леви и Пине (Albert-Lévy et G. Pinet. L'argot de l'*X*, illustré par *X*. Paris, 1894; ср. последующее изд. 1905 г.) называет арго Политехнической школы «joyeux langage» (стр. XIII).

[67] L. Sainéan. L'argot des tranchées. Paris, 1915; Fr. Déchelette. L'argot de poilus. Dictionnaire humoristique et philologique du langage des soldats de la grande guerre de 1914. Paris, 1918; A. Dauzat. L'argot de la guerre, d'après une enquête auprès des officieres et des soldats. Paris, 1918; Esnaut. Le poilu tel qu'il se parle. Paris, 1919.— Любопытные примеры военного языка немцев приведены в кн.: H. Sperber. Einführung in die Bedeutungslehre, 1923, стр. 45—47.

быть, самое важное — доставила возможность наблюдать арготические слова в процессе их зарождения.

Эмоция арготического слова не есть смешное в своем чистом и непосредственном состоянии. Остроумие арготического слова в значительной мере стерто и разменено в процессе длительного употребления. Это не шутка, а некоторый намек на шутку, не смешное, а знак смешного. Мы увидим в дальнейшем, что шутливый характер арготических слов зависит по преимуществу от внешних обстоятельств, вызвавших это слово к жизни. Эмоция арготического слова точнее всего может быть определена как смешное в потенции; однако при этом мы имеем в виду только одну сторону этой эмоции — именно ту, которая нам будет нужна в дальнейшем при выяснении функции арготического слова.

Разберем прежде всего те арготические слова, в которых элемент смешного имеется в наиболее незамаскированной форме.

Для истории русского арго незаменимый материал представляют две книги XVIII в., связанные с именем Ваньки Каина: «История славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина» (изд. 3. М., 1792) и «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных похождений, сочиненное М. [атвеем] К. [омаровым] в Москве 1775 г.» (СПб., 1779).

Многие экспрессивные слова современного воровского арго представлены в этих книгах в виде развернутых острот. Вор — *купец пропалых вещей* (в XIX—XX вв. *купить* — украсть, *купец* — карманный вор). На допросе Ванька Каин говорит: «...баня здесь дешева, стойка по грошу, лежанка по копейке» (в XX в. — допрос — *баня,* следователь — *корыто,* карцер или дежурная комната в полицейском участке — *парилка*). Когда шел грабить помещика Шубина, Ванька Каин предуведомлял его так: «...неужели у тебя летней одежды нет, а всегда ходишь в шубе? Почему и будут к вам портные для шитья летних кафтанов» (сейчас есть выражение *сшить одежку* — ограбить дочиста). Воровство — *черная работа* (сейчас ограбление со взломом — *подработка*). Тайная канцелярия — *стукалов монастырь* (сейчас *стучать* — доносить).

Почти весь жаргон Ваньки Каина состоит именно из таких острот: виселица — *качалка*; тюрьма — *каменный мешок* («в тот мешок спрятал, чтобы никто не нашел»); застенок — *немшонная баня* («где люди весят сколько кто потянет»); кандалы — *монастырские четки*; мошенничество — *тихая милостыня;* делать фальшивую серебряную монету — *тянуть заповедное серебро*; вино — *товар с безумного ряду* (у Дорошевича в «Сахалине»

водка — *сумасшедшая вода);* пьяный — *сырой* (сейчас *намокнуть* — напиться) [68].

Большинство арготических слов исчезающего сейчас особого жаргона наборщиков также, очевидно, берет свое начало от шутки. Например: *правка огурцом*, по-видимому, имеет в виду такое состояние опьянения, когда правщик вместо шила правит соленым огурцом, служащим ему закуской. Словечко *муха*, очевидно, имеет в виду шутливое объяснение происхождения неразборчивого места — оригинал засидели мухи. В словах *извозчик*, *вожжи* заключается уподобление неразборчивой корректуры детской игре в извозчика (играется на бумаге).

Так же точно, как приведенные выше остроты Ваньки Каина, отражающие существовавшую в его среде манеру острить, шутить, постепенно сокращаясь и концентрируясь в одном слове, дали слова речи воров, у наборщиков известные стереотипные шутки, повторяющиеся изо дня в день, дали в конце концов арго наборщиков [69].

Секрет нестирающегося остроумия всех этих слов заключается в том, что смешное в них постоянно поддерживается обусловившими их возникновение причинами. Стоит только эмоционально-экспрессивному, арготическому слову попасть в чужую среду, для которой не действителен весь «entourage» слова, чтобы остроумность его пропала. Арготическое слово заключает в себе этот намек, знак, потенцию смешного до тех пор, пока смешное вызывается обусловившей его причиной.

Почти каждое исследование или словарь арго заключают в себе примеры слов, в которых смешное выступает в слабо замаскированной форме, остроумность которых заключена в метафоре, метонимии, гиперболе и т. д. Однако надо учесть и те случаи, когда смешное скрыто глубже и сохраняется лишь в живом употреблении. Например, любое достаточно развитое арго заключает в себе слова иностранного происхождения. Связь арго с иностранными языками отразилась в названиях различных

---

[68] В доказательство того, что в данных примерах мы имеем не индивидуальную особенность речи Ваньки Каина, а явление общее для стилистической направленности арготической речи XVIII в., привожу пример из другой книги: «Похождения Ивана гостиного сына» (ч. 2, СПб., 1785): нищий «вздумал с товарищи другое *набожное рукомесло*, но начал уже *сбирать с прохожих подать* и ходить по дворам в покои и в чердаки за *милостынею*. Но сие *мастерство* не долго им исполнять удалось, потому что есть *чернецы* и на Симонове, так и в Москве не все простаки. Как-то ненароком попали в такую западню, из которой трудненько было и вылезть; отведены были в сыскной приказ к суду, где *мазали* их по спинам долгою об одном конце плетью, а после *парили* сухими вениками и трусили зажжонные на теле листья, и хотя *баня* была и не топлена, но вельми жарка показалась» («О лукавом нищем», II, стр. 91—94. Курсив мой.— *Д. Л.*).

[69] Об экономящей тенденции в остроумии вообще см.: З. Фрейд. Остроумие и его отношение к бессознательному. Перевод с немецкого, стр. 160.

арго, например: «St. Gile's Greek», «Pedlar's French», «Rotwelsch», «Germania» (испанское арго), «Lingua Franca» (итальянское арго) и др.

Отдельные примеры слов иностранного происхождения показывают, что эмоционально-экспрессивная сторона их в арго не слабее, чем у слов метафорических. Существенную роль в этой эмоциональности иностранных слов в арго играет вышучивание национальных особенностей чуждого языка. Это вышучивание должно быть поставлено в связь с такими явлениями, как искажение слов в подражание иностранцам, плохо знающим язык, шутливое подражание акценту чуждого языка (например, цыганского, еврейского), шутливое введение в речь старинных и провинциальных слов и т. д., которые широко употребляются в русском воровском арго.

Языки еврейский и цыганский, к которым в некоторых слоях населения существовало особое предубеждение, оказались в арго наиболее действенными, дав в русском, немецком и английском языках наибольшее количество арготических производных. Легко понять, почему шутливые заимствования именно из этих языков оказались так плодотворны.

Надо вообще сказать, что слова чуждого, незнакомого языка имеют склонность получать эмоционально-экспрессивную зарядку. У школьников были, например, в большом ходу в качестве аргоидных образований слова латинского и греческого языков. Старая бурса создавала «микофарские» и «сирамские» языки в подражание иностранным. Аналогичное явление мы имеем и в применявшейся у офеней «отверницкой говорке», которая также, очевидно, была создана с расчетом на впечатление «иностранной» речи и которую, кстати сказать, некоторые исследователи считали несомненным доказательством «условного» характера арго[70].

Вот несколько примеров слов, образованных по такому «искусственному» принципу в офенской речи.

I. Приставка слога в начале слова: а) слога *ку*: *кулето* — лето, *куможно* — можно, *куштаны* — штаны; б) слога *шу*: *шулуна* — луна, *шунебо* — небо.

II. Замена первого слога слогом *ши*: *шивар* — товар, *широбка* — коробка.

III. Вставки отдельных звуков между слогами: *знахтить* — знать, *плаксырить* — плакать.

IV. Изменение окончаний: *сластим* — сласть, сахар, *ситим* — ситец.

---

[70] В том числе В. М. Жирмунский (см. его книгу «Национальный язык и социальные диалекты». Л., 1936).

V. Перестановка слогов и звуков: *масола* — солома, *скандалит* — стакан налит, *лопица* — полиция[71].

Способов образования слов в этом роде огромное количество. Наиболее употребительные из них имеют названия, например: «разговор по шицы», по которому фраза «пора домой» будет *ширапоцы шимойдоцы;* или разговор по херам (от названия буквы), где та же фраза будет: *ширахерпоцы шимойхердоцы.*

То, что во всех этих случаях мы имеем дело с шутливой, озорной, эмоционально-экспрессивной речью, доказывается экспрессивностью некоторых сохранившихся до нашего времени слов этого рода. Например, в среде любителей выпивки до сих пор есть арготическое словечко *лампопо*[72] — пополам, образованное с помощью перестановки слогов, или словечки уличного жаргона *ширман* — карман (отсюда *ширмач* — карманный вор) с той же самой приставкой *ши*, которой образовались и офенские слова, *шлякомый, шлякомиться* — знакомый, знакомиться и др.[73]

В английском slang мы имеем аналогичные явления. Например, «gibberish» — жаргон, образующийся приставкой согласной буквы к каждому слову. На этом языке выражение «How do you do!» будет звучать: «Howl dol youl dol!».

Во французском распространено было прибавление двух слогов, из которых в первом обязательно было *r*, а во втором *g*. Фраза «vous êtes un fou» должна была звучать на этом языке: «Vousdregue esdregue undregue foudregue».

Часто окончание заимствовалось из популярных песен, создавались окончания, модные в определенные годы. В 1830 г. в Париже было модным добавлять к словам слог *mare;* например, café — *cafémare*[74].

В 1823 г., когда диорама[75] произвела на всех впечатление, употребляли окончание *rama* («parler en *rama*»). Этот способ

---

[71] Любопытное известие о том, что «кубрайский язык», в значительной мере основанный именно на этом принципе шутливого искажения речи, «до сих пор» (т. е. до 1927 г.) в употреблении у дорогобужских жителей, имеется в статье Клетновой «Символика украс Смоленского края» («Труды смоленских городских музеев», вып. I. Смоленск, 1927).

[72] См.: Н. С. Лесков. Полное собрание сочинений, т. 2. СПб., 1902, стр. 78 и сл.

[73] У Брейтмана («Преступный мир», 1901) встречается выражение *мациент — пациент.*

[74] О разговоре на mare см.: A. Privat d'Anglemont. Paris anecdote. Paris, 1854.

[75] Род панорамы с боковиками и полупрозрачным задником, освещаемым изнутри или снаружи, в зависимости от чего подробности рисунка меняются. Вл. Строев («Париж в 1838 и 1839 годах», 1841) пишет: «Панорамы, косморамы, диорамы, неорамы и пр. ежедневно приманивают посетителей и утром, и вечером...» (стр. 203). «В панорамском пассаже бывает та-

образования слов встречаем у Бальзака в «Père Goriot». Затем следует упомянуть о звукоподражательных словах, широко описанных в различных работах об арго.

К этому же разряду шуточной, озорной речи относится и так называемый рифмический жаргон лондонских разносчиков. Эти разносчики, привыкнув в стихах и прибаутках рекламировать свои товары, в конце концов стали заменять некоторые слова обычной речи рифмующими с ними словами, например: — lodger — artful dodger, looking glass—snake in the grass, shilling — Abraham'villing, sorrowful tale — three months in jail, yes — Brown Bess [76].

Очень часто и в нашем арго эмоционально-экспрессивные слова рифмуют с обычными и употребляются одновременно в своеобразных скрещениях, например: *старец-шварец, траля-валя, шкары-нары* и др. Это явление находит себе параллель в эмоциональном языке детей. Ср., например:

Мимо нашей то деревни
Передралися слепые
Костылями-мостылями
Перевертышами.

Тани, бани,
Что под нами
Под железными столбами.

Ты куколка,
Я муколка,
Что в гости не шла?
Туры, буры, рататуры
Деревенски бабы дуры.

Чики, брики
Черевики...

Федя-медя съел медведя,
Кошка драна, мышь погана.

Солнышко-ёлнышко...

Таким образом, мы должны сказать, что эмоция арготического слова заключается в шутке, в озорстве, с которыми это слово произносится.

кая толпа, что невозможно пошевелиться. Это место служит пунктом соединения мелких воров, которые крадут из карманов платки, кошельки, часы и пр.» (стр. 195).

[76] Примеры взяты из кн.: «A dictionary of modern slang, cant and vulgar words». London, 1860.

Эмоция арготической речи — это ослабленное смешное, и она может присутствовать либо в сокращенной, стереотипной остроте, либо в слове иностранного происхождения, либо в слове искусственного происхождения с перестановкой или добавлением слогов, в рифмической речи и т. д.

Если есть остроумное, удачное выражение — арготирующая среда берет его, приспосабливая для своих нужд, нет его — арго заимствует слова из другого языка, не хватает и их — арготирующая среда создает их сама, ломая и коверкая слова обычной речи.

Мы можем установить приблизительно верное правило: если эмоционально-экспрессивных слов в арго немного — они почти всегда являются сокращенной остротой, шуткой; если слов больше — появляются заимствования из чужой речи; слов еще больше — появляются слова, получившиеся в результате ломки обычной речи.

Арготическим может быть любое слово, лишь бы оно было новым по сравнению с обычным. В этом находит себе объяснение легкость и быстрота появления в арго новых слов.

III

Прежде чем перейти к следующей части нашей работы, мы должны отметить, что отдельные индивидуальные эмоции человека могут отражаться в языке лишь в сугубо ограниченной и трансформированной форме. Когда мы говорим о том, что арготическая речь эмоционально насыщена, мы прибегаем к совершенно условному определению, которым пользуемся за неимением лучшего. Вот почему мы не брались и не беремся выразить адекватными психологическими терминами эту сторону арготической речи.

Индивидуальные эмоции человека могут быть переданы с большей или меньшей степенью полноты только в стилистически организованной речи (индивидуальной, художественной), в отдельных же словах (а эмоциональность арготической речи зависит от эмоциональной насыщенности именно отдельных слов) могут получать отражение лишь наиболее социальные эмоции человека. Такой, одной из наиболее социальных эмоций человека, к выражению которой одной своей стороной приближается арготическое слово, и есть эмоция смешного.

Смех невозможен в одиночку[77], он всегда требует аудитории, некоторого сочувствия и соучастия, если не реального, то во всяком случае воображаемого.

---

[77] Смеющиеся в одиночестве люди обращают на себя внимание как «чудаки».

В социальном характере смеха[78] находит себе объяснение и своеобразие социального характера арготического слова.

Арготическое слово тесно связано с породившей его социальной средой. Обусловленность его явлениями внешнего характера такова, что оно не может быть понято, во всяком случае в своей эмоциональной части, людьми чуждой социальной группы. Арготическое слово всегда стремится распространяться, оно всегда активно, его часто употребляют в разговоре, оно заразительно, но несмотря на всю свою склонность к распространению, к экспансии, оно не может распространяться до бесконечности. Оно может жить внутри круга какой угодно величины, но круг этот тем не менее остается замкнутым. Арготическое слово живет известным резонансом, и чем теснее круг его распространения, чем замкнутее среда-носитель, тем отчетливее этот резонанс, тем это слово легче возникает, скорее распространяется, тем оно ярче, эмоционально-экспрессивнее. Арготическое слово всегда скрывает заднюю мысль о каком-то соглашении, о какой-то общности интересов между участниками разговора, мы бы даже сказали — о «заговоре»[79].

Мы говорим о некотором соглашении, в которое вступают говорящие на арго, но всякое соглашение заключается о чем-нибудь. Мы говорим о заговоре, но заговоры всегда происходят против кого-нибудь. О чем же заключается соглашение в арготическом слове и против кого оно направлено?

Арготическое слово заключает в себе элемент «соглашения» о коллективном отпоре неприятным воздействиям внешней среды. Арготическое слово есть своего рода общественный жест, символизирующий «мужественное», пренебрежительное, насмешливое, «критическое» отношение к действительности.

Преподаватель, в особенности если он неровен в обращении с учениками, если поступки его рассматриваются ими как проявления произвола и если при этом сами ученики ощущают свой коллектив как обособленный, отъединенный, замкнутый (что бывало, например, в старых закрытых учебных заведениях),— получает кличку, прозвище[80]. Эта кличка всегда фамильярна, всегда равняет преподавателя с учениками. В этой кличке ученики как бы подчеркивают, что они не боятся преподавателя, что они ставят его вровень с собой или даже ниже

---

[78] Социальная природа смеха отчасти прослежена в кн.: H. Bergson. Le rire, essai sur la signification du comique. Paris, 1900.

[79] В предисловии к кн.: Albert-Lévy, G. Pinet. L'argot de l'*X*, illustré par *X* (Paris, 1894) A. Silvestre отмечает следующую особенность в характере пользования арго Политехнической школы: «L'argot de l'*X*, comme l'ont appelé les auteurs de cet aimable Dictionnaire, est aussi, entre nous qui avons quitté depuis longtemps l'École, un signe de raillement, unio façon de langage maçonnique» (стр. VII).

[80] Аналогичное явление мы имеем и в некоторых старых армиях. Кромвель, например, имел прозвище Old Noll, Веллингтон — Conkey, Nosey.

себя. При этом совершенно неважно, приятен ли ученикам этот преподаватель в целом или неприятен, ожидают ли они от него выгоды себе или неприятностей: ласкательные прозвища и прозвища злые гораздо меньше различаются между собой, чем это принято думать.

Вот такой же кличкой представляется нам и арготическое слово, и так же точно как кличка не мешает обладателю ее иметь настоящую фамилию, имя и отчество; арготическое слово свободно сосуществует рядом с обычным словом, обозначающим то же явление.

Точно так же, как кличка, арготическое слово воспринимается как нечто ненастоящее, незаконное, шуточное, маскарадное. Любой носитель арго с легкостью переходит от употребления арготических слов к обычным и обратно, совершенно автоматически, совершенно не задумываясь. В обстановке, где все «свои», арготирующий будет больше прибегать к арготическим словам, там же, где «своих» нет, будет их избегать. Это происходит в воровском арго, в арго бытовых, в арго профессиональных. Арготическое слово употребляется только там, где нужно как-то отстраниться от действительности, выразить свое пренебрежительное, иной раз «ухарское» к ней отношение и где выражение этого пренебрежения найдет сочувствие у слушателей.

Арго есть словесный маскарад, арготическое слово — маска, притом маска, долженствующая выражать известное превосходство над внешней средой, известное преодоление ее.

Что хотел выразить школьник, называя преподавателя Петра Павловича *Пепе,* а преподавательницу Наталью Михайловну — *Натмих*? Прежде всего то, что они не страшны для него, что «случай», воплощенный в лице этих двух преподавателей, не владеет им, не может его вывести из состояния душевного равновесия. То же самое хотел выразить и наборщик, называя пропуск *быком,* а два раза набранное место — *покойником* [81].

Совершенно ясно, что чем больше опасностей представляет профессия для жизни, тем сильнее в ней развиваются арготические слова, выражающие понятие смерти, понятие «умирать». Наибольшее количество арготических слов в отношении смерти будут давать профессии военных (конечно, по преимуществу в условиях войны), летчиков, пожарных, профессии, связанные со

[81] Ср. высказывания А. В. Луначарского («О смехе».— «Литературный критик», 1935, № 4): «Смеющийся осознает свое превосходство по отношению к тому, кого подвергает насмешке, он старается вскрыть черты слабости, имеющиеся у противника» (стр. 7). «Сарказм заключается в том, чтобы унизить противника путем превращения того, что он считает серьезным в ничтожное, того, что он считает за благо и положительное, в отрицательное» (стр. 8).

специфическими вредностями и т. д. Вот несколько таких арготических слов эпохи империалистической и гражданской войн: умереть — *загнуться, забуреть, вспухнуть, дать дуба, сыграть в ящик, поплыть с ледком, отправиться на луну газеты читать* и др.; смерть — *Загиб Иваныч, Загиб Петров, Иван Петров* или *Петр Иваныч, курносая* и др. У французских моряков: умереть — *avaler sa gaffe* 'проглотить крюк', *être sur le planché du coq* 'очутиться на доске кока', *boire dans la grande tasse* 'пить из большой чашки' и др. У Даля в книге «О наречиях русского языка» (СПб., 1852) есть следующее место: «Кстати, уверяют, будто есть также бурлацкий язык и будто в разных городах Поволжья составляют словарь этого языка. Напрасно: такого словаря не будет, потому что языка этого нет; разве угодно будет назвать так судоходные выражения по Волге или шуточные выражения гульливой молодежи: хлебалка — ложка, ядало — рот, нюхало — нос, грабилки — руки и пр.». Вопреки Далю, мы находим в этих выражениях зачатки определенного арго, причем такие слова, как *хлебалка, едало,* говорят о систематических недоеданиях.

Ту же «голодную» психику мы видим и в слове австрийских солдат, относящемся ко времени империалистической войны,— *Guljaschkanone* 'походная кухня'[82]. Аналогично этому все профессии, связанные с бродячим образом жизни (офени, бродячие ремесленники), имели много эмоционально-экспрессивных обозначений для понятий ночи, ночевки; торговцы — для обозначения покупателей; поморы — для обозначения погоды и т. д.

Типичный пример образования арготизма в военной среде приводится в цитируемой Niceforo книге «Conseils d'un vieil adjudant à un jeune soldat» (Paris, 1909): «Il me souvient qu'aux manœuvres derniéres, pendant une journée de marche, sous un soleil de plomb, dans un nuage continu de poussière, ma section était harassée. A chaque halte c'étaient des chutes dans les fossés plutôt que des repos tranquilles. Me rendant compte de cet état de choses j'eus l'idée, au coup de sifflet du capitaine de remplacer le commandement par la phrase suivante: «Ceux qui n'ont pas de commissionnaires sont priés de prendre leurs valises». Et aussitot chacun de mes hommes de répéter: «En avant les valises». Le mot avait fait fortune: il n'a été qu'un écho pendant tout le reste de la manœuvre...» («Мне помнится, что на последних маневрах, во время целого дня марша, под палящим солнцем, в сплошном облаке пыли, мой взвод был изнурен. На каждом привале люди просто падали в канавы, а не отдыхали спокойно. В такой обстановке у меня и возникла мысль

[82] Ср. нем. воен. *Schrapnellkugeln* 'крупа' (ср. русск. воен. *шрапнель* перловая каша'), *Schrapnel* и *Handgranate* 'картофель' (см.: H. Sperber. Указ. соч.); ср. также франц. воен. *chrapnelles* 'фасоль' (Esnaut. Le Poilu tel qu'il se parle. Paris, 1919).

заменить команду при свистке капитана следующей фразой: «У кого нет носильщика, берите, пожалуйста, свои чемоданы». И тотчас каждый из моих людей стал повторять: «Берите чемоданы». Слову повезло: оно только и звучало как эхо до самого конца маневров...»). Выражение prendre ses valises 'взять свои чемоданы' вм. обычного se mettre en marche 'двинуться в путь' получило такое широкое употребление в этой среде именно потому, что оно выразило потребность коллектива (в данном случае воинской части) шутливо и легко отнестись к тягостям походной жизни.

Как бы удачно ни было выражение, оно никогда не могло бы оказаться введенным в оборот, если бы за ним не стояли серьезные основания внешнего характера.

В условиях капиталистического хозяйства, где для части рабочих безработица обычное состояние, а работа случайность, образуется арготическое слово, обозначающее поступление на работу или уход с работы [83]. Безработные Германии обладают арготическим выражением *stempeln gehen* 'ходить отмечаться на биржу труда', шутливо подчеркивающее бессмысленность этого хождения и безнадежность получить там работу [84].

Итак, арго есть явление своеобразного мироощущения. Произнося арготическое слово, человек символизирует свою нечувствительность к враждебным и неприятным воздействиям. Арготическое слово мешает серьезно отнестись к явлению, оно экономит силы, сберегает энергию. Арготическое слово показывает, что произносящий запросто знаком с неприятностью, что он не боится ее, что самую неожиданность он рассматривает как нечто весьма ожиданное и обычное. В арготическом слове есть оттенок фамильярности, вольности обращения, «амикошонства». Цель арго — высмеять враждебную стихию.

Вот почему всякое арготическое слово для представителя чужой социальной среды кажется циничным, вульгарным, свидетельствующим о какой-то черствости, неподатливости, косности психики, безжалостности, неуступчивости, а для самого арготирующего, наряду с остроумием, хлесткостью, имеет еще оттенок приподнятости и даже героичности.

Казалось бы, что такая постановка вопроса ведет к признанию полезности и целесообразности существования арго? На самом деле мы держимся резко противоположного взгляда. Может быть, арго когда-либо и выполняло полезную функцию, но в настоящее время это явление отрицательное. Арготическое слово возникает только там, где арготирующий не осознает, не

[83] Вот несколько примеров слов, связанных с безработицей, почерпнутых нами в словарях slang: *out of collar* 'быть без работы', *to get the sack* 'оказаться рассчитанным', *to knock off* 'покинуть работу'.

[84] Остроумие, несомненно, мрачное и суровое, но мы ведь и не приравниваем эмоцию арготического слова к эмоции веселого.

знает причины беспокоящего его явления, где им усматривается случай, где он не может ни предугадать совершающееся явление, ни растолковать его. Арготическое слово показывает, что перед данным явлением арготирующий пришел в тупик. Арготическое слово, его эмоционально-экспрессивная данность есть признак слабости, есть следствие отказа мышления признавать разумность, «причинность» происходящего.

Следовательно, в тех профессиях, где арготическое слово есть результат известного их несовершенства, арготическое слово выражает неразумность, непонятность отдельных сторон производственного процесса. Арготическое слово есть не только защитная, но, я бы сказал, «убегательная» реакция. В арготическом слове мы имеем как бы переключение рубильника, выключающего мышление и дающего выход эмоциям.

Представление об удаче, о судьбе, о счастье — вот что стоит за каждым арготическим словом: удастся или не удастся, повезет или не повезет, выпадет счастье или не выпадет счастье.

Возьмем, например, язык пьяниц. В насмешливо-экспрессивных названиях пивных[85], в названиях напитков, самого процесса опьянения и различных его степеней алкоголик как бы утверждает, что одолевающая его страсть не владеет им, что он далек от нее и способен еще сам над ней посмеяться. Но эта уверенность — самообман, и арго в данном случае способствует закреплению его склонности.

Возьмем другой пример: язык наборщиков не так давно, в XIX в., имел довольно много арготических слов, ныне почти исчезнувших. Арготические выражения наборщиков были тесно связаны с браком выпускаемой ими продукции. Все эти *правки огурцом, читки шапкой*, все эти *быки, козлы, покойники, извозчики* способствовали бездеятельному отношению наборщиков к этим резко отрицательным явлениям, притупляли впечатление от них, устанавливали к ним добродушно-насмешливое отношение.

Возьмем третий пример — арго лесорубов, лесосплавщиков, где арго тесно связано с чисто физическими травмами. Скажем, у сплавщиков для зачистки гонок употреблялся вертикальный ворот без закрепления штырей в подпятниках. От этого ворот представлял существенную опасность для сплавщика — будучи отпущен, он действовал как разворачивающаяся пружина и ударом мог ушибить стоящего около работника. Соответственно той опасности, которую он представлял, он получил арготическое прозвище *пьяная баба*. Это арготическое слово заключало в себе элемент бравады, освобождая сплавщиков от психической травмы.

---

[85] Почти каждая пивная на арго «шефствующих» над ней постоянных посетителей имела прозвище: *Деревяшка, Гробики, Ямка* и т. д.

IV

Наиболее трудная и ответственная часть исследования арго — это выяснение социально-экономических причин, вызвавших появление арготических явлений в языке.

Мы бы остались в узких пределах психологизма[86], если бы считали нашу задачу законченной на установлении связи арготического слова с некоторым сопротивлением внешнему травмированию. При этом мы не только не довели бы нашего исследования до конца, но дали бы явно неправильное представление об арго.

Слова арготической речи — это слова курсивные, выделенные в обычной речи, как-то привлекшие к себе внимание, но не следует думать, что это выделение курсивных слов происходит по естественным законам индивидуальной психики.

Представление о так называемой коллективной психологии как о некоторой слагаемой, равнодействующей индивидуальных психологий, совершенно произвольно. Можно привести множество фактов, когда явление, несомненно значительное для индивидуума и даже больше того — травмирующее его психику, не вызывает появление арготического слова.

Арготическое слово возникает лишь там, где затронуты интересы среды, где нарушаются интересы всего коллектива в целом, причем эти нарушения происходят с известным постоянством и в известных условиях. Однако и в такой постановке вопроса мы должны считаться с реальной опасностью произвольно приписать социальному коллективу биологические функции организма — опасностью, которой не избег в своей работе об арго Niceforo.

То, что конечную обусловленность арготических явлений необходимо видеть в социально-экономической действительности, доказывается глубочайшим совпадением арго в самых разнообразных странах. Скажем, на связь арго с денежным хозяйством наталкивает нас то обстоятельство, что во всех странах вокруг денежных единиц создаются сотни арготических обозначений[87]. Одни и те же профессии в самых разнообразных странах дают преобладание арготических слов в их профессиональных язы-

---

[86] Под «психологизмом» в лингвистике мы понимаем не привлечение материала психологии (привлечение к лингвистике материалов других наук всегда желательно), а тенденцию свести все лингвистические явления к явлениям психологическим, тенденцию искать конечное объяснение лингвистических фактов в психологии, признание психологии самодовлеющим началом, находящим в себе же свое обоснование.

[87] Hotten, автор английского словаря slang (1859 г.), пишет во вступительной статье: «Her Majesty's coin, collectively or in the piece, is insulted by no less then one hundred and thirty distinct slang words». P. де ла Грассери («Étude scientif. sur l'argot...». Paris, 1907) перечисляет 60 слов арго для понятия денег (стр. 136—137).

ках, одни и те же явления деятельности этих профессий оказываются подвергшимися наибольшей арготизации и т. д.

В данной работе мы не собираемся выявить все факты социальной обусловленности арготических слов и дать единое и завершающее обобщение. Задача эта может быть разрешена только в процессе длительной работы. Мы предполагаем установить только одну сторону языковой деятельности социальной среды, ведущую к образованию арготических слов, и притом только в профессиональной, производственной речи, ограничиться которой на первых порах мы считаем методически целесообразным: арготические слова сопутствуют явлениям более или менее постоянного нарушения динамического стереотипа профессиональной деятельности при условии существования достаточно тесной социальной среды.

Обобщение это требует некоторой расшифровки. Прежде всего мы различаем фактор (двигатель) образования арготического слова и условие образования. Условием образования арготического слова является среда, т. е. нечто такое, что требуется для образования вообще любого слова, не только арготического. Фактором же образования арготического слова в данном случае является момент производственный: нарушение динамического производственного стереотипа, производственного ритма, хотя бы на конвейере: нарушение, вызывающее *загон* (словечко экономистов) части продукции в запас, или более систематические, «узаконенные» случаи: например, неравномерные расценки на работу, создающие возможность *жирного* (т. е. выгодного) наряда, затем случаи *запарывания* продукции (брака) и т. п.

В торговле, например, ритм будет нарушаться при неравномерном спросе, при возможности запрашивать цену с покупателя; в работе моряков эти нарушения будут связаны с характером погоды, состоянием моря, техническими возможностями судна (в парусном флоте, например, арготирование было развито в несравненно большей степени, чем в паровом) [88] и др.; в профессии летчиков неожиданными моментами в работу будут вторгаться атмосферные условия, перебои в работе мотора и т. д.[89]

Проследим, как рождаются арготические, жаргонные слова в таком «среднем» производстве, как полиграфическое, не отличающемся по нашему времени особенно совершенной организацией труда, но и не особенно отсталом.

Для удобства развернем весь производственный процесс, начиная от поступления рукописи в типографию и кончая выходом готовой продукции.

Рукопись из издательства поступает к заведующему наборным

[88] См.: F. Kluge. Seemannssprache, 1912.

[89] См.: Л. Успенский. Материалы по языку русских летчиков.— Сб. «Язык и мышление», VI—VII, 1936.

цехом, последний передает ее наборщику для набора. Этот момент уже связан со случайностью. Рукопись может оказаться для наборщика выгодной и невыгодной. Первое вторжение случая и первое арготическое слово: выгодная работа на языке наборщика называется *шпиком, шпиковой*[90]. Наборщик приступает к набору. Дело идет гладко до того момента, когда наборщик наталкивается на неразборчивое место — *муху*. Наборщик отрывается от набора, ищет, часто по всей типографии, человека, который бы ему эту *муху* прочел.

Затем случайным и досадным обстоятельством являются ошибки, которые делает наборщик, но процент этих ошибок предусмотрен: каждый наборщик делает приблизительно одинаковое количество ошибок, свойственное ему, и, наконец, для исправления их существует корректорская. Однако есть сорт ошибок чрезвычайно досадных, из-за которых приходится *ломать свинец,* перебирать абзац, страницу, а иной раз переверстывать и всю книгу. Это — солидный пропуск или место, набранное два раза. Подобные ошибки носят специальные названия: пропуск — *бык* или *козел*, вторичный набор того же места — *покойник*.

Один немецкий наборщик, у которого я поинтересовался, нет ли у немецких полиграфистов арготических слов, привел мне три слова: выгодная работа у немцев называется *speck,* два раза набранное место — *wurmkind* и крупный пропуск — *leichnam*. Если русские наборщики и заимствовали в известной мере свои слова у немецких[91], то во всяком случае и само заимствование должно было быть как-то обусловлено. Факт совпадения арготических выражений остается.

Затем работа поступает на читку в корректорскую. Плохая читка может повлечь крупные неприятности для типографии. Такое чтение корректуры заведующий цехом называет *чтением шапкой*. Из корректорской работа поступает правщику. Если правщик правил ее плохо, то про него говорят, что он *правил огурцом*. Исправленная работа отсылается в издательство для дальнейшей обработки. Возвращение работы из издательства может принести много неожиданностей: большую и сложную правку, *шпиковую* работу, *загиб селедки* за *чтение шапкой* и *правку огурцом,* за *быки* и *покойники*. И вот в типографии образуется эмоциональное слово: *автор*.

После вторичной правки, сверки и часто еще раз правки работа поступает в машинное отделение, где ее могут *запороть* в самый последний момент. Словечко *запороть* 'сделать брак' употребляется не только в типографиях: в типографии, скажем, могут *запороть* лист, на заводе им. Кулакова могут *запороть «конуса»* и т. д. *Запороть* можно любую продукцию. Машинное

[90] У английских наборщиков выгодная работа называется *fat*.

[91] Наиболее древние полиграфические термины пришли в Россию через посредство Германии еще в XVII в.

отделение типографии не имеет своих характерных именно для данного производства словечек — оно пользуется арготическими словами, широко распространенными на самых разнообразных заводах. Причина ясна: машинное отделение имеет меньше общего с наборным цехом, чем с машинным отделением любого другого производства.

Вот приблизительно главнейшие арготические слова, встречающиеся в производственном языке наборщиков,— они затрагивают как раз те моменты, в которых чаще всего и естественнее всего ожидать вторжения случая.

Бытовое арго наборщиков менее интересно — оно по большей части неоригинально, как неоригинален и сам быт наборщиков [92]. Замечательно, впрочем, что специфические опасности наборного дела для здоровья отразились в былое время в особых словах для понятий «заболеть», «умереть от туберкулеза»: *скурсивиться, поплыть с ледком* (слово питерское). Есть и еще одно специфически типографское выражение про заикающихся: *говорить на разрядку.*

Эти два выражения: *скурсивиться* и *говорить на разрядку* не случайны. Выделения в тексте, особенно если они часты, заставляют наборщика отрываться от своей работы для поисков курсивной кассы или однопунктовых шпаций, с которыми в типографии при плохо поставленном разборе всегда бывают недоразумения.

Если мы обратимся к языку железнодорожников, то увидим ту же картину. Случайным, дезорганизующим моментом в труде железнодорожника является опоздание поезда. *Намазав, сбившись с ходу, потеряв ход,* т. е. опоздав, поезд может *сломать график* железнодорожному диспетчеру, *выбиться из расписания.* Опоздав хотя бы на несколько минут, поезд, по правилам, должен пропускать вперед себя все поезда, идущие по графику, иначе он *запрет им дорогу.* Иногда, если поезда идут густо и диспетчеру нужно *прогнать* их по своему участку как можно скорее, такой поезд может *запороть* движение; поезду *захлопывают семафор* (в таком случае говорят, что *состав растянулся* перед семафором), диспетчер *выдергивает* его с главной линии и *кидает* на запасный. На запасном пути (вернее по железнодорожному: «на запасной пути») поезд «ждет распоряжения», удобного случая, когда диспетчер *вытолкнет* его на главную линию.

Конечно, ни у наборщиков, ни у железнодорожников нет полного аргогирования, имеются отдельные слова, приближающиеся к арготическим, в количестве не большем, чем в любой

[92] О языке наборщиков, главным образом бытовом, см.: E. Boutmy. Les typographes parisiens. Paris, 1874; Он же. Dictionnaire de l'argot des typographes. Paris, 1883 и отчасти: L. Larchy. Nouveau supplément du dictionnaire d'argot. Paris, 1889.

другой профессии. Ни профессия железнодорожника, ни профессия наборщика отнюдь не арготирующие профессии. Мы увидим ниже, что арготирование характерно для профессий совершенно другого склада и развивается только при определенных общественных условиях (забегаем вперед: например, в условиях анархичности капиталистического хозяйства).

Мы считаем, что приведенных примеров достаточно, чтобы сделать если не доказанным, то во всяком случае понятным второй тезис нашей работы: арготическое слово в профессиональных языках рождается в тех случаях, в которых мы имеем нарушение автоматизма работы, производственного ритма, динамического стереотипа.

Мы бы не очень преувеличили положение, если бы сказали, что моменты зарождения арготических слов во многих профессиях можно было бы определить путем непосредственного изучения производственного процесса. Там, где мы имеем наибольшие скачки, вторжения случайностей, там, где производственный процесс трудней всего подвергается учету, именно там мы и должны искать арготическое слово[93].

Арготическое слово в профессиональной речи рождается, следовательно, там, где мы имеем известное несовершенство производственного процесса, получившееся или как недостаток организации, или как недостаток техники. Исходя из всего сказанного, мы заранее можем сказать, что в массовом производстве арготические слова будут иметь меньше случаев для своего возникновения, что организация непрерывного производственного потока в том или ином производстве повлечет за собой гибель многих жаргонных эмоционально-экспрессивных словечек.

Наконец, выходя за пределы исключительно профессиональных языков, мы берем на себя смелость сказать, что употребление арготических слов в школе находится в прямой зависимости от постановки педагогической работы. Арго будет процветать в той школе, в которой учение превращается в охоту учеников за *удавчиками,* в которой воспитательная работа превращается в войну преподавателей с учениками, где нет общности интересов тех и других[94]. К чести нашей школы следует ска-

---

[93] Характерно, что даже в самом графике, в диаграмме — всякого рода резкий скачок носит арготическое название *свечки* (в языке медиков, экономистов).

[94] О языках учащихся и языках закрытых учебных заведений см.: «Изборник разведчика», 1896, II; «Сенсирская военная школа во Франции» (по журналу «L'illustration»); Fr. Kluge. Deutsche Studentensprache. Strassburg, 1895; G. Moch. Lexique-vocabulaire de l'argot de l'École polytechnique. Paris, 1911 и др. Любопытна одна особенность этих школьных языков, особенно тесно объединяющая арго Сенсирской школы и Политехнической,— это склонность к аббревиатурам. Склонность эта специально оговаривается в предисловии к кн.: Albert-Lévy, G. Pinet. L'argot de l'*X* (*X* — это учащийся Политехнической школы, а также и сама школа).

зать, что специфически школьных словечек, связанных с учением, в ней почти нет, зато одно время довольно интенсивно проникало уличное арго, получившее дружный отпор со стороны общественности.

Из сказанного ясно, что установив факт обусловленности известной части арготических слов нарушением производственного ритма и, даже больше того, вообще некоторым несовершенством организации производства, причины которого могут лежать в неразрешенности чисто технических проблем, мы сможем путем установления наличия арготических слов в той или иной профессии установить и кое-какие недочеты этой профессии.

Казалось бы, например, что работа счетного аппарата любого предприятия или учреждения должна быть подчинена строгой закономерности. Казалось бы, работа бухгалтерии должна происходить с совершенством арифмометра. Между тем язык разоблачает кое-какие серьезные дефекты.

Вот краткий список бухгалтерских словечек одного из предприятий, оказавшегося не на должной высоте в постановке счетного дела. Распределить расходы по отдельным счетам из общей суммы называется *растаскать* счета. Если счета не сходятся, о них говорят, что они *не танцуют, не пляшут, не сходятся,* что они *разъехались*, что они *не идут*. Когда счета сходятся, о них говорят, что они *стàкнулись,* что они пришли *так на так.* Надо сказать, что в счетном деле счета должны сходиться сами как результат аккуратного ведения дела, но в рассматриваемом предприятии это бывало не всегда и тогда оказывалось, что счета можно *сводить, знакомить* или *подводить*. При несхождении дебета и кредита говорят, что *дебет кредит обгоняет* или наоборот. Сторно — обратная проводка — имеет арготическое название *подкраска*. Сторнировать значит *подкрасить*[95]. Эти последние арготические образования станут нам понятны с точки зрения нарушения ритма работы, если разъясним, что обратной проводкой исправляются ошибки в бухгалтерии. При составлении годовых отчетов самое горячее время в бухгалтерии — заполнение форм, часто имеющих большую величину. Отсюда название формы *простыня*. При неверно данных сведениях эти формы могут быть *фармазонскими,* в таком случае они отражают *липовый* баланс. Чтобы сбыть с рук годовой отчет, дать баланс, прибегают к самым разнообразным уловкам, например *замораживают счета*, т. е. делают так, чтобы по известному счету не было движения, *сбивают в кучу* — термин противоположный *растаскиванию* по счетам и т. д.

Часть слов — общие со словами экономистов того же предприятия, например *франко потолок* 'сведения добытые «с потол-

[95] *Много крашено* означает, что в счетах наврано. Бланки обратных проводок имеют красную поперечную черту (речь идет о так называемом копируучете.— *Ред.*).

ка»', *проектировать с чистого места, экстраполировать потолок, сделать в потолочных метрах* (в несуществующих величинах), *навертеть калькуляцию* (при работе на арифмометре) и т. д. Часть арготических слов счетных работников этого предприятия носит грубо-эротический характер и по этой причине не может быть приведена.

Таким образом, наличие арготических слов достаточно ясно указывает, что в счетном деле на данном предприятии не всегда и не все обстоит благополучно, что скверно составленный счетный план, ошибки в работе, перегрузка отчетностью серьезным образом нарушают процесс работы.

Итак, происхождение арготических слов связывается с вторжением случая в общественно-производственную деятельность человека. Приводившиеся нами выше примеры образования арготических слов являются до известной степени «идеальными» и исключительными: в каждом из арготических слов, о которых мы говорили, образование их явилось прямым результатом воздействия производственного момента. Однако в значительном числе случаев дело обстоит сложнее: влияния перекрещиваются, речь и мышление человека выступают в качестве вторичных, но все же достаточно сильных факторов, так что в сложном целом арготической речи оказывается довольно трудным выяснить происхождение отдельного арготического слова; в особенности это трудно там, где слово не связано непосредственно с производственными моментами, а, как в бытовом арго, имеет более непосредственное соприкосновение с идеологическими моментами. Тем не менее установленное нами правило о связи арго со стихией случайности должно считаться в целом правильным. Это доказывается не только специфическим лексическим составом арго, но и самим характером арготирующих профессий.

Вопрос о том, какие же профессии имеют наибольшую склонность к образованию арго, для нас не представит благодаря всему вышесказанному особых трудностей.

Совершенно ясно, что арготировать будут те профессии, в которых трудовой стереотип или отсутствует совершенно, или почти отсутствует, или постоянно нарушается. К таким профессиям будут принадлежать профессии, связанные с отсталыми формами хозяйства, или молодые, не установившие еще своих стабильных форм труда, или такие, труд в которых не нашел еще своего технического выражения, или, наконец, такие, эффективность труда которых колеблется в зависимости от личных способностей, от одаренности индивида.

Что касается профессий, в которых арго связывалось с отсталыми формами хозяйства и социальной жизни, то все они почти уже исчезли. Нет, скажем, биржевых дельцов и спекулянтов, нет коммивояжеров, тряпичников, профессиональных ни-

щих, профессиональных контрабандистов, бродячих ремесленников, лаборей, шулеров и т. д., упоминания об арго которых мы встречаем иногда в самых различных странах.

Об арго этих профессий мы имеем до сотни различных работ на русском языке, рассеянных в периодической литературе (главным образом по разным этнографическим журналам), в беллетристике и пр., начиная с XVIII в. В английской литературе упоминания об арго нищих и воров восходят к дошекспировским временам. Любопытные сведения можно получить из словаря Hotten'a (1859 г.), подчеркивающего громадную роль мелких торговцев (так называемых patterers, handsellers, cheap Jacks, chive fencers, hand saws, flying stationers, chaunters и др.), которых он насчитывал в Лондоне до 30 000.

Исчерпывающие сведения на французском языке об арго этих профессий можно получить у Sainéan'a, у немцев — у Avé Lalemant [96] и Kluge [97].

Труд этих профессий носит совершенно неорганизованный характер: доходы по большей части низкие и колеблются от случая к случаю. Торговля в некоторых арготирующих группах прошлого носила совершенно первобытный характер: натуральный обмен, неустойчивость цен, обвешивания и обмеривания. Нельзя видеть в арго этих профессий заимствование из арго воров, как это делают некоторые исследователи.

Внимательное изучение языка наших офеней показывает, что добрая треть их слов могла возникнуть только на самостоятельной почве. К этим словам относятся слова, связанные с торговлей и специфическими особенностями труда офеней (например, названия весов и их отдельных частей), названия предметов крестьянского обихода, скота, наконец, заимствования из новогреческого языка, соприкосновение с которым было более естественно для офеней, чем для воров.

Таким образом, чем организованнее труд в профессии, тем меньше она арготирует.

От арго спасают любые рельсы, любой стереотип, плавность и разумность производственного процесса. Допустим на минуту, что труд офеней протекал бы по следующему шаблону: каждый офеня объезжал бы определенное, всегда одинаковое количество деревень, в каждой деревне он обходил бы одинаковое количество дворов, в каждом дворе у него покупали бы определенное количество предметов по твердым ценам. Допустим при этом, что он не обвешивал бы и не обмеривал, что ему не приходилось бы созывать покупателей и подолгу стучаться у ворот,— мы имели бы в таком случае в языке офени не больше арготических слов, чем в языке почтальона или кооператора.

---

[96] Avé Lalemant. Das deutsche Gaunerthum, Bd. IV.
[97] Kluge. Rotwelsch. 1901.

Следующий вопрос также не представит затруднений: в какие эпохи арго получают наибольшее развитие. Эпохи организованного хозяйства, хозяйства, не подверженного кризисам, изменениям, ломке привычных хозяйственных стереотипов менее всего склонны образовывать арго.

Особенной склонностью к арготированию должен отличаться, конечно, период капитализма, в частности эпоха первоначального накопления. Арго должны появляться в эпохи переходные, связанные с ломкой хозяйственных стереотипов; в частности, эпоха промышленного переворота в Англии дала много арготических слов, связанных с появлением новых явлений, даже просто новых машин. Очень много технических терминов нашего времени были когда-то эмоционально-экспрессивными, например *sow* 'форма для металла' или *pig* 'застывшая болванка'.

Скажем, механизация рыбоконсервного дела создала особое арготическое слово для потрошильной машины, заменившей сразу десятки рабочих — *железный китаец*[98]. Вообще надо сказать, что новое явление, поскольку оно нарушает известные стереотипы, очень часто вызывает потребность в арготическом слове, которое потом, с установлением нового стереотипа, переходит в номинативное техническое выражение, утрачивая эмоциональный характер.

Уже одно перечисление арготирующих профессий наталкивает нас на мысль о связи арготических явлений в языке с капитализмом по преимуществу. Возьмем профессию шоферов, скажем в Париже. В их языке мы наблюдаем вполне развитое арго: «арго охотника на пассажира», арго человека, живущего случаем, весьма часто утрачивающего (из-за конкуренции) чувство классовой солидарности,— почти люмпенпролетария. Не требует пояснения, какую огромную роль в образовании арго имеют сепаратистические, анархические тенденции внутри профессии. Вот почему профессии с развитым чувством классовой солидарности почти не арготируют. Арго, таким образом, в полной мере может быть охарактеризовано как следствие анархии капиталистического хозяйства и как его выражение, как идеология анархического люмпенпролетариата.

Анархия капиталистического производства, кризисы и огромные вторжения стихии, случайности в связи с противоречивостью капиталистического хозяйства создают наиболее благоприятные условия для образования многочисленных групп арготирующих.

Энгельс дает следующую характеристику роли случая в современном ему капиталистическом обществе: «Люди же, наоборот, чем больше они удаляются от животных в узком смысле

---

[98] Машина для растрепывания тряпок, также заменившая в свое время многих чернорабочих, получила название *волк*, а по-английски *devil*.

слова, тем в большей мере они делают свою историю сами, с сознанием своих действий, и тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели. Но если мы подойдем с этим масштабом к человеческой истории, даже к истории самых развитых народов современности, то мы найдем, что здесь все еще существует огромное несоответствие между поставленными себе целями и достигнутыми результатами, что продолжают преобладать непредвиденные последствия, что неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем силы, приводимые в движение планомерно»[99].

Итак, основное диалектическое противоречие, породившее к жизни сильно развитые арго, есть противоречие между сознательным характером человеческой деятельности вообще (поскольку человек отличается от животного) и бессознательными, случайными элементами капиталистического хозяйства. Не трудно видеть, что это противоречие стоит в связи с основным противоречием капиталистического общества: общественным характером производства и индивидуальным способом присвоения продуктов труда.

V

Известные явления окружающего социальную среду бытия создают арготическое слово. Вне конкретной среды и конкретной внешней обстановки это слово лишено своей эмоциональной арготической выразительности. Вот почему слова арго не могут беспрепятственно распространяться за пределы замкнутого и ограниченного круга арготирующих, вот почему арготические слова прошлого остаются совершенно непонятными и «загадочными» для нас в настоящее время, лишенными своей характерной эмоциональной окраски.

Разве наше восприятие слов, хотя бы владимирских офеней или угорских портных, одинаково с восприятием их самими офенями или самими угорскими портными? Офени воспринимали эмоциональность своей речи, для нас же эта речь не существует как эмоциональная.

Еще раз повторяем — арго всегда принадлежит какой-нибудь замкнутой социальной группе, чаще всего потерявшей свою связь с классом; «идеологический», «заговорщицкий» характер его резко подчеркнут. Отдельные арготические слова, попадающиеся в языке высококвалифицированных профессий, только подтверждают это.

Следует подчеркнуть, что словарный состав профессиональных языков требует дальнейшего внимательного изучения.

[99] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, М., 1952, стр. 14—15.

Помимо слов явно арготических и слов-терминов профессиональные языки обладают еще и другими категориями слов, которые с трудом могут быть отнесены к тем или другим. Например, особые условия профессии поморов породили в ней слова, эмоция которых существенно разнится с эмоцией слов арго. Мы имеем в виду такие выражения «замилостивляющего», ласкательного характера, как *батюшко* — океан, *вздохнул батюшко* — прилив сменился отливом или наоборот, *духами припадат батюшко* — шторм порывами с океана, *дружиться к берегу* — идти на карбасе вдоль берега; затем всякого рода обращения к ветру (*припади-ка ветерка, у нас лодка не ходка*) и др.[100]

Затем следует оговориться, что каждая профессиональная речь, помимо арготических слов и слов-терминов, заключает еще одну большую группу слов, знаменующих собой некоторое овладение производственным процессом. Если в разговоре с посторонними арготические слова тщательно избегаются, то эта категория слов не только употребляется каждый раз, вытесняет полностью адекватное слово обычной речи, но служит признаком профессионального отношения к явлению.

Арготическое слово сигнализирует неудачу, порыв, неорганизованность, арго в профессии возможно только при хищническом отношении к хозяйствованию, к производственному процессу, слова же приводимого ниже типа, напротив, свидетельствуют о полном усвоении производственного процесса и о «рабочей установке» их носителя.

Штукатур никогда не скажет, что карниз делают — карниз только *тянут* или *вытягивают*; так же точно плотник не строит дом, а *рубит*, не делает дверные и оконные коробки, а *вяжет* их; каменщики не кладут кирпичи на растворе, а *подливают*; каталь на барже не везет тачку, а *катит* и т. д.

Особенно часто встречаются в профессиональной речи слова *идти* и *ходить*: рыба, скажем, у рыбаков не плывет, а *идет*; казаки на конях не ездят, а *ходят*; у моряков *идут* корабли, суда; у железнодорожников вагоны *идут*, а не едут; у лесорубов *идет* падающее дерево; у театральных работников может *идти* и даже *дойти до зрителя* пьеса. В старинных актах можно прочесть вы-

---

[100] О языке рыбаков см.: П. М. Дуров. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929. Отдельные статьи и собрания слов рассеяны в следующих изданиях: «Записки Гидрографического департамента Морского министерства» (с 1844 по 1852 г., ч. II—IV, VI—VIII, X), «Записки имп. Казанского экономического общества» (1856, № 12), «Морской сборник» (1854, т. XI, № 1, 3), «Журнал Министерства народного просвещения» (ч. I, VI, VIII), «Отечественные записки» (1852, II; 1953, III) и др.

Любопытно отметить, что типично охотничье разделение мира на два лагеря отразилось в создании и противоположной группы слов, имеющих отношение уже не к стихии, а к человеку-охотнику: карбас, например, у поморов зовется уничижительно *посудиной*...

ражение *струговой ход*, из чего легко заключить, что и струги *ходили; ходили* и офени на возах [101].

Любопытные случаи перенесения чисто технических терминов в быт (особенно частые в языке моряков) доказывают, что выражения технического порядка несмотря на противоположный арготическим характер могут служить почвой для образований арготизмов, например: *abattre sur le bon ou sur le mauvais bord* 'уклониться на выгодный или невыгодный галс'— иметь или не иметь успех в предприятии; *courir un vilain bord* (идти невыгодным галсом) — о человеке, опасно заболевшем или находящемся в затруднительном положении; *être à bout de bord* (быть при конце галса или оканчивать галс) — доходить до истощения сил, терять терпение, быть без денег, быть безнадежно больным; *courir des bordées dans la conversation* (делать галсы в разговоре) — затягивать разговор; *arriver tout plat* (спуститься на фордевинд) — уступить, согласиться без возражений; *avoir un tour dans ses cables* (иметь прыжок в своих канатах) — иметь болезнь или слабость в ногах [102] и др.

Весь этот материал требует тщательного изучения.

---

[101] «Офени между собой никак не скажут, что такой-то из них приехал, а пришел...» (К. Тихонравов. Офени Владим. губ. «Владим. сборник», М., 1857).

[102] Примеры взяты из статьи «Морской язык у французов» («Морской сборник», 1852, № 10); см. также: G. de le Landelle. Le langage des marins. Paris, 1859. Ср. русские: *пришвартоваться к барышне, держать курс на вест* 'стремиться уйти, покинуть', *кинуть якорь* 'жениться' и др.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Подготовленный сектором современного русского литературного языка Института русского языка АН СССР проспект монографии «Русский язык и советское общество[1] должен, по словам его составителей, показать, «...какие живые процессы протекают в лексике, грамматике, фонетике, стилистике современного русского языка, какими внутриязыковыми и „внешними", социальными причинами обусловлены новшества, появившиеся в русском языке советской эпохи, какие новые общественные условия существования языка влияют на его развитие, как они видоизменяют течение внутриязыковых процессов»[2].

Надо сказать, что в основном задача эта авторами выполнена успешно. Вместе с тем приходится констатировать, что ряд проблем русского языка современной эпохи в данном проспекте не получил достаточно полного освещения, вследствие чего в книге наблюдается неравномерный характер описания отдельных языковых фактов и явлений: одни из них описаны подробно, при изложении же других нетрудно заметить известную неполноту, а порой и неточность их интерпретации. Последнее обстоятельство побудило нас написать настоящие критические заметки.

К вопросам, не получившим в монографии вполне правильного освещения, следует, на наш взгляд, отнести толкование составителями явления аббревиации и его развития в современном русском языке (см. стр. 12, 15, 49 и др. «Проспекта»[3]).

---

[1] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962.

[2] Там же, стр. 3.

[3] По аббревиатурам русского языка существует уже довольно большая специальная литература, ср.: Léon Beaulieux. Contribution au lexique des abréviations et mots conventionnels entrés dans l'usage russe depuis la révolution de 1917. Paris, 1918; С. Дложевський. Проблема скорочених слів. «Зап. Одеського ін-ту народної освіти», т. I, 1927; И. Зборовский. Сокращенно-сложные слова в русском и украинском языках. Л., Изд-во АН СССР, 1934; А. Сухотин. Проблема «сокращенных слов» в языках народов СССР.— Сб. «Письменность и революция». М.— Л., 1933; Beklund A. Die univerbierenden Verkürzungen der russischen Sprache. Uppsala, 1940; Н. Сухов. О применении буквенных сокращений в качестве научно-технических терминов. «Изв. АН СССР, ОТН», № 7; В. Алтайская. Сложносокращенные слова в русском языке. «Наук. зап. Ужгородського ун-ту», 1955, т. XIII; А. Кожина. Из наблюдений над сложносокращенными словами в русском языке. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та», 1955, т. 32, вып. 2; М. Молодов. О сложносокращенных именах существительных. «Русский язык в шко-

Конкретно укажем замеченные нами неточности.

1. Проф. С. И. Ожегов (автор раздела, включающего материал по аббревиатурам) утверждает, что «первые годы революции были временем неограниченного распространения аббревиатур»[4]. Однако подробное изучение языка

ле», 1957, № 5; И. Яценко. Новообразования советской эпохи с аббревиатурной производящей основой. «Наук. зап. Черкаського держ. пед. ін-ту», 1958, т. II; Д. Алексеев. Буквенные аббревиатуры и их классификация. «Уч. зап. Мелекесского гос. пед. ин-та», 1958, т. I; А. Брудный. Наблюдения над славянскими наименованиями самолетов. «Тезисы докладов и сообщений по славянской филологии». Фрунзе, 1958; А. Гребнев. Фонетические и морфологические аббревиатуры в русском языке. «Bulletin školy ruskeho jazyka a literatury», III. Praha, 1957; Н. Шумилов. Грамматическая и стилистическая характеристика сложносокращенных слов. «Уч. зап. Великолукского ин-та», 1959 – IV, вып. III; Н. Лойфман. О некоторых особенностях аббревиатур. «Материалы IV межобластной конференции языковедов Поволжья». Сталинград, 1960; Он же. Аббревиатуры (сложносокращенные имена существительные). Оренбург, 1960; Д. Алексеев. Склонение буквенных аббревиатур. — Сб. «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Куйбышев, 1961; Л. Шеляховская. К изучению аббревиатур в русском языке. «Вопросы словообразования и фразеологии». Программа и тезисы докладов. Фрунзе, 1962; Она же. Опыт статистического анализа употребления аббревиатур в русском языке.— Сб. «Синхронное изучение различных ярусов структуры языка (Материалы расширенного лингвистического семинара)». Алма-Ата, 1963; Г. Уханов. О соотношении сложносокращенных слов к словосочетаниям с той же предметной отнесенностью. «Научные доклады высшей школы». Филол. науки, 1962, № 1; Р. Могилевский. О движении аббревиатур русского языка за последние 50 лет. «Программа и тезисы докладов конференции по русской и славянской филологии». Самарканд., 1963; ценные сведения о русских аббревиатурах содержатся во многих работах общего характера; см.: А. Баранников. Из наблюдений над развитием русского языка революционной эпохи. «Уч. зап. Самарского ун-та», 1919, № 2; A. Mazon. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie 1914—1918. Paris, 1920; R. Jakobson. Vliv revoluce na ruský jazyk. Praha, 1921; А. Горнфельд. Новые словечки и старые слова. Пб., 1922; С. Карцевский. Язык, война и революция. Берлин, 1923; Г. Винокур. Культура языка (Опыт лингвистической технологии). М., 1925; E. Mendras. Remarques sur le vocabulaire russe. «Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer». Paris, 1925; Е. Поливанов. Революция и литературные языки народов СССР.— Сб. «Революционный Восток». М., 1927, № 1; Он же. О литературном (стандартном) языке современности. «Родной язык в школе», сб. 1. М., 1927; Он же. Русский язык сегодняшнего дня. «Литература и марксизм», 1928, № 4; Он же. За марксистское языкознание. М., 1931; А. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928; И. Трунёв. Революция и язык. «Сибирские огни», 1928, № 4; У. Успенский. Язык революции.— Сб. «Путь искусства». Л., 1928; Он же. Русский язык после революции. Прага, 1931; R. Jakobson. Spisovna čestina a jazykova kultura. Praha, 1933; Он же. Um den russischen Wortschatz. «Slawische Rundschau», 8, Prag, 1936; В. Виноградов. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове, вып. 2. М., 1938; Он же. Великий русский язык. М., 1946; Л. Боровой. Новые слова. «Красная новь», кн. 4, 1939; А. Селищев. Язык деревни. «Труды Московского ин-та истории, философии и литературы», т. 5. М., 1939; Л. Щерба. Литературный язык и пути его развития. «Советская педагогика», 1942, № 3/4; А. Миртова. Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны.— ВЯ, 1953, № 4; Б. Яцимирский. Развитие способов словосложения в русском языке советской эпохи. «Уч. зап. Ивановского пед. ин-та», 1955, т. 6; «Грамматика русского языка», т. I. Фонетика и морфология. М., Изд-во АН СССР, 1960.

[4] См. указ. соч., стр. 14.

данного периода и прежде всего прессы первого послереволюционного десятилетия не дает права делать столь безоговорочный вывод. Несомненно, что в это время аббревиатур было значительно больше, чем в предшествующее десятилетие, но отсюда не следует, что это были годы неограниченного распространения сложносокращенных слов. Об этом, кстати, свидетельствуют и исследования тех лет — Мазона, Баранникова, Горнфельда, Карцевского, Поливанова, Селищева, Успенского и др.[5]

Против тезиса С. И. Ожегова говорят данные словарей сокращений русского языка этого периода, которые, хотя и не полно, но все же в общем дают приблизительно точную картину распространения аббревиатур в русском языке 20-х годов[6].

Так, в словаре Л. Болье (1918) зафиксировано всего 386 сокращений, в словаре И. М. Серокузова (1924)—1007 сокращений.

Кроме этих фактов, можно привести относительные данные, которые еще точнее, на наш взгляд, характеризуют интересующее нас явление. Так, например, если в газетно-публицистическом стиле современного языка (а это стиль максимального благоприятствования аббревиатурам) сложносокращенные слова составляют 2,4% от общего количества употребляемых слов[7], то в языке прессы 20-х годов эта цифра значительно ниже — всего 0,8%[8]. Таким образом, вышеуказанный вывод проф. Ожегова не подтверждается фактами.

Другое дело, что для аббревиатур анализируемого периода характерна текучесть значительно большая той, которая наблюдается в последующие периоды истории русского языка советской эпохи. Если учесть известную подвижность, характерную для аббревиатур вообще, то можно утверждать, что степень этой подвижности в силу особенностей развития русского языка послереволюционного периода была очень высокой.

2. Проф. С. И. Ожегов считает, что «постепенное их [аббревиатур] употребление в общем языке с середины 30-х годов ограничивалось и в конце концов свелось к аббревиатурам общеизвестных учреждений»[9]. И здесь, вероятно, содержится неточность. Существующие словари сокращений, а также собранный нами материал с несомненностью свидетельствуют о непрерывном росте общего количества аббревиатур в русском языке; это процесс, продолжающийся по настоящий день. Здесь целесообразно провести такие сравнительные данные. В словаре Л. Болье[10], как уже было сказано, зафиксировано 386 сокращений, в словаре И. М. Серокузова[11] — 1007 сокращений, в списке сокращений, изданном в Мюнхене в 1954 г.[12],— около 8000 сокращений, в словаре сокращений, изданном в ГДР в 1961 г.,— около 20 000 сокращений[13]. Но С. И. Ожегов прав, когда он выдвигает мысль об «оседании» в языке ряда аббревиатур, ставших общеупотребительными, особенно тех сложносокращенных слов, при помощи которых обозначались общеизвестные государственные, политические и другие учреждения.

---

[5] Библиография работ данных авторов приведена выше.

[6] См. словари: Léon Beaulieux. Contribution au lexique des abreviation et mots conventionnels entrés dans l'usage russe depuis de la revolution de 1917. Paris, 1918; И. М. Серокузов. Словарь вошедших в обиход сокращенных названий. Владивосток, 1924; Словарь советских терминов и наиболее употребительных слов. Под. ред. П. Х. Спасского. Нижний Новгород, 1924; Краткий советский словарь общеупотребительных сокращений. Ташкент, 1924.

[7] См.: Л. Шеляховская. Указ. соч., стр. 55.

[8] Нами просмотрены газеты «Правда» и «Известия» тех лет (текст объемом в 1,5 млн. слов).

[9] См. указ. соч., стр. 15.

[10] См. указ. словарь.

[11] См. указ. словарь.

[12] Список русских сокращений, применяемых в СССР. Мюнхен, 1954.

[13] Russische Abkürzungen und Kurzwörter. Berlin, 1961.

Динамика движения аббревиатур в указанные годы была следующей: а) 76% аббревиатур словаря 1918 г. вышло из употребления и не вошло в словари 1924 г.; б) 9% слов старого словаря включены в словари 1924 г.; в) число аббревиатур, вошедших в употребление в период с 1918 по 1924 г., возросло по сравнению с предшествующим периодом в 2,6 раза; г) 56% аббревиатур словаря 1924 г. не вошло в словарь 1954 г.; д) 7% аббревиатур предшествующего словаря вошло в словарь 1954 г.; е) число аббревиатур, вошедших в употребление в период с 1924 по 1954 г., возросло по сравнению с предшествующим периодом в 7,4 раза; ж) 33% аббревиатур словаря 1954 г. вышло из употребления и не зафиксировано в словаре 1961 г.; з) 25% аббревиатур 1954 г. вошло в словарь 1961 г.; и) число аббревиатур, вошедших в употребление в период с 1954 по 1961 г., возросло по сравнению с предшествующим периодом в 2,1 раза.

Приведенные статистические данные позволяют сделать следующие выводы: а) интенсивность отмирания, неустойчивость и текучесть аббревиатур в 1918—1924 гг. значительно больше, чем в последующие годы; б) процесс появления новых аббревиатур протекает значительно интенсивнее, чем процесс их отмирания. При этом, хотя общее число аббревиатур зафиксированных в разных словарях, непрерывно растет, соотношение вводимых в употребление сокращений и вышедших из употребления аббревиатур к общему их количеству является величиной относительно постоянной для различных периодов истории языка.

В кратком предисловии к книге сказано, что «составители проспекта не стремились к тому, чтобы исчерпывающим образом инвентаризировать факты и перечислять все частные вопросы, подлежащие изучению»[14], и с этим можно полностью согласиться. Однако наблюдения показывают, что имеется целый ряд вопросов, которые, судя по материалам «Проспекта», могут не получить должного освещения в будущей монографии «Русский язык и советское общество». Поэтому было бы, на наш взгляд, целесообразно обсудить материалы «Проспекта» на страницах лингвистической печати при участии широких кругов специалистов в области русского языкознания.

Р. И. Могилевский, Л. И. Ройзензон
(Самарканд)

[14] См.: «Русский язык и советское общество. Проспект», стр. 4.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3
Д. Н. Шмелев. О семантических изменениях в современном русском языке 4
Н. А. Янко-Триницкая. Процессы включения в лексике и словообразовании 18
Е. А. Земская. Интерфиксация в современном русском словообразовании 36
В. П. Даниленко. Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования . . . 63
В. П. Даниленко. Имена собственные как производящие основы современного словообразования 77
В. Л. Воронцова. Процессы развития морфологических элементов, стоящих на грани морфемы и слова 93
И. Ф. Протченко. О родовой соотносительности названий лиц (из наблюдений над лексикой советской эпохи) 106
О. П. Ермакова. О некоторых изменениях в системе аффиксов и производящих основ качественных наречий 138
И. П. Мучник. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в современном русском литературном языке 148
Л. К. Граудина. О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода 181
Л. К. Граудина. Развитие нулевой формы родительного множественного у существительных — единиц измерения 210
А. И. Сумкина. Деривационные корреляции существительных в формах множественного числа 222
Н. А. Еськова. Образование синтетических форм степеней сравнения в современном русском литературном языке 235
А. С. Попов. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке 256
Г. А. Золотова. Развитие некоторых типов именных двусоставных предложений в современном русском языке 275
Н. А. Янко-Триницкая. «Проблема номер один» (Числительное в роли несогласованного определения) 303
Д. С. Лихачев. Арготические слова профессиональной речи . . 311
Письмо в редакцию 360

www.ruslang.ru

Развитие грамматики и лексики современного русского языка

Утверждено к печати Институтом русского языка Академии наук СССР

Редакторы издательства *В. А. Ицкович, О. Ф. Рожкова*
Художник *И. А. Литвишко.* Технический редактор *Н. Ф. Егорова.*

Сдано в набор 6/IV 1964 г. Подписано к печати 29/VI 1964 г. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Печ. л. 23. Уч.-изд. л. 24. Тираж 7000 экз. Изд. № 160/64. Тип. зак. № 5134.
Темплан 1964 г. за № 371.

Цена 1 р. 54 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ВЫПУСКАЕТ В 1964 г.

О современной русской орфографии. 6 л. Цена 36 коп.

В сборник включены статьи, посвященные актуальным вопросам современного правописания: о разделительных знаках *ъ* и *ь*; об *ы* — *и* после приставок на согласный; о *е* — *э* после согласных в заимствованных словах; о букве *ё* и др., также материалы, непосредственно обсуждавшиеся на заседаниях орфографической комиссии, и обзор писем, поступивших в комиссию.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. Цена 1 р. 80 к.

В книге дается критический обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии, которые были сделаны в XIX—XX вв. учеными, общественными деятелями, литераторами. Относительно каждого предложения представлена полная аргументация, освещающая его достоинства и недостатки. В исторических справках, предпосланных обсуждению каждого орфографического предложения, указываются основные факты из истории данной группы орфограмм. В книге освещается участие в выработке орфографических предложений отдельных лиц и научных коллективов.

Русская диалектология. 23 л. Цена 1 р. 58 к.

Коллективная монография представляет собой системное описание современного состояния говоров русского языка, обобщающее богатейший материал, накопленный при составлении диалектологического атласа русского языка.

Книга состоит из двух частей. В первой части дается характеристика произносительных систем, морфологического и синтаксического строя русских говоров, а также характеристика основных различий в словаре по говорам русского языка. Вторая часть содержит описание диалектного членения на территории распространения русского языка, сделанное на основе новых данных — лингвистических атласов, и включает значительное количество иллюстративного материала — лингвистических карт, представляющих интерес и для изучения истории русского народа и его материальной культуры.

Книга может быть использована как учебное пособие для преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов вузов, а также специалистами по истории и этнографии русского народа.

З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева. Опыт описания русского языка в его письменной форме. 13 л. Цена 70 к.

Книга представляет собой первый опыт последовательного описания структурными методами письменной формы современного русского языка. В главе, посвященной графике, описываются элементы букв и процессы порождения букв (в их четырех вариантах: заглавные и строчные, письменные и печатные) из этих элементов.

В главах «Морфология», «Альтернации в основах, имеющие грамматическое значение» перечисляются элементарные единицы каждого из этих уровней языка и формулируются правила образования из этих элементов более сложных языковых единиц.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ В 1965 г.

Вопросы культуры речи, выпуск VI. 12 л. Цена 72 к.

Сборник продолжает традиции предыдущих выпусков этой серии. Статьи сборника посвящены общим и частным проблемам современного русского языка и его нормализации, вопросам изучения языка художественной литературы. Как и в предыдущих выпусках, большое место занимает раздел «Краткие заметки», в котором рассматривается история слов и выражений, комментируются варианты произношения, ударения, словоупотребления и т. п.

В сборнике даны обзоры зарубежной литературы по культуре речи — в ГДР и Чехословакии. В книгу входит библиографический отдел и отдел хроники.

Впервые включена в сборник «Страничка новых слов» — о словах и выражениях, появившихся или распространившихся в русском языке последних лет. В VI выпуске сборника читатель найдет ответы языковедов и писателей на Вопросник по проблемам нормализации, помещенный в V выпуске.

Нормы современного литературного словоупотребления. 10 л. Цена 1 р. 20 к.

Сборник посвящен различным вопросам словоупотребления (разрушение старых и создание новых норм речи; особенности фразеологии современной прессы; тавтологии в русском литературном языке; речевые штампы и канцеляризмы). Ставится также вопрос о роли толковых словарей в нормализации языка и о перспективах лексикографии в этой области.

Развитие лексики современного русского языка. 10 л. Цена 60 к.

Сборник продолжает ряд исследований, посвященных проблеме «Русский язык и советское общество». В нем освещаются некоторые внутренние закономерности в развитии лексики, происходящие под влиянием новой социальной действительности. В этом плане исследуются иноязычные заимствования, проникшие в русский язык в 20-х годах, пути проникновения терминологической лексики в литературный язык, изменения в сочетаемости слов, характерные для русского языка советской эпохи, стилистические перемещения в составе оценочной лексики. Отдельные статьи посвящены разработке некоторых теоретических вопросов терминологии и заимствований.

Орфография собственных имен. 10 л. Цена 60 к.

Сборник содержит 10 статей. Кроме общих теоретических вопросов орфографии собственных имен и соотношения норм орфографии собственных имен и имен нарицательных, отдельные статьи посвящаются наиболее спорным частным вопросам (употребление прописной и строчной буквы; слитное и раздельное написание; употребление букв *э*, *е* и двойных согласных; склонение имен собственных; образование имен прилагательных от географических названий и др.).

Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. 25 л. Цена 1 р. 70 к.

Коллективная монография, посвященная становлению новых стилистических норм в области лексики, фразеологии и словообразования. В работе прослеживаются пути становления новой поэтической и — шире — художественной фразеологии, становления норм в выборе лексических и словообразовательных вариантов, нормализации и отбора в сфере заимствований.

Кузнецова А. М. Изменения гласных под влиянием соседних мягких согласных. 4 л. Цена 25 к.

Работа представляет собой научно-экспериментальное исследование, выполненное на сравнительном материале нескольких языков: русского, чешского, польского, болгарского, венгерского и латышского. В центре внимания — спорный вопрос о фонетической структуре слога. Использованы современные методы инструментального (точного) анализа речевых явлений, в связи с чем настоящее исследование приобретает не только теоретическое, но и практическое значение.

Изборник 1076 года. 30 л. 1 р. 90 к.

Изборник 1076 г. представляет собой один из наиболее древних памятников русского языка и литературы. По отражению в нем элементов живой народной речи древнейшего периода этот памятник не имеет себе равных. Настоящее издание впервые воспроизводит палеографически комментированный текст Изборника, исследованный при помощи новейших средств фотоанализа. Оно послужит базой для исследований в области древнерусской культуры, языка, литературы и письменности.

Котков С. И., Тарабасова Н. И. Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). 20 л. Цена 1 р. 30 к.

Издание воспроизводит редкостные источники по истории русского языка — старинные частные письма, являющиеся образцами живой народной речи XVII столетия, насыщенные бытовой лексикой, необыкновенно богатые отражением фонетических и морфологических явлений. Картины жизни, нравов, обычаев, запечатленные в письмах, представляют большой интерес для историков и писателей.

Тираж книг, выпускаемых издательством «Наука», ограничен.

Предварительные заявки на книги посылайте по следующим адресам

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10 «Академкнига», магазин «Книга — почтой», или в ближайший магазин «Академкнига»: Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Киев, ул. Ленина, 42; Ленинград, Литейный проспект, 57; Москва, ул. Горького, 6; Москва, ул. Вавилова, 55/5; Новосибирск, Красный проспект 51; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Ташкент, ул. К. Маркса, 29; Харьков, Уфимский пер., 4/6.

Заказанные книги будут направлены в Ваш адрес наложенным платежом.

Заказы на книги издательства «Наука» принимают также местные магазины книготоргов.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
44	5 св.	*-н-*	*-ш-*
46	19 св.	слов, сложносокращенных	слов, от сложносокращенных
49	14 сн.	операционистский	операционалистский
55	23 сн.	*нахимовец*	*нахимовец*
55	11—12 сн.	типов	моделей
58	9 сн.	$\check{z}$, c, $\check{s}$	$\hat{z}$, $\hat{s}$, $\hat{c}$
60	10 св.	шипящихнк	шипящих
128	5 сн.	*ткачиха* *	*ткачиха*
128	5 сн.	*трактористка* *	*трактористка*
205	13 сн.	$U = (2 \arcsin \sqrt{p_1^*}$	$v = \left(2 \arcsin \sqrt{p_1^*}\right.$
205	13 сн.	$U_1 - \frac{1}{2}\alpha$.	$U_{1-\frac{1}{2}\alpha}$.
205	11 сн.	$U_1 - \frac{1}{2}0{,}05$	$U_{1-\frac{1}{2}0{,}05}$.

Заказ 5134. Развитие грамматики и лексики

145 Б3
1-го учеб

1 р. 54 к.

